

В. А. Шнирельман

ЛИЦА НЕНАВИСТИ (АНТИСЕМИТЫ И РАСИСТЫ НА МАРШЕ)

Второе издание, исправленное и дополненное

Шнирельман В. А.
ЛИЦА НЕНАВИСТИ (Антисемиты и расисты на марше). *Второе издание, исправленное и дополненное.* – М.: Московское бюро по правам человека, “Academia”, 2010. – 336 с.

ISBN 5-84389-328-2

© Московское бюро
по правам человека, 2010
© Шнирельман В.А., 2010

**Academia
Москва
2010**

Издательство «Academia» 129272, г.Москва, Олимпийский просп., д.30
ЛР № 065494. Формат 60 x 90 / 16. Уч-изд.л. 19,4. Печать офсетная
Тираж – 1000 экз. Заказ № 8254. Отпечатано в типографии “Артмастер”

**65-летию победы
над германским нацизмом
посвящается**

Содержание:

<i>Введение</i>	5
<i>Глава 1. Антисемитская Лига</i>	13
<i>Глава 2. «Еврейство в музыке»</i>	38
<i>Глава 3. «Основания девятнадцатого века»</i>	63
<i>Глава 4. «Еврейская Франция»</i>	105
<i>Глава 5. «Дневник писателя»</i>	145
<i>Глава 6. «Протоколы сионских мудрецов»</i>	182
<i>Глава 7. «Международное еврейство»</i>	203
<i>Глава 8. «Миф о Холокосте»</i>	234
<i>Глава 9. «Дневники Тернера»</i>	273
<i>Глава 10. «Еврейский вопрос глазами американца»</i>	286
<i>Заключение</i>	324
<i>Краткая библиография</i>	333

С закатом государственного антисемитизма на волне перестройки и гласности в СССР появился и расцвел социальный и политический антисемитизм, не связанный с государственным контролем. Это ксенофобское идеологическое движение отличается большим разнообразием и частично основывается на советских «антисионистских» клише, частично возрождает антисемитские мифы дореволюционного времени, а частично стремится протащить в Россию западные антисемитские идеологемы. Одной из распространенных форм культивации антисемитских настроений в России стали переиздания дореволюционных юдофобских произведений, а также публикации современных западных антисемитских памфлетов, во множестве тиражировавшихся в течение последних двадцати лет. Среди таких изданий можно назвать «Еврейство в музыке» Р. Вагнера, «Протоколы сионских мудрецов», «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского, «Арийское мирозерцание» Х. С. Чемберлена, «Международное еврейство» Г. Форда, «Еврейский вопрос глазами американца» Дэвида Дюка, «Дневники Тернера» У. Пирса, ряд произведений западных ревизионистов и пр. Такие книги и брошюры публиковались без всяких комментариев; не находилось там и места для биографий их авторов. Между тем, для правильного понимания их содержания читателю следует иметь представление об их авторах и их судьбах, а также о той обстановке, в которой они развивали свои антисемитские идеи. Ведь люди не рождаются антисемитами и расистами. Поэтому-то и важно понять, какими путями они приходят к этим установкам и какого рода знания о мире порождают ненависть к иным этническим группам и культурам.

Настоящая книга призвана заполнить этот пробел. Она содержит биографии людей, сыгравших ключевую роль в развитии антисемитизма и расизма второй половины XIX–XX вв. Знакомство с биографиями этих людей поможет российскому читателю понять истоки современных фобий и особенности появления и развития тех шовинистических идей, которые переполняют книги десятков современных российских авторов, стремящихся сделать себе имя на распространении ксенофобских идеологий.

Идеи имеют свои судьбы, и то, что ныне воспринимается как расхожее мнение, когда-то было отнюдь не очевидным. Еще важнее то, что идеи имеют своих авторов, но те из них, что приобретают широкую популярность, такое авторство теряют и превращаются в «народное знание». В таком случае обществу кажется, что оно обладало этим знанием с незапамятных времен, однако при внимательном анализе истории идей обнаруживается, что это не так. Многие современные политические идеи оказываются не столь уж древними, и их корни можно обнаружить в XVIII–XIX вв., а то и в начале XX в.

Более тридцати лет назад в Париже вышла замечательная книга Леона Полякова «Арийский миф», где был дан доскональный анализ арийского мифа в его развитии. Однако, к сожалению, автор довел свое повествование лишь до конца XIX в., тогда как свой истинный злобный лик арийский миф показал в следующем столетии. Именно XX в. продемонстрировал политическую функцию арийского мифа и его разрушительную силу. «Восстание масс», о котором писал знаменитый испанский философ Ортега-и-Гассет, сделало политический миф весьма актуальным и показало, что интеллектуальные построения, созданные в «замках из слоновой кости», оказываются отнюдь не невинными и в эпоху массового общества способны оказывать огромное политическое воздействие. В настоящее время это уже звучит банально, и об огромной и нередко разрушительной силе идей, рожденных в тиши профессорских кабинетов, когда-то предупреждал известный английский мыслитель И. Берлин. На удивление, в нашей стране, где немало бывших специалистов по марксистско-ленинской философии и нынешних культурологов с жаром неопитов отдались обсуждению исторической судьбы России, считая свои концепции отвлеченными и политически нейтральными, это все еще приходится доказывать.

Настоящая книга посвящена не столько истории идей самих по себе, сколько их создателям. Идеи не возникают из вакуума и тем более не возникают как общепризнанные истины. Они всегда имеют авторов и так или иначе связаны с их личными судьбами и страстями, с особенностями среды, окружавшей этих людей, с их реакцией на своих современников и на происходящие вокруг них события. В книге речь пойдет о тех, кто заложил идеологические основы для Холокоста, и о тех, кто сегодня хотел бы его повторения.

Сегодня стало особенно очевидно, что так называемый, «еврейский вопрос» касается не только евреев; он, по сути, также затраги-

вают интересы всех меньшинств. Он оказывает существенное влияние и на доминирующее большинство, ибо ненависть разлагает общество, ведет к упадку морали и направляет жизненную энергию не на созидание, а на разрушение. Сегодня антисемитизм служит моделью для выработки и пропаганды идей ненависти. Мало того, апеллируя к примитивным чувствам, антисемитизм стремится заменить разум животными эмоциями и искусственно возводит преграды на пути к осознанию сложностей современного мира, без чего движение вперед невозможно. В свою очередь примитивные эмоции делают людей легкими жертвами нечистоплотных политиков, заинтересованных в одурманивании масс. Ниже мы увидим, что для создания образа врага используются фальшивки, подтасовки, искажения фактов или их замалчивание, преувеличение роли одних факторов и преуменьшение роли других. Например, в ход идут устаревшие концепции, давно опровергнутые наукой, но сегодня их авторы объявляются «гениальными первопроходцами», и читателю остается известным, что представления таких авторов вызвали сомнения еще у их современников, не говоря уже о том, что теперь они оказались не в ладах с современным научным знанием.

Антисемитизм – один из наиболее распространенных видов ксенофобии, выражающий негативное отношение (ненависть, презрение, подозрительность, разнообразные предубеждения) к евреям как к социальной, культурной, религиозной или даже расовой группе. Принципиально важным элементом этого определения является групповая принадлежность, представление о евреях как об «органической общности», «коллективном теле». Индивидуальная критика в адрес отдельных евреев, равно как и в адрес отдельных представителей любых других этнических групп, является вполне легитимной. Столь же легитимна критика ряда конкретных действий властей государства Израиль, как и любого другого правительства любой другой страны. Однако обвинение человека, основывающееся на его принадлежности к определенной этнической группе, во-первых, морально ущемно, а во-вторых, неоправданно с научной точки зрения, ибо исходит из представления о жесткой связи между индивидуальным поведением человека, с одной стороны, и культурой или физическим обликом, с другой. Но наличие таких жестких и якобы непреодолимых связей, о которых иной раз писали авторы XIX в., оказалось фикцией. Современные исследования, говорящие о широкой вариативности и самой разнообразной обусловленности человеческого поведения, этого не подтверждают. Это наследие

XIX в. полностью отброшено современной наукой, и попытки некоторых интеллектуалов к нему вернуться не имеют никаких серьезных оснований.

Идейный антисемитизм может выражаться не только в форме прямых негативных высказываний, затрагивающих человеческое достоинство евреев, но и в форме иносказаний, иллюстративного материала, а также распространения якобы от имени евреев материалов, их порочащих. Термин «антисемитизм» условен, и его семантика не отражает сути явления. «Семиты» – термин исключительно лингвистический, относящийся к народам, говорящим на семитских языках: сюда, например, входят, арабы, и не входят такие группы евреев диаспоры, как европейские евреи ашкенази, веками говорившие на идише, диалекте немецкого языка. Этим в свое время пользовались нацисты, отрицавшие свой антисемитизм со ссылкой на то, что они уважительно относились к арабам. Тем же аргументом сегодня пользуются некоторые арабские интеллектуалы и политики. Но, хотя термин «семиты» не имеет никакого отношения к расовой, этнической, религиозной или культурной общности, в контексте антисемитского дискурса он воспринимается в расовом смысле и предполагает, что «семиты», то есть евреи, в силу своих «расовых особенностей» обладают особым стилем мышления и поведения. Именно поэтому термин «антисемитизм» стал общим понятием для обозначения всех форм враждебности к евреям и иудаизму, когда-либо встречавшейся в истории.

В разные эпохи антисемитизм принимал разные формы. В период средневековья в Европе господствовал религиозный (христианский) антисемитизм. В его народной популистской форме он чаще всего выражался в обвинениях евреев в том, что они якобы распяли Христа. На уровне богословия он принимал более рафинированную форму, утверждая, что, создав почву для христианства, иудаизм выполнил свою историческую миссию и должен сойти со сцены, а вместе с ним должны уйти в небытие и евреи. С этой точки зрения, существование евреев как народа вызывало не просто удивление, но мистический ужас перед теми, кто будто бы пережил свое время. Это и лежало в основе средневековых предрассудков, наделявших евреев сверхъестественной силой, якобы позволявшей им сохраняться, несмотря на все социальные потрясения и катастрофы. Нежелание иудаизма исчезнуть, как ему предписывали Отцы Церкви, воспринималось не только как вызов христианству, но как основа для вредоносной деятельности против христианства. Отсюда бес-

конечные средневековые обвинения евреев, начиная с оговоров в злонамеренной порче церковных реликвий и кончая надуманными ритуальными убийствами христианских младенцев. Отсюда же и легенда о Вечном Жиде, Агасфере, полюбившаяся многим европейским литераторам в первой половине XIX в. В свое время Вл. Соловьев привел блестящие богословские аргументы в пользу того, что «еврейство еще не утратило смысла своего существования» и что христианству еще есть чему поучиться у иудаизма. Тем самым, христианский антисемитизм потерял свое богословское оправдание.

Впрочем, само становление буржуазного общества с его новой системой ценностей сделало христианский антисемитизм неактуальным. И в первой половине XIX в. наблюдался расцвет социального антисемитизма. Он основывался на представлении о том, что, во-первых, «златолюбие» и «корысть» были якобы имманентно присущи евреям, и, во-вторых, те будто бы стремились навязать все это остальному миру. Иными словами, жесткие буржуазные отношения, разрушившие идиллию прежнего патриархального быта и обусловившие безжалостную эксплуатацию человека человеком, приписывались «еврейскому влиянию». Вот почему социальный антисемитизм неизменно присутствовал в риторике ранних социалистических идеологов, включая и Маркса. Консерваторы предпочитали ему культурный антисемитизм, делавший акцент на крушении прежней системы ценностей и введении новых культурных форм, связанных как с инновациями в области искусства (это воспринималось как «деградация»), так и с приспособлением сферы культуры к рыночным отношениям («профанация» и «коммерциализация» искусства).

В середине – второй половине XIX в. в передовых государствах Западной Европы совершилась эмансипация евреев. Многие интеллектуалы и политики верили, что это приведет к их быстрой ассимиляции. Однако этого не произошло, и многие евреи, с энтузиазмом воспринимавшие модернизацию и секуляризацию, продолжали сохранять свою идентичность. На это имелись разные причины – и роль социальных связей, на которые неизбежно опираются представители меньшинств в своем стремлении найти достойное место в обществе, и свойственный человеку психологический консерватизм, и недоверчивое, а иной раз и враждебное отношение со стороны окружающих, видевших в евреях опасных конкурентов. Однако все это воспринималось как упорное и иррациональное стремление евреев сохранить свою обособленность. Разработанная во второй половине XIX в. расовая теория, связавшая человеческое поведение с

фенотипом, казалось бы, объясняла этот феномен. Так на сцене появился самый страшный, расовый антисемитизм, приведший к зверскому убийству шести миллионов человек, «виновных» лишь в том, что они квалифицировались нацистами как евреи.

Показав, какие катастрофические последствия имеет расовая теория, Холокост заставил ученых с особой тщательностью взяться за проверку ее научных обоснований. Тогда-то и обнаружилось, что сами по себе физические отличия никак не связаны ни с поведением человека, ни с его образом мыслей. Мало того, к началу 1960-х гг. исследования генетиков заставили поставить под сомнение и саму концепцию расы, оказавшуюся конструкцией, созданной учеными для удобства классификации человеческих типов. О том, что «раса» являлась продуктом среднестатистических расчетов, специалисты знали еще с рубежа XIX–XX вв., когда выяснилась невозможность вычленения каких-либо «чистых рас». Однако генетики окончательно подтвердили факт полного отсутствия каких-либо четких границ между отдельными «расовыми типами», которые могли быть сходными по одним показателям и отличаться по другим. Тогда-то и стало ясно, почему, несмотря на все усилия таксономистов, за столетия ученым так и не удалось выработать общепринятой расовой классификации.

Между тем, представление о «семитской расе» до сих пор активно используется расистами и антисемитами. Мало того, одной из главных форм антисемитизма в XX в. стал политический мистицизм, представленный всевозможными разновидностями конспирологии, синтезировавшей многие более ранние антисемитские концепции. Отрицая объективные закономерности развития общества и представляя историю в манихейском свете как вечную борьбу Добра со Злом, конспирология исходит из волюнтаризма и без устали ведет поиск зловредных тайных сил, якобы веками подрывающих устои человеческого существования. Если христианский антисемитизм изображал иудаизм как коварную силу, стремившуюся к разрушению христианского мира, то адепты конспирологии обвиняют евреев в вековом стремлении к мировому господству. В качестве документа, якобы подтверждающего их опасения, конспирологи обычно приводят пресловутые «Протоколы сионских мудрецов». Несмотря на неоднократные разоблачения, эта фальшивка до сих пор находит своих почитателей. Поэтому это произведение будет рассмотрено в настоящем издании, наряду с другими антисемитскими памфлетами.

Другой тревожной тенденцией сегодня является попытка некоторых московских интеллектуалов возродить расовый подход к истории, иначе говоря, идею о первостепенной роли расы в развитии человечества. Это видение истории, зарождению которого, как мы увидим ниже, споспособствовали Гобино, Вагнер и Чемберлен, полностью дискредитировало себя еще в первой половине XX в. Тем не менее, некоторым нашим современникам оно вновь кажется соблазнительным. Поэтому важно понять, чем оно обосновывалось, и какими аргументами пользовались эти люди.

Иными словами, сегодня антисемитизму подвержены самые разные политизированные группы, имеющие на это свои причины. Консерваторы, не желающие никаких реформ, видят в евреях опасного агента социальных, политических и культурных изменений. Неоконсерваторы поддерживают рыночные реформы, но вовсе не горят желанием делиться их плодами с какими-либо чужаками. Коммунисты стоят за социальный прогресс, но видят путь к нему через новое огосударствление всего; а евреи представляются им проводниками ненавистных рыночных реформ. Некоторые либералы, напротив, усматривают в евреях носителей враждебных им социалистических идей. Противники глобализации культивируют миф о «мировом правительстве» и связывают его с евреями. Наконец, все эти настроения вместе или в разном сочетании образуют гремучую смесь в контексте конспирологического мифа о «международном сионистском заговоре». Сегодня центром этого заговора многим антисемитам представляется государство Израиль.

В зависимости от среды, в которой имеет место антисемитизм, он бывает бытовым (эмоциональным, основанным на этнических стереотипах), интеллектуальным (концептуальным), политическим (служащим целям политической борьбы), религиозным (культивирующим традиционные юдофобские мифы), социальным (направленным на лишение чужаков социального равенства) и государственным (закрепленным в дискриминационном законодательстве и правоприменительной практике). В настоящей книге рассматриваются различные формы интеллектуального антисемитизма, ибо в обществе всеобщей грамотности именно они более всего влияют на мировоззрение людей, находя себе место в школьных учебниках, СМИ, художественных произведениях и даже научных публикациях. Антисемитские идеи популярны и на форумах в Интернете.

В наше время антисемитизм является моделью для многих других видов ксенофобии, использующих созданные им мифы для раз-

жигания межнациональной розни. В частности, сегодня негативные установки, уходящие корнями к антисемитизму, активно используются против иммигрантов.

Данная книга имеет популярный характер и основана на разработках многих специалистов, изучавших проблемы расизма и антисемитизма. Основные из использованных работ приведены в краткой библиографии. Возможностью познакомиться с этой литературой я обязан целому ряду международных фондов, щедрая поддержка которых позволила мне поработать в библиотеках ряда зарубежных университетов. Кроме того, я выражаю свою признательность А. С. Броду, директору Московского Бюро по правам человека, за бесценное содействие в деле публикации этого труда.

Книга предназначена для правозащитников, юристов, политиков, политологов, историков, антропологов, журналистов и может быть использована для университетских курсов политологии, журналистики, межэтнических отношений.

В 1979 г. бывший эксперт Н. С. Хрущева по Ближнему Востоку, пятидесятилетний В. Емельянов (1929-1999), преподававший арабский язык в Институте иностранных языков им. Мориса Тореза, готовился к знаменательному событию. Он планировал учредить Всемирный Антисионистский и Антимасонский Фронт (ВАСАМФ) «Память». К этому времени Емельянов уже снискал себе славу борца с «международным сионизмом». В начале 1970-х гг. он был лектором московского горкома партии и по его поручению прочел курс публичных лекций, разоблачавших «жидо-масонский заговор» в духе «Протоколов сионских мудрецов». В том же ключе он написал книгу «Десионизация», впервые опубликованную в 1979 г. на арабском языке в газете «Аль-Баас» по указанию сирийского президента Хафеза Асада. Тогда же ксерокопированная копия этой книги, якобы выпущенной Организацией Освобождения Палестины в Париже, распространялась в Москве. Почему все это происходило именно в 1979 г.?

Дата была избрана участниками «антисионистского кружка», действовавшего в 1977-1978 гг. под руководством Е. Евсеева, племянника секретаря ЦК КПСС Б. Пономарева, далеко не случайно. Учреждение ВАСАМФ «Память» должно было отметить столетний юбилей провозглашения Антисемитской лиги, давно забытого события, которому, однако, члены «антисионистского кружка» придавали большое символическое значение.

Между тем, история Антисемитской лиги полна противоречий и горьких разочарований, а у ее истоков стоял несчастный человек, преследуемый бесконечными жизненными неурядицами и невзгодами. Похоже, что и сама его связь с организацией Лиги оказалась в значительной мере случайной. Но вначале все по порядку...

Вильгельм Марр (1819-1904) родился в семье бродячего актера, осевшего в конце жизни в Гамбурге. Из-за бесконечных переездов Марр не смог получить систематического образования. Он учился урывками в разных городах Германии и закончил свое обучение в Бремене. Переехав к отцу в Вену, он стал работать служащим в еврейских конторах. С евреями он познакомился еще раньше, и общение с ними не вызывало у него тогда никаких негативных эмоций.

В Вене Марр был захвачен революционным движением, и это вскоре привело его в ряды республиканцев. Переехав в Швейцарию в 1841 г., Марр примкнул к настроенной антимоноархически «Молодой Германии в Швейцарии», связанной с аналогичными движениями в Италии и Германии. Именно там он начал свою карьеру журналиста и публициста. В те годы его взгляды были достаточно сумбурными. Он верил в силу рабочего класса и приветствовал социализм. В то же время он отвергал коммунизм за пренебрежение интересами личности, космополитизм и нетерпимость к инакомыслию. Тогда же он познакомился с именем Ротшильда, ставшего для него олицетворением ненавистного ему крупного капитала. Он находился под большим впечатлением от трудов Прудона, настаивавшего на разделе собственности среди трудящихся, и Людвига Фейербаха, подрывавшего основы христианства. Антихристианские настроения были популярны у революционной интеллигенции, выступавшей за быстрый слом консервативных порядков. Однако решительный отказ от христианских догм ударял и по иудаизму, пробуждая у своих сторонников антиеврейские чувства. Марр хорошо помнил строки из Фейербаха, обвинявшие иудаизм в материализме и эгоизме. Знал он и вышедшие недавно книги Бруно Бауэра, где тот выступал против эмансипации евреев.

Во второй половине 1840-х гг. Марр отошел от своих ранних ультралиберальных настроений, и с тех пор в нем все громче говорили национальные мотивы. Познакомившись в Швейцарии с многоязычием, Марр начал испытывать жгучий интерес к этническому многообразию мира. В то же время его смущало наличие нескольких «рас» внутри одной нации, и это вскоре привело его к расовому антисемитизму.

За свою радикальную деятельность Марр подвергался в Швейцарии преследованиям и в 1845 г. должен был оттуда уехать. Однако, вернувшись к отцу в Лейпциг, он и там вскоре оказался в тюрьме. Затем он, подобно отцу, переезжал с места на место, пока не осел в Гамбурге, где его ждала европейская слава. Издав книгу о «Молодой Германии в Швейцарии», Марр стал известным человеком. Правда, некоторые упрекали его в раскрытии тайн этой организации. В Гамбурге Марр показал себя человеком, преданным демократическим идеалам и не приемлющим буржуазного либерализма за его лицемерие и склонность к конформизму. Это, в частности, и привело его к первой стычке с евреями. В те годы в Гамбурге остро обсуждался вопрос о судьбе княжеств Шлезвиг и Гольштейн –

должны ли они сохранять связь с еще не получившим конституции Германским союзом или отойти к Дании, формально находившейся под властью монарха. Стоявший на антимонархической и, в то же время, националистической позиции, Марр настаивал на их вхождении в Германский союз, а его оппонент, либерал еврейского происхождения Г. Риссер, полагал, что при конституционной монархии они могли бы получить больше свободы. В недавние годы Риссер проявил себя пламенным борцом за эмансипацию евреев, и Марр усматривал здесь тесную связь либерализма с еврейскими интересами. В начале 1847 г. Марр выпускал оппозиционную газету «Мэфистофель», прославившуюся нападками на либералов и консерваторов. Вскоре она была закрыта, и Марр попал на месяц в тюрьму.

Революция 1848 г. привела к отмене цензуры, и Марр снова приступил к изданию газеты. Он ратовал за единую Германскую демократическую республику, призванную покончить с мелкими княжествами. Объединить их могла только Пруссия, и со временем Марр стал ревностным сторонником ее политики. Однако в 1848 г. он все еще был убежденным республиканцем и стоял за радикальную эмансипацию всех и вся. В частности, он предлагал отменить любую собственность, и в эмансипации евреев от собственности ему виделось решение «еврейского вопроса». Ради успешного противостояния консервативным властям Гамбурга он тогда был не прочь пойти на союз с евреями-либералами.

Однако в журналистской и политической деятельности Марра преследовали неудачи: его газета не пользовалась популярностью, а сам он не попал в революционный совет Гамбурга. Зато его постоянные оппоненты, купец М. Хекшер и либерал Г. Риссер, сделали бурную карьеру: первый стал министром юстиции и министром иностранных дел в правительстве, образованном во Франкфурте, а второй был избран депутатом парламента Лауенбурга. Марра это выводило из себя, и он начал возлагать надежды на создание отдельной Гамбургской республики. В поисках причин своих неудач Марр обратился к взглядам Т. Маккиавели, ставшего его верным наставником. В августе 1848 г. Гамбург охватило пламя революции, и уже осенью Марр стал, наконец, депутатом Конституционного собрания, войдя в блок либералов. Любопытно, что на выборах большую поддержку Марру оказали избиратели-евреи. Это побудило его воздерживаться от прямых антиеврейских заявлений, однако не помешало опубликовать анонимно памфлет «Якобинец в Гамбурге», направленный против евреев-радикалов и сторонников

эмансипации евреев. Его не устраивала позиция ряда еврейских лидеров, в частности, Ротшильда, считавших эмансипацию приоритетной задачей и готовых ради нее пойти даже на союз с реакцией.

В конечном итоге либеральная буржуазия стала на сторону режима против радикалов, и те увидели себя обманутыми. Поэтому неудачный ход революции все больше настраивал Марра против евреев, которым он ставил в вину ее половинчатость. Все это олицетворялось для него в Риссере, стоявшем за конституционную монархию и поддержавшем идею Германской империи под эгидой Пруссии. В августе 1849 г. революция в Гамбурге была задушена вводом прусских войск. Многие завоевания революции были вскоре ликвидированы, но эмансипация евреев осталась в силе. Позднее Марр увидел в этом умение евреев оборачивать любое поражение в свою пользу. Однако и сам Марр не был склонен следовать своим былым принципам. Начиная с сентября, он стал ярким сторонником включения Гамбурга в состав «Малой Германии» под главенством Пруссии, хотя это шло вразрез с его демократическими убеждениями.

Два года спустя Марру вновь пришлось столкнуться с Риссером. На этот раз спор разгорелся о введении гражданских браков. Радикал Марр стоял за полное отделение института брака от религии, а осторожный Риссер поддержал введенный сенатом Гамбурга в сентябре 1851 г. временный порядок, разрешавший браки между иудеями и христианами. В этом Риссер видел шаг к реальному равенству евреев с другими без необходимости жертвовать своей верой. Марра никто не поддержал, и он снова оказался в одиночестве. Вскоре он выступил с оскорбительными замечаниями в адрес Наполеона III. Тот обратился в суд, и Марру пришлось уплатить, хотя и небольшой, но сильно задевший его самолюбие штраф.

Обидевшись, он уехал в Коста-Рику и жил там, с небольшими перерывами, до 1860 г. За это время ему удалось разбогатеть, не в последнюю очередь благодаря женитьбе на дочери богатого еврея. Вернувшись в Гамбург, он попытался начать свое дело. Но это предприятие закончилось неудачей, стоившей ему потери большого капитала. В неудаче он винил своего партнера-еврея. Все же он остался богатым человеком и был в 1861 г. избран в парламент Гамбурга, переживавшего новую волну либерализации. Своим постоянным оппонентом в парламенте Марр снова увидел Риссера, и позднее он вспоминал о бесконечных парламентских спорах с евреями-либералами.

Вскоре Марру пришлось вплотную столкнуться с «еврейским вопросом». Получив в 1849 г. гражданские права, евреи Гамбурга могли их реализовать, только числясь в какой-либо еврейской общине. Поэтому в феврале 1862 г. 169 евреев выступили за лишение еврейской общины особого статуса. Мечтавший об упразднении любых религиозных различий, Марр это с энтузиазмом поддержал. Одновременно он писал книгу, где нападал на ортодоксальный иудаизм в стиле энциклопедистов эпохи Просвещения. Он был убежден, что институт брака помогает иудеям сохранять «еврейскую расу». Он же полагал, что им, напротив, следует отказаться от особого статуса своей национальности или общины. Каково же было его изумление, когда один из тех 169 евреев рекомендовал ему не публиковать свое сочинение, чтобы избежать обвинения в ненависти к евреям. Тем не менее, Марр в июне 1862 г. опубликовал эту книгу под названием «Еврейское зеркало». Это стало его первым выступлением против ортодоксального иудаизма. Вместе с тем, в своей критике он не обошел и евреев-реформаторов, требовавших переложить вопросы помощи беднякам на плечи государства. Бедняки (представители ортодоксального иудаизма) убедили Марра в том, что богатые реформаторы хотят тем самым снять с себя бремя этих расходов, чтобы приумножить свои капиталы.

Однако в целом нападки Марра на евреев были вызваны его демократическими убеждениями – отстаиванием приоритета воли большинства и свободы совести. В требованиях евреев он усмотрел выступление меньшинства против большинства, а в их эмансипации – противоречие общим принципам эмансипации человечества. Позиция Марра имела свою логику: пока религия не была отделена от государства, эмансипация евреев виделась в контексте взаимоотношений государства и Церкви. Однако слабость этой позиции заключалась в противоречии между утверждением о том, что евреи отличаются от других только на конфессиональном уровне, и пониманием того, что одна только религия не объясняет полностью этих различий. Ведь борцы за эмансипацию евреев утверждали, что те больше не являлись конфессиональной общиной или «государством в государстве», и, тем самым, проблема имела, прежде всего, социальный и политический характер. Марр все это прекрасно понимал и поэтому стал одним из первых, кто начал определять евреев в терминах расы, – для этого он вводил такие понятия, как «племя», «происхождение», «раса». В условиях, когда отношение христианской Церкви к евреям становилось все более мягким, Марр фактически

выдвинул новый подход, с радостью встреченный противниками эмансипации евреев. Правда, в начале 1860-х гг. представления Марра об этом оставались еще весьма смутными, и он полагал, что евреев можно избавить от их восточного своеобразия путем просвещения.

Славу «ненавистника евреев» Марр снискал своим письмом, опубликованным в начале июня 1862 г. Тогда на просьбу одного парламентария из Бремена высказаться в поддержку эмансипации евреев Марр ответил резким отказом. Будучи разочарован работой парламента, он видел в еврейских депутатах-либералах опору реакции. Опубликованное бременской газетой, это письмо вызвало в Гамбурге бурю возмущения, и Марру пришлось покинуть должность одного из руководителей «Ассоциации за свободу совести». Тогда-то Марр и опубликовал книгу «Еврейское зеркало», где изложил свои взгляды. Впоследствии он об этом сожалел, называя работу «сырой».

Утверждая, что евреи являются «государством в государстве», Марр возмущался тем, что они, с одной стороны, всячески пытаются сохранять свою национальность, опираясь на общинную замкнутость и иудаизм, а с другой – желают иметь равные права в нееврейском государстве. Но «государство в государстве» не имело, на его взгляд, никаких оправданий, ибо якобы давало иудаизму преимущества. Приемлемое решение он видел в полной ассимиляции, автоматически приводившей к эмансипации. Он упрекал евреев в приверженности «чистоте крови» и национальной сплоченности. Пока они остаются таковыми, они обречены на роль чужаков – доказывал он. Он верил, что евреи обладают особой физиологией и являются «особым племенем». В то же время он доказывал, что физически они гетерогенны, так как состоят из двенадцати разных племен. Поэтому он называл их «смешанным народом» – ведь «исторически невозможно доказать существование расово чистого еврейства». Если у них и обнаруживаются расовые черты, то это, на его взгляд, – плод дегенерации в результате эндогамных браков, требуемых еврейским законом. В то же время в этой книге Марр впервые заявил о том, что «между германцами и ориенталами имелись слишком большие расовые различия».

Что же предлагал Марр для интеграции евреев в германское общество? По его мнению, евреям следовало отказаться от общинной жизни, обособленности и синагоги и сделать ритуал личным делом. А лучше всего вовсе отказаться от иудаизма. Тогда исчезнут и «наследственная дегенерация», а с ней – и те особенности иудаизма, которые

делали евреев объектом ненависти. Кроме того, вслед за Шопенгауэром, Марр рекомендовал развитие смешанных браков, что должно было покончить с расовыми различиями и привести к полной германизации. Упразднению духа иудаизма могло бы, по словам атеиста Марра, поспособствовать и крещение. Новый «исход» Марр не считал решением проблемы, ибо «наше правительство просто повесило бы второго Моисея, если бы он вдруг появился». И далее: «Трудно поверить, что вы эмигрируете в Палестину, чтобы создать там модель государства, даже если вы получите всю Сирию».

В книге досталось и евреям-реформистам: «Позор, что евреи, бывшие в большинстве своем радикалами до эмансипации, массой перешли в лагерь реакции или доктринальной буржуазии после эмансипации». Любопытно, что, обвинив евреев в лени, амбициозности и алчности и назвав иудаизм «варварской и мстительной религией», Марр заявил, что он обвиняет не конкретных евреев, а лишь абстрактную концепцию. Ибо у него имелось много друзей среди евреев!

Итак, Марр стал одним из первых, кто отказался от религиозной юдофобии в пользу подозрительного и враждебного отношения к чужакам, представителям иной «расы». Кроме того, он одним из первых обвинил эмансипированных евреев в захвате всей прессы Германии.

После выхода книги положение Марра в демократическом лагере пошатнулось, и он не был переизбран в руководство «Демократической ассоциации». Досталось ему и от либералов. Его обвиняли в отходе от демократических принципов, защите рабства, расизме и ненависти к меньшинствам. Его книгу называли странной смесью радикальных и консервативных идей, открывшей радикалам путь к смычке с реакцией. В то же время некоторые из евреев-радикалов поддержали призыв Марра упразднить «вредный иудаизм» и отказаться от «государства в государстве». В целом же евреи не видели нужды всерьез воспринимать эту книгу, усмотрев в ней отзвуки борьбы, происходившей тогда в их собственной среде между ортодоксами и реформаторами. Гораздо более прозорливыми оказались демократы, обнаружившие там рецидив расизма, что и заставило их отшатнуться от Марра.

В результате Марр с треском провалился на выборах в парламент в октябре 1862 г., причем, к его изумлению, поражение ему нанесли радикалы, а вовсе не консерваторы или евреи. На этих выборах победа досталась демократам, с которыми он на свою беду разошелся.

Тогда Марр на время отошел от политической жизни и занялся комментированием событий в Северной Америке. Он доказывал, что конец рабству положит не «негрофилия», а механизация труда. При этом он и теперь оказался не в силах обуздать свои расистские настроения, заявив, что чернокожие никогда не смогут подняться до уровня высокой культуры. И здесь он предлагал свое универсальное решение – смешанные браки.

В 1863 г. Марр попытался выпускать свою газету, отстаивавшую демократические позиции и идею единой Германской республики. Для достижения этой цели он по-прежнему полагался на прогрессивные силы Пруссии. Он стоял за всеобщее избирательное право и приоритет прав индивида. Вот почему он выступал против любой групповой или региональной обособленности, что и определяло его негативное отношение к еврейской общине. Однако и это предприятие потерпело крах: едва выпустив три номера, Марр закрыл газету.

Осенью 1863 г. Марр начал отдаляться от республиканской позиции и с нарастающим интересом присматривался к деятельности Бисмарка, вскоре ставшего его кумиром. Теперь он уже поддерживал Пруссию не как потенциальный оплот демократии, а как ведущую силу в объединении Германии. Ничего необычного в этом не было. Такую же эволюцию проделали многие бывшие сторонники революции 1848 г.: убедившись в невозможности «революции снизу», они стали уповать на «революцию сверху». Например, в 1860-х гг. Бруно Бауэр сошелся с прусскими консерваторами, а еще десять лет спустя его можно было обнаружить в лагере расовых антисемитов.

В 1863 г. Марр писал: «Нам нужна республика, неделимая Великая Германия». На этом этапе образ правления в ней представлялся ему второстепенным вопросом. В 1864 г. он добился вождя встречи с Бисмарком и заручился его поддержкой в издании гамбургской газеты «Нессель», учрежденной еврейским издателем И. Мейером. Газета проводила пропрусскую линию и стояла за присоединение как Шлезвиг-Гольштейна, так и Гамбурга к Пруссии. Поэтому в 1865 г. Марр оказался среди яростных противников Дании в ее войне с Германским союзом. Одновременно он нападал на правивших в Гамбурге демократов, своих бывших друзей, среди которых было немало евреев. Тогда-то он и прослыл «врагом Гамбурга», полностью утратив авторитет у местной общественности. В начале 1865 г. он порвал с газетой «Нессель», и вскоре она была закрыта. В течение следующих двух лет Марр издавал свою собственную газету.

венную газету «Беобахтер ан дер Эльбе», где по-прежнему ратовал за объединение Германии под главенством Пруссии, полагая, что только это принесет народу свободу и равенство. Призыв Марра к Пруссии аннексировать Гамбург вызвал в городе такую бурю возмущения, что ему пришлось оттуда уехать.

В 1866 г. он уже издавал новую и последнюю свою газету «Космополит», а затем вновь отдался кочевой жизни, переезжая из страны в страну (Италия, Швейцария, Германия), из города в город (Берлин, Гамбург, Веймар, Лейпциг) и сотрудничая с самыми разными изданиями. Жизненные неудачи его согнули, и в нем нарастало разочарование. Именно теперь он начал писать о «принудительной ориентализации» общества, правда, пока еще избегая термина «евреи». За одну из своих статей против властей Гамбурга Марр был привлечен к суду, но разразившаяся вскоре франко-прусская война, приковавшая внимание всего общества, позволила ему избежать наказания.

Познакомившись в Америке с расовыми взглядами, Марр пристально вглядывался в происходившие вокруг него события, пытаясь осознать их с расовых позиций. Но расу он тогда понимал все еще в терминах культуры. Он, например, предлагал разделить Европу на три зоны влияния – германскую, славянскую и романскую, ибо славяне, романцы и германцы представлялись ему «единственными культурными людьми на земле». Он видел в них отдельные расы, которым якобы суждено было установить новый мировой порядок, о чем он написал в памфлете «Новая Троица». Когда Марру предложили вступить в возникшую в 1867 г. Международную лигу мира, он оформил свой отказ ссылкой на свой особый подход к национализму и национальности. Считая причиной войн национальную раздробленность, он доказывал, что «истинной национальностью является раса», основанная на «языке и обычаях». основополагающее значение он придавал отмеченным «трем расам», призванным вобрать в себя все «мелкие племена». Политический вывод из этой концепции Марр формулировал в духе социодарвинизма: «Кто не способен на самостоятельность, тот должен уйти». С такой точки зрения политика Пруссии по силовому объединению Германии представлялась оптимальной. На взгляд Марра, она демонстрировала ведущую роль «расы» в международной политике.

Здесь-то Марр и наталкивался на «еврейский фактор». Ведь его система неизбежно ставила перед европейскими расами вопрос об

«ориентализме» и «азиатстве». Вновь обнаруживая свои былые социалистические наклонности, Марр указывал, что, обладая крупными финансовыми ресурсами, «азиаты» были якобы заинтересованы не в мире, а в войне. Поэтому для установления мира он требовал покончить с «азиатами», то есть начать войну против крупного капитала, а значит, против евреев. Правда, главным «евреем» Марр почему-то счел известного французского политика Л. Гамбетту (1838–1882), к которому он питал страшную ненависть всю оставшуюся жизнь.

Вскоре после окончания франко-прусской войны Марр обнаружил, что евреи весьма эффективно использовали свою эмансипацию. Они успешно завоевывали рынок, накапливали огромные капиталы и, что особенно неприятно поражало его, быстро пополняли ряды издателей и журналистов, активно действовали в той сфере, где он привык чувствовать себя хозяином. Ему казалось, что тем самым они будто бы навязывали добропорядочному обществу поклонение Золотому тельцу. Преследуемый бесконечными неудачами, он писал, что «ориентализм вытесняет на обочину все другие элементы». Теперь Марр увидел у этого расовую подоснову. У него складывалось впечатление, что евреи овладевают миром с помощью прессы и денег.

Между тем, его семейная жизнь развивалась вопреки его концепции. В 1873 г., оформив развод со своей первой женой, Марр вступил в новый брак, и его вторая жена оказалась снова еврейкой. Однако вместе им довелось прожить недолго: в сентябре 1874 г. любимая жена умерла при неудачных родах. Это было для него тем большим ударом, что при разводе с первой женой он потерял все свое состояние, и с тех пор его постоянно преследовали материальные трудности. Вскоре он женился в третий раз, но неудачно, – этот период своей семейной жизни он не мог вспоминать без содрогания. Зато брачный опыт заставил его внести коррективы в свою теорию. Он доказывал, что короткая семейная жизнь со второй женой была счастливой, так как та была «чистокровной еврейкой», а в неудаче двух других браков он винил «жен-полукровок». Так он убедился в превосходстве «чистой крови» над смешанной и теперь начал сомневаться в пользе смешанных браков. Позднее в своих воспоминаниях он утверждал, что, хорошо познакомившись с семитской расой, никому не советует смешивать арийскую кровь с семитской. В четвертый раз Марр женился в 1878 г. На этот раз его женой оказалась «чистая арийка». Она происходила из рабочей семьи и стоиче-

ски переносила все невзгоды, сваливавшиеся на ее мужа. Жизнь их была несладкой.

В 1870-х гг. жизненные удары все более делали Марра пессимистом. Он по-прежнему оставался лютым врагом буржуазии и связывал светлое будущее с революционным переворотом. В эти годы он высоко оценил «Капитал» Маркса, однако окончательно поверить в объективные социальные закономерности ему мешал его крайний индивидуализм. Для него за этими «закономерностями» скрывалась сознательная деятельность определенной социальной силы, которую он представлял в свете своей расовой концепции. Это и было одной из основ его «интеллектуального антисемитизма». Другая коренилась, как мы уже знаем, в его отношении к религии. В 1875 г. он обвинил христианство в попытке захватить власть над миром и установить деспотическое правление. Этим он, однако, не ограничился и заявил, что само христианство находилось под пятой иудаизма: «Человечество было иудаизировано христианством... Иудаизм правит миром» (вот откуда крылатое выражение Емельянова, назвавшего христианство «предбанником иудаизма»). С этих пор «иудаизм» мерещился Марру повсюду – в политике, экономике, прессе и даже ... в социалистической революции.

В 1874 г. Марр жил в Веймаре, где нашел работу театрального критика. Однако в сентябре 1875 г. он соблазнился сотрудничеством с газетой «Берлинер Тагесблатт» и переехал из Веймара в Берлин. Но вскоре газета закрылась, и он остался без работы.

Еще в Веймаре Марр близко познакомился с творчеством Рихарда Вагнера, от которого был в полном восторге. Два года спустя он поместил в венском театральном журнале хвалебную статью о музыке Вагнера. Он всячески поддерживал байрейтский праздник и преклонялся перед «истинно германским духом» Вагнера. Нет сомнений, что это укрепило «германскую идею» Марра. Однако, похоже, что окончательно он сформировал свою концепцию после знакомства с книгой Иоганнеса Шерра «История германской культуры и этики», вышедшей в 1876 г. Книга немецкого культуролога произвела на Марра неизгладимое впечатление. Там говорилось о понижении уровня жизни и падении общественной нравственности вследствие индустриального прогресса. Автор уповал на битву между трудом и капиталом, «битву богов», только и способную привести к справедливому общественному строю. В то же время он с ненавистью писал о коммунизме и материализме, опасался религиозного фанатизма, критиковал федеральное устройство Германии и

был под большим впечатлением недавнего столкновения «романцев» с «германцами». Все это находило живой отклик у Марра.

Последней каплей, побудившей Марра написать свою главную книгу «Победа иудаизма над германством», стал его переезд в Берлин в 1877 г. Он не узнал города, ставшего, по его словам, «наполовину еврейским, наполовину социал-демократическим». Иными словами, там царствовали те, кого он больше всего винил в своих жизненных неурядицах. Поэтому и книга его была проникнута духом крайнего пессимизма. К этому времени он уже пережил несчастный брак с третьей женой, сполна познал материальные трудности и вынужден был скитаться в поисках работы. Будущее рисовалось ему в мрачном свете, и он даже подумывал о самоубийстве. Вместе с тем, свою незавидную судьбу он отождествлял с судьбой мира. Оставалось лишь найти причину, обрекавшую мир на неминуемый крах. Ее-то он и пытался обрисовать в своей книге, не особенно надеясь, что все это удастся напечатать.

Между тем, на этот раз судьба оказалась к нему благосклонной. Его рукописью заинтересовался его давний знакомец Рудольф Костенобель, недавно потерявший работу в издательстве еврея Р. Моссе и потому имевшего зуб на евреев. Переехав в Берлин, Костенобель задумал основать свое собственное издательство и занимался поиском злободневных материалов. Правда, в Берлине затея Костенобеля не увенчалась успехом, но в 1879 г. он все же открыл издательство в Берне, где и издал книгу Марра.

На удивление, книга оказалась бестселлером. За шесть лет она выдержала двенадцать изданий, и Марр даже удостоился чести получить записку от Рихарда Вагнера, писавшего: «Ваша книга доставила нам удовольствие», «мы нашли в ней новые аспекты» борьбы с евреями. При этом читатели, мало интересовавшиеся обстоятельствами личной жизни Марра, обнаружили там то, о чем он и не думал писать, – призыв к войне с евреями. Между тем, там он давал свою интерпретацию истории, видя в ней длинный путь борьбы, причем не христианства с иудаизмом, а германцев с евреями. Для него исход этой борьбы был печальным, ибо она якобы приводила евреев к господству над миром и, особенно, над Германией. Фактически же речь шла не о физическом господстве евреев, а об усвоении «еврейского духа», ибо в данном контексте «евреи» выступали эвфемизмом для модернизации. Видя неумолимую поступь модернизации и не умея ее остановить, Марр был преисполнен самого черного пессимизма, и книга заканчивалась горестным воплем: «Конец Германии!» Однако автор

не связывал это с иудаизмом и избегал расхожих обвинений евреев в ритуальных убийствах и подрыве христианства. В поражении он упрекал самих немцев, проникшихся «еврейским духом»: «Вы избрали в парламент инородных правителей, вы делаете их законодателями и судьями, вы позволяете им быть диктаторами в финансовой сфере, вы отдали им прессу... чего же вы хотите? Талант еврейского народа расцветает, а вы побиты». Предрекая Европе гибель, Марр с надеждой обращал свой взгляд на Россию, где евреи еще не получили полных прав и свобод. К этому времени он завязал отношения с людьми, хорошо знавшими Россию, и даже встречался с генерал-губернатором Треповым, приходившим в себя после покушения Веры Засулич. Известно, что они обсуждали «еврейский вопрос», и Трепов даже обещал Марру донести его идеи до царя.

Успех вдохновил Марра. В ноябре он стал выпускать газету «Немецкий часовой» с красноречивым подзаголовком «ежемесячник антиеврейской ассоциации». Однако долго почивать на лаврах ему не пришлось. Не желавшие прежде замечать его выпады, еврейские критики на этот раз молчать не стали. Первая статья, разгромившая концепцию Марра, вышла в марте 1879 г., то есть сразу же вслед за его книгой. За ней последовала целая лавина откликов, причем еврейские авторы отвечали на его антиеврейские выпады, а все другие – на его нападки на христианство. Любопытно, что расовый подход остался почти полностью за бортом этой дискуссии; он был в новинку и пока что не вызывал большой тревоги. Зато еврейские авторы были оскорблены утверждением Марра того, что они будто бы «уклоняются от труда». Ему напоминали, что в подавляющем большинстве евреи веками занимались тяжелым ремесленным трудом. Именно это, а вовсе не «любовь к золоту», побуждала многих из них к социализму. Марру напоминали, что далеко не все евреи являются владельцами крупных капиталов. Кроме того, еврейские авторы реабилитировали коммерцию как основу экономических отношений в современном мире. Любопытно, что при этом некоторые из них заявляли, что ростовщичество позорит имя Израиля, и призывали от него отказаться. Такие высказывания показали, что германские евреи, вопреки Марру, вовсе не чувствовали себя в безопасности, не говоря уже о «власти над миром». Некоторые из них напоминали о вековой конфронтации иудаизма и христианства, но отказывались отводить еврейству статус расы.

В то же время еврейские авторы обращали внимание на подмоченную репутацию самого Марра. Они показывали, что, ассоциируя

себя с радикалами и демократами, он неоднократно предавал своих друзей, заключая альянс с их противниками. Марра обвиняли и в поддержке рабства в Америке. Некоторые даже намекали на его якобы еврейское происхождение. Однако тщательные разыскания этого не подтверждают, хотя позднее эту версию подхватил даже видный еврейский историк С. Дубнов.

В любом случае, критики Марра еще не ощущали опасности расового антисемитизма; многие из них верили в либерализм эпохи и с надеждой смотрели в будущее. В юдофобии они видели странный пережиток, место которому находилось на свалке истории. Между тем, расовый антисемитизм Марра не остался незамеченным в стане тех, кого он никогда бы не мог причислить к своим союзникам и доброжелателям. Основавший в сентябре 1879 г. Христианскую социалистическую партию, проникнутую антиеврейским духом, патер Адольф Штёкер говорил о борьбе между семитами и арийцами, и вслед за ним некоторые другие служители Церкви начали видеть борьбу с иудаизмом в расовом свете. В свою очередь, имевший еврейское происхождение пастор П. Кассель усмотрел в антииудаизме Марра новое язычество, способное привести к победе германства Нибелунгов над евангельским учением.

Все это обеспокоило Марра и заставило сделать окончательный выбор между враждующими лагерями. Здесь-то и проявился весь его оппортунизм, ибо теперь бывший яростный обличитель религии заявил: «Кто не может оставаться христианином и немцем, останется евреем», хотя и гражданином, но без права участвовать во властных органах. Объявив Германию и Пруссию христианскими странами, он призвал «освободить христианство из-под ярма иудаизма». Он также настаивал на том, что надо «защищать христианство, иначе начнется массовая иммиграция и придет настоящая ненависть к евреям». Позднее Марр с воодушевлением откликнулся на призыв кайзера 17 ноября 1881 г. к «практическому христианству». Тем самым, он сделал решительный шаг навстречу клерикалам и консерваторам. В этот момент он на время вновь почувствовал себя властителем дум и с радостью принял титул «отца антиеврейского движения». Он представлял себя военачальником, ведущим массы на решительный бой с евреями.

Для этого осенью 1879 г. и была создана Антисемитская лига, но эйфория, охватившая Марра весной, осталась уже далеко позади. К тому времени стало ясно, что, введя его в заблуждение, Костенобель вовсе не желал делить с ним свой бизнес. Жестко критикуя ев-

рейскую журналистику за злоупотребление рекламой, Марр был неприятно удивлен тем, что по этому пути шли и журналисты-антисемиты. Он с сожалением наблюдал за тем, как его единомышленники, отважившиеся выступать в печати с резкими нападками на евреев, лишались работы.

Ему казалось, что все это лишь подтверждает его правоту, ибо, развивая свои широкие концепции, он опирался, прежде всего, на свой личный опыт. Например, семейный опыт убеждал его в благоприятном исходе браков немецких мужчин с еврейскими женщинами. Обратную ситуацию он представлял с трудом, хотя в Германии заключалось еще больше браков мужчин-евреев с немками. Тем не менее, он сравнивал детей от таких смешанных браков с мулатами и полагал, что все это лишь портит расу. Личные отношения влияли и на его позицию по другим вопросам. Например, зная, что его оппоненты (евреи) из Гамбурга выступали против политики протекционизма, он ее поддержал, хотя в 1840-х гг. тоже был ее противником.

В отношении кардинальных социальных преобразований бывший революционер Марр проявлял колебания. Вместе с Бисмарком он предпочел бы реформы сверху, но его пугало, что этим воспользуются, прежде всего, еврейские финансисты, обладавшие, по его мнению, большей властью, чем само государство. Однако еще больше его страшила революция, которую могли осуществить деклассированные элементы. Полагая, что она будет направлена против евреев, он, тем не менее, подозревал, что ее плоды достанутся либо им, либо иезуитам.

Оставалось решить, что делать с евреями. В своей книге Марр высказывал пожелание, чтобы они переселились назад в Палестину. Но, охваченный глубоким пессимизмом, он не мог представить себе это в условиях их победы в Европе. Правда, поверив в победу германства, он склонился к поддержке стремления сионизма основать национальный очаг в Палестине. Марр внимательно присматривался к деятельности Монтефьоре, начавшего переселять туда самых бедных евреев. Он также знал, что европейские евреи намеревались отправить туда ортодоксов, вызывавших наибольшее неприятие в Европе. Однако он опасался, что в этом случае будет много сложнее опознавать европейских евреев, и им станет легче упрочить свою власть. Кроме того, он предчувствовал, что важным фактором на пути возвращения евреев в Палестину станут мусульмане. Поэтому этот план не вызывал у него большого энтузиазма.

В поисках выхода Марр предлагал «построить бастион против семитского наплыва, ибо образованный человек должен избегать варварских действий». Иными словами, по его мнению, следовало «изолировать евреев внутри государства и общества». Действенными мерами он видел запрет бизнеса с евреями, сведение к минимуму контактов с ними, бойкот еврейской прессы, отделение еврейского образования от нееврейского. Он надеялся, что это вынудит евреев уехать. Кроме того, Марр выступал против иммиграции российских евреев в Германию, и об этом, в частности, он говорил с Треповым. Он рассчитывал, что жесткая российская политика сможет оказать влияние на германскую. Что касается «варварских действий», то обсуждать их публично он не отваживался.

Как бы то ни было, надо было создавать нетерпимую обстановку, способную понудить евреев покинуть Германию. Для этого и была создана Антисемитская лига. Ее цели формулировались следующим образом: «Объединить неевреев-немцев всех деноминаций, всех партий и всех образов жизни в единый союз, который, отодвинув в сторону все другие интересы и политические различия, с большой энергией... будет бороться за спасение нашего германского отечества от полной иудаизации и за терпимую жизнь потомков исконных обитателей». Как Лига получила свое название? Вначале Марр оперировал терминами «германство» и «иудаизм», но последний он считал неудачным из-за его религиозных коннотаций. Тогда он ввел в свой лексикон термины «арийство» и «семитизм», использовавшиеся тогда в научной литературе. В своей новой газете он еще долго использовал термин «антиеврейский», видимо, полагая, что непривычный термин «антисемитизм» мало понятен читателям.

Антисемитская лига была учреждена в Йом Кипур (Судный день) 26 сентября 1879 г. Еврейские организации подозревали, что день был выбран сознательно, чтобы исключить возможность массовых еврейских протестов, ибо все евреи были заняты молитвами. Некоторые авторы предполагают, что новый и достаточно нечеткий термин «антисемитизм» был выбран сознательно как эвфемизм, помогающий избежать судебных преследований. Хотя газета Марра и называлась «Ежемесячником Антиеврейской ассоциации», такой организации никогда не существовало, и Марр прекрасно понимал, что не мог бы ее создать. По сути, Антисемитская лига возникла случайно, и не Марр был главным инициатором этого. 20 сентября его знакомый Гектор де Грузийе пригласил его на собрание «Ассо-

циации Лессинга», представлявшей собой христианскую организацию. Он знал об атеистических взглядах Марра, но готов был пойти на союз с ним против «еврейской угрозы».

На собрании Грузийе выступил с речью «Натан мудрый и Антисемитская лига», и было объявлено о слиянии «Антиеврейской ассоциации» с «Ассоциацией Лессинга». Новая организация получила название «Антисемитской лиги», но сам термин «антисемитизм» трактовался Грузийе не так, как Марром. Грузийе заявлял: «Мы взяли термин “Антисемитская лига”, вместо “Антиеврейской лиги”, чтобы показать, что мы видим разницу между немецкими евреями и *этой публикой*; мы также имеем в виду тех немцев, кто в качестве семитов отрицает свое христианство». Он пояснял, что «*эта публика*» означает «кагал как религиозную банду грабителей», а не евреев в целом. Иными словами, Грузийе боролся «с Божьей помощью за христианскую веру, кайзера, князей и Отечество», и в его устах термин «антисемитизм» имел религиозное, а не расовое, как у Марра, значение.

Все это, разумеется, не устраивало Марра, не имевшего решающего голоса в Лиге. Ее символами были дубовый лист и крест, и она занималась борьбой с евреями с христианских позиций. Что же касается термина «антисемитизм», то своим рождением он был отчасти обязан Марру. К этому Марра побудило нежелание ассоциироваться с антиеврейскими выступлениями Штёкера, лидера вновь возникшей Христианской социалистической партии, культивировавшей религиозную юдофобию. Ведь в своей книге Марр сделал, казалось бы, все, чтобы отмежеваться от такого рода риторики. Поэтому он возлагал все надежды на Грузийе, но тот грубо поломал все его планы. Марр со своим расовым антисемитизмом снова оказался в изоляции.

Еврейские организации тоже не сразу поняли, что реально происходило. Издававшаяся евреями Восточной Пруссии газета «Га-Магид» писала тогда: «Недавно в нашей стране создано новое общество. Его основатели назвали его “Антисемитской лигой”, что означает “общество против семитов” (евреев). Оно хочет получать деньги и всеми силами наносить вред евреям... Число его членов во всех землях ежедневно растет. Кто им руководит и кто определяет его характер? Штёкер». Впрочем, Штёкер, действительно, намеревался выступить с лекцией перед членами Лиги, хотя впоследствии он это и отрицал. Зато Марру даже не удалось стать ее председателем. Вместе с тем, Лига с самого начала получила дурную славу, ее

разъедали склоки, и скоро она распалась. Даже Штёкер поспешил от нее отмежеваться.

После того, как 21 ноября 1879 г. одна берлинская газета опубликовала список членов Антисемитской лиги, быть в каких-либо отношениях с ней стало неприличным. Марр понял, что его в очередной раз постигла неудача. Не лучше сложилась и судьба его газеты, которую ему пришлось закрыть в марте 1880 г. Больше повезло термину «антисемитизм», позволяющему в силу своей неопределенности скрывать антиеврейские настроения. Ведь тогда либерализм был в зените, и открыто заявлять о своих негативных чувствах к евреям многим казалось неудобным и даже опасным. Поэтому термин «антисемитизм» был быстро подхвачен рядом писателей и ученых. Путевку в жизнь ему дал ведущий немецкий историк того времени Г. фон Трейчке, известный своим афоризмом «евреи – наша беда». Впервые он использовал термин «антисемитизм» в своей направленной против евреев статье, вышедшей в ноябре 1879 г.

Тем временем Марр нашел себе нового союзника в лице Александра Пинкерта, основавшего 28 ноября в Дрездене еще одно антиеврейское движение «Общество реформ». На этот раз Марр повел себя осмотрительнее и обусловил свое участие тем, что «антисемитизм» будет пониматься в расовом духе. В феврале 1880 г. он начал выпускать «Антисемитский листок», а затем перешел к публикации «Антисемитских памфлетов». В них он яростно нападал на Штёкера, отстаивая платформу расового антисемитизма. Кроме того, он обрушивался на еврейскую прессу, годами вызывавшую у него ненависть.

Последние двадцать лет жизни Марр провел во все нарастающей изоляции. Его отношения со своими почитателями и единомышленниками, стремившимися к совместным с ним предприятиям, портились вскоре после того, как они обнаруживали его финансовую несостоятельность. Так произошло, например, с Пинкертом, от которого Марр ожидал получения гонораров за свои статьи. На все просьбы Марра тот холодно отвечал, что не в состоянии его обеспечивать и что тому следовало быть благодарным за ту популярность, которую они ему приносят. Однако противнику «материализма» Марру одной популярности для жизни было недостаточно; ему требовалось нечто более материальное. Марра также не пригласили на Первый и Второй антисемитские конгрессы, проходившие в 1880-х гг. Мало того, журнал возникшего тогда «Антиеврейского союза» не счел нужным сделать его своим автором. Не

жаловали Марра и другие деятели поднимавшейся в те годы ранней волны политического антисемитизма. Враждебная обстановка окружала Марра также и в Гамбурге, где люди сторонились его антиеврейских взглядов.

Впрочем, через несколько лет положение Марра несколько улучшилось. Его прежние соперники по «борьбе с евреями» сошли со сцены, а для нового поколения Марр представлялся героической фигурой, «патриархом антисемитизма». Восходящая звезда антисемитизма, Теодор Фрич скрупулезно перечислял в 1885 г. имена тех, кто оказался банкротом и отошел от борьбы. Среди них он упоминал Штёкера и Пинкерта. Марра он также готов был списать со счета и предполагал, что скоро из всех «антисемитов» останется один он, Фрич. Между тем, пока Марр еще был жизнеспособен, Фричу казалось выгодным использовать его имя. В свою очередь, злорадствуя по поводу своих недавних соперников, Марр готов был стать знаменем нового антисемитизма и был несказанно рад предложению Фрича о сотрудничестве. Он уже предвкушал удовольствие от того, как добьет своих бывших оппонентов и сделает свою концепцию основой нового антисемитизма. Между тем, в планы Фрича это вовсе не входило. Фрич понимал, что своим крахом ранний антисемитизм был обязан склокам и разногласиям между лидерами разных движений. Своей задачей он считал сплочение всех ненавистников евреев, независимо от занимаемых ими идейных позиций. В отличие от Марра, чистота принципов Фрича мало волновала, и он готов был печатать и популяризировать самые противоположные концепции, лишь бы они доставляли вред евреям. В этом он видел «преодоление односторонности». Он полагал, что публике нужны простые броские лозунги, а не заумные споры по теоретическим вопросам. С этой точки зрения, для него все антисемиты были правы, сколь бы разных взглядов они ни придерживались.

Эти позиции и разделяла основанная Фричем газета «Антисемитские сообщения». В Марре он видел узкого эксперта, годного лишь для критического чтения рукописей и ответов на письма читателей. В свою очередь, Марр весьма невысоко ставил «животный дарвинизм» Фрича, считавшего евреев «паразитами», посланными Богом для испытания людей. Мало того, тот пытался обвинить в «еврействе» любого неприятного ему человека. Но, чтобы остаться на плаву, Марру приходилось со всем этим мириться, ибо он хорошо понимал, что другой работы ему уже не найти.

Однако и это не было пределом несчастий Марра. Он был взбешен, узнав, что Фрич назначил главным редактором газеты антисемита Освальда Циммермана, любовницей которого была его бывшая третья жена, в свое время обобравшая его до нитки. И эту женщину тот пытался привлечь к работе в газете. Назревал скандал, и Фричу, которому его консервативные установки не позволяли привлекать к антисемитскому движению женщин, тем более с еврейской кровью, пришлось отказаться от своих планов, и Циммерман получил отставку. Вместе с тем, положение Марра это не улучшило. Он испытывал моральные страдания от вульгарных взглядов Фрича, не будучи в силах на него повлиять. На все замечания Марра тот обвинял его в старческом брюзжании и неизменно стоял на своем. Марр снова стал впадать в черный пессимизм, и, видя это, Фрич издевательски замечал: «Антисемитизм – это шаг на пути к взрослению человечества. Если ты будешь писать в этом духе, я с удовольствием приму твои статьи... Пессимизму нет места в великом духовном движении; это – знак слабости и отсутствия способностей. Я думал, что твой пессимизм – это просто маска... Но время этого прошло... Ты болен... Только здоровые люди ценны для этой борьбы... Ты сам виноват в твоих сложных обстоятельствах... Если ты со всеми ссоришься, кто придет тебе на помощь в беде?»

В июне 1886 г. Фрич создал Германскую Антисемитскую Ассоциацию, разъяснив, что она направлена против евреев. Под «семитизмом» Фрич понимал суть «еврейской расы», чьи особенности вовсе не ограничивались для него «иудаизмом». Он писал: «Антисемит – это ненавистник евреев».

Между тем, добиться полного единства рядов ему не удалось, ибо вскоре параллельное движение было основано О. Бёкелем. Вошедший туда Циммерман позаботился о том, чтобы между двумя лидерами установились враждебные отношения. Антисемитизм снова оказался в кризисе, его христианские и антихристианские сторонники никак не могли поладить друг с другом, и Марру казалось, что настало время окончательно доказать правильность своей концепции. Но его никто не слушал, и он стал обвинять всех лидеров антисемитизма в неумении понять траекторию развития современного мира. Мало того, в это время ему уже начало казаться, что еврейский фактор был далеко не главным среди тех нездоровых тенденций, которые вели к неминуемому социальному краху.

Его материальное положение катастрофически ухудшалось, и, сам того не желая, он стал сопоставлять условия своей работе в ев-

рейской и антиеврейской прессе. Сравнение было явно не в пользу последней: издатели-евреи ему, по крайней мере, когда-то платили, хотя и меньше, чем он рассчитывал; зато издатели-антисемиты вообще отказывали ему в гонорах. Все это он тогда описал в своей новой работе «За филосемитизм», которую он не решался опубликовать при жизни и которая была опубликована лишь сто лет спустя. Тем не менее, выбора у него не было, и он еще несколько лет был вынужден сотрудничать с Фричем. Разрыв произошел после того, как тот прислал ему к Рождеству кровавую колбасу. Увидев в этом жалкую подачку, Марр больше не мог терпеть и в начале 1889 г. окончательно ушел от него. С тех пор Фрич делал все, чтобы вымарать имя Марра из истории антисемитизма.

Последние контакты Марра с антисемитами приходятся на конец 1880-х гг. Тогда несколько гамбургских антисемитов оказали ему честь, пригласив во вновь созданный «Немецкий клуб», учрежденный в 1888 г. для «возвращения немецкого духа». Но Марр не получил там никакой должности, и его оставили в стороне от участия в Антисемитском конгрессе, состоявшемся в Бохуме в 1889 г. Лозунг «Христианство, Кайзер, Отечество», под которым клуб выступал на выборах в 1889 г., Марру претил. И он нашел в себе силы порвать с этой организацией.

В эти годы он опубликовал одни из своих самых противоречивых статей, где делались весьма опасные выводы. Он, с одной стороны, нападал на социал-демократов, а с другой выступал против «золотого Интернационала» и заклинал социалистов порвать с евреями, якобы водившими их за нос. Он настаивал на том, что «антисемитизм требует порвать с обманной экономической философией, существующей благодаря евреям». Тем самым, Марр фактически отказывался от своих былых либеральных экономических воззрений и переходил в лагерь реакции. Марр видел в антисемитизме «социалистическое движение, но более благородное и чистое, чем социал-демократия». Он писал: «Будущее принадлежит социализму. Но вопрос состоит в том, станет ли этот социализм арийским или еврейским». Пройдут еще два-три десятилетия, и модель германского социализма подхватят Шпенглер, Меллер ван ден Брук и национал-социалисты. Социал-демократы, называемые Марром «иудейскими», стояли в стороне от этого «магистрального пути», и он обрушивался на них со всей свойственной ему энергией.

Фрич снова повел себя непорядочно, опубликовав одну из этих статей без указания автора. Это переполнило чашу терпения Марра.

Он оставался сторонником «антисемитского социализма», но резко отзывался о современных ему антисемитах за их неспособность понять его суть. Марр мыслил широкими социальными категориями и думал о судьбах мира, а Фрича беспокоили лишь текущие потребности антисемитского движения. Марр мечтал о «моральной революции», а Фрич развивал теорию «малых дел». Марр ожидал, что социальную революцию возглавит город, а Фрич делал ставку на маленькие городки и поселки, где, на его взгляд, только и сохранился «здоровый дух». Любопытно, что именно антисемит Фрич был инициатором движения «город-сад», призывавшего устремляться из больших городов на природу.

Для Марра именно антисемиты были призваны стать авангардом будущей социальной революции. Его охватывали моральные терзания, когда он замечал, что «иудейская социал-демократия» действует не в пример эффективнее. Все это и заставило престарелого Марра написать в конце 1891 г. «Завещание антисемита», где он порывал с антисемитами, сохраняя однако ряд антисемитских предрассудков. Он говорил о «дельцах от антисемитизма», так и не добившихся общественной поддержки, в отличие от ряда еврейских мыслителей (Бёрне, Гейне, Маркс, Лассаль), ставших подлинными властителями дум. Ему приходилось признать, что «общественные настроения склоняются к социал-демократии», а «антисемитизм популярен лишь у малообразованной буржуазии». Он обвинял «дельцов от антисемитизма» в том, что они пресмыкаются перед либералами и кайзером и неспособны увлечь людей какими-либо захватывающими проектами. В принципе, он признавал крах антисемитизма и, скрепя сердце, даже соглашался на власть евреев ибо, «исходя из своих собственных интересов, еврей не станет пить из нас последнюю каплю крови». Это устраивало его больше, чем «ярмо, надетое на нас дельцами от антисемитизма». Теперь он раскаивался в своей антисемитской деятельности и просил прощения у евреев: «Моей ошибкой было то, что после публикации памфлета («Победа иудаизма над германством») я снова занялся антисемитской деятельностью. Я дорого заплатил за это и раскаиваюсь. Моим именем лишь использовали дельцы от антисемитизма. Напрасно я с ними связался. Ведь это – антисемитизм воров, банды антисемитов».

Марр предсказывал, что «со временем все больше честных людей будут отходить от дельцов от антисемитизма и идти на компромисс с евреями». Обращаясь к расовому вопросу, он высказывал сомнения в правильности своих прежних воззрений. Признавая, что

вокруг быстрыми темпами идет расовое смешение, он отмечал, что невозможно было сказать, хорошо это или плохо. «Догма арийской крови кажется мне глупостью», – писал он теперь. Завещание Марра заканчивалось следующими знаменательными словами: «Я прошу прощения у евреев и христиан за то, что дал себя увлечь удобным и вульгарным антисемитизмом. И я порываю с антисемитами... Я склоняю голову перед сфинксом истории, перед иудаизмом, который за 4000 лет оказал на нее огромное влияние. И неважно, является ли он “божественным явлением” или “естественным явлением”. Он заслуживает больше уважения, чем коммерциализованный антисемитизм. Все наше развитие основано на еврейском мировоззрении. Без него никакой социальный порядок невозможен. Даже если бы мы истребили всех евреев, еврейский “дух” остался бы с нами, как это доказывают дельцы от антисемитизма. Поэтому для меня никакого особого еврейского вопроса теперь не существует».

Иными словами, Марр начинал осознавать закономерности исторического развития. Правда, оставаясь на платформе радикального индивидуализма, он по-прежнему был склонен объяснять их деятельностью отдельного народа (Марр до конца жизни оставался поклонником одного из лидеров «Молодой Германии» Людвига Бёрне, первым отождествившего «еврейство» с миром бизнеса в своем эссе «Вечный Жид»). В этом и заключалась суть его «высокого антисемитизма» в отличие от «вульгарного». Однако, признавая, что «еврейский дух» сохраняется в обществе при отсутствии евреев, он фактически говорил о неизбежности рыночной экономики и массового общества, индустриализации и модернизации. Ненавидя это общество с обременявшими его социальными проблемами, Марр продолжал мечтать о социальной революции. Но евреи теперь были не при чем, и поэтому «еврейский вопрос» перестал его волновать.

Однако прозрение пришло слишком поздно. Хотя Марр и попытался публично заявить о своем разрыве с антисемитизмом, никто этого не заметил. В начале 1890-х гг. он был прочно забыт и вычеркнут из истории. Он продолжал писать, но теперь его никто не публиковал. Последние годы жизни он провел в нищете и умер 17 июля 1904 г.

Споры антисемитов о термине «антисемитизм» продолжались и после смерти Марра. Некоторым не нравилось, что он образован от имени библейского персонажа и это не позволяло радикально отмежеваться от религиозных основ ненависти к евреям. Другие подчеркивали, что есть народы с семитскими языками, которые, тем не

менее, тоже недолюбливают евреев. Третьи указывали, что ненависть к евреям имеет не только расовые, но и духовные основания. Поэтому в изданиях Фрича часто использовался более точный термин «враги евреев». В 1930-х гг. глава нацистской расовой науки Ганс Гюнтер предлагал заменить термин «антисемитизм» термином «антиеврейство». После прихода нацистов к власти терминологическая проблема стала политической. Тогда директор расово-политического отдела нацистской партии Вальтер Гросс доказывал, что нацисты ведут борьбу не с носителями семитских языков, а с евреями. Когда бывший иракский премьер-министр Рашид Али эль Гайлани поинтересовался у него, причисляют ли немцы и арабов к низшим расам, Гросс уважительно отозвался о «чистых расах», к которым он относил «переднеазиатскую» и «ориентальную», и избрал евреев представителями «смешанной расы». Тогда-то он и заявил, что термин «антисемитизм» неверен (используя вслед за нацистами эту иезуитскую логику, лидер «Памяти» Дм. Васильев также доказывал, что семитами являются, прежде всего, арабы, а потому антиеврейские высказывания неверно называть «антисемитизмом». См. его интервью газете «День», 1992, № 11). Однако его коллега Карл Мецгер писал о запрете «расового смешения» с «переднеазиатской» и «ориентальной» расами. Исключение он делал только для населения европейской части Турции.

Жизнь Марра, потраченная впустую на борьбу с призрачным врагом, закончилась печально. А оставленный им термин остается противоречивым и до сих пор соблазняет иных авторов на манипуляции в надежде избежать обвинений в разжигании религиозной и расовой розни.

Не лучше сложилась и судьба предприятия, задуманного Емельяновым. По ряду причин планы создания ВАСАМФ «Память» пришлось временно отложить, но усилия участников «антисемитского кружка» не пропали даром, и в 1979-1980 гг. «гора родила мышь» – возникло скромное «Общество книголюбов», преобразованное вскоре в Литературное общество «Память». Лишь в конце 1987 г. Емельянову удалось основать свой Всемирный Антисемитский и Антимасонский Фронт (ВАСАМФ) «Память». Выступая от имени «большинства коренного населения каждой из стран мира», Фронт ставил своей главной целью борьбу против угрозы господства «еврейского нацизма (сионизма)». Конечная задача Фронта определялась установлением во всех странах мира «антисемитской и антимасонской диктатуры», которая бы не посягала на особенности

существующего государственного строя. Иначе говоря, Фронт объявлял начало расовой борьбы, выдавая ее за борьбу за демократию, якобы призванную спасти мир от ужасов, «уже испытанных народами России и Палестины». Фронт проявлял особые симпатии по отношению к палестинцам, видя в них братьев по страданиям от «геноцида со стороны еврейских нацистов» и заявляя о своей поддержке Организации Освобождения Палестины.

Вместе с тем, «всемирные» рамки Фронта ограничивались в начале 1990-х гг. несколькими десятками человек, имевшими в Москве свой военно-спортивный клуб. В последние годы жизни Емельянов как будто бы выступал за реставрацию монархии в России, уповал на «династию Сталина» и прочил в правители внука Сталина полковника в отставке Евгения Джугашвили. К концу жизни Емельянов как политическая фигура полностью сошел со сцены, однако его имя до сих пор пользуется большим почетом и уважением среди русских неоязычников, считающих его «отцом-основателем». В 1997 г. он вместе со своими немногочисленными сторонниками присоединился к карликовому Русскому национально-освободительному движению (РНОД) А. Аратова и некоторое время был главным редактором учрежденной тем газеты «Русская правда». Так бесславно кончилась деятельность «Всемирного Фронта», повторившего судьбу Антисемитской лиги.

В 1996 г. журнал «Русская правда» переиздал брошюру известного композитора Рихарда Вагнера «Еврейство в музыке», а в следующем году она вышла отдельным изданием в издательстве «Русская правда». Между тем, вопрос о том, как такое произведение могло выйти из-под пера великого музыканта, там даже не ставился, и основания его антисемитских взглядов оставались скрытыми от читателя. Внимательный анализ показывает, что «Еврейство в музыке» являлось лишь вершиной айсберга. Взгляды Вагнера по «еврейскому вопросу» заслуживают тем большего внимания, что он оказывается одной из ключевых фигур, стоявших у истоков расового антисемитизма, в конечном итоге приведшего к «окончательному решению еврейского вопроса».

Рихард Вагнер (1813–1883) опубликовал свой памфлет «Еврейство в музыке» в 1850 г. Там обсуждался средневековый образ Вечного Жида, Агасфера, ставший важным символом для молодых немецких революционеров 1830-х – 1840-х гг., жестко связывавших все ужасы капитализма («власть денег») с «еврейским духом». Так, в 1838 г. модный романист, лидер литературного движения «Молодая Германия» Карл Гуцков увидел в Агасфере квинтэссенцию эгоизма и отсутствия человеколюбия. Он доказывал, что евреи должны обратиться к любви, чтобы стать «истинными людьми». Гуцкову и его последователям казалось, что для этого евреям надлежало отказаться не только от иудаизма, но и от своей идентичности. Им нужно было «умереть», чтобы освободиться от вечного скитальчества. Этот подход разделял и другой лидер «Молодой Германии», принявший христианство журналист еврейского происхождения Людвиг Бёрне, отождествивший в своем эссе «Вечный Жид» (1821) мир бизнеса с «еврейским духом». Позднее образ еврея как символа денег подхватил и молодой Карл Маркс.

В 1858 г. французский социалист Пьер-Жозеф Прудон видел в скитаниях Агасфера особенность «меркантильных рас», способных создать свое государство. Таким «расам» якобы суждено было быть эксплуататорами, противными человеческой природе. Он полагал, что евреи всегда останутся «расой паразитов, ищущей власти над миром».

В свою очередь, младогегельянцы подходили к образу Агасфера с морально-этических позиций и видели в нем подтверждение своих идущих из христианской доктрины идей об аномальности иудаизма и еврейства. Они изображали иудаизм мировым злом, от которого революция и должна была освободить человечество. Они противопоставляли иудаизм христианству как религию закона религии любви. Для них иудаизм противоречил современной этике и должен был умереть. Он не имел оправдания и как показатель национальности. Ведь они были убеждены в том, что, дав жизнь христианству, иудаизм уже выполнил свою миссию и должен был уйти в небытие вместе со своими приверженцами. В русле этой доктрины евреи представлялись неизвестно как выжившим остатком «примитивного человечества», которому не находилось места в современном мире. Таких взглядов придерживались, например, Людвиг Фейербах и Бруно Бауэр.

В своем неприятии евреев немецкие революционеры той эпохи даже готовы были подхватить «кровавый навет». Например, в 1841 г. Людвиг Кёлер написал «Нового Агасфера», где доказывал, что Иегова требовал от людей лишь молитв и жертвоприношений вместо того, чтобы дать им свободу. Тогда истинный Бог якобы послал к ним своего сына Иисуса бороться за свободу, но тот стал предметом зависти кровожадного Иеговы и его евреев. А через два года уже и Фейербах заявлял: «Вера жертвует человека Богу... Кровавые человеческие жертвоприношения только драматизируют эту идею... О человеческих жертвоприношениях в иудаизме см. работы Даумера». Тогда же друг Маркса, Моисей Гесс утверждал, что при капитализме эта традиция рождает эксплуатацию, то есть культ Молоха сменяется культом Маммоны. Специалисты предполагают, что все эти рассуждения были навеяны событиями в Дамаске, где в 1840 г. евреи были обвинены в ритуальном убийстве.

Однако Бёрне полагал, что критикует иудаизм из любви к евреям. Он верил, что евреи безболезненно исчезнут в горниле грядущей революции и «уничтожение еврейства произойдет мягкими мерами». Это означало, что они просто, подобно ему, примут христианство. В свою очередь, другой духовный лидер «Молодой Германии», поэт Генрих Гейне, увидел в образе Агасфера подтверждение вечной жизнеспособности «еврейской расы».

Иными глазами на это смотрел Рихард Вагнер. Для него Агасфер был безоговорочно отрицательным образом, символом стерильности и ненужности еврейского существования. Об этом он и писал в пам-

флете «Еврейство в музыке». Бывший когда-то горячим поклонником Гейне и почерпнувший у него немало идей, теперь Вагнер представлял того Мефистофелем современной ему германской культуры, отравлявшим своей иронией все лучшее, что там было. Пытаясь понять суть этой ядовитой иронии, Вагнер проводил жесткую границу между «германским» и «еврейским» искусством и утверждал, что Гейне – это исключительно «еврейский поэт». Вагнер писал издевательски, что у евреев отсутствует музыкальный слух и они неспособны четко выговаривать слова. Но «еврейское искусство» его не устраивало не только этим, ибо он усматривал в нем также «эгоизм» и «власть денег». Поэтому он соглашался с К. Гуцковым в том, что евреи должны были «умереть», влившись в доминирующее общество и потеряв прежнюю идентичность. Ему чрезвычайно понравился введенный Гуцковым термин «самоуничтожение» (Selbstvernichtung), и он часто использовал его в своем памфлете. Примером «самоуничтожения» еврея он представлял Л. Бёрне, принявшего крещение. «Иудейский закон» должен был быть отброшен, и Вагнер призывал к уничтожению «иудаизма» в искусстве и обществе.

Специалисты полагают, что, если вырвать памфлет «Еврейство в музыке» из исторического контекста, он потеряет всякий смысл. Действительно, для Вагнера он представлялся своеобразным вкладом в оживленную дискуссию о том, передались ли еврейской светской музыке особенности музыки синагогальной (в особенности, речь шла о «Пророке» Дж. Мейербера) и существует ли «еврейская музыка» вообще. Вагнер не только отвергал «еврейскую музыку», но рассматривал еврейскую культуру в целом как культуру низшего порядка, дегенеративную в своих основах.

Однако взгляды композитора, отраженные в этом памфлете, сформировались не сразу. В молодости его увлекали идеи революционного обновления германского общества. Однако это была не столько социальная революция, сколько духовная, вытекавшая из установок немецкой классической философии. Создавая образ окружающего мира, та придавала немаловажное значение евреям. Иммануил Кант видел в иудеях не религию, а «нацию ростовщиков...». В философии И. Г. Фихте евреи символизировали порабощенный человеческий дух, который и призвана была освободить германская революция. По словам еврейского мыслителя Саула Ашера, Фихте развил моральный антисемитизм Канта в революционную философию. Фихте видел в немцах избранную нацию с общечеловеческой миссией, но опасался, что ей грозит быть распятой

другими нациями, прежде всего, евреями. Ему евреи представлялись реакционной силой, тормозившей формирование нового европейского человека: иудаизм сковывал дух, а золото развращало душу. Все это и должна была смести грядущая революция.

Именно в такой интеллектуальной атмосфере проходило становление юного Вагнера, в 1830-х – начале 1840-х гг. тесно связанного с деятелями «Молодой Германии». Им он был обязан как своей революционностью, так и отношением к «еврейскому вопросу». Родившись внутри литературного течения, эта революционность делала ставку на переворот в литературе и искусстве, что и должно было кардинально изменить само общество, превратить его в универсальную республику свободы. Собственность там будет отменена, деньги исчезнут, совершится отказ от буржуазной морали и наступит царство любви, – мечтали молодые интеллектуалы.

Первым большим успехом Вагнера на музыкальном поприще стала опера «Риенци», законченная в 1840 г. В ней он воспевал революционный режим, введенный в средневековом Риме трибуном Риенци. Однако речь шла не о либеральной республике, а о мистическом единстве лидера с народом. В своей опере Вагнер предвосхитил будущую массовую политику, пропаганду и принцип фюрерства, что позднее дало критикам основание назвать ее «фашистской оперой». Кроме того, там впервые прозвучала тема революционного искупления через любовь и смерть, оставшаяся с Вагнером на всю жизнь.

Правда, в этой опере Вагнер выступал все еще сторонником универсальной революции, но уже вскоре он осознал, что его интересы связаны не с абстрактным человечеством, а с конкретным германским народом. Поэтому в 1840-х гг. он обратился к германской мифологии, ища там сырье для образов и аллегорий грядущей революции, которую он теперь видел не только социалистической, но и национальной. Теперь абстрактной «франко-еврейской» революции он противопоставлял такую, которая будет тесно связана с германским самосознанием. Новые настроения Вагнера отчетливо проявились в опере «Лоэнгрин» (1845), где было показано германское государство, основанное не на классовой структуре, а на чувстве общегерманской солидарности.

Большое влияние на Вагнера в 1840-е гг. оказал Генрих Гейне. Именно он придумал оппозицию эллины – назаретяне как противопоставление «чувственности» «морализму» (отсюда ницшеанская оппозиция «апполонство – дионистийство»). Он же ввел понятия «искупление плоти» и «реабилитация плоти» в знак отвержения

буржуазного брака и буржуазной морали. Все это вдохновляло молодых революционеров и, разумеется, не могло пройти мимо Вагнера. У Гейне он почерпнул такие образы, как Летучий голландец, Тангейзер, валькирии, Зигфрид, Нибелунги; у него он заимствовал и рассуждения о революционном мессианстве. Термин «сумерки богов» (*Götterdämmerung*) также был взят из поэмы Гейне 1823 г. Правда, в конце 1840-х гг., когда Гейне открыл в себе еврейское самосознание, а Вагнера все больше обуревали антиеврейские настроения, композитор изменил свое к нему отношение. С тех пор он был склонен принижать влияние Гейне на свое творчество.

Неизгладимое впечатление на Вагнера оказал К. Гуцков, с которым он познакомился в 1846 г. Гуцков поддерживал эмансипацию евреев, но винил их в «религиозном мракобесии», считая, что как народ они должны были «умереть», влившись в доминирующее общество и потеряв прежнюю идентичность. Вагнеру нравился этот подход, но не только он определял его отношение к «еврейскому вопросу». Как вспоминал впоследствии Гуцков, «этот храбрец и на вид честный малый всем своим существом ненавидит то, ненависть к чему он более всего хотел бы скрыть: ведь он не хотел бы казаться завистливым». Действительно, до 1847 г. Вагнер поддерживал дружеские отношения с некоторыми известными евреями, среди которых ведущее место принадлежало поэту Гейне и композитору Дж. Мейерберу (1791-1864). Кроме того, в начале его карьеры значительную помощь ему оказали журналист А. Левальд, композитор Ф. Галеви, филолог С. Лер, дирижер Ф. Гиллер и издатель М. Шлезингер. Вагнер, не смущаясь, использовал все эти связи для своей карьеры. В те годы его антисемитизм оставался достаточно абстрактным и, как мы знаем, ограничивался образом евреев как служителей «золотого тельца», заложивших основу буржуазного общества. Тогда он даже не гнушался обращаться за деньгами к еврейским ростовщикам, хотя и испытывал к ним скрытую неприязнь. Однако уже в те годы Вагнер начал наделять героев своих опер (Тангейзер, Лоэнгрин) некоторыми приписываемыми евреям чертами характера (эгоизм, недостаток душевности и любви), сохраняющимися у них до момента искупления. В то же самое время зрителям было очевидно, что эти герои достигали искупления именно потому, что не были евреями. В 1850-1851 гг. Вагнер уже открыто подчеркивал, что искуплению евреев в его операх места не находилось. Зато он приветствовал добровольный отказ от богатства и искупление через любовь и искусство.

В конце 1840-х гг. взгляды Вагнера сместились к более агрессивному антисемитизму. Все началось с его разлада с известным композитором Мейербером, неоднократно помогавшим ему в начале его карьеры. В 1847 г. провалом закончилась постановка в Берлине пьесы «Струэнзе», написанной другом Вагнера, Г. Лаубе. Тот усмотрел в этом происки Мейербера. Определенный повод к этому был. Ведь его опередил брат Мейербера, еще раньше написавший пьесу с тем же названием, и Мейербер позаботился о том, чтобы она была поставлена в Берлине в 1846 г. Пьеса имела успех, и поэтому большого интереса к пьесе Лаубе искушенная берлинская публика не испытывала.

Тогда взбешенный Лаубе написал предисловие к своей пьесе и опубликовал его в ноябре 1847 г. Там он обвинял композитора в коммерческом использовании искусства, а также в стремлении «всеми средствами уничтожить мою пьесу» руками «Ирода и Пилата». Это он ставил в прямую связь с еврейским происхождением композитора. Затем он переходил к обобщениям и обнаруживал у евреев стремление переделать на свой лад германское искусство, однако с оптимизмом заявлял, что им это не удастся, ибо они не понимают германскую душу. Он утверждал, что «евреи являются восточной нацией, совершенно нам чуждой». Выступление Лаубе заканчивалось восклицанием: «Либо мы поступим варварски и вырвем с корнем всех евреев, либо должны их полностью ассимилировать».

Именно эти идеи и подхватил Вагнер, развив их в памфлете «Еврейство в музыке». И хотя там он открыто не называл Мейербера, именно его он винил в коммерциализации искусства, мешавшей всему «органическому и прекрасному». Если Лаубе лишь сетовал по поводу принадлежности театра князьям, а не нации, то Вагнер уже в мае 1848 г. задумал создать национальный театр. Для него это означало освобождение того от еврейского духа коммерции.

Правда, позднее Лаубе изменил свое отношение к евреям и начал подчеркивать роль еврейской закваски в немецкой культуре. Если в музыке Мейербера звучала мелодия синагоги, это – полагал он – было вовсе не так уж плохо, и уж во всяком случае лучше «дубовой» и «ненемецкой» музыки Рихарда Вагнера. Теперь он даже противопоставлял уравновешенность Мейербера неприятной (еврейской!) неугомности Вагнера.

В 1847 г. Вагнер, подобно его другу Лаубе, потерпел неудачу с постановкой оперы «Риенци» в Берлине. Его одолевали кредиторы,

положение казалось ему катастрофическим, и он уже подумывал о самоубийстве. Пережив в ноябре 1847 г. самый глубокий в своей жизни кризис, Вагнер внезапно нашел универсальное объяснение своей неудаче – виновным во всем оказался иудаизм, персонифицировавшийся в лице Мейербера. В действительности, услышав однажды «Риенци», Мейербер был покорен талантом Вагнера и вызвался помочь ему поставить эту оперу в Берлине. Однако, это оказалось нелегко, переговоры заняли несколько лет, и Вагнер стал подозревать, что Мейербер потерял к нему интерес. Зная о большом влиянии этого композитора в Берлине, спустя несколько лет Вагнер уже открыто обвинил Мейербера в том, что осенью 1847 г. его опера встретила в Берлине весьма холодный прием – публика на нее не шла, король Пруссии ее проигнорировал, а пресса разразилась недружелюбной критикой. После этого Вагнер уже не мог сохранять с Мейербером дружеские отношения. А ведь еще в 1840 г. он признавался Шуману, что всем обязан Мейерберу. Теперь же ему вспоминались не только злоключения Лаубе, но и то, что, когда год назад он оказался в стесненных обстоятельствах, Мейербер отказался ссудить ему 1200 талеров (огромная по тем временам сумма, составлявшая годовой доход композитора). В январе 1848 г. Вагнер тяжело переживал смерть матери. Свалившиеся на него в конце 1847 – начале 1848 гг. неудачи и невзгоды навевали мрачные мысли, и после похорон он имел беседу с Лаубе о неприятных тенденциях в мире. Разговор был проникнут духом идей, уже высказанных тем во введении к «Струэнзе». Собеседники обсуждали вторжение «еврейского коммерческого духа» в германское искусство и мечтали о революции, призванной с этим покончить. Так началось посвящение Вагнера в интеллектуальный антисемитизм.

Окончательный переворот в душе Вагнера произвела революция 1848 г. По словам его первой жены Минны, именно тогда он начал обличать «всю расу» (евреев), представители которой когда-то помогли ему сделать карьеру. Такие памфлеты композитор действительно писал в начале 1848 г., однако тогда они не были опубликованы. Вагнер был воодушевлен революционными событиями и примыкал к радикальным журналистам, а в мае 1849 г. его видели на баррикадах в Дрездене. Между тем, революцию он воспринимал как «расовую борьбу», облакая свои мысли в религиозные метафоры. Себя он представлял Иисусом Христом, поднимавшим массы против «римско-еврейского мира» и выгонявшим менял из Храма. Революция же виделась ему Богиней, провозглашавшей противо-

стояние двух народов – один она вела за собой, а другой безжалостно уничтожала.

Показательно, что именно весной 1849 г. Вагнер написал сценарий к «Иисусу из Назарета», где жесткий иудейский закон Контрастировал с христианской любовью. При этом «иудейский закон» сливался в его сознании в одно целое с отношениями собственности и институтом брака – от всего этого требовалось решительно избавиться. В том, что Иисус пришел уничтожить иудаизм вместе со всеми его атрибутами (собственностью, законом, браком и пр.), и заключался для Вагнера смысл моральной революции. Так композитор превратил историю Христа в миф секулярного революционного антисемитизма.

В 1849-1850 гг. Вагнер написал ряд памфлетов, окончательно определивших его жизненное кредо. Тогда он впервые объявил «народность» основой искусства. При этом «народ» (Volk) понимался в расовом духе – каждый «народ» был создателем и носителем сугубо своего собственного искусства, отражавшего его внутреннюю сущность. В пример он приводил «еврейское эгоистическое отношение к природе», противопоставляя его греческому ее одухотворению. Вагнера бесконечно восхищали хорошие взаимоотношения древних греков с природой, не шедшие ни в какое сравнение с «еврейским утилитаризмом». Здесь-то ему и вспоминалась гейневская оппозиция «эллина – назаретяне», и он прославлял Аполлона как покровителя искусств. Наконец, уже тогда Вагнер начал настаивать на том, что христианство должно избавиться от «духа иудаизма», чтобы стать «религией будущего». За всем этим просматривалось влияние Фейербаха, которого Вагнер впервые прочитал в 1848 г. Несколько позже, в 1855 г. Вагнер вслед за Фихте пытался отделить христианство от «иудейских элементов» и в этом перекликался с Прудоном, обуреваемым в те годы идеей «арийского христианства».

В 1849 г. Вагнер сошелся с Михаилом Бакуниным и подпал под его личное обаяние. У того он почерпнул идею о «возрождении человечества» через насилие и разрушение, и тогда революция обрела для него мистические черты. «Народ» должен был получить искупление в «огне» – этот мотив Вагнер использовал в финале «Сумерек богов». Между тем, революционная концепция Бакунина была проникнута ненавистью к евреям, обуявшей его после разрыва с Гессом и Марксом. Двадцать лет спустя Бакунин изображал евреев «эксплуататорами по определению, стремившимися захватить власть в мире путем контроля за банками, коммерцией и прессой». Именно

его воображение создало гибрид из добропорядочного буржуа и неумемного социалиста («евреи одной ногой стоят в банке, другой в социалистическом движении»). Этот фантастический союз для него олицетворяли Ротшильд и Маркс. Иегову Бакунин изображал деспотом и «Богом-убийцей», а евреев вслед за Прудоном обвинял в «социальном паразитизме» и заявлял, что они «пожирают народы мира». Правда, одних евреев ему казалось мало, и он конструировал «еврейско-германский» союз, якобы направленный против свободолюбивых славян.

Но в операх Вагнера, разумеется, доминировали «германские интересы». Теперь «раса» и революция выступали у него в нерасторжимом единстве. Впервые это как будто бы проявилось в «Кольце Нибелунга» (1848-1849), где давалась аллегория разрушения капиталистического порядка и показывался путь к любви и свободе через искупление. В глазах немецкой публики того времени капитализм безошибочно ассоциировался с «властью евреев», и тем самым, революция, которую приветствовал Вагнер, имела для него и его современников антисемитское содержание. Поэтому карлику Альбериху, символизировавшему самые уродливые стороны буржуазного общества, Вагнер сознательно приписывал «еврейские черты характера». В 1881 г. Вагнер сам намекнул на антиеврейскую программу Нибелунгов, связав золото Нибелунгов с современной финансовой системой и евреями. Те же идеи звучали и в других его операх. Например, «Сумерки богов» должны были показать зрителю, как буржуазное общество и иудаизм будут сметены революцией. И вовсе не случайно он приступил к работе над этим произведением в августе 1850 г., когда он написал памфлет «Еврейство в музыке».

Специалисты считают, что этот памфлет открывает целую эпоху в германском антисемитизме. После поражения революции в Дрездене Вагнер бежал в Париж, где его поразило умение «денежных мешков» использовать революционные выступления в свою пользу. Он приписал это евреям, якобы заправлявшим политикой и определявшим художественные вкусы в Париже. Коммерциализацию искусства для него олицетворял Мейербер, встреченный им случайно в нотном магазине. Эта встреча всколыхнула в нем былую неприязнь, на которую наслаивались новые впечатления. Так, он винил Мейербера в развале парижской оперы. Именно к 1850 г. относится свидетельство первой жены Вагнера, Минны, отметившей рост его склонности к антисемитизму в последние два года. Дейст-

вительно, еще в заметках к «Иисусу из Назарета» он писал: «В отношении Мейербера у меня особая позиция. Я не ненавижу его, но он вызывает у меня безмерное отвращение. Этот постоянно доброжелательный и вежливый человек напоминает мне о самом смутном, если не сказать самом злом, периоде моей жизни, когда он притворялся моим защитником. Это был период жутких интриг, когда все мы оказались одураченными нашими защитниками, которых мы в глубине сердца не любим...»

Памфлет «Еврейство в музыке» был издан Вагнером в сентябре 1850 г. под псевдонимом К. Фригеданк (то есть «свободомыслящий»). В центре обсуждения находилась недавно поставленная опера Мейербера «Пророк», вызвавшая бурную дискуссию о допустимости использования в светской музыке синагогальных мотивов. Например, выход оперы дал повод большому поклоннику Вагнера, Т. Улигу поставить вопрос о «еврейском художественном вкусе». Вагнер рассматривал эту дискуссию в более широком контексте: его волновал вопрос о сути «еврейской музыки» и о том, как она может сочетаться с германской. Он затрагивал и актуальный тогда вопрос об эмансипации евреев, критикуя позицию либералов: «Мы встали за свободу народа (Volk), не зная этого народа, не желая идти на какие-либо контакты с ним... Наше желание дать права евреям исходило из наших теоретических идей, а не из подлинной симпатии... Теперь же нам надо объяснить самим себе то неосознанное отвращение, которое в нас будят сущность и личность евреев...» Действительно, либералы зывали к универсальному братству и равенству всех людей, а в ненависти к евреям видели иррациональное чувство, от которого надлежало поскорее избавиться. Однако Вагнер уже не мыслил человечество без понятия «расы» (Volk). Правда, он все еще, вслед за Гердером, представлял расу в культурных терминах, то есть в виде «племени» (этнической группы), основанном на традициях, языке, религии, истории. Однако культура для него была выражением сущности народа, и, подобно Гердеру и Фихте, он полагал, что еврей никогда не сможет стать немцем, и переход в христианство несколько в этом не помогал.

Понимая, что в эпоху эмансипации религия отходит на второй план, и все еще храня верность социалистическим идеалам своей юности, Вагнер связывал сущность еврейства с финансовым могуществом. Его возмущала мысль о том, что «природное корыстолюбие евреев» стало основой немецкого искусства. Здесь и следует искать корни его «художественной ненависти» к «еврейству»: «Ев-

реи сегодня все превращают в базар». Борьбу с «еврейством» он понимал как избавление немецкого искусства от власти денег и эгоизма. Это он придумал слово «иудаизация» (Verjüdung), широко использовавшееся в антиеврейских кампаниях, начиная с 1870-х гг. Вагнер доказывал, что евреи не могли быть актерами, что немцев раздражали их типичные еврейские интонации и произношение. Он полагал, что евреи не годились также ни в певцы, ни в художники, ни, особенно, в музыканты. Вагнер развивал почвенническую идею о том, что, лишь живя на своей земле и в своем культурном окружении, человек сохраняет способность к творчеству. Из этого вытекало, что чужаки – а именно таковыми представлялись евреи – ни при каких условиях не могут слиться с местным народом. Зато они якобы способны «испортить» его культуру своим разрушительным влиянием.

На примере композитора Феликса Мендельсона (1809–1847), принявшего христианство, но имевшего еврейские корни, Вагнер рассуждал о том, что от «еврейства» невозможно избавиться простым отказом от иудаизма (хотя в молодости Вагнер восхищался Мендельсоном и пытался на него равняться). Он сетовал на упадок немецкой музыки и доказывал, что только в такой обстановке еврей-музыканты могли иметь успех. Однако такое «иудаизированное» немецкое искусство утрачивало свои культурные корни. Ведь еврейские композиторы обращались за вдохновением к музыке синагоги, и это казалось ему ужасным, так как порождало лишь формализм – холодный и стерильный. Затем Вагнер принимался рассуждать о современном «еврейском композиторе», и, хотя он не называл его по имени, современникам было ясно, что речь шла о Мейербере. В том, что тот завораживал слушателей и наживал хорошие деньги, Вагнер винил плохой вкус немецкой публики (любопытно, что, хотя Вагнер и раньше иной раз отваживался критиковать музыку Мендельсона и Мейербера, прежде он никогда не связывал это с их еврейским происхождением). «Евреи никогда не захватят это искусство, пока оно само не исчерпает своей внутренней жизненной силы», – писал Вагнер, и нынешний российский читатель без труда обнаружит развитие этой идеи в трудах Л. Н. Гумилева.

На этом мысль Вагнера не останавливалась, и он переходил к поэзии, где усматривал те же печальные тенденции. Теперь жало его критики было направлено против Гейне, якобы внесшего ложные нотки в великую немецкую поэзию. В 1869 г. он добавил, что эту «ложь» перекладывали на музыку немецкие композиторы. Он лишь

забывал упомянуть, что в 1840 г. сам написал музыку к стихотворению Гейне «Два гренадера»!

Памфлет упоминал о человеке, пожелавшем слиться с немцами и добившемся этого тяжелой ценой. Речь шла о Бёрне, перешедшем в христианство. В 1840 г., то есть через три года после его смерти, Гейне написал о нем скандальное эссе, безжалостно насмехаясь над идеями своего соперника и приписывая ему «назаретский» (моралистический) характер. Тогда возмущенные революционеры Франции и Германии подвергли Гейне остракизму, и один лишь Вагнер вступился за своего кумира, назвав его «великим будителем немецкого ума». Однако десять лет спустя Вагнер был уже другим человеком; он всячески защищал Бёрне и проклинал еврейство Гейне. Он писал: «Гейне выражал иудейское сознание так же, как иудейство являлось жалким сознанием нашей современной цивилизации». Иными словами, поэт еврейского происхождения всегда останется всего лишь еврейским поэтом, то есть чужаком, но современная цивилизация пронизана «еврейским духом». Поразительная противоречивость этой емкой фразы может сравниться лишь с ее демагогической силой.

Спустя еще десять лет Вагнер отрекся и от Бёрне, а к 1870-м гг. у него уже не осталось к тому никаких теплых чувств. Наконец, памфлет заканчивался мыслью о том, что «искупление Агасфера – в уничтожении». Здесь речь шла о «самоуничтожении» еврейства и еврейской идентичности. Но ряд аналитиков усматривают в этом намек на то, что, если евреи сами с этим не справятся, надо будет принять более жесткие меры. Аналогичный намек на «варварские» меры, как мы знаем, допускал и Марр. Итак, к 1850 г. Вагнер сделал антисемитизм центральной темой своей революционности, и теперь он неизменно сопровождал все его произведения. Мало того, после выхода памфлета антисемитизм Вагнера усилился, ибо теперь в любых неудачах постановок своих опер он неизменно винил Мейербергера, подозревая, что тот ему мстит. Со временем это переросло у Вагнера в параноидальную идею «еврейского заговора». Любого критика своей музыки он стал подозревать в открытом или скрытом «еврействе». Это относилось и к шотландцу Дэвидсону, и к австрийцу Ганслику.

Памфлет Вагнера вызвал оживленную дискуссию в прессе. Его поддержал Э. Крюгер, но против него резко выступил Эд. Бернсдорф. Последний показал, что между личными способностями музыканта и его еврейским происхождением не было никаких особых

связей и что, рисуя образ музыканта, Вагнер был под явным впечатлением расхожего стереотипа, относящегося к «польско-еврейским лавочникам». Сам Бернсдорф верил в высокие творческие способности современных образованных евреев, и ему казалось странным, что кто-то может ставить их под сомнение.

Все это не осталось вне поля зрения российской публики, живо интересовавшейся музыкальной жизнью Европы. Познакомившись с памфлетом Вагнера, известный русский музыкальный критик В. Стасов был шокирован. Ему стало очевидно, что «иные отсталые и дрянные соображения, которые мы, с краской на лице, считаем достоянием одних только самых глухих наших углов, процветают до сих пор на давно уже вдоль и поперек перепаханых полях Европы». Для него не осталось тайной, что там речь шла «не только о еврейском влиянии в музыке, но о еврействе в современной Европе, о еврейской расе, ее природных способностях, характере и той роли, которую она играет в Европе». Подчеркивая параноидальные чувства, пронизывавшие памфлет, Стасов писал: «Вагнеру кажется, что еврейское племя состоит в каком-то громадном и постоянном заговоре против остальной Европы. Цель этого заговора – задушить все европейское и доставить торжество еврейству во всех отраслях мысли, знания, искусства, вообще всякой деятельности. Этот заговор давно уже в ходу и давно уже приносит свои плоды». Между тем – подчеркивал Стасов – все приличные люди отвернулись от Вагнера именно из-за его животной ненависти к евреям. В Европе в целом и в Германии, в частности, вокруг него возникла пустота. Лишь в Петербурге и Москве он до сих пор находит почитателей (не то ли происходило в последние годы с Дэвидом Дюком?). «Но стоило ли быть “великим человеком” и “оригинальным мыслителем” для того, чтобы высказывать под конец жизни своей такую груду постыднейших мыслей, такой дремучий лес фальши и душевного безобразия», – сокрушался видный критик. Отвергая все наветы композитора по поводу евреев, Стасов заключал: «Разве слабоумные какие-нибудь поверят ныне еврейской всесветной интриге, оцепившей и мысль, и дело, и печать европейскую, точно будто современная интеллигенция нашего мира вся сплошь состоит из каких-то расслабленных дурачков, которых приди, надуи и заграбь в свою пользу, кто хочет». И далее: «Не животворный художник и не обновляющий гений тот человек, у которого внутри сидят и клубами выются фанатизм, тупая жажда преследования, свирепая похоть гнета и истребления» (стоит отметить, что под влиянием памфлета

Вагнера германская публика отвернулась от музыки Мендельсона, и его произведения стали все реже звучать в концертных залах).

Между тем, хотя, как отмечал Я. Кац, памфлет Вагнера коренным образом расходился с духом эпохи, композитор на этом не успокоился. В 1854 г. он открыл для себя Шопенгауэра, найдя у него философское оформление своих глубинных чувств. В рассуждениях немецкого философа он обнаружил подтверждение моральности своего революционного антисемитизма. По словам Ницше, «вагнеровская ненависть к евреям – это шопенгауэрианство». Подобно Фихте, Шопенгауэр считал евреев паразитами, чужаками и приписывал им аморальный национальный характер. Он писал: «Агасфер... со своим поразительным еврейским упорством живет паразитически на других нациях...» (И эту мысль, которая позднее так полюбилась нацистам, можно обнаружить у Гумилева). Вместе с тем, Шопенгауэр поддерживал эмансипацию евреев и считал, что как иудаизм, так и «еврейство» можно будет преодолеть путем смешанных браков. Правда, его волновало не столько «корыстолюбие» евреев, сколько глубинная причина того, что он связывал с их «оптимизмом». Ведь для них мир был создан Богом и населен людьми со свободой воли. Отсюда стремление отвергать иррациональную силу, Волю, правящую миром, что неминуемо порождает жажду власти, богатства, любви, интеллекта. Лишь принятие универсальной Воли, связанной с этическим принципом «сострадания», приведет к счастью, – считал Шопенгауэр (позднее это нашло выражение в известной фразе Достоевского: «Если Бога нет, то все позволено»). Однако иудаизм якобы не знал сострадания; зато оно просматривалось в христианстве и в полной мере присутствовало в буддизме. В этом стремлении отделить христианство от иудаизма уже намечался сильный расовый «арийский» элемент.

Шопенгауэр действительно делал попытки возродить «арийское» христианство, якобы испорченное иудаизмом. В соответствии с арийским мифом начала XIX в., он выводил христианство из «арийской» Индии, где оно якобы имело те же истоки, что и буддизм. Однако позднее в своем путешествии на запад оно было будто бы «испорчено» иудаизмом. Поэтому всему «истинному» в христианстве философ упорно искал параллели в почитаемом им буддизме. Шопенгауэр открыл Вагнеру глаза, и теперь тот окончательно убедился, что христианство было искажено иудаизмом. В 1855 г. Вагнер писал другу, что, судя по современным исследованиям, христианство было якобы ветвью буддизма, получившего распростра-

нение после похода Александра Македонского в Индию. Поэтому корни ритуала Грааля следовало искать не в христианской евхаристии, а в «арийском» христианстве. Теперь Вагнер был убежден, что для преодоления в себе «еврейства» надо отречься от себя в сострадании, а это, в свою очередь, требовало вернуться к исконному учению Будды о переселении душ. Удостоверившись в том, что первоначальное «арийское» христианство было испорчено иудаизмом, Вагнер еще больше возненавидел иудаизм.

Правда, чтение Шопенгауэра не заставило Вагнера отказаться от своих собственных привычек. Признавая, что буддизм плохо подходит к климату Германии, где люди не могут обойтись без мяса, он не спешил становиться вегетарианцем. Отказ от индивидуальной воли означал и отказ от воли к сексу, но и на это Вагнер пойти не мог. Ведь он стоял за свободную половую любовь!

Чуравшийся после 1848-1849 гг. политики, Вагнер вновь вернулся к ней в 1865 г., излагая свои взгляды перед баварским королем Людвигом II. Этот трактат в несколько видоизмененном виде был опубликован в 1878 г. под названием «Что есть немецкое?». В нем Вагнер доказывал вред от чужаков, которым якобы удалось «дегерманизировать» нацию: финансами заправляют еврейские банкиры, слова о «немецкой свободе», «немецком духе», «немецкой морали» произносят в прессе еврейские журналисты, евреи даже захватили искусство и наполнили его духом стяжательства. Однако – доказывал он – евреям для творчества недостает немецкого идеализма. Поэтому захват ими сферы интеллектуального труда грозит гибелью германскому творчеству. В создавшемся печальном положении Вагнер винил еврейских революционеров, среди которых он теперь называл и Бёрне. Если теперь от имени немцев выступали представители «чуждой расы» («демократические спекулянты»), то только потому, что революция была предана «франко-еврейскими элементами» (в этом он расходился с Бакуниным, обвинявшим, как мы помним, «еврейско-германские» элементы). Поэтому немецкую расу, по его мнению, следовало очистить от чуждых примесей. Правда, в 1865 г. Вагнер писал о евреях, что они «либо исчезнут, либо превратятся в истинных немцев», но в издании 1878 г. эта фраза исчезла.

Австро-прусская война июня 1866 г. еще больше обострила его патриотические чувства, но на этот раз они обернулись против «французского материалистического духа», будто бы подавлявшего истинную немецкую культуру. Отныне Вагнеру должны были казаться смешными его демократические убеждения 1848-1849 гг., и

он представлял новое германское революционное государство как союз германского короля и германской расы (Volk). Этот идеал он и рисовал в «Лознгрине». Оживление «германского духа» должно было породить «новую истинно германскую цивилизацию». В основе ее будет лежать не абстрактное государство, а неразрывное единство короля и народа. Вагнер убеждал, что это «идеалистическое государство» никому не принесет зла, а послужит лишь счастьем всего человечества. Оставалось лишь немного – преодолеть злокозненный еврейский эгоизм! Ясно, что эта риторика казалась безобидной лишь на словах, и ее воплощение на практике нацистами показало ее истинный смысл.

Хищные наклонности Вагнера в полную силу проявились во время франко-прусской войны, когда он советовал Бисмарку разрушить Париж до основания, а затем разразился призывами к его бомбардировке. Не оставляя своей мечты о революции, теперь он называл ее консервативной, восторгался германским духом Бисмарка и в 1871 г. даже сочинил «Марш кайзера». Правда, вскоре его ждало горькое разочарование, ибо Бисмарк отказался взять под свою опеку устраиваемый Вагнером музыкальный праздник в Байрейте. Тот смертельно обиделся и резко изменил свое мнение о Втором Рейхе. Теперь он увидел в нем всего лишь старый тип государства, где реальная власть находилась якобы в руках «буржуев и евреев».

Мрачные чувства обуревали Вагнера и раньше. Так, в 1869 г. он впал в черный пессимизм, поводом которому послужила быстрая эмансипация евреев в 1867-1868 гг. Тогда он осознал, что не только искусство, но все общество подверглось разложению от «иудаизма». Еврейские ценности угрожали истинно германской культуре. Нужно было принимать экстренные меры, и в январе 1869 г. он счел нужным переиздать «Еврейство в музыке». На этот раз он выпустил памфлет под своим собственным именем и с дополнительными комментариями, выдававшими его раздражение теми музыкальными критиками, которые, поначалу выказав благосклонность к его музыке, затем стали находить в ней много изъянов. Однако, желая скрыть свою личную заинтересованность, он переходил к широким обобщениям и рассуждал о «еврейском заговоре». Его пугало «иго правящего еврейского общества, сокрушающего все свободные движения, все истинно гуманные начинания». Он заявлял, что евреи всячески мешают творчеству талантливых немецких художников. В частности, прибрав к рукам Немецкую музыкальную ассоциацию, они якобы хотят лишить публику его собственной музыки. Евреи

ему виделись повсюду; он предчувствовал победу «иудаизма» и заявлял, что евреи уже установили контроль над всей духовной жизнью Германии и «фальсифицируют наши высшие культурные тенденции». Если в 1850 г. он предлагал евреям следовать примеру Бёрне, то теперь речь шла либо о «силовом вытеснении», либо об ассимиляции, но во втором случае им надо было еще «созреть до наших благородных человеческих качеств».

Письмо «Относительно еврейства в музыке», написанное Вагнером для объяснения сути памфлета, вызвало неоднозначную реакцию: евреи-поклонники Вагнера успокоились, другие, напротив, были встревожены, увидев там лишь коварство и софистику. Некоторые почувствовали, что теперь от них требуется не просто обратиться в христианство, а полностью изменить свою натуру. Другие поняли, что речь идет о старых предрассудках против «еврейской расы» или «национальности». Но лишь наиболее прозорливые распознали намек на то, что «расовые» различия между евреями и немцами ни при каких условиях не позволяют первым превращаться во вторых. В любом случае жизнь показала, что Вагнер неверно оценивал ситуацию. К концу 1860-х гг. критики сменили свой былой резкий тон, и его оперы с успехом шли на сценах Германии, Австрии и Франции. Однако после переиздания брошюры ряды его еврейских поклонников поредели, а критики начали писать о мегаломании Вагнера, «психиатрическом интересе» данного случая и «комплексе преследования».

В конце 1870-х гг. талантливый немецко-еврейский писатель Бертольд Ауэрбах, когда-то подсказавший Вагнеру идею оперы «Тангейзер», был обеспокоен ростом политического антисемитизма в Берлине. Сознавая, что духовные истоки нового антисемитизма надо искать у Вагнера и Шопенгауэра, он писал, что Вагнер «был первым, кто признал себя ненавистником евреев и назвал ненависть к евреям вполне сочетающейся с культурой». Однако в конце жизни Вагнер совершал, казалось бы, неожиданные поступки. В 1880-1882 гг. по рукам ходила «Антисемитская петиция», требующая, чтобы Рейхстаг положил конец влиянию евреев, ограничив их в правах. Под ней стояло 225 тыс. подписей. Однако, ознакомившись с ней в июне 1880 г., Вагнер отказался ее подписывать. Когда в феврале 1881 г. берлинские антисемиты попытались связать его имя со своим движением, композитор в частных письмах отмежевался от них. Почему же он так поступал? В 1870-х гг. политический антисемитизм в Германии был представлен целым рядом дви-

жений с весьма различными программами. Вагнер упрекал их в недальновидности и поверхностном подходе. Сам он стоял за возрождение «германской расы». Поэтому вопрос об изменении законодательства казался ему несущественным. Ведь он мечтал о кардинальных преобразованиях, затрагивавших самые глубины человеческого духа. Это осталось за пределами понимания еврейской публики, увидевшей в поступках Вагнера знак его разрыва с антисемитизмом. Но им двигала вовсе не толерантность, а чувство, что петиция была недостаточно антисемитской.

Любопытно, что при этом в те годы Вагнер не мог обходиться без услуг еврейского импресарио Анджело Нейманна, добывавшего деньги для его постановок. Действительно, в 1876 г. задуманный музыкальный праздник в Байрейте провалился из-за финансовых затруднений, и Вагнер снова ощутил себя в руках евреев, без поддержки которых его постановки остались бы нереализованными. Он прекрасно понимал, что обструкция со стороны еврейской публики означала бы крах его оперных постановок. Одновременно он писал Людвигу Баварскому: «Я считаю еврейскую расу прирожденным врагом всего чисто человеческого и всего самого благородного, что есть в человеке».

Окончательно Вагнер перешел на платформу биологического (расового) антисемитизма в 1870-х гг. Тогда он познакомился с работами двух авторов, позволившими ему преодолеть наследие Фихте с его «культурным антисемитизмом» и идеей «национального характера». Хотя сам Дарвин был далек от расизма и «консервативной революции», а в Англии его учение пользовалось популярностью у консерваторов, в Германии его идеи ждала иная судьба. Популяризовавший их Э. Геккель надеялся на то, что они окажутся применимыми для радикального решения насущных социальных проблем. В частности, он придавал особое значение естественному отбору в появлении арийской расы. Идея полового отбора заинтересовала и Вагнера, и он начал доказывать, что «спасение придет путем отбора самых сильных» и что именно половая любовь вела к искуплению. Так и появился «Парсифаль». Кроме того, запомним, что, по утверждению Геккеля, у Иисуса был арийский отец; якобы именно это и придало ему черты благородства. Ниже мы еще встретимся с этой идеей, имевшей далеко идущие последствия.

Другим автором, оставившим неизгладимый след в представлениях престарелого Вагнера, был французский аристократ Гобино, с которым тот познакомился в Риме еще в 1876 г. Но прочитать его

книгу Вагнер удосужился лишь в 1880 г. Гобино мало интересовался механизмом полового отбора, но настаивал на том, что смешанные браки ведут к неизбежному упадку и «расовой дегенерации». Гобино высоко ценил оперы Вагнера, в которых он увидел подтверждение своей идеи превосходства германской расы. Вместе с тем в подходе к «еврейскому вопросу» они кардинально расходились. Для Гобино евреи выступали едва ли не идеалом, сохранившим «чистоту» своей расы, а арийцев он представлял деградирующей расой, бездумно потерявшей свои высокие качества из-за приверженности расовому смешению. Для Вагнера же евреи служили «камнем преткновения», и как-то в беседе со своей женой Козимой он воскликнул: «Если цивилизация исчезнет, какое это имеет значение? Но если она исчезнет из-за евреев, это – позор».

Судьба цивилизации, особенно, германской, занимала все больше места в размышлениях Вагнера, и еще в 1873 г. он объявил, что, закончив свои музыкальные драмы, вернется к разработке темы «что есть германскость». Именно этому он и посвятил последние пять лет жизни, начиная с публикации статьи «Что есть германское?», появившейся в феврале 1878 г. «Германскость» он определял по оппозиции ко всему «еврейскому» и доходил до того, что рассматривал либерализм и модернизм как еврейские и чуждые немецкой культуре. Теперь он уже уверенно писал об «арийском христианстве» и объявлял Иисуса Христа арийцем: «Если назвать Иисуса сыном Иеговы, то каждый еврейский раввин может победоносно отвергнуть всю христианскую теологию... Бог, которого Иисус нам открыл, это Бог, которого никто в мире раньше не знал...» Впервые придать научную основу идее арийского происхождения Христа попытался в 1870-х гг. немецкий востоковед Пауль де Лагарде. Он заявил, что выражение «Иисус бен Пантера» обязано своим происхождением римскому воину по имени Пантера, о котором якобы говорила надпись, найденная в Галилее. На самом же деле в древнем иудейском тексте из Галилеи фигурировало искаженное греческое слово «партенос», означавшее девственницу. Между тем, «арийское происхождение» Христа стало с тех пор общим местом в идеологии расового антисемитизма, и Гитлер любил порассуждать о римском легионе в Галилее, в котором якобы и служил истинный отец Христа.

Другая мысль, неотступно преследовавшая Вагнера, была связана с отношением к миру животных и христианским состраданием. Он находил восхитительной идею Жана-Антуана Глайзеса о том,

что Тайная вечеря означала превращение жертвенного барашка в духовного и отказ от употребления мяса. Из этого Вагнер сделал вывод о том, что «мировая история началась, когда человек превратился в хищника и убил первое животное», но христианство сделало шаг к преодолению этого. Идеал он находил в Индии, где, как он полагал, живут сплошь вегетарианцы, издавна сумевшие установить гармоничные взаимоотношения с животным миром. Он верил, что изначально люди были вегетарианцами; они стали убивать и использовать в пищу животных лишь после переселения с юга в северные регионы. Тем самым, победила «еврейская жестокость», якобы предписанная Второзаконием, и совершился отход от мудрости брахманов, присущей «языческим расам».

В последние годы жизни Вагнер страстно желал открыть истинное христианство, необезображенное «иудейским законом». В его последних статьях уже звучала тема «еврейской антирасы», в чем он кардинально расходился с Гобино. В «страдании по своей воле» он видел христианскую форму буддистского «отречения». Однако, как он страстно доказывал, эту идею исказило влияние иудаизма. В результате власть и могущество отодвинули страдание на второй план. Таковым и стал, на его взгляд, Иисус Христианской Церкви. Кроме того, Вагнер верил в то, что дегенерация христиан была связана с отречением от брахманской доктрины греховности убийства любого живого существа и использования мяса мертвых животных в пищу. Нарушение этой доктрины вело к отрицанию «единства всех живых существ».

Рассуждения на эту тему привели его в 1880–1881 гг. к попытке нового обоснования «кровавого навета». Он полагал, что употребление крови поддерживало отвагу в завоевателях, продвигавшихся из южной прародины человечества в северные широты. Так с течением времени происходила дегенерация культуры, пока основной пищей первопроходцев не стали человеческая кровь и трупы. Чтобы найти выход из этой удручающей перспективы упадка и разложения, Вагнер и воспользовался идеями Глайзеса. Он доказывал, что, пожертвовав свою кровь во искупление всех грехов и давший ученикам вино и хлеб в качестве ежедневной пищи, Христос открыл человечеству выход из разверзшейся было бездны. Между тем, как считал он, Христианская Церковь не пошла по этому пути – власть была ей милее сострадания. Поэтому она не запретила использования мяса в пищу и, хуже того, безжалостно разрушала общества, придерживавшиеся ранних гуманных принципов отношения к животным.

В этой «этике доминирования» Вагнер винил, прежде всего, иудаизм. Он не уставал доказывать, что, ненавидимая всеми другими, маленькая «вредоносная раса» ухитрилась внедриться в христианство, чтобы вначале поработить христианский мир, а затем установить свое мировое господство. Якобы евреи как отдельная «раса» и выжили-то только благодаря своему влиянию на христианскую культуру и иудаизации «арийского христианства». Его возмущало, что они даже Иисуса Христа будто бы ухитрились превратить в еврея. Тем самым, все беды – от убийства животных до кровопролитных войн и жестокого мира капитала – Вагнер приписывал «тлетворному еврейскому влиянию», исказившему «арийское христианство». Переломить ситуацию могла только великая революция, которая смогла бы отказаться от всех этих губительных принципов. В своих пророчествах Вагнер ощущал себя новым «арийским» Иисусом Христом, открывавшим человечеству путь к спасению. Однако, чтобы достичь этого, надлежало «покончить с еврейством»! Тем самым, призывая к миру, братству и свободе, Вагнер, в полном соответствии с оруэллской парадигмой, расчищал путь нацистскому решению вопроса. Так, самым парадоксальным образом вегетарианство, любовь к животным и даже пацифизм оказались связанными у Вагнера с идеей уничтожения евреев. Неожиданные превращения пережила и идея революции – ведь теперь речь шла уже не о социальной революции, а о том, что возрождение ожидает «европейские расы» лишь на путях арийского христианства, лишенного примеси иудаизма.

Анализируя идеи Вагнера, следует иметь в виду ту двойственность, которую он сохранял вместе со всеми приверженцами германской революции, видевшими в евреях и метафору, и социальных личностей. Если это их устраивало, они говорили о моральных принципах. Но на практике невозможно было обойтись без иных мер, связанных с физическим воздействием. Ведь и Лютер начал с искоренения духовного иудаизма путем провозглашения любви к евреям, а кончил требованием их истребления и изгнания из Германии как особой общности.

Тем не менее, в своей риторике Вагнер взывал к гуманизму, выступал против социальной несправедливости, призывал покончить с кровопролитными войнами (правда, не забывая обвинить Францию в развязывании франко-прусской войны). Однако во всем этом он винил не только современное государство и Христианскую Церковь, но и якобы стоявших за ними евреев. Он сетовал на упадок

германской расы и указывал на то, как искусно евреи сохраняют свой якобы «чистый расовый тип». Вместе с тем, он упорно называл евреев «антирасой» (любопытно провести параллель с «антисистемами» Гумилева). Их злобный образ преследовал его как наваждение: «Евреи – это наиболее поразительный пример расового постоянства, когда-либо встречавшийся в истории. Лишенные родины, родного языка, приспособившаяся к земле и языку других народов, они существуют благодаря безошибочному инстинкту и неизгладимой идиосинкразии. Даже смешение крови их не задевает; пусть еврей или еврейка вступают в брак с самыми отдаленными от них расами, все равно родится еврей. Пусть даже он вступит в самый косвенный контакт с чужой религией (на самом деле у него нет религии, а только вера в какие-то обещания его Бога), его раса все-таки захватит власть над всем живым и мертвым...» Иными словами, евреи объявлялись примером вечной расы, при всех обстоятельствах якобы сохранявшей свои неизменные черты. А их главной особенностью становилось отвержение истинных германских ценностей и человеческого идеализма. Здесь Вагнер впадал в религиозный экстаз и в духе Отцов Церкви называл еврейство не иначе как Сатаной. Отсюда вытекал практический вывод: опасно давать им гражданские права. И Вагнер яростно набрасывался на Бисмарка, якобы необдуманно допустившего в 1871 г. полную эмансипацию евреев.

При этом Вагнер всячески отмежевывался от «узкого шовинизма»; он писал о германском «самопознании», видя в этом высокий, идеалистический инстинкт, поднимающий человеческий дух. Тем самым, по словам одного исследователя, Вагнер не только не отрицал антисемитизм, но делал его самым благородным из всех инстинктов! Этот инстинкт якобы и вел к решению «еврейского вопроса».

В сентябре 1881 г. Вагнер опубликовал свою последнюю статью по расовому вопросу «Царство Ирода и царство Иисуса», которую он считал лучшей из всего им написанного. Там он воспевал «чистую расу» и, вслед за Гобино, настаивал на том, что смешение крови ведет к расовому упадку. Это якобы и произошло с «арийцами» после завоевания ими «латино-семитского» региона. В его изложении Римская, то есть «семито-латинская», церковь оказывалась продуктом разложения «латино-семитского» мира и не могла породить истинного Освободителя. Прототипом такого героя Вагнер считал Зигфрида, но предсказывал, что грядущий Освободитель превзойдет его во многих отношениях. Он полагал, что тот будет

продуктом мутации, принесет человечеству обновленную кровь и тем спасет «благородные расы». В результате «расы» спасутся от дегенерации, ибо кровь «арийского Спасителя» обратит процесс вспять. Более всего Вагнера заботили губительные следствия смешения крови «благородных рас» с кровью тех, кто когда-то питался человечиною, а сейчас занимается бизнесом. Так, иногда метафорически, иногда прямо, Вагнер изображал евреев каннибалами и кровопийцами, препятствовавшими революционному возрождению в силу своей крови.

Все эти идеи нашли место в опере «Парцифаль», которую Вагнер подавал как «мистерию христианской веры». Однако речь там шла об «арийском христианстве» и о возрождении «арийской расы». В этой опере Вагнер видел арийский религиозный обряд, несший немецким зрителям расовую истину и расовый опыт. Все это было наполнено для него таким глубоким смыслом, что он пытался уговорить своего покровителя, короля Людвига Баварского, чтобы оркестром дирижировал только истинный «ариец». Однако король остался непреклонным, и за попитром снова оказался дирижер его дворцового оркестра Герман Леви, уже работавший с Вагнером. Композитору пришлось смириться, но перед тем, как доверить Леви руководство оркестром, Вагнер всякий раз проводил ритуал, возлагая на него руки. Для Вагнера это символизировало ритуальную смерть: «будучи евреем, тот должен был научиться умирать». А на последней постановке «Парцифалья» в августе 1882 г. композитор вырвал палочку из рук Леви, чтобы самому вести заключительный акт искупления.

Опера возрождала легенду о счастливом народе, жившем когда-то в Индии и владевшем чудесной чашей, «Священным Граалем», символом бессмертия арийской расы. Будто бы об этом прознал Фридрих Барбаросса, «представитель последнего расового царства древнейшего народа». Правда, вначале европейцы безуспешно пытались найти Грааль в Иерусалиме, и лишь затем их взоры обратились к Востоку. Однако к тому времени в Европе уже господствовал «клад Нибелунгов» как символ власти и богатства. Это был буржуазный мир с его ложными ценностями и искаженным христианством. Лишь возвращение Святого Грааля могло возродить расу и вернуть утраченные моральные идеалы.

Вагнер писал эту оперу мучительно долго, начиная с 1857 г. За это время он успел познакомиться с взглядами Дарвина и Гобино. Окончательный план оперы сложился у него в 1877-1878 гг., когда

он уже разработал основные положения своей расовой доктрины. В опере недвусмысленно звучал призыв очистить германскую расовую кровь от «еврейских примесей», что должно было сочетаться с освобождением общества от негуманного «еврейского» режима власти и репрессий, денег и эгоизма, войн и жестокости. Понимал ли кто-либо, кроме композитора, расовый смысл оперы? Людвиг Баварский этого решительно не понял. Вместе с тем, в ноябре 1882 г. Вагнер сетовал на то, что «еврей-христиане» выказали недовольство «Парцифалем», ибо им не понравилось то, как он интерпретировал христианство. Однако достаточно было познакомиться со статьями, опубликованными в «Байрейтском журнале» Вагнера на рубеже 1870-1880-х гг., чтобы все становилось на свои места. Ведь там опера «Парцифаль» недвусмысленно связывалась с расовыми идеями Гобино, а ее главный герой представлялся «арийским Христом». Мало того, когда в 1879 г. Людвиг Шеманн объяснил, что арийское христианство делало «Парцифаль» антиеврейским произведением, Вагнер встретил его статью с пониманием и одобрением. Самую адекватную интерпретацию «Парцифалья» дал в 1888 г. Артур Зейдл, показавший его прямую связь с идеями Шопенгауэра об арийском христианстве. «Парцифаль» был аллегорией борьбы христианства с иудаизмом. Рыцарь Клингсор с его «еврейским духом» противопоставлялся там светловолосому германскому избавителю Парцифалю, а король Амфортас изображался неудачником «латинянином».

В 1882 г. влиятельный музыкальный критик Пауль Линдау писал, что корни «Парцифалья» следует искать в «Еврействе в музыке». Он отмечал также, что именно из этого памфлета черпало свои идеи недавно возникшее антисемитское движение. Как с горечью писал тогда в венской газете Макс Кальбек, девятнадцатому веку уже не нужен христианско-семитский спаситель; зато он жаждет христианско-германского искупителя, и антисемиты должны быть благодарны Вагнеру за Христа-блондина. Пройдет еще более полувека, и такой поклонник творчества Вагнера, как Томас Манн напишет: «Я обнаруживаю элементы нацизма не только в сомнительных литературных произведениях Вагнера; я вижу их и в его музыке, в его произведениях, звучащих для меня столь же сомнительно...» Действительно, в 1881 г. Вагнер приветствовал еврейские погромы в России и призывал Германию на нее равняться. Подоплека этого была хорошо понятна современникам и по достоинству оценена нацистами. Ведь никто иной, как Гитлер так оценивал смысл оперы «Парцифаль»: «Там речь идет не о христианском религиозном со-

страдании, а о чистой благородной крови... Король страдает от неизлечимой порчи крови. А неинициированный чистый Парцифаль, оставленный в одиночестве в магическом саду Клингсора, подвергается влиянию испорченной цивилизации...» В 1936 г. Гитлер даже признался, что «строил свою религию на основе Парцифалья».

Вот почему такой тонкий мыслитель, как Бертольд Ауэрбах, всю жизнь избегавший участия в германско-еврейском споре, написал в мае 1881 г. незадолго до своей смерти: «Прежде чем восхищаться операми Вагнера, еврейской публике стоит хорошенько поразмыслить. Посещение произведений живого автора ведет к его возвеличиванию. Надо ли делать это по отношению к Вагнеру?» Это имеет прямое отношение к дискуссии начала 1990-х гг. об исполнении музыки Вагнера в Израиле. Тогда нью-йоркская газета «Форвард» писала: «Говорят, не стоит играть Вагнера, пока живы те, кто пережил Холокост. Этот аргумент напоминает то, о чем писал Ауэрбах, будто после смерти композитора никакого вреда уже не будет. Надо ли думать, что к 200-летней годовщине со дня рождения Вагнера в 2013 г. можно ожидать появления массы его поклонников? К тому времени будет забываться и Холокост. Надо ли ожидать, что и он испарится из памяти евреев? Прощение возможно только через институциональные формы памяти. Запрещение Вагнера в Израиле тесно связано с памятью о Холокосте. Ведь мысли Вагнера, вошедшие в его музыку, позволили не только думать в этом направлении, но и привести в исполнение [такое решение еврейского вопроса]».

Остается напомнить, что с недавних пор оперы Вагнера звучат в Мариинском театре в постановках Валерия Гергиева. А оркестр под управлением Гергиева исполняет его музыку в своих гастролях за рубежом. Сознает ли известный дирижер истинный смысл опер Вагнера – вопрос этот остается открытым. Этот вопрос можно было бы адресовать и ряду других известных дирижеров. Между тем, в современном мире, где крайне правые вновь проявляют необычайную активность, отношение к Вагнеру и его музыке остается в центре острой дискуссии.

В 1990-х гг. среди российских радикалов вновь сделалось популярным имя давно забытого мыслителя конца XIX – начала XX вв. Хьюстона Чемберлена (1855–1927). Редактор неонацистского журнала «Атака» С. Жариков даже переиздал на русском языке его книгу «Арийское мирозерцание» (М., 1995. Оригинальное издание вышло в 1905 г.) в серии с эпатажным названием «Пламенные реакционеры XX в.». Еще большую популярность получили расовые представления Чемберлена о древних арийцах, причем популяризаторы этих взглядов нередко даже не знают, кому они обязаны своими идеями и своей псевдонаучной риторикой. Немало авторов-дилетантов активно пользуются методическими приемами, впервые примененными когда-то Чемберленом. Между тем, в свое время Хьюстон Чемберлен был известной фигурой, а его концепция стала одним из краеугольных камней официальной нацистской идеологии. Не случайно такой видный нацист, как А. Розенберг называл Чемберлена человеком, заложившим основы германского будущего.

Сын английского адмирала, ставший немцем, друг кайзера Вильгельма II, чью главную книгу «Основания девятнадцатого века» тот называл «гимном германству», наконец, зять и поклонник Рихарда Вагнера, Хьюстон Чемберлен прожил долгую и незаурядную жизнь. Его книга оказала значительное влияние на читающую публику и сыграла далеко не последнюю роль в подъеме немецкого шовинизма накануне Первой мировой войны. Создав псевдонаучную базу для популярных тогда расовых представлений, Чемберлен убеждал немцев в неизбежности расовой войны, и один критик даже назвал его книгу «Илиадой конфликта между германцами и семитами». Получив университетское образование, но так и не став специалистом ни в одной из наук, Чемберлен по-своему синтезировал научные данные, придав им доступную для широких читающих масс форму, заставлявшую людей думать, что они имеют дело с глубоко обоснованным научным трудом. Книга Чемберлена стала образцом для многих эпигонов, пропагандировавших вслед за ним социо-дарвинистские концепции и готовивших идейный климат для

мировых войн и геноцида. Вот почему пример Чемберлена заслуживает большого внимания. Он показывает, как полубразованный интеллигент, владеющий пером, может стать властителем дум и эффективно навязывать читающей публике шовинистические и расистские идеи. Чемберлен был первым, но далеко не последним, кто вступал на этот скользкий путь, и современная Россия дает немало примеров подобного рода. Тем важнее для нас понять, что приводит к этому некоторых интеллигентов, как на них действует окружающий политический и социальный климат, откуда берут начало их псевдонаучные идеи и как они их используют для того, чтобы переломить неблагоприятно складывающуюся, по их мнению, ситуацию, наконец, как и почему они создают «образ врага».

Детство Чемберлена было достаточно сумбурным. Рано потерявший мать, он воспитывался бабкой в Версале и говорил по-французски не в пример лучше, чем по-английски. Затем по настоянию отца он проучился четыре года в престижных военных колледжах в Англии, но по состоянию здоровья вынужден был вернуться на континент. С тех пор он, если и появлялся в Англии, то лишь ненадолго. Все это делало его человеком без национальной идентичности. Действительно, во Франции он не чувствовал себя французом, а в Англии – англичанином, и повсюду окружающие считали его иностранцем. Зато царившая в доме атмосфера прививала ему чувство имперского превосходства. Пример отца, участника Крымской войны, бесконечно преданного британским колониальным интересам, вызывал у сына восхищение, и само его рождение в день падения Севастополя представлялось ему знаменем.

Юношу влекла военная слава, и в 1870-х гг. он со все большим вниманием наблюдал за возвышением Пруссии и успехами объединенной Германии. К Англии он питал враждебность, смешанную с чувством вины и сомнениями в себе. Зато сложности с идентичностью и чувство оторванности от корней заставили его позднее страстно искать корни в Германии, которую он превозносил за ее «героический дух». Бесконечные странствования по континентальной Европе не позволяли Чемберлену получить систематическое образование, и тетя нашла ему частного учителя, немецкого студента-теолога Отто Кунце. Тот оказал на юношу неизгладимое впечатление своим агрессивным немецким национализмом, и его уроки он запомнил на всю жизнь. Кроме того, Кунце привил ему интерес к биологии, находившейся тогда на взлете и считавшейся едва ли не царицей наук.

Несмотря на свои путешествия по странам Европы, Чемберлен оставался стеснительным и малообщительным человеком. Его социальный опыт ограничивался общением с теткой (она умерла в 1899 г.) и Кунце. Кроме того, он плохо знал современную ему Германию, ибо информацию о ней он черпал, главным образом, из научной и художественной литературы, из философии и музыки. Поэтому-то он и идеализировал Германию. Например, в письме к тетке в 1876 г. он признавался в любви к Германии и немцам и выражал надежду на то, что в их руках находится судьба европейской цивилизации. Однако для этого немцы должны были сохранить высокую мораль и чистоту, иначе Германия могла пасть от рук варваров.

Потеряв в 1878 г. отца, Чемберлен наконец почувствовал себя самостоятельным человеком и позволил себе жениться на Анне Хорст. Однако, он мучительно ощущал недостаток образования и чувствовал себя никчемным дилетантом. Это чувство не оставляло его и в последующие годы, и для его преодоления он нередко брался за проекты, перед которыми пасовали профессионалы. Лишь однажды Чемберлен попытался получить систематическое университетское образование. Поступив осенью 1879 г. на факультет естественных наук Женевского университета, он со всем рвением набросился на учебу и через два года разом сдал все необходимые экзамены. Одним из преподавателей там был Карл Фогт, увлеченный расовой теорией сторонник полигенизма, и это, безусловно, сказалось на формировании взглядов Чемберлена. Тем не менее, свою диссертацию он собирался писать по биохимии, но преследовавшие его всю жизнь болезни надолго отсрочили эти планы. Чемберлен пытался самостоятельно продолжить опыты, но быстро убедился в том, что слабо знает литературу, и диссертацию ему пришлось надолго отложить – он завершил ее лишь в 1896 г.

Впрочем, ему мешали не только болезни, но и чрезмерная широта интересов, не позволявшая надолго сосредотачиваться на научных исследованиях. Он страстно увлекался музыкой, и его чрезвычайно интересовала революция в музыкальной культуре, которую тогда пытался осуществить Вагнер. Между тем, имелись еще и прагматические интересы, заставившие Чемберлена в 1883 г. попытаться счастья в игре на бирже в Париже. Однако эта затея закончилась полным крахом, ибо время было выбрано крайне неудачно – Франция испытывала экономический кризис, да и партнер оказался ненадежным – он пустился в рискованные биржевые спекуляции и быстро прогорел. В итоге к концу 1884 г. Чемберлен испытывал

большие материальные трудности, и о науке пришлось на время забыть. Кроме того, разрываясь между английской, французской и немецкой культурами, Чемберлен везде ощущал себя маргиналом и чужестранцем. Это заставляло его чувствовать себя весьма неуютно в любой компании, и единственными его истинными друзьями оставались книги.

В 1875 г. Чемберлен впервые узнал о Вагнере и его музыке, но первый опыт общения с вагнерианцами закончился для него неудачно. В 1878 г. он разошелся с редактором «Байрейтского журнала» в трактовке искусства Вагнера и на несколько лет забросил этот журнал. В результате он пропустил программные статьи Вагнера, написанные тем в последние годы жизни. Но когда Чемберлен посетил Байрейт в 1882 г., он был уже другим человеком, и его захватил царивший там дух мистики и псевдорелигиозности. В 1883 г. Чемберлен занял место в узком кружке «истинных вагнерианцев» и пытался стать представителем Вагнеровской ассоциации в Париже. Однако уже через год полное расстройство финансовых дел заставило его покинуть Париж.

Следующие четыре года они провели с Анной в Дрездене, где Чемберлен перешел от культа Вагнера к культу Германии. Там он продолжал поддерживать тесные контакты с вагнерианцами, по рекомендации которых внимательно изучал философскую и политическую литературу и с которыми обсуждал животрепещущие проблемы современности. Тогда все они идейно сближались с немецким почвенническим национализмом. В таких условиях в 1889 г. он и начал свою карьеру публициста.

Вдова Вагнера, Козима, начиная с 1883 г., последовательно создавала в Байрейте культ композитора. Ей понравились статьи Чемберлена, посвященные творчеству Вагнера и, в особенности, его отношениям с ее отцом Ференцем Листом. Она встретила с Чемберленом в 1888 г., и с тех пор их долго связывала крепкая дружба. Чемберлен ее боготворил, и она оказала огромное влияние на формирование его расового мировоззрения. Если ранее Чемберлен хранил веру кантовской идее искусства для искусства, то теперь его захватила вагнеровская идея искупления путем искусства, и он стал связывать искусство с религией и идеей «народа» (Volk). Он был покорен романтическим представлением о коллективной народной личности, рисуемой фольклором, и прежние идеи космополитизма остались далеко позади. Искусство стало для него воплощением национального гения, вдохновением для социального

идеала. Когда-то еще Шиллер говорил о социальной роли искусства, гармонии и укорененности в местной почве. Вслед за ним энтузиасты Байрейта доказывали, что следует вдохновлять людей на подвиги с помощью воображаемой истины или мифа. Чемберлен писал об особой социальной миссии немецкого искусства, ибо немецкие поэты всегда обладали гражданским чувством и не замыкались в рамках чистой эстетики. Ведь они питались национальной почвой и пробуждали людей к сознательной жизни, воспринимая свою подвижническую деятельность как национальную.

Правда, в поисках финансовой поддержки Козима постоянно приглашала в Байрейт известных иностранцев. Но, культивируя здесь германский дух, она пыталась продемонстрировать превосходство германской культуры, тем самым совмещая шовинизм с претензией на открытость для мирового сообщества. Под предводительством Козимы люди Байрейта изображали себя европейской элитой с высшими моральными и особыми расовыми качествами.

В эти годы объединенная Бисмарком Германия переживала период быстрого экономического роста, что сочеталось со столь же бурным развитием немецкого национализма. Либерализм здесь был не в почете, буржуазность порицалась, и Чемберлен навсегда оставил свои былые либеральные идеи. Если русских славянофилов беспокоил разрыв между образованным слоем и народом, то немецких националистов волновал вопрос о разрыве между германским государством и немецкой культурой. В результате и те, и другие призывали к духовности, причем в 1880-х гг. призывы эти были окрашены антисемитизмом.

Немецкая конституция 1871 г. окончательно решила вопрос об эмансипации евреев, и, проявив высокую социальную мобильность, те быстро заняли свое место в среднем классе. Составляя 0,27% населения тогдашней Германии, они стали достаточно заметны в финансовом деле, торговле, свободных профессиях, гражданских ассоциациях, интеллектуальной жизни. В ответ германские шовинисты начали громкую кампанию против «доминирования» евреев в немецком обществе. Это сопровождалось раздуванием негативных стереотипов, сложившихся еще в период раздробленности. В Германии религия никогда не была частным делом, и считалось, что наилучшим решением «иудейского вопроса» могло бы стать полное обращение евреев в христианство. Масла в огонь подлил экономический кризис, породивший разочарование в модернизации и возмущение либерализмом. Тогда-то антисемитизм и сделался замет-

ным политическим течением. Евреев винили во всех пороках модернизации и упрекали в «захвате власти» в Германии и покушении на ее традиционные ценности. Под лозунгом «эмансипации от евреев» формировались кадры антисемитской публицистики, закладывались основы той идеологии, которая позднее привела Гитлера к власти. Эта идеология получала поддержку со стороны ряда университетских профессоров, таких как востоковед Пауль де Лагарде и историк Гейнрих фон Трейчке. Одновременно усилиями Адольфа Штёкера формировался политический антисемитизм. Несмотря на внутренние распри между лидерами карликовых антисемитских партий, все они поддержали «Антисемитскую петицию» 1880 г., требовавшую запрета иммиграции евреев, контроля над теми, кто уже был в стране, запрещения им становиться государственными чиновниками, учителями, заниматься правом. Правда, большого политического веса антисемитские партии не имели, и вплоть до 1893 г. они регулярно проигрывали на выборах. Тем не менее, они сыграли свою роль в развитии техники массовой политики и демагогической пропаганды.

В Саксонии, где располагался Байрейт, антисемитизм был взят на вооружение местными властями: евреев не брали на государственную службу, запрещали кошерный забой животных, поощряли антисемитскую прессу. В 1882 г. Дрезден стал местом проведения первой Международной антисемитской конференции, куда съехались делегаты из Германии, Австрии и Венгрии. В Лейпциге Теодор Фрич издавал с 1885 г. газету «Антисемитские сообщения». Накал антисемитизма в Саксонии был столь высок, что на выборах в местный парламент в 1893 г. антисемиты получили 6 мест из 16. Правда, подобно Вагнеру, деятели Байрейта сторонились политического антисемитизма, находя его вульгарным. Их взгляды разделял и Чемберлен.

В эти годы Чемберлен необычайно много читал. Познакомившись с идеями Вагнера, он затем до того увлекся Шопенгауэром, что заразился его любовью к Востоку и даже начал самостоятельно изучать санскрит. Восток поразил его своими мистическими взглядами, противоположными западному материализму. Скоро он перешел к расовым теориям о роли индоарийской культуры, и это заставило его переосмыслить оперы Вагнера, суть которых он, как оказалось, раньше не понимал. Но поиск Культуры и увлечение идеализмом означали для него отделение мира идей и морали от мира власти. Для Чемберлена вагнерианство и идеализм шли впер-

ди политики и формировали ее. Он приветствовал Вильгельма II как «самого интеллектуального из Гогенцоллернов», понимавшего искусство и идеализм. Он надеялся, что теперь-то и пришла эпоха Байрейта. Действительно, кайзер Вильгельм поощрял военную элиту и свое окружение вступать в Вагнеровскую ассоциацию, и Чемберлен увидел в этом хороший знак.

Между тем, почувствовав улучшение своего здоровья, Чемберлен решил вернуться в науку. В 1889 г. они с Анной переехали в Вену, где жил ботаник Юлиус Виснер, под руководством которого Чемберлен планировал закончить свою диссертацию. В Вене ему понравилось. Там он вновь с головой погрузился в научную литературу и стал изучать, прежде всего, труды Дарвина и Гексли. Имея за плечами опыт, полученный от чтения Канта, Шопенгауэра и древнеиндийской литературы, он теперь принял позицию виталистов и набросился с критикой на узкий эмпиризм и прямолинейно понятую доктрину эволюции. Он доказывал, что те факты, которые обычно привлекали ее сторонники, могли быть интерпретированы иначе.

Поэтому, вместо того, чтобы экспериментально изучать, как сок движется по стеблям растений, он стал искать аргументы в пользу наличия некой жизненной силы. Только допуская ее наличие, считал он, можно понять движение сока. Следовательно, надо идти не от эксперимента, а от субъективного воображения, родственного искусству. С этих позиций он критиковал позитивизм и научный материализм, доказывая, что наука должна идти на тесный контакт с религией, философией и искусством. Диссертация о соке определила ход дальнейших научных представлений Чемберлена и повлияла на сложение его расовой доктрины.

Дальнейшая история диссертации Чемберлена остается не вполне ясной. По его собственным словам, она была готова уже летом 1890 г. и одобрена Виснером. Однако Чемберлен решил опубликовать эту работу лишь в 1897 г., предварительно кардинально его переработав. При этом защищать диссертацию он так и не стал, сославшись на нежелание сдавать устный экзамен в соответствии с требованиями Женевского университета. Некоторые эксперты полагают, что защите препятствовал дилетантский дух, присущий работам Чемберлена.

В 1891 г. они с Анной совершили поездку по Боснии, и Чемберлен пришел в восторг от этих «почти чистых славян». Позднее он вспоминал, что Босния воочию показала ему значение расы. На его взгляд, там обитали близкие расовые родственники германцев,

не обнаруживавшие черт вырождения, которые он усматривал у других славян (напомню, что во время нового балканского кровопролития, происходившего в 1990-х гг., как сербские и хорватские, так и русские националисты рассматривали боснийцев в качестве «мусульман», а вовсе не «славян»). В Боснии он нашел идеального «естественного человека», не испорченного городом, и воспевал ее традиционную жизнь и традиционную культуру, видя там гармонию, потерянную современным обществом. Его восхищение технологическими и научными достижениями «германской» нации удивительным образом сочеталось с разочарованием утратой сельской идиллии в результате коммерциализации сельского хозяйства. Босния усилила его почвеннические настроения, и он был очарован боснийцами, не знавшими парламентского режима. Теперь он поддерживал автократию и идеальным строем полагал тот, при котором правил абсолютный монарх, опиравшийся на профессиональную бюрократию.

Переполненный балканскими впечатлениями, заставившими его поддержать австрийскую политику в Боснии, направленную против панславизма, он писал тогда своей тетке: «Русские – наши заклятые враги и враги западной цивилизации..., наша политика в отношении Восточной Европы должна руководствоваться четким пониманием этого» (позднее эту идею у него позаимствовали нацисты). Вместе с тем, статьи Чемберлена о Балканах с трудом пробивали себе путь в печать, и он тогда с обидой писал, что «вся журналистика является еврейскими отбросами».

Впрочем, свое собственное творчество не приносило ему удовлетворения. Поглощая массу литературы, он и сам пытался писать, но ничего, кроме тривиальных идей, из-под его пера не выходило, и он в ярости выбрасывал написанное. В итоге к осени 1891 г. Чемберлен отказался от научной карьеры и решил всецело посвятить себя служению вагнерианству. Жизнь в Вене, бывшей тогда вторым после Байрейта центром культа Вагнера, весьма этому способствовала. Здесь имелось самое крупное и богатое Общество Вагнера в Европе. Вместе с тем, в конце 1880-х гг. оно оказалось в кризисе. Причиной этому послужили дебаты об отношении к радикальному студенческому пангерманизму и антисемитской деятельности Георга фон Шёнераера. Большинство членов Общества стремились быть подальше от этих новых болезненных тенденций: одни хотели избежать конфликтов, раздиравших националистов, других пугали демагогия и антисемитизм, третьи не желали менять искусство, в

котором они видели личную религию, на политику. Зато, по мнению меньшинства, вагнеровский подход к культуре требовал активного личного участия в развитии пангерманской идеологии и выступления против евреев и славян.

В декабре 1889 г. представители этого меньшинства основали Новое Общество Вагнера. Подобно Вагнеру, Чемберлен поначалу стремился быть подальше от этих политических страстей, но, когда члены Старого Общества начали критиковать Козиму за авторитаризм и сомнительную постановку «Тангейзера», он изменил свою позицию. В октябре 1891 г. по приглашению Нового Общества он выступил с лекцией и был приятно удивлен, обнаружив множество единомышленников. В частности, с ними его сближало отношение к евреям. Для Чемберлена, сдвинувшегося к тому времени к расовому мировоззрению, евреи символизировали все то, что он так страстно обличал – мир денег, буржуазные нравы, профанацию высокой эстетики. Соседство евреев его беспокоило, и еще в 1888 г. он писал своим английским родственникам по поводу смерти кайзера Фридриха III, что того оплакивали только евреи, так как он дал им власть, получив за это прозвище «еврейского кайзера». Позднее, единственное, что его раздражало в Вене, – это «огромное число евреев». С подозрением относясь к Старому Обществу, где высоко ценили еврейских музыкантов, он с радостью вступил в Новое Общество Вагнера и через несколько лет стал там ведущей фигурой, оказывая влияние на его программу. Тогда же он стал широко выступать с лекциями, например, съездил в Грац, где его аудиторию составляли крайние антисемиты и националисты. Затем он выступал и в студенческом обществе «Германия». Так он вошел в круг немецких националистов в Австрии и познакомился с их лидерами. В частности, он начал тесно контактировать с К. Вольфом и писал статьи для его газеты. Много позднее имя Чемберлена оказалось настолько связанным с Германским Рейхом, что люди стали забывать о том, что большинство своих работ он написал в Вене.

В эти годы на политической арене появились новые силы – крестьяне, рабочие, ремесленники, славяне, – оспаривавшие первенство у австрийского либерализма. Тогда происходила значительная иммиграция евреев и славян с востока, и германские националисты, терявшие монополию на власть, забеспокоились. К 1889 г. в Вене боролись три ведущих политических силы – пангерманизм, социал-демократия и христианский социализм. Отвечая демократам, подвергшим германских националистов сокрушительной критике как

разрушительную силу в многоэтничном обществе, Чемберлен обвинил их в предательстве. Он также неодобрительно отнесся к росту влияния христианских социалистов под руководством Карла Люгера среди мелкой буржуазии и крестьян. В этом он усмотрел опасное возрождение авторитета Католической Церкви. Не менее опасным ему казался и социализм Виктора Адлера, тоже входившего в круг вагнерианцев. Чемберлен поддерживал германистов в их борьбе против требований радикального чешского движения за правовое и культурное равенство. В апреле 1897 г. граф Бадени подписал рескрипт о равенстве чешского языка с немецким в Богемии. Это вызвало раздражение у германоязычного населения, а Чемберлен увидел в этом «преследование всего германского». Вскоре он стал рассматривать пангерманизм как единственное движение, стоявшее на страже немецких интересов.

Теперь в его представлениях рационализм окончательно уступил место инстинкту, и современность Чемберлен однозначно связывал с упадком. В мире всеобщей атомизации гармонию сохраняло одно лишь искусство. Идеалом для Чемберлена представлялось интегрированное общество (Volksgemeinschaft), основанное на древнем германском мифе, к чему его вела приверженность расовой идее и антисемитизму. В 1893 г. по совету Козимы он принялся изучать книги Гобино и ряда других французских авторов, включая Эд. Дрюмона, Эд. Шюре, И. Тэна, Э. Фагю. Все это он воспринимал критически через призму «расовых» (сегодня мы бы сказали «этнических») конфликтов, наблюдавшихся им в Австрии. Так сложились основы расовой теории, которую он начал усиленно разрабатывать в 1890-е гг. Себя он неизменно отождествлял с Пруссией Гогенцоллернов, а не с многоязычной империей Габсбургов. Сравнивая судьбу германоязычного населения в этих двух государствах, он предсказывал последнему близкую катастрофу. Для Чемберлена Вена была ареной расового эксперимента, из которого северный сосед обязан был сделать для себя выводы.

Между тем, свои наблюдения Чемберлен излагал эзоповым языком. Вместо того, чтобы писать о современности, он углублялся в историю Древнего Рима, и центральное место в его концепции занимало падение Рима под ударом доблестных тевтонцев. Рим был ослаблен расовым смешением, что привело к хаосу и не позволило создать оригинальную культуру. Лишь северные тевтонцы сформировали здесь новые национальные государства, но в Южной Европе и империи Габсбургов хаос сохранился. Чемберлен доказывал, что

Габсбурги были историческими наследниками Рима. Ему чрезвычайно понравилась идея ведущего немецкого историка того времени Г. фон Трейчке о том, что «австрийский германизм» был «заражен семитизмом». Поэтому он называл поздний Рим «государством без нации», формой, у которой не было наполнения, «хаосом народов». Современникам без слов был понятен намек на Австрию. Полной противоположностью представлялась Пруссия, государство, связанное «единой кровью», где происходила «органическая эволюция». Пруссия Бисмарка будто бы показывала, что «можно не только теоретизировать по поводу расы, но заниматься ее выведением и сохранением».

Вена вдохновляла Чемберлена на рассуждения не только о миссии германской расы, но и о том, что евреи были ее антитезой. До приезда в Вену ему никогда не приходилось жить в городе с таким большим еврейским населением. В 1890 г. 119 тыс. евреев составляли там 8,7% населения и были весьма заметны в финансах, прессе, политике, искусстве. В 1890-х гг. антисемитизм уже окрашивал всю жизнь Вены, включая и политику. Чемберлен видел евреев всюду и был убежден, что они обладают большой властью. «Еврейство» в его рассуждениях иногда символизировало «либерализм», но иногда он имел в виду восточноевропейских евреев-иммигрантов или еврейскую прессу и финансистов. Его расизм со временем усиливался, и он начал усматривать суть истории во взаимоотношениях германцев с семитами. В Вене он почувствовал и эффективность антисемитизма как политического орудия, что демонстрировали такие местные политики, как Люгер и Шёнерер.

Гордость за победы Рейха не мешала немцам чувствовать, что нация страдает от упадка духовности, и отовсюду слышались упреки в сторону филистеров. Это, например, громко прозвучало в «Немецких записках» Пауля де Лагарде в 1878 г. Он гневно выступал против секуляризма и либерализма, против буржуазной морали и призвал к духовному возрождению народа. Его идеи пришлось по вкусу многим интеллектуалам, требовавшим реформ. Одним из таких движений был культ Вагнера. В Байрейте возрождение связывали с новым искусством и философской доктриной Вагнера. К 1890 г. идеологическая догма там полностью сложилась, и речь шла о широкой ее популяризации. Именно Чемберлен в эти годы более других занимался пропагандой наследия Вагнера, чему способствовали его широкие знания и лекторский талант. К тому времени жизнь в Вене превратила неудачливого журналиста Чемберлена в

популярного литератора. Его первой книгой стала «Драма Рихарда Вагнера» (1892), которую отредактировал его друг, еврей Рудольф Луис. Но сам Чемберлен не был удовлетворен этой деятельностью и признавался, что ни в одной статье не мог честно и досконально изложить свои идеи; речь скорее шла о дипломатических и тактических попытках донести до публики в лучшем виде наследие Мастера. В своих лекциях он тоже нередко маскировал свой антисемитизм, приспосабливаясь к разным аудиториям.

Чтобы успешно вести пропаганду, нужна была поддержка, и вагнерианцы опирались на свои личные связи с немецкими принцами и графами, а также прибегали к финансовой помощи богатых промышленников. Кроме того, они привлекали к своей деятельности журналистов, ученых, издателей, и к 1900 г. в обществах Вагнера было много интеллектуалов. Тогда в Центральной Европе было свыше сотни групп вагнерианцев, насчитывавших более 8000 членов. Несмотря на некоторые внутренние разногласия, они участвовали в празднике в Байрейте, а также организовывали заседания и лекции. Главным двигателем «Байрейтской идеи» была Козима, и до 1896 г. Чемберлен находился всецело под ее влиянием. По словам экспертов, Козима и ее окружение жили в глубоко религиозной атмосфере. Создавалось впечатление, что религия и вера в Мессию потеснили там искусство. Последователи видели в Вагнере и его вдове полубогов, а лидеры культа представляли себя рыцарями Грааля, хранителями святой чаши. Лепту в это внес и Чемберлен своей книгой о Вагнере, в центре которой находились традиции «тевтонского искусства», а вовсе не детали жизни композитора. Фактически он создал статичный портрет Вагнера, далекий от реальности. В книге не говорилось ни о распутной жизни композитора, ни о его долгах, ставших следствием его склонности к роскоши. Зато доказывалось, что на пути Вагнера постоянно стояли евреи, а во всех скандалах его личной жизни обвинялись недобросовестные журналисты. Кроме того, замалчивалось участие Вагнера в революции 1848 г. В своих лекциях Чемберлен также делал все, чтобы отлучить Вагнера от революционной политики. Вместе с Козимой Чемберлен участвовал в кампании против книги о Вагнере, изданной еврейским писателем Ф. Прегером, стремившимся сполна воздать Вагнеру за антисемитизм. Тогда Чемберлена активно поддерживали пангерманисты и антисемиты.

Немало энергии у Чемберлена отнимала популяризация праздника в Байрейте, устроителей которого душили долги. Байрейт изо-

бражался «святым местом», святилищем германства, символом немецкого идеализма. Праздник уносил зрителей далеко из современного промышленного мира и космополитической цивилизации в мир религиозной экзальтации. Чемберлен писал: «В этих произведениях – моральная сила нашего века, в них скрытая мощь германского человека выходит наружу». Праздник предполагал, что через символику драмы Миф, или «вечная германская истина», снизойдет на людей. Он воспринимался как возвращение единства арийцев, пришедших взирать на свои примордиальные мистерии. Байреит превращался в священное место сбора арийцев, где им должен явиться Грааль. На празднике царили почвеннический национализм и германское христианство, что Ницше и назвал «Байрейтской идеей». Между тем, «арийцами» там оказывались лишь весьма состоятельные люди; просто народу участие в празднике было не по карману.

Суть «Байрейтской идеи» Чемберлен объяснял следующим образом. Он доказывал, что на заре человеческой истории не было никаких противоречий между человеком и общиной, в которой царили свобода и гармония. Затем началась деградация, достигшая низшей отметки в современном обществе. Следовательно, возвращение гармонии требовало восстановления исконного состояния. Тем самым Чемберлен предвосхитил идеи Генона и современных традиционалистов. Правда, в отличие от них он видел в авангарде движения назад не политика, а художника, и настаивал на духовном совершенствовании, а не революции.

Вслед за Вагнером, деятели Байрейта мечтали об арийском христианстве, однако, кроме самой общей идеи, они плохо его себе представляли. В римском католицизме они видели «семитизированную религию» и призывали протестантов полностью покончить со всеми оставшимися католическими догмами. Но дальше призывов дело не шло. Вольцоген и Козима оставались ревностными протестантами, Чемберлену импонировала личная внеконфессиональная религия, а некоторые другие предлагали включить элементы индуизма, мистики и теософии. Некоторые «арийские христиане» двигались к оккультизму и неоязычеству. Но фактически германское христианство, руководствовавшееся биологическим детерминизмом, подменяло идею Бога расой, и Вольцоген с Чемберленом это отчетливо сознавали. Впрочем, они верили в совместимость расизма с христианством, представляя их взаимоотношения в мистическом ореоле.

«Байрейтская идея» имела две стороны. С одной стороны, рисовался идеальный образ германца с его лояльностью и религиозно-

стью, внутренней глубиной и близостью к природе, консерватизмом и глубоким чувством идентичности. С другой, – изображались враги, в качестве которых Вагнер первоначально рассматривал деньги, а затем – иноземцев и расовое смешение. После смерти Вагнера роль расы в культе Байрейта усилилась, и он стал одним из главных идеологических центров немецкого антисемитизма. Здесь царила атмосфера подозрительности в отношении «врагов нации», которых чаще всего идентифицировали с евреями. Деятели Байрейта не устали подчеркивать слабость немецкого характера – ведь немцы падали на лесть, и враги успешно использовали их невинность и наивность. Критиковались материализм и оторванность от почвы, будто бы способные сделать немцев беспомощными жертвами их «заклятых врагов». Однако склонность Вагнера к вегетарианству не нашла последователей. По словам Козимы, «лишь когда мы признаем, что животные такие же живые существа, как мы сами, можно будет говорить о новой религии, а именно о связи между нами и всей природой».

Постепенно в Байрейте слова «германцы» и «арийцы» стали синонимами. Для доказательства их тождества понадобился новый исторический синтез, и именно выполнение этой задачи взял на себя Чемберлен. Вместе с тем, культивируя расовую идею, вагнерианцы никогда не пытались четко определить понятие «раса». Иногда они понимали под «расой» биологическую группу с четкими физическими и духовными особенностями, но иногда – идеи, ценности, стиль поведения, вовсе не обязательно связанные с биологией. Так, «евреем» там могли считать члена культурной, исторической, религиозной группы, но порой и нееврея, разделявшего «еврейские идеи». Все это было свойственно и работам Чемберлена. Тем не менее, вагнерианство упорно ковало язык, символику и мифологию германского национализма. Этот язык был со временем подхвачен журналистами и политиками, а позднее его с большим успехом использовали нацисты.

Однако в практической сфере Байреит проявлял дух прагматизма. Если еврей оказывался полезным, его непременно привлекали. Еще во времена Вагнера в музыкальной жизни Байрейта неизменно участвовали евреи – дирижеры, музыканты, менеджеры. Не отказался Байреит от этой практики и позднее, и Чемберлен мог с полным основанием говорить, что среди его хороших знакомых встречались евреи. Впрочем, их там столь же неизменно видели «низшими существами», и обращение евреев в христианство в каче-

стве одного из возможных решений «еврейского вопроса» отвергалось. Как-то Козима сказала Чемберлену, что, если еврей и может стать христианином, то не может стать тевтонцем. Впрочем, в Байрейте воздерживались от грубых антисемитских выпадов и антихристианского настроения, характерных для ряда венских вагнерианцев. Издатель «Байрейтского журнала» Вольцоген видел долг немцев «не в физическом изгнании евреев, а <...> в выдавливании их морали из нас самих». Он полагал, что «еврейской власти» наступит конец, когда немцы сами себя переделают. Чемберлен с этим соглашался, говоря, что «немецкий идиот или тевтонский осел менее привлекают его, чем серьезный и плодovitый художник еврейского происхождения».

Между тем, обслуживание «Байрейтской идеи» не давало полного выхода амбициям Чемберлена, и он мечтал о чем-то большем. Вскоре случай для этого подвернулся. Немецкий издатель Гуго Брукман задумал издать книгу о самых выдающихся достижениях XIX века. Не найдя подходящего автора, Брукман обратился к Чемберлену, и в феврале 1896 г. тот с радостью подписал контракт, тем более что он помогал ему выйти из финансовых и семейных затруднений. Замысел Чемберлена поражал своей грандиозностью. Он хотел нарисовать тридцать веков человеческой истории, завершившейся гением Вагнера. Работа должна была состоять из трех частей: в первой предполагалось показать развитие Европы с древности до 1800 г.; вторая должна была включить анализ культурных достижений XIX в. (политика, социальные силы, техника, наука, философия, искусство), а также обсуждение новых форм богатства, эмансипации евреев, религиозного искусства Вагнера; третья посвящалась оценке XIX в. в контексте человеческой истории. В книге Чемберлен предполагал обсудить вопросы «семитской опасности» и расовых конфликтов с китайцами и неграми. Она должна была завершиться темой возрождения и «байрейтского мировоззрения».

Чемберлен писал свою книгу с февраля 1896 г. до сентября 1898 г., но ему удалось закончить лишь первую ее часть, вышедшую в 1899 г. под названием «Основания XIX века». Всю оставшуюся жизнь он собирал материалы для других частей. Любопытно, что именно осенью 1897 г., когда немецкий национализм достиг апогея, Чемберлен готовил главы «Приход евреев в Западную историю» и «Хаос народов», что, безусловно, отразилось на их содержании. На время работы над книгой Чемберлен обрек себя на добровольную изоляцию. С другими учеными он не встречался и не обсуждал свои

идеи, а Козиму лишь изредка информировал в письмах о продвижении работы. По воспоминаниям одно время близкого к нему Г. Кейзерлинга, метод работы Чемберлена сводился к следующему. Имея богатую личную библиотеку, он вскарабкивался по лестнице к нужным книгам, выхватывал оттуда цитаты и украшал ими свои заранее сформулированные идеи, не заботясь о том, насколько они соответствуют концепциям использованных авторов и их собственным интерпретациям своих данных. Столь же мало Чемберлена заботила складность изложения, что приводило к массе противоречий и несообразностей. Все это Кейзерлинг называл «интеллектуальным грабежом». Хотя внешне тексты Чемберлена были усеяны ссылками на великое множество авторов, фактически, судя по его дневникам, свои основные идеи он черпал из книг таких антисемитов, как французский журналист Эд. Дрюмон и немецкий востоковед А. Вармунд.

По словам вдумчивого исследователя творчества Чемберлена Дж. Филда, тот стал одним из дилетантов-популяризаторов, заполнявших вакуум, образовавшийся между крайне специализированной наукой и читающей публикой. Такие авторы нападали на науку, неспособную нарисовать целостную картину мира, ожидаемую от нее обществом, в связи с чем университетское образование испытывало в конце XIX в. кризис. Поэтому любые попытки синтеза научного знания встречались публикой с энтузиазмом. С такой точки зрения и следует оценивать успех книги Чемберлена, отчетливо это понимавшего. Он писал тогда: «Я полагаю, что истинный дилетант является сегодня культурной необходимостью как для ученого – для оживления его знаний, – так и для человека с улицы, обогащая его жизнь живым, организованным знанием». Поэтому свою задачу он определял как «не науку, а жизнь, не теорию, а действие»; его не заботило открытие новых фактов, ему нужно было «придать форму уже известным и изложить их так, чтобы они образовали в нашем сознании живое целое». При этом он признавался Козиме: «Я ничего не знаю об истории, совсем ничего».

Субъективный метод Чемберлена трудно понять вне того контекста, в котором тогда развивалась немецкая историческая наука. Это был период резкой критики позитивизма, когда В. Дильтей призывал к «интуитивному пониманию» истории и делал акцент на интеллекте и эмоциях, что открыло путь для почвеннических и расистских интерпретаций истории, ярким примером чего и стал труд Чемберлена. Сам Чемберлен не был склонен абсолютизировать ценность своих достижений и писал в предисловии к первому изда-

нию: «То, что здесь изложено, пережито автором. Хотя многие факты могут оказаться ошибочными, хотя многие заключения могут основываться на предрассудках, а многие выводы – на ложных рассуждениях, все же ничто из этого не является полной выдумкой...» Что бы ни говорили критики, Чемберлену изначально было ясно, что в основе всех человеческих ценностей лежала раса. Поэтому вся история сводилась к развитию и упадку рас, каждая культурная эпоха была творением доминирующего человеческого типа. Так в основу своих построений он клал субъективный иррациональный взгляд, присущий ранее эстетике Вагнера.

Этот подход не был чем-то новым в истории европейской мысли. Еще деятели Великой Французской революции понимали свою деятельность как борьбу «галльской расы» с «франкской», а в Англии писали о славных исторических победах тевтонцев. Аналогичные взгляды в Германии развивали В. Менцель и Г. Клемм. В 1890-х гг., когда Германия переживала глубокое социальное и политическое расслоение, там появился целый хор культурных пророков и популяризаторов истории. Место профессионалов заняли бойкие популяризаторы, запоем читавшие книги вроде работы Чемберлена. Позже этим объяснялся и успех труда Шпенглера. Но в отличие от многих других популяризаторов, Чемберлен сумел сохранять респектабельность и позу пророка, создавая впечатление огромной эрудиции и отсутствия тенденциозности. Он не заигрывал с оккультизмом и неоязычеством и ссылался на массу источников и исследований, привлекая читателя научным стилем повествования.

Стержень книги Чемберлена составляли два положения: во-первых, человечество разделено на четкие расы физически и умственно и, во-вторых, борьба и взаимоотношения рас являются движущей силой мировой истории. В прошлом он видел смену эпох, каждая из которых определялась преобладанием какой-либо расы. Он доказывал, что главным архитектором современной европейской цивилизации была германская или тевтонская раса. В основе культуры XIX в. лежали шесть импульсов: 1) эллинское искусство и философия; 2) римское право и организация; 3) учение Христа; 4) расовый хаос после падения Рима; 5) негативное разрушительное влияние евреев; 6) творческая миссия тевтонской, или арийской, расы.

На древнюю Элладу он смотрел глазами романтиков. Она представлялась ему «утраченным идеалом», контрастировавшим с современным атомизмом и материализмом. Но он предсказывал, что

тевтонцы создадут новое культурное единство без жестокости и рабства, осложнявших жизнь греков. Основу греческой цивилизации он видел в искусстве и сетовал на то, что в школах XIX в. рассказывали басни о греческих тиранах и рабстве.

В отличие от Греции, мир римлян был лишен искусства и поэзии. Зато там процветали патриотизм, гражданское мужество, уважение к закону и институтам, крепкая семья. Все это звучало диссонансом с современной буржуазной действительностью. Именно Рим спас Европу от влияния семитско-азиатского Востока и создал пространство для независимого развития индогерманской расы. «Если Греция тянулась к Азии, то Рим от нее отталкивался». Правда, Чемберлен не противопоставлял римское право германскому, за что подвергся критике со стороны приверженцев германского права.

Но и в Греции, и в Риме, по его словам, происходила расовая дегенерация. Упадок чувствовался во всем – в поэзии, искусстве, философии. Если ранний Рим все же сумел преодолеть семитское влияние (победа над Карфагеном), то позднее африканские солдаты-императоры типа Каракаллы обесценили римское гражданство, раздавая его направо и налево. Вслед за Гобино, Чемберлен доказывал, что прилив крови рабов семитского и африканского происхождения привел к расовому упадку. И тогда римский мир исчез.

Главным событием мировой истории для Чемберлена было рождение Иисуса Христа. Это была заря, возвестившая возникновение новой германской культуры на развалинах старого мира. Будучи «Богом молодых энергичных индоевропейцев», Иисус не имел ничего общего с буддистским пессимизмом и подавлением воли. Приписывая ему «арийские» черты, Чемберлен доказывал, что Иисус не мог быть евреем. Именно его книга донесла образ «арийского Христа» до массового читателя. Чемберлен исходил из того, что Галилею населяли греки, финикийцы и другие народы, якобы расово отличавшиеся от евреев. Стремясь создавать впечатление научности, он сопровождал свои рассуждения многочисленными оговорками и даже соглашался с тем, что у Христа могли быть некоторые еврейские черты. Однако с помощью различных намеков и ухищрений он подводил читателя к выводу об «арийском» происхождении Иисуса, прямо об этом не заявляя.

Если Е. Дюринг видел в христианстве жизнеотрицающую идеологию еврейского происхождения, то Чемберлен отождествлял учение Христа с идеалистической религией арийцев, коренным образом отличной от основанной на законах и материализме религии евреев.

Почему же Христос выбрал для своих проповедей столь враждебное окружение? Чемберлен объяснял, что в арийской среде Иисусу мешали местные мифологии. Он яростно доказывал отсутствие каких-либо связей между еврейско-эллинистической литературой и ранними христианскими проповедями. Однако, избегая обвинений в антисемитизме, Чемберлен оставил Христу некоторые еврейские черты, чем вызвал недовольство Козимы. На ее упреки он отвечал, что, касаясь столь щепетильной темы, должен был соблюдать осторожность. Отдельные оговорки, по его словам, следовало воспринимать как необходимую шелуху, под которой скрывалось истинное ядро.

Главой о Христе закончилось изложение истории древности и началась европейская история, рожденная конфликтом трех расовых сил: хаоса смешения рас, а также двух «чистых» рас – тевтонцев и евреев. «Хаос народов» лежал в центре его расовой теории. Рим пал из-за расового смешения, оставив это сомнительное наследство большей части населения современной Европы. Но самое опасное смешение рас происходило на юге и востоке. Именно оттуда в Европу пришло наследие античности, которое, как проклятие, донныне влияет и служит антинациональным, антирасовым силам. Нацистам понравились идеи Чемберлена о нордическом превосходстве. Зато Муссолини, прочтя главу о «хаосе народов», произнес в задумчивости: «Такая доктрина никогда не найдет понимания здесь в Италии». Между тем, Чемберлен ставил под сомнение и труды Отцов Церкви и обличал католицизм в том, что тот утратил связь с истинным учением Христа. Он доказывал, что под влиянием семитов папство думало только о политической власти, и лишь тевтонцам дано очистить христианство от семитских черт.

Описание «римского хаоса» было, безусловно, напрямую связано с антисемитизмом, но до поры до времени Чемберлен отделял хаос от евреев. Тем не менее, он утверждал, что со времен «римского хаоса» ход истории определялся борьбой тевтонцев с евреями за наследие древнего мира и за завещанное Христом. Правда, начинал он, как всегда, осторожно, заявляя, что «еврей – не враг тевтонской цивилизации и культуры»; он даже протестовал против попыток превратить евреев в «козла отпущения». Далее, он отрицал какие-либо личные предубеждения против индивидуальных евреев и даже посвящал книгу своему венскому наставнику, еврею Юлиусу Виснеру. В то же время, он считал определенную неприязнь к евреям вполне допустимой и убеждал читателя в своей объективности.

Ведь прежде чем восставать против иноземного семитского влияния, немцы должны знать своего врага, и целью Чемберлена было описать духовные и физические черты евреев.

Работая над книгой, Чемберлен впервые обратился к истории евреев, но лишь для того, чтобы использовать собранную информацию для подкрепления своих предубеждений. Ссылаясь на работы таких известных семитологов, как Ренан, Вельхаузен, Робертсон Смит, Стеернагель, он беззастенчиво искажал их идеи. Израильтян он изображал потомками смешения трех «расовых типов». Первыми были семитоязычные бедуины, жившие в пустыне и потому якобы не имевшие воображения и обладавшие узким кругозором, основанным на материализме. Вторыми были сирийские хетты, сильные физически, но отличавшиеся низкими интеллектуальными способностями. От смешения этих двух типов якобы и происходили евреи. Будто бы от первых они унаследовали религиозный фанатизм, сводящий взаимоотношения человека с Богом к вульгарному юридическому контракту, а от вторых – страсть к коммерции и духовную глухоту. Третий тип представляли амореи, или хананеи, которых Чемберлен рисовал высокими светлокочими и голубоглазыми «арийцами с севера». От их смешения с евреями якобы и происходили древние израильтяне. Но прилив арийской крови, как учил Чемберлен, произошел слишком поздно, и поэтому слава израильтян времен Давида и Соломона быстро увяла.

После разгрома Израила в 721 г. Иудея осталась в изоляции, и там развился еврейский тип. Позднее в условиях вавилонского пленения иудеи были оторваны от остальных израильтян, что стерло следы их общих древних традиций. Мало того, якобы безжалостно коверкая Ветхий Завет и фабрикуя историческую традицию, жрецы создали новую догматическую религию. Утаив сведения о смешанном происхождении, они ввели жесткий обычай эндогамии и, таким образом, по словам Чемберлена, «несколько человек навязали национальную идею людям, вовсе несклонным ее принимать». Якобы именно после осады Иерусалима Синаххерибом в 701 г. евреи были провозглашены избранным народом. Тогда-то и «родился еврей, а с ним Иегова, которого мы знаем из Библии».

В текстах Чемберлена постоянно присутствовала нотка благоговейного ужаса. Расовое сознание евреев, их жесткая приверженность социальным кодам, враждебность к другим расам, – все это, как он полагал, были черты, которые могли бы украсить германцев. Он поражался тому, как в любой обстановке евреи не позволяли

себе забывать о божественных правилах, как самый убогий в гетто помнил о чистоте крови. Но иногда в риторике Чемберлена звучали жестокие нотки, напомнившие о себе позднее у Розенберга. Цель евреев Чемберлен видел в том, чтобы «наступить ногами на шею всем нациям мира и быть господином и владельцем всей Земли». Якобы евреи коварно выдавали своих дочерей замуж за других, в результате чего мужская линия у них оставалась чистой, но зато индоевропейцев они «заражали» еврейской кровью. Он доказывал, что нужны срочные меры, иначе в Европе останется лишь одна чистая раса, евреи, а остальные станут «псевдо-еврейскими метисами», несомненно, дегенератами физически, умственно и морально.

Таким образом, Чемберлен называл евреев одновременно чистой расой, антирасой и метисированным народом, чья история перечеркивала все законы расового развития. С одной стороны, он настаивал на различиях между евреями и семитами, а с другой, – использовал эти термины как синонимы. В письме тетке он объяснял, что евреи – это метисированные полусемиты, разлагающие все, что есть благородного в нордической душе, и пробуждающие все, что в ней есть низкого. В его мозгу все нетевтонцы сливались в образ единого монолитного врага. Евреев он отождествлял с хищническим капитализмом, монополиями, мобильным богатством, а их влияние обнаруживал во дворах средневековых королей и в войнах XIX в., «связанных с еврейскими финансовыми операциями». Он с растерянностью отмечал, что эта урбанизированная раса, оторванная от своих корней, получала от модернизации более других, оставляя обделенными тевтонские нации. Но с евреями он связывал не только финансовый капитал, но и либеральную демократию, и международный социализм. Он заявлял: «В своих планах построения невозможных социалистических и мессианских царств евреи угрожают уничтожить нашу с трудом построенную цивилизацию и культуру».

Вслед за Вагнером он пытался оспорить способность евреев к введению монотеизма. В Ветхом Завете он пытался выделить пласт индоарийских и ханаанских верований, которые позднее вошли в иудаизм. Эту идею он позаимствовал у протестантских авторов, настаивавших в 1880-1890-х гг., что дохристианский иудаизм был сухим и законническим и что не в нем, а в христианстве следовало видеть истинного наследника библейского монотеизма. Искажая мысли своих предшественников, Чемберлен добавил к этому расовую идею. Позднее, когда видный востоковед Ф. Делич обнаружил в

Ветхом Завете следы вавилонских верований, Чемберлен был явно смущен. С одной стороны, это подтверждало его предположение о вторичности еврейской религии, но, с другой – Вавилон был не тем местом, где, по его мнению, следовало искать истоки. Он полагал, что и в Вавилон религиозные верования пришли из какого-то более раннего арийского источника. Поэтому в выступлениях Делича он увидел «семитский заговор» с целью скрыть истинное значение научных открытий.

Если евреи разрушали цивилизацию и были синонимом материализма и нетерпимости, то тевтонцы выглядели в книге Чемберлена прямой противоположностью им. Идеалисты и мистики, тевтонцы пытались вырвать античное наследие из рук евреев и семитизированного «хаоса народов». Чемберлен воспевал их продвижение из северных лесов и болот. Он не уточнял границы расселения этой «расы» и безоговорочно отождествлял термины «индогерманцы», «индоевропейцы», «арийцы» с тевтонцами. В своем отношении к тевтонцам он следовал французскому антропологу Ж. Ваше де Лапужу, выделившему Ното еигореус как отдельный тип. К этому виду Чемберлен причислял германцев, кельтов и славян, фактически ставя знак равенства между языком и физическим типом. Он доказывал, что именно германцы Центральной Европы сохранили расовый тип в наиболее чистом виде, тогда как во Франции и России наблюдалось расовое смешение, подорвавшее жизненные силы расы.

Любопытно, что Чемберлена мало интересовал вопрос о прародине арийцев и колыбели человеческой цивилизации. Гораздо важнее ему представлялось выявить физические и духовные черты высшей расы. Поэтому он критиковал ученых за то, что они «до сих пор не знают, что форма головы и структура мозга оказывают решающее влияние на форму и структуру мышления». Цвет волос, состав кожи, форма черепа однозначно ассоциировались в его голове с тевтонской кровью, и он испытывал необычайный восторг по поводу «черепов блондинов». Суть тевтонского характера определялась внутренней глубиной, лояльностью хозяину, которого тевтонцы добровольно выбирали, внутренней духовной и интеллектуальной свободой, – все это, разумеется, не имело ничего общего с либерализмом. Вместе с тем, Чемберлен сокрушался по поводу наивности тевтонцев, легко поддававшихся обману и беспечно служивших своим врагам. Однако он утверждал, что, столкнувшись с враждебностью семитов, они начали строить свои национальные

государства, очищать христианство и заново открывать Христа, строить новый мир на расовом фундаменте.

Книга Чемберлена была пронизана идеей о превосходстве «тевтонской (арийской) расы». С VI в. она вела непрерывную борьбу с объединенными силами Рима и иудаизма. В течение многих столетий этот расовый конфликт был направлен против политической и религиозной власти Римского папы. Иногда казалось, что трактат Чемберлена был направлен в большей мере против Рима, чем против «семитов», и автор с этим соглашался. Он полагал, что «римским идеалом было создание универсального государства, основанного на правлении еврейских священников», и поэтому «иудаизированное» римское католичество сливалось для него в одно целое с «семитизмом». Иной раз он доходил до того, что объединял иезуитов и социалистов как защитников идеи «неограниченного абсолютизма» и сближал евреев, либералов, Римскую Церковь, Германскую партию центра, приписывая всем им «семитизм». За всем этим скрывался заговор и «семитская кровь». «Семитская опасность», как наваждение, повсюду преследовала Чемберлена, и даже китайцы напоминали ему евреев. Поэтому, если в операх Вагнера само «арийское христианство» уже без слов предполагало оппозицию в виде евреев, то в рассуждениях Чемберлена таким ключевым термином было «тевтонство». Оба они были склонны к параноидальному мышлению, способствовавшему развитию конспирологических фантазий. В 1900 г. Чемберлен предупреждал, что к старым врагам Германии в лице Папы прибавились новые – социализм, международные финансисты, либерализм. Он писал, что «силы Тьмы протягивают свои липкие руки... и стремятся утащить нас назад в Ночь, откуда мы, тевтонцы, пытаемся выбраться».

Религиозные взгляды Чемберлена были связаны с традицией либерального протестантизма 1890-х гг., учившего, что христианству надо вернуться к исконной жизни и посланиям Иисуса, чтобы отбросить язычество и католические идеалы. Эти идеи Чемберлен обогатил расовыми аргументами. Он учил, что изначально христианство включило два прямо противоположных компонента: религию евреев и религию индоевропейцев. Но затем в нем возросла роль семитского материализма, оно сделало чрезмерный акцент на грехе и наказании, а интерпретация арийских символов стала буквальной. Возросли жесткость и нетерпимость, и на смену любви пришла догматика. Но вначале эллинский, затем тевтонский дух

этому сопротивлялись. Для окончательной победы тевтонцам требовалась истинная религия, чем и должно было стать «германское христианство».

Но вначале тевтонцы взялись за решение насущных политических задач, и, как доказывал Чемберлен, с XIII в. эта раса пробудилась к своей исторической миссии, и ей было суждено облагородить человечество. В отличие от универсальных устремлений Рима, тевтонцы стали создавать нации, основанные на расе и культивировавшие свободу и индивидуальность. Реформацию Чемберлен изображал политической революцией, где Лютер выглядел героем. А Французская революция представлялась ему хаосом вследствие того, что французы проспали Реформацию; зато в ней чувствовалось огромное влияние иезуитов и евреев. Поэтому революция и привела к хаосу, олицетворявшемуся Наполеоном.

В книге Чемберлена тевтонцы и «семиты» во всем выглядели диаметрально противоположно. Политическому равенству и свободе он противопоставлял кантовскую моральную свободу, безответственному «еврейскому капитализму» – идеал тевтонского индустриализма, где наряду с техническим прогрессом сохраняется дух кооперации (*Gemeinschaft*) и иерархии средневековых гильдий, марксизму – «этический» социализм. Впрочем, отождествив католичество с «семитизмом», Чемберлен создавал себе западню, ибо католики составляли треть населения Германии, и он не мог их с легкостью исключить из «избранной расы». Пытаясь выпутаться из этого щекотливого положения, он ухитрялся находить тевтонскую струю в католицизме и в позднейших изданиях «Оснований» хвалил католиков за их политическую лояльность.

Последняя и самая длинная глава «Подъем нового мира» посвящалась прославлению тевтонских достижений, начиная с 1200 г. и до XIX в. Все самое великое в Европе этого времени Чемберлен приписал тевтонскому гению. Он в особенности воспевал науку и использовал все свои профессиональные знания, чтобы показать особый тевтонский взгляд на природу. Выступая против догматизма, он прославлял тевтонский эмпиризм. Но выше всего он ставил идеальную религию. Кроме того, Чемберлен награждал тевтонцев особым духом, позволившим создавать великое искусство, выражавшее божественную истину (от Гомера до Бетховена). Наследником этой традиции он видел Вагнера, но ему так и не удалось написать заключительную часть, где должна была идти речь о Вагнере и Байрейте.

Итак, Чемберлен планировал изобразить XIX в. критическим переходным периодом, когда перед тевтонцами возникла опасность в лице эмансипированных евреев, финансового капитализма, популярной прессы, крупной техники. Это было время объединенной Германии с ее средним классом, восставшим против социализма и плутократии. Теперь Чемберлен писал о великой миссии немецкого народа. В дальнейшем он планировал осветить мировое значение германской культуры и представить Рейх последней крепостью тевтонства в борьбе со старыми расовыми врагами и с растущей угрозой со стороны желтой и черной рас.

«Основания XIX века» не отличались особой новизной. Об избранности тевтонцев писали задолго до Чемберлена. Многие его аргументы были взяты из многочисленной расистской и антисемитской литературы, появившейся начиная с эпохи Просвещения. Во многом именно знакомые сюжеты и сделали книгу столь популярной. Она была написана в духе традиционного немецкого идеализма и романтизма и многим была обязана Гобино и Вагнеру. Эта книга отражала «питание падалью», что Т. Адорно называл неотъемлемой чертой расистской литературы. Сегодня редко вспоминают о расовых аспектах идей Канта, Гегеля, Гете или Конта, но мало кто из мыслителей той эпохи избегал рассуждений о расе. Чемберлен преувеличивал роль этих рассуждений у великих мыслителей, представляя их своими прямыми предшественниками.

В XIX в. Арийский, или тевтонский миф, приковывал к себе внимание всех расовых мыслителей Европы. По словам такого противника расизма, как Жан Фино, сказанным в 1906 г., «сегодня 999 из 1000 образованных европейцев верят в свое арийское происхождение». Во второй половине XIX в. самым важным пропагандистом арийства был Эрнест Ренан. Его рассуждения о превосходстве арийцев и моральном и биологическом разложении семитов производили большое впечатление на современников. Тогда французы, немцы и англичане хотели видеть себя чистыми потомками исконных арийцев. К концу XIX в. обострился спор об арийской прародине. Если до середины XIX в. многие помещали ее в Индии, то затем усилились попытки приблизить ее к дому и поместить в Северной и Центральной Германии, в Скандинавии, на прибалтийских равнинах. С ростом интереса к европейской прародине термин «арийский» стал сменяться на «нордический». Француз Ж. Деникер был одним из первых, кто в 1900 г. использовал термин «нордическая раса». В 1930-е гг. популяризатор нацистских расовых идей Ганс

Гюнтер доказывал, что прародина располагалась в Германии, откуда благородная кровь якобы и распространялась. Так европейская расовая теория стала основываться на доктрине арийского (тевтонского, индоевропейского, германского, франкского) превосходства. Впрочем, уже тогда эта концепция стала научным аутсайдером. Ведь еще в конце XIX в. Эдуард Тэйлор заявил об ошибочности отождествления языка с расой, и с этим согласился известный филолог Макс Мюллер, сожалевавший о своем вкладе в создание концепции «арийской расы».

Между тем, на рубеже XIX–XX вв. физическая антропология переживала бум, и ее представители были увлечены расовыми построениями. В 1840 г. швед Андерс Рециус ввел «головной указатель» для измерения высоты и ширины черепа, что заставило ученых делить людей на долихокефалов и брахикефалов. Ведущий французский антрополог Поль Брока собрал и классифицировал более 2 тыс. черепов. Но, основываясь на огромном массиве эмпирических данных, расисты делали разные заключения. Ж. Ваше де Лапуж и О. Аммон пытались искать корреляцию между формой черепа и религиозными верованиями, урбанизацией и благосостоянием, стремясь доказать действие естественного отбора на социальную стратификацию. Они представили историю постоянной перетасовкой разных расовых элементов внутри каждой нации соответственно законам расового и социального отбора. Аммон стремился показать, что распределение доходов в Саксонии в 1900 г. отражало наличие «естественной» аристократии. Семь лет он измерял рекрутов в графстве Баден и сделал всеобъемлющие выводы о различиях между городским и сельским населением и о вредном влиянии урбанизации на «высший» долихокефальный тип.

Однако, чем больше статистических данных накапливалось, тем больше скепсиса выказывали профессиональные антропологи по поводу «чистых» расовых типов. Когда того же О. Аммона спросили о том, как выглядит «чистый» альпийский тип, он смущенно признался, что никогда такого не встречал: «Все круглоголовые мужчины были либо белокурыми, либо высокими, либо узконосыми, либо еще какими-то, какими они не должны были быть». Однако, как это ни парадоксально, скепсис относительно физических критериев расы привел к еще более экстравагантным предположениям о «расовой душе» (Г. Лебон).

Именно в таких исследованиях журналисты и популяризаторы выискивали аргументы против либералов и социалистов, заявляя,

что социальные реформы пойдут на пользу слабым и менее приспособленным к современной жизни. В этом контексте появилась и идея о том, что преступники обладают своим особым расовым типом и что нужны специальные меры для спасения здоровья нации. В конце XIX в. уже заговорили о евгенике и расовой гигиене. Арийская теория, основанная на манихейской концепции вечной борьбы между силами Добра и Зла, представленными соответственно арийцами и семитами, была с энтузиастом подхвачена авторами популярных романов и исторических произведений. Даже теологи вслед за М. Арнольдом заговорили о различиях между эллинизмом и «гебраизмом». В 1880-х гг., как мы уже знаем, появился политический антисемитизм, евреев стали прямо связывать с либерализмом и модернизмом. Лишь немногие протестовали против политического использования науки (Р. Вирхов, Ф. фон Лушан). Другие, напротив, вуалировали свой антисемитизм псевдонаучной терминологией (Дрюмон, Вармунд, Чемберлен, Дюринг).

Многие историки антропологии проводят различия между профессорами университетов и расистскими публицистами типа Чемберлена. Предполагается, что ученые были более объективны и занимались узко научными вопросами. Но, как справедливо отмечает Дж. Филд, по мере распространения, расовая наука стала более тривиальной и вульгаризировалась: то, что было наукой для предыдущего поколения, становилось культурным предрассудком и определяло псевдонауку в следующем. Мир науки не отделялся от общества какой-то непроходимой пропастью. В Германии известны даже личные контакты между учеными и расовыми популяризаторами. Чемберлен поддерживал дружеские отношения с рядом известных биологов. Исследователь арийской проблемы К. Пенка был близок к ариософумистику Ланцу фон Либенфельсу, а ведущий немецкий зоолог Э. Геккель был тесно связан с пангерманским движением. И не случайно некоторые немецкие ученые вначале поддерживали почвеннические движения, а затем с энтузиазмом встретили подъем нацизма.

В конце XIX в. научная мысль Германии переживала кризис, и давление массового общества и германского империализма сказывалось на направлениях научных исследований и их риторике. Среди немецких расовых антропологов отчетливо проявлялись недовольство модернизацией, оппозиция демократии, ощущение себя защитниками культуры. Некоторые даже опасались исчезновения «нордической расы» и призывали к ее спасению. Ненавидевший евреев, Ваше де Лапуж предупреждал в 1887 г. о близости расового

конфликта: «Я убежден, что в следующем столетии люди начнут миллионами убивать друг друга из-за различий в головном указателе в один-два градуса». В этих условиях жизнь не могла ждать, что скажут ученые. Поэтому-то Чемберлен и критиковал научные методики и уповал на интуицию, а цель своей книги видел в том, чтобы «изучить и сформулировать расовую проблему для ныне живущих людей». Он убеждал кайзера Вильгельма в том, что, если не принять срочных мер и не начать культивировать расу, то скоро будет поздно и «тевтонская раса» исчезнет.

Тем самым, энтузиазм по поводу «арийской», или «нордической», расы готовил общественность к будущим мировым войнам, этническим чисткам и геноциду. В Германском Рейхе расовое мышление было тесно связано с риторикой Мировой Политики. Выход «Оснований» в одночасье сделал Чемберлена известным всем образованным людям Центральной Европы. Ведь в своей книге он соединил расовую идеологию с достижениями науки, национальной мистикой, этноцентристскими предубеждениями и утверждением арийского превосходства. Он доказывал, что раса – это ключ к пониманию не только прошлого и настоящего, но и будущего.

Начав с увлечения дарвинизмом, Чемберлен в ходе своих умозаключений пришел к прямо противоположному выводу, отрицавшему естественный отбор. Его смущало противоречие между расовой теорией, говорившей о том, что внутренние качества этнической группы гарантируют ей превосходство, и идеей о внешних силах, вызывавших естественный отбор. Трудно было совместить моральное превосходство расы с естественным аморальным механизмом. Доктрина выживания лучше приспособленных расходилась с расовой теорией, опасавшейся их уничтожения. В отличие от Дарвина, Чемберлен, подобно своему учителю К. Фогту, верил в постоянность формы: несмотря на индивидуальную вариативность, законом было сохранение типа. Он допускал изменение видов и рас со временем, что отражалось в вариативности. Но изменение могло привести и к потере формы, а, тем самым, и к потере жизни. Эволюционный процесс должен был вести к совершенствованию формы и к исчезновению тех вариаций, которые слишком сильно отклонялись от заданной формы. Раса была формой, а смешение с чужаками вело к потере формы и, таким образом, к исчезновению жизни. Тем самым, форма становилась мистическим понятием.

Правда, при этом Чемберлен никогда не пытался давать расе четкое определение и не шел дальше заявления о том, что раса – это

«исторический индивид». Он придавал расовый облик очень разным группам – евреям, тевтонцам, кельтам, славянам, китайцам, арийцам, семитам, древним грекам и римлянам, пруссакам и даже британцам. Такие неточности раздражали ученых, но публика не обращала на них никакого внимания. Ведь, во-первых, и в обывденном лексиконе раса уже использовалась в разных значениях. Антропологи и этнологи тоже придавали ей разные смыслы; сколько-нибудь общепринятой классификации так и не сложилось. Хотя после 1880 г. появились аргументированные возражения против идеи «чистых» рас, старые стереотипы «арийцев» и «семитов» все же сохранились. Кроме того, сами ученые пытались создавать идеальные гомогенные типы из наблюдаемой гетерогенности. В ходу были фразы о «единстве в разнообразии» и «преемственности при наличии разрывов», – все это помогало создавать фиктивные «чистые» расовые типы. Популярны были рассуждения о связи физического и духовного, расы и национального характера; это встречалось и в популярной, и в научной литературе. По справедливому замечанию Дж. Филда, «за этим было мало логики, но много эмоций».

В конце XIX в. любая расовая теория, жаждущая успеха у интеллектуальных читателей, должна была опираться на науку и ссылаться на антропологию и биологию. Чемберлен везде, где возможно, ссылался на Вирхова, фон Лушана, Ратцеля, Рейнака и др. Он включил в текст книги изображения черепов, взятые у сторонника арийских исследований французского археолога Г. де Мортилье. Чемберлен убеждал читателя, что у человека нет ни одной черты, в которой бы не отразилась раса. В то же время он готов был отвергнуть «рационалистическую антропологию», если ее выводы противоречили его интуиции. Вырывая цитаты из контекста, сравнивая противоположные суждения, иногда издеваясь над научным жаргоном, он стремился дискредитировать эмпирические исследования в пользу инстинкта и интуиции. Это и позволяло отвергать науку, если она противоречила его идеям. Иногда он рассматривал расу как «категорию понимания», априорный принцип, помогавший упорядочивать впечатления о мире. Защищая расу от нападок разума и эмпирической науки, Чемберлен превращал ее в секулярную религию. Ко всем этим приемам активно прибегают и его современные эпигоны, в том числе в России.

В итоге Чемберлен полностью отказывался от физических критериев расы, которыми пользовались ученые, и делал акцент на неких «вечных моральных качествах» (сегодня это иной раз называют

«ментальностью»). Подхватывая расхожие стереотипы, он писал о «мрачной страстности» кельтов, «идеализме, практичности, лояльности и благородстве» тевтонцев, «нетерпимости и стерильности» семитов. По его словам, «не надо иметь аутентичный хеттский нос, чтобы быть евреем. Скорее термин “еврей” относится к особому способу мышления и чувствования. Человек очень скоро может стать евреем, не будучи израильтянином; для этого лишь нужно иметь частые контакты с евреями, читать еврейские газеты, привыкнуть к еврейской философии, литературе, искусству». Впрочем, он добавлял: «Относительно легко стать евреем, но почти невозможно стать тевтонцем». Тем самым, Чемберлен дистанцировал «еврейство» от физического типа и делал шаг навстречу австрийскому политику Люгеру, цинично заявлявшему: «Я решаю, кто еврей, а кто нет».

Пессимизм Гобино Чемберлена не устраивал, и он заменял его оптимистическим мессианством. Процесс развития его интересов больше, чем происхождение рас, и, забывая о своих рассуждениях о форме, он доказывал, что раса являлась подвижной категорией, она менялась на протяжении истории. Подобно другим расистам, он выводил из теории Дарвина принцип иерархии рас. Мало того, он писал: «Если бы было доказано, что в прошлом никакой арийской расы не было, мы ее увидим в будущем; для людей это очень важный момент». Ради этого он настаивал на введении полной расовой эндогамии и искусственной культивации «здорового и чистого типа». При этом книга Чемберлена была буквально пронизана страхом перед расовым смешением. Он был убежден, что между тевтонцами и евреями шла борьба за существование – если не на поле сражения, то в области брака.

Книга Чемберлена содержала все основные элементы германского расизма: арийское превосходство, антисемитизм, мессианское и мистическое понимание расы, социодарвинизм, енгеника, антропосоциология. Кроме того, он развивал тевтонский миф, немецкий национализм, культурный идеализм. Для него раса, нация и народ были синонимами. В тевтонскую расу он включал также славян и кельтов, но из его описаний следовало, что наиболее чистую кровь сохранили именно германцы. К славянам он относился с опаской, и в 1906 г. утверждал, что только Германия сможет защитить «жизненный центр Западной Европы» от «татаризованной России», метисов Океании и Южной Америки и миллионов чернокожих. В центре германской Мировой Политики должны были лежать два фун-

даментальных принципа – сохранение христианства и высшей культуры. Чемберлен доказывал, что лишь расовое единство позволит Германии осуществить широкие завоевания. На практике это значило оправдание монархии, авторитарное правление, консервативные идеалы, почвенническую политику для превращения Германии в истинное органическое общество.

«Основания XIX века» стали одним из главных текстов германского расизма. Ф. фон Лушан назвал их не наукой, а поэзией; историки видели в книге массу иррациональных рассуждений. Но массовому читателю все это нравилось. Многих интеллектуалов привлекала и критика университетской науки, иррациональная философия жизни. Мало кто из читателей были достаточно квалифицированы, чтобы критично отнестись к широкой эрудиции автора.

Несмотря на свой объем (1200 страниц) и высокую цену, книга принесла автору успех. Уже в первый год вышло три издания, а облегченное популярное издание 1906 г. тиражом в 10 тыс. экземпляров было распродано за три дня. Книга пользовалась популярностью у высшего и среднего классов и стала классикой в почвеннических кругах. Ее высоко ценил А. Розенберг. В Берлине Чемберлен стал известной личностью, и, по словам современника, по силе воздействия его книга могла поспорить с будущим трудом Шпенглера. Впрочем, критики тут же заметили в книге неприкрытый антисемитизм и искажения идей цитируемых авторов, субъективизм и воинствующую псевдонаучность. Консерваторы и национальные либералы были более благожелательны, но и они осуждали чрезмерный материализм Чемберлена. Радикальные правые были от книги в восторге. Но самый большой энтузиазм книга вызвала в почвеннических кругах. В 1905 г. идеи Чемберлена развил Йозеф Раймер: он увидел в них оправдание создания огромной Германской империи, покрывавшей почти весь континент, включая значительную часть России. Он грезил о научной комиссии, которая разделит ее население на германцев и тех, кто неспособен на расовое улучшение, то есть евреев и славян. Эти планы предвосхищали эпоху нацизма.

Книгу одобрил кайзер Вильгельм, прочитавший ее в начале 1901 г. Пораженный начитанностью автора, он внимательно изучил книгу и даже зачитывал куски из нее императрице. Эта книга более, чем что-либо другое, убедила его в мировой миссии Германии. Кайзер встретился с Чемберленом. Они подружились и много лет состояли в переписке. Кайзер Вильгельм заимствовал у Чемберлена идеи и риторику для выработки своего мистико-романтического

взгляда на германскую Культурную Политику. Их взгляды во многом сходились. Это касалось и «разъедающего яда» иудаизма, и симптомов упадка Германии, роста могущества «еврейской» прессы и Рейхстага, а также проникновения «семитских ценностей» в систему образования. Но иной раз они обсуждали «желтую опасность», угрозу от «татаризованного славянства» и будущую опасность «черных орд». При этом Чемберлен не столько открывал глаза Вильгельму на что-то новое, сколько лишь укреплял его уже сложившиеся убеждения. Переписка говорит о единстве взглядов на расу, религию, политику. «Основания» лишь укрепили убеждения Вильгельма в роли германского арийства и тевтонства. Новым импульсом для взаимопонимания между Вильгельмом и Чемберленом стали поражение Германии в войне и распад Рейха. Теперь оба они были убеждены в тайных еврейских и масонских заговорах, безмерно верили «Протоколам сионских мудрецов» и мечтали о расовом реванше против разложения и материализма.

Высокую оценку книге Чемберлена дал и Мёллер ван ден Брук. Имя Чемберлена стало особенно популярным у академической молодежи. В 1909 г. 17-летний А. Розенберг нашел его книгу в Риге; позднее он писал, что она перевернула его жизнь. И действительно, именно она послужила ему образцом для написания «Мифа XX века», ставшего вторым по значению (после «Майн кампф») идеологическим трудом в нацистской Германии.

Академическое сообщество приняло книгу неоднозначно. Многие университетские ученые отмечали дилетантизм автора. Однако другим понравились патриотические заявления Чемберлена, и они простили ему ненаучный подход. Экономист Вернер Зомбарт предложил Чемберлену сотрудничать в своем журнале. Что же касается этнологов и антропологов, то их возмутили его способ цитирования и насмешки над научными методами. Л. Вислер, Ваше де Лапуж, Штейнмец, фон Лушан клеймили Чемберлена, хотя некоторые из них и разделяли его чувства. Ратцель уличал Гобино и Чемберлена в ненаучном подходе. Но на молодых популяризаторов расовой теории, среди которых были Розенберг и Гюнтер, книга Чемберлена произвела неизгладимое впечатление. Правда, фанатичные поклонники Гобино были разгневаны тем, что Чемберлен назвал его построения «фантазмагориями».

Католиков возмущало то, как Чемберлен искажал историю. Их особенно раздражало противопоставление германской религии традиционному христианству. Еще больше страстей книга вызвала у

протестантов. Ортодоксальные евангелисты ее отвергли. Профессор Бэнч из Вены увидел в ней пантеистический суррогат и написал Чемберлену длинное письмо с критикой его искаженных представлений о семитской религии, что не позволило тому обнаружить очевидные сходства иудейской и христианской традиций. Некоторые протестантские издания возражали идее об арийстве Христа. Их встревожили попытки расового национализма рядиться в христианскую рясу. Но радикальные почвеннические протестантские группы Германии и Австрии благожелательно встретили взгляды Чемберлена. Еще более теплый прием его книга имела у либеральных протестантов, выступавших за более рациональную религию, подходящую среднему классу и новой Германии, и за монокультурное государство, строительству которого мешали евреи. Поэтому либеральные протестанты делали акцент на различиях между христианством и иудаизмом. Некоторые из этих реформаторов позднее опирались на книгу Чемберлена в своих попытках создать «германское христианство». Правда, такой видный деятель либерального протестантизма, как А. фон Харнак критиковал Чемберлена за антисемитизм и писал, что не верит, что Бог мог сотворить плохой народ. В ответ тот доказывал, что заповеди о всепрощении и любви к ближнему относятся к индивидам, а не к расе, которая могла иметь коллективную вину. Для Чемберлена концепция любви не могла существовать без ненависти. Поэтому его любовь к германцам была неразрывно связана с ненавистью к евреям.

Но многие молодые читатели не были склонны порицать Чемберлена за его выпады против христианства. Ведь с 1870-х гг. антисемитизм был направлен не только против иудаизма и евреев, но и против христианства. Некоторые радикалы на этом основании вовсе отходили от веры. На их фоне Чемберлен выглядел для почвеннически настроенных христиан не в пример более уважаемым.

Зато многие германские евреи были встревожены популярностью книги Чемберлена, подтверждавшей их опасения относительно настроений буржуазии и аристократии. Ведь эта книга была образцом «уважаемого» антисемитизма, пытавшегося опираться на большую эрудицию и науку. Такой интеллектуальный антисемитизм грозил подорвать свойственный христианам, особенно элите, иммунитет от предубеждений. Тем более, что, как обнаружилось, Чемберлен верил в ритуальные убийства. Кроме того, его «научный» антисемитизм находил параллели в выступлениях политических антисемитов. Пример Чемберлена отчетливо показывал ошибочность пред-

ставления об антисемитизме как религии маргиналов – ведь к нему питали склонность образованные люди из элиты.

По Дж. Филду, книга Чемберлена вышла в критический момент немецкой истории, когда эпоха Бисмарка сменилась эрой Мирровой Политики. Драматический период модернизации 1870-1880-х гг. породил в обществе глубокие разочарования в реформах и либерализме, и оно сдвинулось к консервативным ценностям. Гнев обиженных и неустroенных выливался, прежде всего, на еврейскую буржуазию. Кризис 1873 г. породил волну антисемитской и антилиберальной литературы. Тем самым, войну против модернизации оппозиционные лидеры умело направляли в русло расизма и социального консерватизма. Быстрый рост национализма и антисемитизма в связи с разочарованием либерализмом и буржуазным «разумом» отмечался среди студенческой молодежи, с энтузиазмом помогавшей политическим партиям. В 1890-х гг. эти бывшие студенты стали чиновниками, докторами, учителями, бизнесменами, сохранив свою антисемитскую и расистскую идеологию.

После 1890 г., когда Бисмарк был отправлен в отставку, начались поиски внутреннего врага Рейха, и это отразилось на национальной политической культуре. На фоне бурного экономического роста возросло влияние социализма, но параллельно отмечался новый взлет антисемитизма. На выборах 1893 г. консерваторы и антисемиты завоевали шестнадцать мест в Рейхстаге вместо прежних шести и стали там вторым по численности блоком. Правда, это стало их пределом, и в дальнейшем их влияние пошло на убыль. Вместе с тем, отступление политического антисемитизма вовсе не уменьшило антисемитские настроения в обществе. На рубеже веков отмечался значительный рост числа антисемитских изданий. Тогда антисемитизм начал проникать во все слои общества. К 1900 г. он стал частью консервативного идейного багажа; появились интеллектуалы типа Чемберлена, разрабатывавшие интеллектуальные концепции. Конечно, падкими на такие взгляды были разорившиеся крестьяне, пауперы, те, кто страдал от модернизации. Но нельзя преуменьшать и роль успешной буржуазии, разбогатевшей благодаря модернизации. И на это вовсе не влияло то, что евреи составляли менее 1% населения. Протесты еврейских организаций большого эффекта не имели.

Если в период эмансипации враждебность была направлена, прежде всего, на евреев как отдельную социальную и религиозную группу, то к 1890-м гг. антисемитизм стал лишь элементом более

широких консервативных и националистических настроений. В умах людей евреи превратились в демоническую метафизическую силу, далекую от конкретных взаимоотношений между немцами и евреями. Евреи окончательно стали персонификацией зла капитализма и символом всех бед модернизации: на них сваливали ответственность за упадок моральных стандартов, вульгарность массовой культуры, снижение религиозности. Чем выше была ностальгия по прошлой жизни, тем более виноватыми в глазах окружающих оказывались евреи. В этих условиях антисемитизм и антилиберализм стали синонимами. Все это и стало центральной темой «Оснований XIX века», где доказывалось, что культура и могущество Германии зависели от ее способности избежать враждебного влияния.

Большинство из тех, кто выступали против евреев, не представляли себе, как решить проблему. Чемберлен почти не предлагал никаких конкретных решений. Чаще всего он лишь намекал на необходимость контроля над иммиграцией и евреями и говорил о потребности в духовной трансформации. В итоге в контексте националистических представлений антисемитизм стал средством концептуализации сложных культурных настроений и отстаивания немецких ценностей. Накануне Первой мировой войны неудачи во внешней политике и быстрый рост влияния социал-демократии породили страхи о близости социализма. В этих условиях активизировалась расистская агитация, и все чаще раздавались пророчества об упадке нации. Снова звучали имена Гобино и Чемберлена. Влияние крайне правых на консервативные круги усилилось, причем не последнюю роль в этом играла антисемитская пропаганда: массовыми тиражами издавались работы Чемберлена, Фрича, Гейнриха Класса. Такая литература была переполнена стереотипами, символами и кодовыми словами и фразами. Теперь не нужно было даже называть евреев, чтобы читатели поняли, о чем, в сущности, шла речь.

Все это и способствовало успеху книги Чемберлена, хорошо соответствовавшей настроениям современников. Ведь Чемберлен оснастил общественные предрассудки «научными» аргументами, позволившими его концепции получить респектабельное звучание и найти антисемитизму место в более широком националистическом мировоззрении. Читатели его книги происходили, в основном, из среднего класса; до народных масс его идеи доходили через речи политиков-популистов, прессу и почвеннические романы.

Успех книги окрылил Чемберлена, и он начал представлять себя пророком Германии, способным судить об основах человеческо-

го существования. Более всего его мучил разрыв между наукой и религией, и он с подозрением и значительной долей скепсиса относился к научным экспериментам. Уверовав в окончательную правоту Канта, он был убежден в том, что «научный факт» был всего лишь знанием о наблюдаемой реальности, а вовсе не объективным знанием об «истинной сути вещей». Подхватив критику научного знания махистами, он со временем начал воспринимать все мышление как исключительно мифологическое. При этом в его голове граница между научным и иными формами мышления полностью стиралась. Он настаивал на том, что миф заполняет промежуток между восприятием и идеей. Следовательно, подобно художнику, ученый лишь конструировал символическое представление о реальности. Его убеждение в мифологической сути любой научной теории было так сильно, что он отрицал возможность выбора между разными концепциями, открывая путь для полного субъективизма. Он до того исказил кантовский дуализм, что сомневался в разуме и провозглашал инстинктивное знание единственным источником надежной информации о мире. Однако при этом он избегал обсуждать вопрос о верификации своей собственной расовой теории. Вслед за ним по этому пути идет целая когорта современных российских авторов.

В быту Чемберлен был застенчивым и легко ранимым человеком. Иногда он проявлял удивительную робость. Он страшно боялся вступать в дискуссию, особенно с теми, кого он почитал. Если он слышал что-либо противоположное своему мнению, то или соглашался, или уходил от обсуждения. Внешне он казался неагрессивным, толерантным, непохожим на того агрессивного расиста, которым его изображали оппоненты. Он даже отрицал свой антисемитизм. В то же время, оторванный от мира и окруженный лишь близкими друзьями, он видел себя национальным пророком Германии и верил, что его устами говорит вселившаяся в него сверхъестественная сила. Он был далеко не столь умеренным мыслителем, как иной раз считали некоторые его критики; это был иррациональный ум, охваченный ощущением расового заговора. Он любил говорить, что является самым страшным врагом Рима и Иерусалима. Он гордился тем, что евреи его ненавидят, и даже во сне видел расовых врагов. Он уподоблял себя Христу, и ему снилось, будто евреи хотят его убить. Образ евреев его постоянно преследовал. Он мог бы служить примером «авторитарной личности», о которой писал Т. Адорно, говоря об узколобости, предрассудках, чувстве своей слабости, вере в силу и могущество других, расовых и антисемитских чувствах как

способах переноса агрессивности вовне. Все это было не случайно, ибо Чемберлен воспитывался в обстановке расовой эстетики Байрейта и политического расизма Дрездена и Вены. Отчасти это повлияло на его развод в 1908 г. со своей женой, дочерью крещеного еврея, и новый брак с Евой Вагнер, дочерью Козимы и Рихарда Вагнера.

Антисемитизм Чемберлена был тесно связан с его беспокойной юностью и чувством оторванности от корней, комплексом вины в связи со смертью матери, отдалением от отца, которого он плохо знал, но который властно вторгался в его жизнь, слабым здоровьем и отсутствием видимых успехов в школе. Не случайно он так страстно стремился войти в германскую культуру, чтобы преодолеть свой комплекс иностранца (в годы Первой мировой войны он писал: «Можете ли Вы представить себе, что значит не потерять дом, а никогда его не иметь, никогда не иметь возможности приехать куда-либо, где скажут “он – один из нас”»). Он был типичным безродным интеллектуалом конца XIX в., стремившимся стать членом группы, – поэтому он и заботился о четком отделении германского от еврейского. Его энтузиазм по поводу германского превосходства отражал рвение новообращенного. Он даже готов был отказаться от реальной истории своей семьи и искал ее родоначальника в Любеке, что было отчасти связано с ростом англофобии в Германии. Тем самым, его личные психологические качества сделали его очень чувствительным к культурным и политическим настроениям значительной массы немецкого общества.

Чемберлен был одним из идеологов германской борьбы за мировое господство, трубадуром мировой войны, которую он встретил с воодушевлением. Он приветствовал германские территориальные захваты и призывал к массированным бомбардировкам Англии с воздуха. Антилиберальный дух в его работах еще больше усилился, и он представлял будущую Германию авторитарным иерархическим обществом, построенным на корпоративных началах. Он говорил о «третьем пути» в экономике и противопоставлял близившийся взлет германского национального духа упадку и разложению, будто бы царившим в демократическом «англо-американском» мире, якобы пронизанном «еврейским началом». Однако война явно затягивалась, и никакого германского господства не получалось. Тогда Чемберлен начал обвинять в этом евреев, якобы игравших роль «пятой колонны» и подрывавших нацию изнутри. При этом нападки подверглись не только высокопоставленные евреи, служившие в прави-

тельствственных учреждениях, но и полностью разоренные беженцы войны, хлынувшие из завоеванных немцами районов «черты оседлости». Чем хуже складывались дела на фронте, тем более иррациональными становились статьи Чемберлена: он представлял войну столкновением двух философий – идеалистической и материалистической, германской и англо-американской, тевтонской и еврейской, и это делало мир между ними невозможным. Для него речь шла о борьбе за существование, где мог выжить только сильнейший, и она могла длиться тридцать лет. Все это звучало весьма привлекательно для ультранационалистов, и с Чемберленом завязал контакты будущий идеолог нацизма Дитрих Эккарт.

Поражение Германии в войне застало Чемберлена врасплох. Он никогда всерьез не думал о падении империи Гогенцоллернов. Ведь это полностью расходилось с его представлениями о превосходстве Германии и миссии германской расы. Чувствуя себя неуютно в Веймарской республике, Чемберлен почти перестал публиковаться, и его карьера писателя закончилась. Но популярность его росла, и он получал массу писем от почитателей, видевших в нем пророка. Националисты считали его героем, и в 1925 г. противники республики отпраздновали его 70-летие. Образ Чемберлена как придворного философа кайзера и культурного пророка Байрейта отступал перед другой его ипостасью – «апостола и создателя германского будущего», как назвал его Альфред Розенберг. Веймарскую республику Чемберлен воспринимал как кошмарный сон наяву. Сбывались его худшие опасения; расцветало все то, что он ненавидел. Говоря о ситуации 1919 г., он везде видел заговор евреев как «хищных птиц революции», любителей демократии, агентов социализма, архитекторов соглашений о репарациях. Он даже писал о превосходстве евреев, захвативших власть. Никакие другие объяснения случившегося, кроме еврейского заговора, ему и его друзьям в голову не приходили. В это время правые широко распространяли «Протоколы сионских мудрецов», и друзья Чемберлена начали поговаривать об истреблении евреев как единственном решении проблемы.

Долгие попытки пангерманистов и почвенников навязать немцам антипатию к евреям стали в Веймарское время давать свои плоды. В Германии начали распространяться погромные настроения. На еврейских домах стали рисовать свастики. Некоторые эксперты считают, что такой откровенной антисемитской лексики не наблюдалось даже в Третьем Рейхе. Под влиянием работ Чемберлена, Дюринга, Гобино, Шеманна и трудов этнологов и антропологов расо-

вые теории стали много популярнее, чем раньше. Большое распространение получили как арийский миф, так и конспирологические мифы о масонах и тайных обществах. На слуху были имена Ганса Гюнтера и других представителей Нордической школы с их антисемитской идеологией. Правые широко популяризировали «Протоколы сионских мудрецов», и пресса все чаще стала говорить о еврейском заговоре. Огромный успех получила книга Г. Форда «Международное еврейство», и Чемберлен буквально «проглотил» ее в 1923 г. Лексика антисемитов пополнилась терминами, взятыми из паразитологии, уподоблявшими евреев яду, смертельным бациллам, паразитам, а также хищникам. Все это сводилось к требованию убрать их из общества. Появился новый образ евреев как большевиков-конspirаторов.

После 1914 г. антисемитизм начал распространяться среди аристократии, крупных промышленников, ученых, богатых горожан. А в годы ранней Веймарской республики в различных антисемитских движениях участвовали уже учителя, торговцы, мелкая буржуазия, чиновники, государственные служащие, адвокаты, ремесленники, крестьяне, которых к этому толкали экономическая неустойчивость, страх перед крупным бизнесом. Они отождествляли себя с истинными германскими ценностями. Антисемитские настроения были сильны среди подростков и молодежи. Бывшие офицеры и демобилизованные солдаты, стремившиеся вернуться в общество, часто примыкали к почвенническим движениям. Студенты университетов нередко выступали против своих профессоров-евреев и поддерживали «арийские параграфы». На студенческих выборах в Берлине в 1921 г. две трети голосов были отданы за антисемитских кандидатов. В молодежном движении резко возросло число воинственных правых (там и до войны 92% групп не принимали евреев). Расисты, националисты, антикоммунисты, – все эти группы бредили «германской революцией», призванной смести веймарскую систему и создать новое общество на почвеннических началах. Рост антисемитизма наблюдался и среди протестантских священников – консерваторов, патриотов, монархистов. Они не хотели либеральных изменений и придерживались традиций Штёкера. В то же время поиски новой теологии толкали их в сторону почвеннического национализма. Евангелическая пресса постоянно ассоциировала либерализм, социализм и атеизм с евреями. Появились расистские христианские секты. В 1921 г. вагнерианцы и антисемиты создали Союз за немецкую Церковь, получивший значительную известность. Аналогичные христи-

анские движения, исповедовавшие расовую доктрину, возникли и в других землях, причем они опирались на идеи Вагнера и Чемберлена об «арийском христианстве». Хотя национальные лидеры Церкви возмущались их деятельностью, ничего не делалось, чтобы противостоять радикализации церковной идеологии. Веймарские власти тоже ничего не предпринимали против роста антисемитизма.

Кроме того, правые взгляды были сильны в ветеранских организациях, культурных ассоциациях, профессиональных группах, спортивных клубах, религиозных сектах, полувоенных формированиях. Среди них выделялись многочисленные мелкие оккультные секты и общества «крови и почвы», стоящие за выведение нордической расы. Между ними отмечались трения, но их лидеры поддерживали контакты, а их члены легко переходили из одних групп в другие. Их общим языком был антисемитизм.

В этой обстановке Чемберлен постепенно стал приходить в себя от потрясений. Он предсказывал возрождение Новой Германии. Временное помрачение он сравнивал с первыми годами христианства, которое своей верой изменило мир. В своей изоляции от мира либеральных идей Веймара он бредил почвенничеством и делал ставку на правых. Между тем, его «элитарная идеология» потерпела крах, и теперь Чемберлена с его друзьями увлекал «германский социализм», то есть радикальный популистский национализм, способный противостоять либеральному индивидуализму и марксизму. Их лозунгами стали корпоративность, классовая солидарность и социальная корпорация, духовная революция против материализма, подчинение индивида авторитарному государству. Шпенглер поддерживал «аутентичный социализм», признававший прусские ценности служения и самопожертвования; Мёллер ван ден Брук говорил о духовном единстве народа, не допускавшем раскола на классы; Чемберлен прославлял «этический социализм», включавший идеализм, корпоративность, технократическое планирование, вагнеровскую ностальгию по идеализированному прошлому. Подобно фашистским идеологам, Чемберлен не видел противоречий между таким социализмом и частной собственностью; его идеи классового мира были сродни расовой и национальной солидарности.

Для воплощения этих идей в реальность нужен был популистский вождь. Вначале Чемберлен делал ставку на генерала Людендорфа, отъявленного антисемита и шовиниста. Но в октябре 1923 г. он впервые встретился с Гитлером, и тот произвел на него впечатление, в особенности, своей преданностью идеям Вагнера. В лице

Гитлера Чемберлен увидел того, кто мог бы упразднить ненавистную ему республику. С тех пор будущее Германии он стал связывать с нацистским фюрером. Публично заявив о своей вере в лидера нацистов, Чемберлен стал первым из широко известных людей Германии, кто открыто ассоциировал себя с нацистским движением. Гитлер также тянулся к Байрейту. Еще со времен Вены он был поклонником Вагнера, рассматривая его произведения как выражение немецкой души. Поэтому связь с вагнерианцами была для него общением к святому.

Война укрепила культ Вагнера, достигший кульминации при нацистах. Между тем, дух вагнерианства изменился. Если когда-то музыка Вагнера казалась революционной и модернистской, то в 1910-1920-е гг. Байрейт погрузился в атмосферу консерватизма. Если Чемберлен еще поддерживал идеи новых постановок, то Козима была категорически против каких-либо экспериментов. После войны сопротивление новым веяниям в искусстве стало позицией Байрейта. Это давало местным обитателям право заявлять о том, что там было святилище и Мекка почвеннического движения. В глазах правых абстракции Клее и Кандинского, «еврейская музыка» Шёнберга, дадаизм и пролетарский театр Пискатора были симптомами хаоса и упадка. Байрейт стал антитезой Веймару; здесь был дом германского религиозного искусства, звено, связывавшее его с Гете, Шиллером, Бетховеном. Здесь нашли приют национальные и расовые идеи. Вагнерианцы доказывали, что в Байрейте лежали корни нового мировоззрения, свободного от «еврейского доминирования».

Теперь они уже не ограничивались мистическими идеями и шли на активные контакты с правыми политиками. Когда после известного «пивного путча» Гитлер и его соратники оказались за решеткой, деятельницы Байрейта в течение нескольких месяцев собирали пищу и деньги для семей нацистов, посаженных в тюрьму. Они также помогали собрать подписи под петицией об освобождении Гитлера. В начале 1924 г. Чемберлен опубликовал ко дню рождения Гитлера панегирическую статью о нем, изобразив того человеком «не головы, а сердца», который любит Германию и ведет борьбу с разложением и евреями. Эта статья сыграла свою роль в становлении культа Гитлера. «В отличие от нас, – писал Чемберлен, – он понимает, что невозможно сознать убийственное влияние евреев на германский народ и не принять соответствующих действий». Другие люди знают об опасности, но ничего не делают. Однако Гитлер не таков. Чемберлен видел в нем Парцифалю, способного добыть

чашу Грааля и вылечить нацию от смертельных ран, и он благословил того на решительные действия.

Ничего этого Гитлер не забыл. С 1933 г. он был постоянным участником праздника в Байрейте и регулярно давал на него деньги. Довоенная космополитическая атмосфера осталась в прошлом. Зрителями стали исключительно немцы, и повсюду чувствовалось присутствие нацистов. Еще дальше это зашло после 1939 г., когда, кроме партийных чиновников, там собирались солдаты, инвалиды, рабочие оборонных предприятий, сестры милосердия. Последние праздники превратились в государственный ритуал: в 1943 и 1944 гг. там давали только «Мейстерзингера», который уже рассматривался как гимн нацистов.

Чемберлен умер 9 января 1927 г. Кроме семьи и близких друзей, на похоронах присутствовали местные нацисты и представители Пангерманской Лиги. От национал-социалистов был Гитлер, а от Гогенцоллернов – принц Август Вильгельм. По воспоминаниям Геббельса, незадолго до своей смерти Чемберлен встречался с Гитлером и фактически благословил нацистов. Вот почему они придавали ему особое место в своем пантеоне. Так закончилась жизнь одного из главных творцов арийского мифа и германского христианства.

Эдуар Дрюмон не числится в списке любимых авторов российских антисемитов, и его основное произведение «Еврейская Франция» издавалось в русском переводе только до революции. Между тем, в свое время эту книгу считали шедевром европейского антисемитизма. Некоторые специалисты называют ее третьей по значению книгой такого рода после «Протоколов сионских мудрецов» и «Майн Кампф». Действительно, без «Еврейской Франции» вряд ли бы появились «Протоколы сионских мудрецов». Но, возможно, еще более важным для нас является то, что ее автор старательно наводил мосты между религиозным (католическим) антисемитизмом и расовой теорией, то есть делал то же, что пытаются делать некоторые современные российские антисемиты. Кроме того, Дрюмон был талантливым журналистом, и изучение использования им «языка вражды» дает нам ключ к пониманию некоторых «шедевров» современной российской журналистики. В любом случае, Дрюмон был одним из тех, кто закладывал фундамент современного антисемитизма и расизма, и многие из его аргументов до сих пор воспроизводятся авторами антисемитской литературы.

Эдуар-Адольф Дрюмон родился в семье мелкого парижского чиновника 3 мая 1844 г. Его отец работал вместе с журналистом Анри Рошфором, будущим «князем бульварной прессы», карьера которого всю жизнь казалась Эд. Дрюмону образцом для подражания. Родители Дрюмона придерживались весьма различных политических взглядов: если отец был антиклерикалом и скептически смотрел на Вторую империю, то мать была истовой поклонницей Католической Церкви. Впоследствии Дрюмон пытался составить из этих несовместимых взглядов цельную платформу «католического антиклерикализма».

Обучаясь в лицее, он пристрастился к чтению, и любовь к книге не оставляла его всю жизнь. По окончании учебы семнадцатилетнему юноше пришлось тяжело работать, помогая семье, и он навсегда жизнь запомнил 1861-1865 гг. как самое трудное время в своей жизни. Чиновничья работа сводила его с ума, но нехватка образования не позволяла думать о карьере ученого. Оставалась только карьера журналиста, и Дрюмон бесстрашно ступил на это путь.

Хотя журналистика тогда не приносила больших доходов, пресса быстро развивалась, и в одном только Париже издавались до 500 газет. Многие из них были малоформатными изданиями, расцветавшими во время скандалов и кризисов. Свою первую заметку Дрюмон опубликовал в 1865 г. Выразив в ней свое неприязненное отношение к ростовщикам, он открыто продемонстрировал тягу к популизму и уже не расставался с этим никогда.

Вскоре Дрюмон познакомился с католическими журналистами Анри Лассером и Луи Вейо. От них он узнал о социальной роли религии и сути борьбы папства с республиканцами. Это помогло ему сформулировать свою консервативную позицию и начать нападать на либералов. Вейо привил ему юдофобию, и уже в 1867 г. Дрюмон опубликовал первую статью, направленную против евреев. Давая рецензию об археологическом изучении Первого Храма в Иерусалиме, он упомянул о «непослушном народе, который не смогли образумить ни страшные наказания, ни предостережения пророков».

Два года спустя Дрюмон получил работу в главной парижской газете «Ля Либерте». Если в 1865 г. он издевался над ее редактором, обличая окружавших его «лизоблюдов», то теперь сам пытался его возвеличивать, называя «величайшим человеком XIX века». Любопытно, что тогда Дрюмон не гнушался сотрудничать с газетой, которой владела богатая еврейская семья Перейр. Он ушел оттуда лишь в конце 1885 г., незадолго до выхода своей книги «Еврейская Франция».

В 1869 г. Дрюмон опубликовал свою первую книгу, посвященную яркой карьере Рихарда Вагнера. Тогда в Париже ставили оперу Вагнера «Риенци», и французское издание его брошюры «Еврейство в музыке» привлекло внимание публики к личности композитора, открыто проявлявшего свое неприятие не только евреев, но и Франции. Ведь в Париже композитор видел столицу иудаизма, а значит, как он полагал, воплощение всего современного зла. Вагнер привлекал Дрюмона не столько своей музыкой, сколько мировоззренческой позицией и политическими взглядами. Если другие авторы связывали желание Вагнера поставить «Тангейзера» в Париже с влиянием князя Меттерниха, то Дрюмон видел за этим фигуру француза М.Б.-П. Маньяна. Тем самым, он намекал, что проводниками чужеродного влияния были высокопоставленные деятели Франции. Ведь в 1862 г. сам император назначил Маньяна великим магистром масонского ордена «Великий Восток». Обращение Дрюмона к фигуре Маньяна демонстрировало его желание выявить ис-

точники зловредного иноземного влияния в те годы, когда война с Германией была не за горами.

Война сыграла ключевую роль в карьере Дрюмона, сумевшего удачно использовать чувство национального унижения, охватившее французов после поражения. Это привело к большому спросу на крайне правую идеологию, и Дрюмон стал одним из ее трубадуров, заслужив славу предшественника французского фашизма. В 1870-1871 гг. он обличал предателей национальных интересов, обвиняя именно их в поражении. Зато он прославлял простых людей, без помощи полиции ловивших шпионов. Именно тогда он начал создавать себе образ бескорыстного патриота-популиста, заботившегося о благе народа.

В 1871 г. Дрюмон находился в Париже, наблюдая вход прусских войск и события Парижской коммуны. Не имея доступа к достоверной информации, Дрюмон старательно искал внутреннего врага и обвинял масонов в измене, приведшей к поражению. Он яростно нападал на коммунаров, видя в них «германских агентов». Любопытно, что среди коммунаров он в особенности выделял Симона Майера, ассимилированного еврея, пытавшегося умерить пыл радикалов. Хотя названной личностью участие евреев в Парижской коммуне и ограничивалось, Дрюмон придавал этому огромное значение. Других врагов он обнаружил в лице иностранных банкиров. Такие настроения находили понимание у широкой общественности, склонной к поиску врагов, способствовавших краху государственного могущества Франции.

Любопытно, что у Парижской коммуны Дрюмон усматривал и «французское лицо» – иррациональное и мужественное – гордо называя себя «национальным социалистом». Это также способствовало развитию его социального антисемитизма, направленного против «златолюбия».

В период франко-прусской войны внимание общественности привлекло новое понимание истории, видевшее ее стержнем «расовую борьбу». С этой точки зрения, возвышение Германии некоторые интеллектуалы склонны были связывать с действием расового фактора. Это заставляло их говорить о «расовой дегенерации» Франции, и Вагнер представлял французов «семитизированными латинянами». Дрюмон усмотрел в этом разлагающее влияние евреев, представляя их агентами Германии. Он с подозрением относился к массовому переселению евреев, бежавших во Францию из захваченных Германией Эльзаса и Лотарингии. Многие из них посели-

лись в Париже, что стало для Дрюмона новым поводом говорить об «агентах влияния».

Власти Третьей республики были настроены антиклерикально, и Католическая Церковь встала в оппозицию либерализму и республиканству. Именно в этом лагере Дрюмон и нашел себе место, став самым ярким консервативным критиком современного ему общества. Падение Второй империи поставило Католическую Церковь в особенно сложное положение, и это объясняет поворот многих ее приверженцев к антисемитизму. Ведь отождествляя демонические силы с либерализмом, они обнаруживали в лагере либералов немало евреев. Все это находило отражение в творчестве Дрюмона, превратившегося в 1870-х гг. из маргинального журналиста в одного из самых известных европейских антисемитов.

Начало 1870-х гг. открыло новую страницу в истории европейских евреев, окончательно добившихся эмансипации в таких основных странах, как Англия, Франция, Италия и Германия. Это породило у них большой энтузиазм, продлившийся, правда, недолго – всего до 1873 г., когда в Западной Европе разразился финансовый кризис. Публика винила в нем евреев, хотя их финансовое влияние в начале 1870-х гг. резко снизилось. Тем не менее, именно во второй половине 1870-х гг. в Германии происходило становление политического антисемитизма, опиравшегося на широкую общественную поддержку. Все это не прошло мимо Дрюмона. Правда, по его собственным словам, до 1879 г. он не понимал сути «еврейского вопроса» и начал писать свой антисемитский трактат только в начале 1880-х гг. На самом же деле он обнаружил свою склонность к антисемитизму значительно раньше.

После франко-прусской войны вопрос о репарациях фактически решался двумя банкирами-евреями. Со стороны Германии выступал Бейхредер, а интересы Франции отстаивал Ротшильд. Это создавало впечатление, будто именно евреи получили выгоду от войны. На самом же деле Ротшильд делал все для того, чтобы облегчить участь Франции, снизив объем репараций. Он, разумеется, получал большой доход от своего участия в этом деле, однако это не имело никакого отношения к остальным евреям Франции.

В эти годы Дрюмон был частым гостем в доме Альфонса Доде, с которым он познакомился еще в 1870 г. Там он встречался с ведущими писателями Франции – Золя, Гонкуром, Коппе и другими. Правда, в их присутствии он не отваживался говорить о своих антисемитских чувствах. Ими он делился лишь с Доде, когда они оста-

вались наедине. Писатель ему сочувствовал, и именно благодаря авторитету Доде, «Еврейская Франция» была опубликована и получила большой общественный отклик.

Сам Доде был далек от социальной философии, хотя его, подобно Бальзаку, беспокоили постоянные финансовые скандалы. Героем своей новеллы «Короли в изгнании» он сделал еврейского спекулянта, извлекавшего выгоду из легковерия своих клиентов. Впоследствии и Дрюмон использовал этот сюжет. Правда, современники отмечали, что в действительности евреи не имели никакого отношения к злключениям королевской особы, положенным Доде в основу своего произведения. Соблюдая осторожность, Доде, за исключением этого случая, ни разу не проявил открыто своих чувств к евреям, но в личных беседах с Дрюмоном был много откровеннее. «Короли в изгнании» должны были показать читателю трагедию ухода в небытие монархической власти и ее замены властью чужеземного капитала.

В целом жизнь Дрюмона в 1870-е гг. проходила без ярких событий. В 1875 г. он при поддержке А. Дюма опубликовал пьесу «Завтрак в полдень». Позднее он обличал Дюма в том, что тот был наполовину евреем. В 1878 г. Дрюмон выпустил сборник своих журнальных статей, посвященных старому Парижу, который он безумно любил. Эта книга была проникнута ностальгией по прежним добрым временам и звучала обвинением в адрес современного ему Парижа, зараженного духом коммерции. Он показывал упадок старой аристократии и обвинял в этом «иностранцев», заполонивших город. Через год он выпустил новую книгу, где рассматривал влияние «иностранцев» на проведение национальных праздников. Его в особенности привлекла фигура еврея Деца, замешанного в главном скандале времен Луи-Филиппа. В поисках агентов социальных перемен Дрюмон указывал на «иностранцев», якобы способствовавших изменению курса французской истории в своих корыстных интересах. Он нападал и на правительство Французской республики, обвиняя его в служении германским интересам. Между тем, вопреки Дрюмону и его единомышленникам, французская общественность одобрила решение отмечать 14 июля как национальный праздник.

В эти годы в стране живо обсуждался вопрос о взаимоотношениях с Германией, публику беспокоила шпиономания, и многие люди впервые задумались о «французской душе». В 1873 г. Дюма-сын опубликовал свою новую пьесу «Жена Клода», где в основных чертах предсказал сионистскую доктрину. Ее герой произносил много-

значительную фразу: «Вечный Жид уже не находится в пути; он прибыл». Это привлекло внимание Дрюмона, увидевшего здесь указание на то, что евреи избрали именно Францию «землей обетованной».

Впрочем, главная идея пьесы заключалась не в этом. Она обличала шпионаж в пользу Германии и прославляла патриотизм. Такие пьесы были тогда очень популярны. Мало того, шпиономания доходила до того, что бульварная пресса время от времени выдвигала обвинения против высокопоставленных французских офицеров, обвиняя их в измене. Все это готовило страну к делу Дрейфуса, и Дрюмон с нескрываемым интересом следил за шпионскими скандалами. Ведь один из ложно обвиненных носил немецкую фамилию Юнг и был дружен с главой государства Гамбеттой, которого реакционеры называли евреем. Все это заставляло Дрюмона предполагать заговор в высших эшелонах власти.

Тем временем, Дрюмон по-прежнему работал в «Ля Либерте» и порой с таким же энтузиазмом прославлял заслуженных еврейских деятелей, с каким позднее смешивал их с грязью. В 1886 г. общественность была шокирована резким изменением отношения Дрюмона к владевшей газетой семье Перейр. Он оправдывался, что якобы долго не знал, кому именно принадлежала газета. Однако в 1875 г. он воспевал Э. Перейра как «просвещенного миллионера», высоко интеллектуального и гуманного. А тремя годами спустя он рассыпал щедрые комплименты И. Перейру как «апостолу прогресса».

Между тем, уже в те годы Дрюмон собирал материалы для книги «Еврейская Франция», где отзывался о них совершенно иначе. Там он писал о соперничестве между семьями Перейр и Ротшильдов и отстаивал интересы Католического банка. Главной мыслью книги Дрюмона было то, что евреи захватили Францию, а их королем был Ротшильд. Все мировое зло он связывал именно с семейством Ротшильдов и подчеркивал, что немецкие евреи были не в пример зловреднее средиземноморских. Поэтому он был несколько более терпим к семейству Перейр, отмечая, что «они работали в перчатках». Будучи потомками португальских евреев, они ассимилировались во Франции. Сопоставляя сефардов с ашкеназами, Дрюмон уподоблял первых мошкам, а вторых – вшам, живущим за счет человеческого тела. Такие эпитеты были густо рассыпаны по текстам Дрюмона, показывая, что он вовсе не желал заниматься критикой социальных болезней. Гораздо более важным ему представлялось лишить чужаков человеческого облика, изобразить их недочеловеками.

В 1870 г. в Париже был учрежден Католический банк, за которым стояли Папство и ряд католических государств, не желавших иметь дело с Ротшильдами. Его директором стал П.-Ю. Бонто, заявивший о своем желании избежать «нечестности и алчности еврейских банков» и спасти Европу от «ига еврейских финансистов». Однако этот банк и сам был не прочь заняться спекуляциями и избыточным кредитованием и вошел в конфликт с Ротшильдами. После краткого подъема в 1878-1881 гг. банк оказался на грани разорения. Публика, включая Дрюмона, склонна была все это приписывать проискам Ротшильдов. Однако нет никаких доказательств того, что банк был разорен именно ими. Зато имеется немало оснований предполагать, что главную роль в этом сыграли внутренние факторы. В 1882 г. тысячи вкладчиков потеряли свои деньги, а Бонто был арестован. Вскоре он вынужден был покинуть страну.

Дело Католического банка выходило далеко за рамки коммерции и затрагивало политические и религиозные интересы. Поэтому страсти долго не утихали, и Дрюмон умело использовал лавину обвинений, посыпавшихся тогда на Ротшильдов. Хотя речь шла, прежде всего, о финансовой деятельности, крах Католического банка воспринимался многими в свете соперничества государства и Церкви. Кроме того, этот банк играл ключевую роль в монархическом проекте. Ведь после окончания несчастной войны консерваторы подумывали о восстановлении монархии. Однако в этом лагере не было единства, и легитимисты по-прежнему враждовали с орлеанистами. Между тем, в 1873 г. Анри де Бурбон отказался принять триколор, справедливо видя в нем символ революции. Его больше устраивал белый флаг, связывающий его с прежним монархическим режимом. Монархисты вынуждены были с ним согласиться, хотя это ставило крест на их надеждах восстановить монархию. Ведь все другие ультраконсервативные кандидаты, происходившие из старой знати, в еще меньшей степени устраивали электорат.

Дрюмон внимательно следил за развитием всех этих событий. Он прославлял Анри де Бурбона, не пожелавшего пролить кровь ради трона. Правда, он обошел молчанием влияние графини де Шанбор, отговорившей мужа от борьбы за трон. Однако, Церковь не оставляла надежды на восстановление монархии, и это было одной из причин основания Католического банка. Когда же он обанкротился, в этом обвинили врагов монархии. Воспитанная в средневековой традиции, графиня усмотрела в этом руку дьявола. Она связала свои потери с деятельностью евреев и послала дове-

ренного человека в Германию для изучения нового антисемитского движения. Тот связался с Штёкером и привез массу антисемитской литературы.

Дрюмон давно знал о настроениях, царивших среди противников республики, но, работая в газете Перейра, не мог откровенно высказываться. Кроме того, благодаря энергии Гамбетты, популярность республиканских идей быстро росла. После отказа Бурбона от трона ультраконсерваторы обратили свои взоры на Католическую Церковь, и главной ареной борьбы за умы стала государственная общеобразовательная школа. Однако Церковь переживала не лучшие свои годы. Она впервые оказалась один на один со светской интеллектуальной традицией, задававшей тон в национальной жизни. Страсти достигли своего предела. Тогда Гамбетта заявил, что именно клерикализм является врагом нации. Но для правых республиканский порядок казался делом дьявола. Это в особенности задевало Церковь, потерявшую свои бывшие привилегии. Дрюмон бросился на ее защиту, и его статьи дышали ненавистью к республике.

Хотя Дрюмон защищал католицизм и раньше, лишь в 1879-1885 гг. он окончательно перешел на его позиции, что совпало с формированием его радикального антисемитизма. Католики были довольны его возвращением в лоно Церкви, но друзья-литераторы были этим шокированы. Впрочем, имеются основания сомневаться в глубине его веры. Ведь он называл себя «историческим католиком», рассматривая Церковь, главным образом, как оплот западной цивилизации. Впрочем, хотя многие из его религиозных убеждений с трудом совмещались с христианством, он действительно верил, что действует в соответствии со своим религиозным чувством. Верующие же видели в нем одного из своих самых надежных защитников.

По особенностям своей веры он скорее напоминал католического писателя А. Гужено де Муссо, главного борца с евреями в период до франко-прусской войны. Тот тоже был рьяным борцом с либерализмом и поддерживал рабство во французских колониях. Все беды Франции он связывал с подрывной деятельностью чужеземцев. В одной из своих книг Гужено де Муссо сопоставил Авраама с Хроносом, пожирившим своих детей, тем самым изобразив иудаизм религией, преследовавшей своих детей, то есть христиан. Кроме того, он верил в ритуальные убийства. Гужено де Муссо был одним из первых, кто стал писать о «расе ублюдков», якобы появившейся от союза женщины с Сатаной. Этим он обозначил изме-

нения в отношении Церкви к вопросу о расе, а значит и о евреях. Он предсказывал разрушение нашей цивилизации дьявольскими силами, отождествляя их с евреями.

В 1869 г. Гужено де Муссо выпустил книгу «Еврей, иудаизм и иудаизация христианских народов», которую высоко оценили многие от Пия IX до Розенберга и Гитлера. Он доказывал, что современный дьявол выглядит иначе, чем в эпоху средневековья, и его нелегко отличить от остальных людей. Он, разумеется, имел в виду ассимилированных евреев, якобы сохранявших свою ненависть к христианству. Именно эту тему затем и развивал Дрюмон. Он разделял отношение Гужено де Муссо к расе, веру в сверхъестественное и интерес к оккультизму, а также убеждение в том, что евреи несут гибель католицизму и цивилизации. Однако Дрюмону было далеко до эрудита Гужено де Муссо.

В это время Дрюмон завел знакомства, которые позднее не раз его подводили. После выхода «Еврейской Франции» в 1886 г. его обвиняли в том, что он оказался игрушкой в руках иезуитов, выступавших против либеральных законов республики. Он всячески открещивался от связей с иезуитами, не говоря о получении от них денег. Вместе с тем, он с горечью писал о закрытии некоторых церковных школ и выступал против гонений на священников. В 1880 г. он отметил незавидное положение иезуитского священника Станисласа дю Лака. Тот был ему за это благодарен и согласился выправить теологические ошибки в рукописи «Еврейской Франции». Дрюмон клялся, что этим его контакты с иезуитами и ограничивались.

Однако имеются данные о том, что Дрюмон был более прочно связан с иезуитами, чем он признавал. В его книге имеется немало ссылок на антисемитские статьи, опубликованные в 1880-1882 гг. в журнале итальянских иезуитов «Цивильта католика». В них намечался переход от традиционной юдофобии к современному антисемитизму. Иезуиты были единственным орденом, отказывавшимся принимать крещеных евреев. В Италии иезуиты противостояли республиканской власти и имели те же проблемы, что французские католики. Но автор статей, отец Джузеппе Орелья, был осторожен и тщательно отличал древних иудеев от современных евреев. Он хвалил первых как предшественников христианства, а в современных видел врагов Господа, которых к этому якобы настраивали раввины и Талмуд. К этим традиционным представлениям он добавлял «кровавый навет», хотя Папы уже неоднократно его опровергали. На

самом деле, вновь раздувая дело о «кровавом навете», «Цивильта католика» пытался отвлечь внимание от давней практики Ватикана красть у евреев детей и насильственно их крестить. В XIX в. Папство запятнало свою репутацию этой практикой. Сам Дрюмон не читал по-итальянски. Сделать это для него могли только иезуиты.

К концу 1870-х гг. Дрюмон вернулся в лоно Церкви, а в 1881 г. объявил себя антисемитом. Тогда основные материалы для своей книги он уже собрал. В течение следующих пяти лет он в тайне от всех писал эту книгу, ставшую главным бестселлером Франции XIX в. В ней он пытался доказать, что всеми своими бедами современная ему Франция была обязана евреям. Впрочем, свои связи с клерикальной партией он отрицал и доказывал, что писал книгу по велению сердца.

Разумеется, Дрюмон не был первым французом, кто писал против евреев. Но до 1886 г. это встречалось нечасто и ограничивалось узкими католическими кругами справа и некоторыми социалистами слева. Но Дрюмон первым ухитрился совместить клерикальные нападки с социалистической критикой буржуазного мира в единую систему, вскоре получившую название «национального социализма». В зародыше все эти настроения можно найти в его статьях 1884-1885 гг., где он нападал на Гейне и доказывал, что накануне Французской революции евреи и масоны якобы украли королевские бриллианты, чтобы подкупить англичан, которые могли помочь организации антиклерикального движения во Франции. Так с помощью эзопова языка он подходил к теме о евреях.

В конце 1885 г. Дрюмон покинул «Ля Либерте» и перешел в католическую газету «Ле Монд». С тех пор его выступления против республики и масонов стали более жесткими. В 1886 г. вопрос о католицизме снова сделался актуальным. Тогда государство закрыло все теологические факультеты в университетах, и католики роптали. В то же время работа в католической газете делала будущее Дрюмона безопасным. Так он и завершил два больших тома, которые, как это объявил журнал братьев Гонкур, предназначались для католиков и реакционеров, чтобы поддержать в них ненависть к евреям.

Однако, куда бы Дрюмон ни обращался, все издательства ему отказывали, ссылаясь на его слишком вызывающий язык и представленную им несбалансированную картину. Он отвечал на это, что именно таков и был его замысел. Неизвестно, чем кончилось бы дело, если бы на помощь ему не пришел Альфонс Доде, веривший в

его миссию. Он договорился с недавно возникшим издательством, уже публиковавшим его собственные произведения. Правда, там побаивались работы Дрюмона и потому решили, что тот сам оплатит выпуск первых 2000 экземпляров и будет отвечать на возможные судебные иски разгневанных читателей. Дрюмону пришлось заплатить 8000 франков и спрятать 25 авторских экземпляров у приятеля на случай, если тираж будет изъят полицией.

Наконец, 14 апреля 1886 г. два объемистых тома поступили в продажу. Однако книга раскупалась плохо. Дрюмон каждый день ходил в магазины и с тревогой смотрел на нераскупленную партию. Продавцы тоже были разочарованы и уже подумывали о возвращении ему тиража. Тут ему снова помог Альфонс Доде, уговоривший своего друга Ф. Маньяра написать что-нибудь об этой книге. Тот сотрудничал с консервативной газетой «Фигаро», и его тоже заботил республиканский антиклерикализм. 18 апреля 1886 г. он опубликовал свою рецензию, где писал, что «воспаленное красноречие автора соседствует с его детской доверчивостью к тривиальным слухам». На его взгляд, автора преследовала мания, и тот видел евреев повсюду. Кроме того, Маньяр сомневался в том, что Дрюмон мог взяться за столь сомнительное предприятие, не заручившись поддержкой церковных иерархов.

Заметка Маньяра никого не оставила равнодушным. Католическая пресса поместила опровержение архиепископа, отрицавшего участие клерикалов в финансировании книги. Правда, в этой прессе Дрюмона хвалили. Но в других газетах книга подверглась жесткой критике. Дрюмон был рад поднявшейся полемике. Ведь книга стала быстро раскупаться. Евреи были обеспокоены и подозревали возможное влияние из Германии, где Штёкер поднял знамя христианского антисемитизма.

Выход книги привел к одной из самых известных дуэлей журналистов в XIX в. На дуэль Дрюмона вызвал Артюр Мейер, еврей по происхождению, принявший католичество и ставший антисемитом. Он был снобом и всю жизнь стремился попасть в высший класс. Поэтому его оскорбило то, что в своей книге Дрюмон назвал его сыном старьевщика. Во время дуэли Мейер в нарушение правил использовал левую руку для отражения шпаги противника. Кроме того, ему удалось ранить Дрюмона. Все это вывело того из себя, и он обрушился на соперника с площадной бранью. Весь Париж только и говорил, что об этой дуэли. Позднее Доде рассказывал Гонкуру, что Мейер, от которого ожидали, что он пойдет на попятную,

безукоризненно нанес удар, который Дрюмон не смог отбить. Тогда тот потерял голову и повел себя по-хамски.

Позднее, чтобы восстановить свою репутацию в глазах консервативных читателей, Мейер принялся нахваливать взгляды Дрюмона. Дрюмон же постоянно напоминал публике о «левой руке» Мейера, ставшей для него символом «семитского коварства». Он сравнивал его и всех евреев с насекомыми-паразитами, преследующими людей на песчаном пляже.

После скандальной дуэли книга стала продаваться еще лучше. Было издано несколько тиражей, и она стала самой популярной работой своего времени. По словам Ф. Бюзи, после «Протоколов» и «Майн Кампф» это был самый влиятельный труд классической антисемитской литературы в Европе. Ж.-П. Сартр так о нем отзывался: Дрюмон «моет руки в нечистотах. Прочтите снова “Еврейскую Францию”»; эта книга о высокой французской морали полна подлых и недостойных рассказов. Ничто лучше не отражает сложный характер антисемита».

«Еврейская Франция» – это политический памфлет. Его автору вовсе не нужно было углубляться в психологию современных ему евреев. Он лишь стремился так организовать историческую память, чтобы максимально нагрузить их обобщенный портрет негативными качествами. Хотя сам он объявлял свою работу серьезным исследованием вопроса о том, что стало причиной упадка Франции и всего христианского мира, больше всего его интересовали сплетни и скандалы. Дрюмон стал первым антисемитом во Франции, кто описал конфликт в расовых терминах. Прибегая к псевдонауке, он изображал семитов находящимися якобы в постоянном и неизбежном конфликте с арийцами и придавал их борьбе космические масштабы.

Его книга состояла из шести частей. Во «Введении» автор так объяснял свои намерения: «Тэн написал о *Якобинском завоевании*, а я хочу написать о *Еврейском завоевании*». Он мечтал выявить скрытые механизмы революции 1789 г. и поражения монархии и приписывал весь ход развития в 1789-1877 гг. деятельности евреев и их лакеев. Правда, он не избежал ссылок на иудаизм, но клялся, что основывается на расовых, а не на религиозных факторах.

В последней четверти XIX в. во многом условные представления ученых о расовых различиях превратились в руках немецких популистов и демагогов в опасное орудие политики. На эту традицию и опирался Дрюмон. Для него именно «арийская, или индоев-

ропейская, раса обладала тягой к справедливости, имела чувство свободы и представление о прекрасном». А семиты были «меркантильными, алчными, хитрыми интриганам» в отличие от «энтузиастов, героев-бессеребрянников, галантных и надежных» арийцев. Но, как он доказывал, миллионы арийцев были слишком наивны и не заметили, как попали в руки евреев. Если отдельные семиты и не опасны, то их массовый наплыв создавал угрозу. Эта иммиграция, последовавшая за царскими погромами, стала, по его словам, угрожать Франции.

Местные французские евреи тоже с тревогой смотрели на вновь прибывших и ожидали роста антисемитизма. Поэтому их не устраивало то, что Дрюмон и его последователи не делали никаких региональных различий. Вот почему французские евреи стремились поскорее отправить вновь прибывших дальше в Новый Свет, где те уже не представляли угрозы французам.

В первой части книги Дрюмон рисовал стереотипный образ еврея, проходящий через всю историю Запада. Каких только преступлений он им не приписывал – здесь и жертвоприношения детей, и шпионаж, и организация войн, и создание как капитализма, так и социализма, а также спаивание населения. Для доказательства Дрюмон прибегал к искаженным статистическим данным. Если тогда во Франции насчитывалось 80 тыс. евреев, то Дрюмон давал цифру 500 тыс., полагая, что это лучше подействует на публику.

Он представлял евреев опасными не только духовно, но и физически. Их неприятные физические качества он связывал с их приверженностью к козлятине и гусятине. По его словам, причащение святой водой здесь помочь не может, ибо речь шла о расе, а не о религии. Об иудаизме он не знал ничего, кроме того, что почерпнул из антисемитских трактатов. А вовлеченность евреев в современные социальные движения он объяснял их душевными недугами: «Евреи постоянно страдают от нервных болезней». Он полагал, что именно этот недуг и губит Францию.

Для осмысления исторических фактов и теории Дрюмону не хватало ни знаний, ни таланта. Зато он широкими мазками набрасывал портрет еврея как самого отвратительного существа, когда-либо жившего на Земле. Своего злейшего врага он описывал так: «Еврея можно узнать по следующим особенностям: крючковатый нос, мигающие глаза, плотные зубы, торчащие уши, прямоугольные, а не округлые, ногти, выпяченные лодыжки, мягкие и влажные руки лицемера и предателя. У него часто одна рука короче другой». Факти-

чески это – ничто иное как описание дьявола в образе человека, как его себе представляли средневековые схоласты. А еврейских женщин Дрюмон изображал проститутками, особым образом служившими интересам Израиля: они «соблазняли и бесчестили сыновей французских аристократов, тем самым, являясь инструментом еврейской политики». Он доказывал, что расовое и социальное смешение вело к разрушению арийского высшего класса. При этом слухи служили ему заменой исторических фактов.

Вторая часть книги была посвящена истории евреев во Франции. Дрюмон с негодованием отмел предположение Ренана о том, что некоторые галлы принимали иудаизм. Если он и признавал важность еврейских общин в средневековой Франции, то лишь для того, чтобы обвинить их в альбигойской ереси. Правда, он не мог ничего сказать об истоках этой ереси, но был уверен, что без иудаизма дело не обошлось. Однако известно, что альбигойцы относились к иудаизму еще враждебнее, чем к католицизму. Разумеется, Дрюмон об этом не упоминал.

Дрюмон приветствовал любые преследования евреев как выдающиеся события в истории Франции. Он с восторгом описывал, как король Людовик IX по распоряжению папы Григория IX сжег в 1240 г. Талмуд. Во Франции этого короля почитают как идеал христианской чистоты. Но, по словам еврейского историка Греца, «он был настолько заражен предрассудками, что не мог даже смотреть на еврея... В Испании и Англии приказ Григория конфисковать Талмуд полностью проигнорировали, во всяком случае, не известно ни о каких враждебных действиях. Лишь во Франции с ее слабым монархом, находившимся под влиянием священников..., Талмуд был конфискован. Под страхом смерти евреи должны были отдать все эти книги». Но, с точки зрения Дрюмона, король проявил высшую мягкость. А ведь при нем детей отнимали у родителей, силой крестили, брали взятки, разрушали религиозные практики. Это-то Дрюмон и ценил в короле Людовике IX. В отличие от своего предшественника, Филипп Красивый устраивал гонения на евреев. Если Людовик не решился на их изгнание, то Филипп пошел на это в 1306 г., предварительно конфисковав все их имущество. Все это Дрюмону тоже нравилось.

Вскоре король снова ощутил нужду в деньгах. Тогда он обратился к богатому Ордену Тамплиеров. Если религиозный пыл требовал от него разрушения Ордена, то Филиппу-политику это несло дополнительный доход. Путем изнурительных судебных исков и

насильственными действиями Орден был ликвидирован, а его средства пошли казне. Так как Орден получил название от Храмовой горы, Дрюмон настаивал на том, что рыцари тесно общались с евреями. Он подхватил все наветы, обвинявшие их в антихристианстве и связях с евреями. Это было ему нужно, чтобы связать их с современными масонами, в которых он видел часть мирового заговора против христианского порядка.

У Дрюмона обнаруживалась тенденция объявлять евреями всех, кто ему не нравился. Если евреев найти было невозможно, он их выдумывал. Ему было хорошо известно, что накануне Французской революции в Париже не было евреев. Но, чтобы обвинить их в участии в ней, он преувеличивал роль тех, кто мог бы там находиться, и придавал огромное значение еврейским элементам в масонской символике, чтобы обвинить тайные общества в разрушении Франции.

Особое внимание он обращал на ассимилированных евреев. Не находя среди них тех, кого можно было бы выставить в негативном свете, он высказывал предположение, что они лишь делали вид, что влились во французское общество. На самом деле они хотели найти способ доминировать в обществе. При малейшей возможности они снимут маску и начнут оскорблять священников, ломать двери храмов и срывать кресты со зданий. В ассимиляции он видел уловку. Для него именно ассимилированные евреи представляли наибольшую угрозу христианской цивилизации. «Опасный еврей – это скрытый еврей», – говорил он. Это – «социалист, провокатор, иностранный шпион, который постоянно обманывает рабочего, поверившего ему, полицию, которая ему платит, правительство, которому он служит...» Такого еврея он называл «зверем». Это была излюбленная тема Дрюмона, особенно при обсуждении современного общества. Он возбуждал у читателя паранойю и чувство беспомощности перед лицом современного мира.

Он доказывал, что революцию 1789 г. совершили те, кто исповедовал еврейские принципы и кого использовали ассимилированные евреи. Например, палача, казнившего Людовика XIV, он изобразил евреем по имени Симон. Жестокость Марата он объяснял тем, что отец того был католиком с Сардинии, принявшим протестантство. А его имя он возводил к испанским марранам, якобы веками искавшим случая отомстить христианам. Будто бы этим и объяснялся якобинский террор. Этот мотив «мести» и «разоблачение» еврейского заговора хорошо соответствовали настроениям католиков, питавшимся обильной антимасонской литературой.

Воображение Дрюмона заставляло его даже Наполеона изображать выходцем из семитских кругов, когда-то обычных на Корсике. Вот почему в эпоху беспорядков тот успешно захватил власть. Но это заводило в тупик, и Дрюмон не мог объяснить, почему Наполеон встал в оппозицию к Синедриону. В этом контексте Наполеон быстро превращался из «семита» во француза и объявлялся жертвой евреев. Когда же этот «потомок марранов» вступал в борьбу с Ротшильдом, работавшим на недругов, он становился великим национальным героем. Иными словами, вначале Наполеон проклинал как потомок семитов, а затем прославлялся как борец против еврейских интересов. Главным для Дрюмона была ненависть к евреям, и история обязана была подводить основы этому.

Он заявлял, что революция, республика, империя, восстания, – все это говорило о триумфе евреев. «Мир был подписан на руинах Франции... Они (евреи) монополизировали все денежные запасы мира. Нации и короли были марионетками в руках евреев». В четвертой части книги Дрюмон прибегал к социалистическим аргументам Туссенеля, чтобы показать причины возвышения среднего класса. Внешне аргументы Дрюмона напоминали социалистические, ибо описывалось одно и то же социальное развитие. Но то, что социалист понимал как борьбу классов, виделось Дрюмону борьбой рас. Подобно другим католикам, он не знал о научном подходе к социальному развитию и не понимал, что развитие идет тем же путем и без евреев. Евреи лишь наряду с другими участвовали в формировании буржуазного общества. Но Дрюмон был привержен демонологическому взгляду на угрозу традиционным порядкам.

Описывая Вторую республику, Вторую империю и Парижскую коммуну, он видел во всем этом попытки евреев захватить власть во Франции. Войны начинались и кончались по их оккультному повелению. Все другие факторы не играли большой роли в свете его расового подхода. В Парижской коммуне и начале Третьей республики он видел последние ступени на пути «семитов» к триумфу. По его мнению, теперь власти едва ли не полностью подчинялись евреям.

Особенно остро Дрюмон воспринимал вопрос о церковной собственности. Когда столетием ранее огромные церковные земли шли с молотка, прибыль от этого получал средний класс. Дрюмон все это приписывал евреям и их ставленникам, ненавидевшим христианство. Однако документы говорят, что от этих операций как раз евреи ничего и не получили. Однако аргументы Дрюмона играли большую роль в пропаганде того, что он называл восстановлением спра-

ведливости. Он требовал возвращения денег и собственности «церкви и людям». Для этого требовалось конфисковать еврейскую собственность и полностью депортировать евреев. Через 54 года это и сделало Вишистское правительство.

При обсуждении социальных вопросов Дрюмон прибегал к популизму. Он выставлял себя другом народа и не уставал повторять, что «для тружеников социальная революция абсолютно необходима». Это, разумеется, был христианский социализм, противостоявший материалистическому секулярному.

Расизм и ненависть, разумеется, не делали Дрюмона истинным христианином. Поэтому важно знать о том, как его позиция была воспринята в католических кругах. Католический историк Пьер Перар утверждал, что большая часть католиков Франции разделяли многое в позиции Дрюмона. Однако полностью принять его расовую платформу Церковь не могла. Ведь для нее (исключая иезуитов) обращенный еврей становился верующим христианином. Именно в этом Дрюмон расходился с многими католиками. Он не был клерикальным писателем в том смысле, что не советовался с церковными иерархами относительно своих аргументов. Мало того, он даже подозревал французских иерархов в поблajках евреям. В этом его поддерживали некоторые из низших священников. Но в целом позиция Дрюмона вызывала в Церкви разногласия, и их интересы сходились лишь отчасти. Ведь если католикам важнее всего было внести религиозное сознание в рабочий класс, то сверхзадачей Дрюмона была депортация евреев. Поэтому Дрюмон все чаще высказывал недовольство отсутствием той поддержки, которую он ожидал от Церкви.

В то же время идеи Дрюмона ложились на хорошо удобренную почву, так как Церковь годами воспитывала у верующих демонологический подход к истории. Это и использовал Дрюмон, доказывая, что ситуация тут же улучшится, как только евреи будут изгнаны, а Церковь вернет свою собственность. Тогда, по его словам, все социальные вопросы будут решены.

Затрагивая современные проблемы, Дрюмон писал о том, как евреи подрывают моральные устои – общественные и христианские, провоцируют войны и захватывают власть. Он предполагал, что евреи хотят депопуляции Парижа, чтобы заселить его своими родичами. Он обвинял их в уничтожении коренных обитателей Франции. Но когда речь шла о самих евреях, термин «истребление» сам собою исчезал. Во всех этих фантастических планах Дрюмон винил не-

большую сплоченную группу проводников германского влияния. Других причин поражения Франции он не признавал. Он доходил до того, что обвинял даже Жака Оффенбаха, который якобы насмеялся над арийским гением и, работая на Пруссию, учил солдат оскорблять генералов. Такова была якобы сила его опер.

Леон Гамбетта служил одной из излюбленных целей Дрюмона, никогда не забывавшего, как тот эффективно противостоял монархистскому движению. Так как монархия была любимым идеалом католиков, они изображали Гамбетту врагом христианского мира. В описании Дрюмона он стал лидером атеистов, евреев, масонов, протестантов, составивших заговор по разрушению христианского мира. Поэтому Дрюмон всегда выставлял Гамбетту евреем, хотя никаких оснований для этого не было.

В его описаниях евреи неизбежно выглядели не людьми, а монстрами, лишь иногда принимавшими человеческий облик. Если это было так, то надо было принимать особые гигиенические меры, чтобы сберечь общественное здоровье. Поэтому то тут, то там у него проявлялась склонность к геноциду. Касаясь живо обсуждавшегося тогда вопроса о положении евреев в Румынии, он писал, что румыны были бы счастливы, если бы евреев не было вовсе.

Дрюмону не нравилось стремление Жюль Ферри ввести во Франции общеобязательное образование, в том числе женское. Церковь не хотела массового светского обучения и сопротивлялась этому. Поэтому политика Ферри не только положила начало новой эпохе во Франции, но и расколола общество.

Дрюмон был не историком, а собирателем слухов. В двух последних разделах книги он подробно излагал расовую теорию. При этом в поисках доказательств он обращался к сплетням и бульварным сенсациям. Именно это привлекало читателя, что и объясняет популярность «Еврейской Франции».

В своей книге автор проявил себя мастером скандальной хроники. Как социалист Дрюмон критиковал высший средний класс и аристократию, куда пытались проникнуть евреи. Такие попытки он трактовал как свидетельства семитского заговора с целью установления контроля над Францией. Поэтому Дрюмон с ностальгией вспоминал времена, когда евреи сидели в гетто, а Франция царилась в Европе. Потерю ею этого положения он объяснял ростом еврейского влияния при республиканском правительстве. Дрюмон хотел развития общества без евреев. Ассимиляцию евреев он воспринимал как вызов Богу, расе и стране. В целом он был против модернизации

и против распада традиционных ценностей. Он полагал, что, если избавиться от евреев, можно будет вернуть Франции и Церкви прежнее могущество и власть. Он категорически возражал против американизации и «семитизма». Он неодобрительно относился к посылке в Америку статуи Свободы, символа системы, которая погубила Францию.

В последней главе книги Дрюмон набрасывался на масонов, а также критиковал протестантов, введших иудейские практики в христианство. Ему казалось, что эти две силы стремятся разрушить католицизм. Конечно, здесь он допускал передержки. Ведь протестанты использовали термин «еврей» как обидный для католиков. В целом Дрюмон вспоминал все традиционные христианские наветы против иудаизма. Он особенно указывал на те сфальсифицированные антисемитами версии Талмуда, где евреям якобы позволялось обманывать, оскорблять и убивать христиан. Это – все, что он знал об иудаизме. У Гужено де Муссо он заимствовал список ритуальных убийств за всю историю. Не понимая иудаизма, Дрюмон писал, что на самом деле евреи поклонялись Молоху, требовавшему человеческих жертвоприношений. Это он взял из пропагандистских трактатов Католической Церкви, особенно, у иезуитов. В них доказывалось, что наследие древнего Израиля перешло к Церкви, а евреи после этого якобы вернулись к культу дьявола, связанному с Талмудом. Для Дрюмона и его читателя не имело никакого значения то, что иудеи это отрицали.

Иной раз Дрюмон представлял себя ветхозаветным пророком, восставшим против коррупции. Борьбу «гоев» с евреями он представлял вечным космическим фактором. Вышедшая в период финансового кризиса книга указывала на врагов, прятавшихся в банках и меняльных конторах. При этом Дрюмон не оставлял патриотических призывов: «Любовь к родине и Богу – это одно и то же». Это смешение политики и религии придавало особый флер его книге. В заключение он заявлял, что его целью была одна лишь Истина, и он сделал все по доброй воле. Подобно Гитлеру, он утверждал, что «сделал божественное дело».

Чем был вызван успех книги Дрюмона? Не в последнюю очередь читателя привлекало собранное там множество анекдотов и скандальных историй о современной ему Франции со ссылками на известные имена и фамилии. В частности, из его книги люди впервые узнали многие из имен, которые еще будут фигурировать во время дела Дрейфуса, и именно памфлеты Дрюмона помогали чита-

телям связывать определенные имена с преступлениями и изменой. Один рецензент назвал его книгу «справочником по оскорблениям». Книга нашла симпатии как среди левых, так и среди правых. Для небольшой группы антисемитов она означала подтверждение их позиции. Вместе с тем, ее с интересом читали и те, кто не испытывал резкой неприязни к евреям, но кого и не особенно заботила их судьба. Именно благодаря последним книга стала столь популярной: до начала Первой мировой войны было отпечатано и распродано 200 тиражей. Однако во Франции политический антисемитизм не достиг такого размаха, как в Германии, и остался маргинальным. Зато книга Дрюмона выработала у французов отношение к евреям как к чужакам, жившим за счет их недальновидного гостеприимства.

За короткий период было опубликовано до трехсот рецензий на «Еврейскую Францию». Известный критик Ф. Брунетьер писал, что Дрюмон «ослеплен ненавистью к евреям» и что с исчезновением евреев коррупция никуда не исчезнет, ибо люди не перестанут любить деньги. Он также отметил: если у евреев и есть ненависть к христианскому миру, то кто, кроме самих христиан, заронил ее в их души? Кто ее культивирует? Кто возбуждает ее, если не г-н Дрюмон такого рода памфлетами?

Зато католическая пресса оказалась на стороне Дрюмона, и католический журналист Арсен Герен вслед за ним назвал евреев «ненасытными вампирами». Успех вскружил Дрюмону голову, и он уже планировал воплотить свои рекомендации на практике. Он хотел создать «Международный антиизраильский союз» как силу, направленную против «Международного израильского союза». Придавая этой борьбе космическое значение, он вспоминал борьбу Рима с Карфагеном и предсказывал судьбу последнего современным семитам. Таким образом, Дрюмон демонстрировал пример расиста, умело адаптировавшего традиционную католическую юдофобию к современным условиям.

Но как это оказалось возможным, если расизм не вписывался в католическую доктрину? Да, Церковь во Франции выступала против погромов в царской России. Однако внутренняя обстановка диктовала ей другое. Во Франции евреи ассоциировались с либерализмом, наступавшим на Церковь, и поэтому нападки на евреев воспринимались там как борьба с либерализмом. Вот почему за редкими исключениями католики поддерживали Дрюмона. Вместе с тем, католический автор Леонс Рейно нашел в себе силы выступить против

него в книге «Франция не является еврейской» (1886), где педантично один за другим опроверг все построения Дрюмона. В частности, он отметил, что «кровавый навет» отвергается высшими церковными авторитетами. Но такие хорошо аргументированные опровержения оставляли читателя равнодушным и не могли сравниться с эмоциональным стилем Дрюмона. Ведь популист Дрюмон понимал, что именно хотела услышать публика и с каким жадным интересом она прислушивалась к его расовым рассуждениям.

В лавине публикаций еврейский ответ был почти неслышен. Часть евреев пытались преуменьшить уровень антисемитизма во Франции и не отвечали на выпады. Один еврейский мыслитель хотел организовать коллективный ответ, но не нашел желающих. Таким образом, ответ евреев заключался в том, чтобы не отвечать. Французские евреи еще могли помогать евреям за рубежом, но не могли организовать самозащиту дома. Они уж давно не составляли спаянной общины и не были способны самоорганизоваться. Зато они доверяли институтам буржуазной демократии и полагались на законы и традиции, идущие от эмансипации 1791 г. Они полагали, что Франция – самая цивилизованная страна в Европе и в ней не могло случиться то, что происходило в Германии или России.

Все же от имени евреев выступил Александр Вейль, опубликовавший в 1886 г. памфлет «Франция католическая и атеистическая, ответ Еврейской Франции», а через два года выпустивший трактат, приведший Дрюмона в бешенство. Там Вейль обвинял его в том, что тот был далек от христианства. Он писал: «Ты нападаешь на них за их еврейство из-за католицизма, каким он стал после деформации со стороны язычества или арийского поклонения идолам, от чьего лица ты и говоришь. Ты хочешь, чтобы на земле остался лишь один еврей – Иисус. Такому католицизму хочется, чтобы евреи, которых не удалось уничтожить, стали рабами или носили особую одежду со специальными знаками, чтобы их можно было отличить от Дрюмонов или Доде, которых можно принять за евреев. Ты хочешь, чтобы евреи, честные или нечестные, были отлучены от человечества ради твоих фанатичных священников». В особенности Вейль оспаривал стремление Дрюмона представить себя защитником веры: «Ты последний, кто хочет успешно бороться с нарастающим атеизмом. Атеизм не случаен; это – разрушительный червь, выползающий из гробницы, где лежит труп католицизма. Католицизм – это мертвая религия, хотя еще не погребенная». Вейль был свободомыслящим человеком. Он не боялся

отказываться от религии предков и призывал евреев бороться за равенство и политические права дома.

Вейль не был склонен шадить и мошенников среди евреев, но подход Дрюмона ему казался безрассудным и неоправданным. Он задавал вопрос, где Дрюмон возьмет деньги, если все евреи отправятся в изгнание. Он писал, что Дрюмон плохо кончит, и именно евреи позаботятся тогда о его детях. На удивление, именно это пророчество сбылось. Вдова Дрюмона позднее признавалась, что после смерти мужа деньгами ее поддерживал Артур Мейер.

Популярности книги Дрюмона способствовала атмосфера Франции середины 1880-х гг. с ее экономической депрессией, шовинистически настроенными политиками и радикалами-священниками. Дрюмон собрал все претензии общества к либеральному строю. В то время искусство повернулось к декадансу, и казалось, что конец света был близок. В моде был крайний пессимизм, и Дрюмон ему симпатизировал. Литература стояла на распутье, популярны были подделки и пародии.

Для этого времени показательной была карьера Лео Таксилья, по мнению многих, величайшего шарлатана столетия. Яркий антиклерикал, прославившийся своими бесшабашными нападками на Церковь, он затем раскаялся и крестился, после чего стал с тем же рвением нападать на масонов. Наконец, в 1897 г. он выступил с признанием, что все его творчество было розыгрышем. Католический мир был в шоке. Многие католики не могли в это поверить. Они предпочитали думать, что теперь его совратил дьявол в лице евреев, ибо еще недавно он так замечательно защищал религию.

Если Таксиль занимался розыгрышем, то Дрюмон был вполне серьезен. Но оба играли на легковерии публики. Люди, легко поверившие шарлатану, не могли остаться равнодушными к аргументам Дрюмона. В итоге «Еврейская Франция» сделала Дрюмона главным пропагандистом антисемитизма и видной фигурой в области расистской политики. Теоретиком он, правда, не стал, и это не позволяло ему выработать сколько-нибудь оригинальное расистское учение. Но он широко использовал расизм для нападков на евреев, а следовательно, на либеральную республику, которую он ненавидел всей душой.

В 1889 г. Дрюмон издал книгу «Конец света», которую многие считают лучшим его произведением. Как и в других его книгах, здесь речь шла о том, как евреи организуют «черную мессу» и вместе с Сатаной разрушают христианский мир. Блеск былой Франции

он противопоставлял упадку нынешней. В этом он винил, разумеется, евреев. В поисках выхода он обратился к прославлению инквизиции, находя ее действия приемлемыми. В этой книге Дрюмон выставлял себя социалистом и защитником интересов рабочего класса против «евреев-капиталистов». Он журил католических реформаторов за то, что те избегали опираться на антисемитизм, популярный в других частях Европы.

В конце 1889 г., через десять лет после известной нам инициативы Марра, во Франции была учреждена «Национальная антисемитская лига» (НАЛ). Ее президентом стал Дрюмон, а его помощниками – Ж. де Бьез, Мийо и маркиз де Море. Эта группа производила странное впечатление. Интеллектуал де Бьез был поклонником кельтского национализма и расизма и верил, что Христос происходил из кельтов. Он называл себя «национальным социалистом» и выступал с лозунгом «Франция для французов». Дрюмон поддерживал миф о чужеземном засилье, утверждая, что власть во Франции захватили евреи, происходившие из Германии. Мийо был когда-то коммунарком и заявлял, что евреи разрушили его бизнес. Теперь шовинист Мийо занялся производством антисемитской атрибутики (заколки, пуговицы, значки) для членов НАЛ. Вплоть до самой смерти он оставался самым надежным помощником Дрюмона.

Выходец из знатной семьи, маркиз де Море был по натуре авантюристом. Отслужив в армии, он некоторое время жил в США, пытаясь делать бизнес в Дакоте. Но все это кончилось крахом. Затем он еще несколько раз пускался в авантюры в Индии и Индокитае, а, вернувшись во Францию, попал под обаяние книги Дрюмона, объяснившей ему, что все его неудачи якобы были связаны с евреями. Во время мятежа Буланже де Море впервые открыто обозначил свою антисемитскую позицию. В это время некоторые аристократы самым странным образом объединились с рабочими, журналистами и мелкими лавочниками для защиты нации от общего «чужеземного врага».

Сразу же после неудачного выступления Буланже Дрюмон опубликовал в начале 1890 г. книгу «Последняя битва», где поносил генерала за то, что тот поддался влиянию евреев. Разочарованный неспособностью консерваторов покончить с республикой, Дрюмон решил сам этим заняться. В своей программе он заявил, что его критика евреев не связана с религией: ведь их и мусульмане ненавидят, хотя евреи и не распинали Магомета. Его раздражало другое – якобы ненасытное стремление евреев навязать всем свою власть, и он

пророчествовал, что, если они и погубят Францию, то сами погибнут под ее руинами. Подобно другим его книгам, «Последняя битва» была переполнена ностальгией по ушедшим временам. Он снова нападал на Ротшильда, уподобляя его грызуну, алчущему добычи. Его, в особенности, раздражала международная выставка, устроенная в Париже в 1889 г. к столетию революции. Посетив ее вместе с де Бьезом, Дрюмон не заметил там ничего, кроме вездесущих евреев.

Когда Дрюмон уставал от позы пророка, он изображал себя «социальным врачом», вскрывавшим язвы общества и прописывавшим лекарства. Тогда он переходил на псевдомедицинский язык. В этой книге он называл евреев «детьми смерти, стаей варваров, микробами, отцами гниения». По его словам, эти «личинки-паразиты» напали на Францию, лишая ее здоровья и христианства. «Последняя битва» заканчивалась рассуждениями о Панамском скандале. К его деталям он еще вернется в своей журналистике. А пока он рассчитывал, что его писательская слава поможет ему стать депутатом Парижского муниципалитета.

Тем временем, де Море решил привлечь к себе внимание публики иным способом. Он завел себе штаб-квартиру рядом с биржей и Французским банком, собрал вокруг себя лавочников, обрядил их в сомбреро и ковбойские рубахи и заставил нападать на брокеров и банкиров. При этом де Море объявил себя защитником христианской и арийской Франции от семитов. В своей речи 15 апреля 1890 г. де Море заявил, что, если Парижская коммуна обошлась обществу в 35 тыс. человеческих жизней, то на это раз потребуется убить всего лишь 200-300 ростовщиков. Это встревожило общественность, и число людей, готовых голосовать за де Море и Дрюмона, резко снизилось. В итоге оба они проиграли муниципальные выборы.

Дрюмона волновало отсутствие ожидаемой поддержки от католических кругов. Особенную горечь он испытал, узнав, что они предпочли ему шарлатана Таксиля. Похоже было, что люди по-разному реагировали на разные лозунги. Если Дрюмон направлял острие своей критики на евреев, то для Таксиля основными врагами были масоны. Дрюмон полагал, что его электорат составят читатели его книг, мелкие буржуа, приверженные католицизму. Но его расчет оказался неверным, его лозунг «Покончим с немецкими евреями, монополистами, шпионами-паразитами!» не вдохновлял публику, и на десять лет он перестал и думать о выборах.

В 1891 г. Дрюмон опубликовал свои мемуары «Завещание антисемита», где с горечью рассуждал о своем поражении. Он благо-

дарил тех католиков, кто его поддержал на выборах, но отмечал, что половина тех, на кого он рассчитывал, проголосовали против. Он набрасывался на «предателей» из бонапартистских кругов. Но главной его мишенью был Лео Таксиль, который, по мнению Дрюмона, так и не стал искренним католиком. Дрюмона доводило до бешенства то, что того поддерживали видные католические иерархи, и он напоминал им о недавних высказываниях Таксиля против клерикалов.

Таксиль отвечал ему тем же. Еще во время избирательной кампании он издал памфлет «Дрюмон: психологический этюд», где показал двуличие Дрюмона, искавшего поддержку одновременно у католиков и анархистов. Он напоминал читателю наиболее нетерпимые высказывания Дрюмона, призывавшего к истреблению евреев. Разве это соответствует христианскому стилю? – задавался вопросом Таксиль. Он также подчеркивал свое арийское происхождение, отмечая инсинуации Дрюмона о том, что его фамилия имеет еврейские корни. Таксиль Дрюмон казался сумасшедшим. Страшно было то, что Дрюмон навязывал свою юдофобию всем на свете и заставлял видеть вокруг одних только евреев. Таксиль всячески издевался над Дрюмоном, выставляя его в смешном виде. Но он также призывал полицию обратить внимание на Дрюмона из-за его бесконечных призывов к насилию. Таксиль с возмущением писал о том, что Дрюмон причислял к евреям уважаемых католических издателей.

Зато Дрюмона возмутило то, что Таксиль взялся защищать Ротшильда. Не понимая сути дрюмоновского социализма, Таксиль удивлялся, почему тот нападает именно на Ротшильда, а, скажем, не на богатых христиан. На такой вопрос антисемиты никогда не могли дать внятный ответ. Если Дрюмон был католическим социалистом, почему же, – спрашивал Таксиль, – он порочит католическое рабочее движение? Дрюмон отвечал, что так называемые «христианские банкиры» лишь имитируют еврейские формы эксплуатации, и заявлял, что евреи и враги рабочего класса дурачат клириков, интересующихся социальными вопросами.

Считавшийся экспертом по масонам, Таксиль легко показывал, что антикатолические настроения в масонских ложах никак не связаны с евреями. Если сегодня некоторые евреи в них участвуют, то еще совсем недавно они не имели туда доступа, прежде всего, из-за своей религии. Кроме того, у христиан и евреев так много общего, что нападки на одних фактически означают нападки и на других.

Более всего Таксиль делал акцент на живодерских наклонностях Дрюмона и напоминал, что в ноябре 1882 г. тот расклеивал на стенах в Оране листовки с призывом: «Все меры хороши и должны быть использованы для истребления евреев».

Рассуждения Таксиля были достаточно правдоподобными и заставляли некоторых католиков с подозрением относиться к Дрюмону. «Завещание антисемита» укрепило их подозрения, ибо его автор со всей злобой набрасывался на церковную иерархию и говорил о «епископальной тирании» и финансовых злоупотреблениях церковных иерархов. Он упрекал епископов в том, что те не вели активной борьбы с республикой, уступая все позиции евреям. Свои надежды он возлагал на приходских священников, сохранявших тесные связи с народом. Некоторые полагали, что Рим запретит эту его книгу. Однако никакой открытой ереси в ней не было. Все же многие его бывшие сторонники были шокированы. Один из них, Поль де Касаньяк, писал, что Дрюмон часто мечет стрелы не во врагов, а в свое собственное войско, беря на себя миссию высшего суда, к которой он не готов.

Хотя Дрюмон и называл себя «национальным социалистом», его идеалы были в прошлом. Он апеллировал к Золотому веку средневекового христианства. Лишь в одной его идеологии была современной – в его призывах к истреблению евреев, которых он отождествлял с классом эксплуататоров. Успеху Дрюмона частично способствовал политический и социальный климат в современной ему Франции. Однако, ему мешал его собственный тяжелый характер, который скорее вел к расколу, чем к сближению его сторонников. Он не умел выступать и не обладал харизмой, необходимой публичному лидеру. Это не помешало его сторонникам через много лет после смерти Дрюмона называть его предшественником Гитлера.

Однако уровень социальной напряженности в Германии 1920-х гг. был много выше, чем во Франции 1880-1890-х гг. Конечно, Дрюмон и Гитлер опирались на те же слои населения, а их демагогия была сходной. Однако призывы Дрюмона изгнать евреев не встречали большого отклика. Отсутствие социальной поддержки заставляло его сторонников предпринимать более радикальные действия и прибегать к насилию. Например, де Море создал группу «Море с друзьями», куда вошли парижские мясники, одетые в ковбойскую одежду. Многие из них были хозяевами лавок, и один из них вывесил у своей лавки плакат «Смерть евреям». По сути, это были предшественники штурмовиков.

Создание НАЛ тоже не стало большой удачей. Это было малочисленное движение, и его ряды не росли. Разочарование нашло выражение в новом романе Дрюмона «Тайна Фурми» (1892), посвященном столкновению рабочих с солдатами в майские праздники 1891 г. Тогда погибли девять человек, и многие получили ранения. Однако все, что Дрюмон смог сказать о причинах трагедии, свелось к тому, что субпрефектом района был еврей Фердинанд Исаак. Именно это, по мнению Дрюмона, и определяло позицию правительства в отношении рабочих. Его раздражало то, что лидеры рабочих-католиков не уделяли достаточного внимания еврейскому вопросу. В его собственных статьях постоянно мелькали такие еврейские фамилии, как Майер, Рейнак и Дрейфус.

Тогда Дрюмон осознал, что для политической пропаганды книг недостаточно; нужна была газета, быстро откликавшаяся на злободневные события. В 1892 г. он учредил газету «Ла Либр Пароль», открывшую новую страницу в его антисемитской карьере. В газете подвизались разные журналисты. Некоторые быстро ушли, не найдя общего языка с Дрюмоном; другие оставались ему верны до самой своей смерти. Но одного человека Дрюмон не хотел бы там видеть. Им был финансовый директор Гастон Кремье (Виаллар), имевший еврейское происхождение. Из-за него журналисты из враждебного лагеря не раз потешались над Дрюмоном. Дрюмон знал, что тот был христианином, но скрывал это от подписчиков и клялся, что вскоре избавится от этого «грязного еврея». В конечном итоге Виаллар был уволен.

Газета начала выходить 20 апреля 1892 г. В передовице Дрюмон рассуждал о «еврейском вопросе» и его международном значении, а также о том, как евреи разрушали Францию. Тем самым Дрюмон показал, что хочет использовать газету для новых нападков на евреев, в особенности, на Ротшильда. Для него Ротшильд был стержнем капитализма и семитского влияния. Однако Ротшильд, будучи финансистом, а не банкиром, стоял в стороне от главных социальных вопросов. Он имел дело, главным образом, с правительствами. Рабочих же больше всего интересовали дела в промышленности, где евреев было немного. Поэтому символические нападки на Ротшильда с расистских позиций оставляли многих рабочих равнодушными.

В мае у Дрюмона начались неприятности. Борясь с евреями, он концентрировал внимание на двух сферах – финансовой и военной. Первая привлекала социалистов, вторая – националистов. Скандал вызвали статьи П. де Ламаза «Евреи в армии», где евреи

обвинялись в передаче Германии государственных тайн. Третья из этих статей, появившаяся 26 мая, была направлена против Теодора Рейнака. Но, вместе с ним, автор перечислял целый ряд еврейских фамилий, принадлежавших французским офицерам. Звучала там и фамилия Дрейфус, подготавливая читателя к поиску носившего ее изменника.

В итоге Дрюмон был вызван на дуэль капитаном Кремье-Фоа, вступившимся за честь офицеров-евреев. Соперники встретились в лесу Сэн Жермен и легко ранили друг друга. После этого Кремье-Фоа вызвал на дуэль П. де Ламаза, причем никто из противников даже не был ранен. Секундантом Кремье-Фоа был капитан Арман Майер. После того, как слухи о дуэли просочились в печать, его, в свою очередь, вызвал на дуэль де Море. Он нанес Майеру смертельную рану, от которой тот скончался в больнице.

Смерть капитана Майера наделала много шума. Многие сочли, что кампания против евреев зашла слишком далеко. Ведь французский офицер был оскорблен и убит из-за его вероисповедания. Тем не менее, тиражи «Ла Либр Пароль» росли. Не прошло и суток, как Дрюмон заявил, что Майер получил по заслугам, связав свое имя с армией. Однако общественность была возмущена, и за гробом Майера по улицам Парижа шли тысячи французов. Министр обороны заявил, что «в армии не проводится никаких различий между евреями, протестантами и католиками». Палата депутатов этому аплодировала.

Де Море был арестован и провел пять дней в тюрьме. Суд начался 29 августа и привлек всеобщее внимание. Там Л. Таксиль свидетельствовал о том, что совладелец газеты «Ла Либр Пароль», Герен, публично призывал «устроить массовую резню евреев». В свою очередь, защитник выставлял де Море не реакционером, а «человеком завтрашнего дня, человеком будущего, взгляды которого по молодости еще не устоялись». Тем временем, Дрюмон направил свое перо против министра обороны, объявив того марионеткой евреев. Чтобы доказать основательность своей позиции, газета подчеркивала связь с христианской традицией. Для этого она принялась писать о ритуальных убийствах. Когда главный раввин Франции попытался протестовать и напомнил о том, что папа уже отверг эти обвинения, Дрюмон подчеркнул длительность враждебного отношения Церкви к евреям и иудаизму.

Вслед за этим в «Фигаро» появилось сенсационное интервью, взятое у папы Лео XIII журналисткой Северен, специально поехав-

шей в Рим, чтобы прояснить его позицию в отношении евреев. Папа заклеил антисемитизм, приведя Дрюмона и других антисемитов в смятение. Дрюмон заявил, что это было сказано в частном порядке и не может считаться католической догмой. Он имел в виду, что способен и без папы разобраться в ситуации. После этого некоторые журналисты прозвали его «папой антисемитизма». Но когда глава французской Католической Церкви дезавуировал интервью Северен, Дрюмон снова подчеркнул авторитет папы. 11 августа Дрюмон с удовольствием перепечатал сообщение лондонской «Дейли Кроникл»: «Его Святейшество не удовлетворен статьей м-м Северен в “игаро”... Святой Отец, заклеив насильственные методы, поддерживает антисемитское движение, если оно развивается легально, как, например, в Германии». Вдобавок Дрюмон перепечатал выдержку из ватиканской газеты от 23 августа, где говорилось о том, что евреям стоило бы задуматься о действиях «лидеров жидомасонской тирании», которая не сможет долго испытывать терпение людей. Газета предупреждала о возможных беспорядках и преступлениях и задавала риторический вопрос: «Кого надо будет винить в этом?»»

Что касается Северен, то Дрюмон заявлял, что она не поняла философских корней антисемитизма и ошибочно связала их с религией. Вскоре они подружились. Она поселилась в квартире, расположенной над офисом «Ла Либр Пароль» и со временем стала разделять взгляды Дрюмона в отношении евреев. Правда, позднее во время дела Дрейфуса она порвала с агрессивным антисемитизмом Дрюмона.

В первые годы своего существования «Ла Либр Пароль» специализировалась на «еврейском вопросе». Она обращалась, прежде всего, к тем, кто чувствовал отчуждение от общества и не мог приспособиться к быстрым изменениям. У своих читателей она воспитывала конспирологический подход к действительности. Все это пригодилось во время Панамского скандала, когда публика была заинтригована происходящим. У Дрюмона в ход шло все, что могло принести вред евреям. Одной из его излюбленных тем была «торговля белыми», и он связывал ее с евреями. Например, 5 ноября он опубликовал статью о суде в Лемберге, где 28 евреев обвинялись в перевозке «человеческого товара». В статье делался вывод о том, что Талмуд якобы позволял евреям обращаться с «гоями» как с животными.

В период массовой эмиграции в Новый Свет некоторые, включая евреев, участвовали в «торговле белыми». Преступники снабжали

женщинами тех несчастных, кто уезжал, оставляя свои семьи. Но «желтая пресса» значительно преувеличила участие евреев в этом бизнесе. В газете Дрюмона такие рассказы перемежались с историями ритуальных убийств. Все это готовило читателя к обсуждению участия евреев в разгоравшемся Панамском скандале как пример их прибыльного бизнеса в Новом Свете за счет невинных христиан.

Германский мир давал Дрюмону обильные материалы о так называемых «ритуальных убийствах». Несмотря на свою ненависть к Германии, Дрюмон с удовольствием подхватывал оттуда такие наветы. Летом 1892 г. его репортер А. Плиста участвовал в антисемитском митинге в Баварии и даже выступил там со словами: «Эмансипация евреев в Европе – это дело, а правильное, грех Франции. Франция будет первой страной, которая поставит их обратно на место... И все последуют ее примеру». Путешествуя по германоязычным странам, Плиста познакомился в Вене с христианским социалистом Карлом Люгером, признавшим ему, что тщательно изучает работы Дрюмона. Он сказал, что Германия противостоит «еврейскому яду» и что с приходом капитализма эта борьба обострится. Позднее ученики Дрюмона, ссылаясь на эти слова, гордились тем, что Франция раньше Германии начала «антиеврейскую революцию». Но Люгер был опытным политиком и, используя публично антисемитскую риторику, в частной жизни не испытывал ненависти к евреям. А для Дрюмона это был стержень всего его мировоззрения.

В середине 1892 г. Дрюмон уже начал делать акцент на Панамском скандале. Такие скандалы были типичны для Третьей республики и продолжались вплоть до 1940 г. Тогда слово «Панама» стало для французов символом глубины коррупции, охватившей страну. Но именно Дрюмон своей пропагандой показывал французам, что будто бы именно евреи были больше других в этом замешаны.

Руководство Панамским проектом было поручено инженеру Фердинанду де Лессепсу, отличившемуся при строительстве Суэцкого канала. Находясь в преклонном возрасте, он перепоручил дело своему сыну Шарлю. Летом 1879 г. Панамская трансокеаническая компания продавала акции в Европе и Америке. 60 тыс. из 80 тыс. акций были куплены частными лицами, в основном, французами. Чтобы заинтересовать акционеров, Шарль обратился к банкиру Марку Леви-Кремье, обещавшему рекламу в прессе. Вначале все шло хорошо. Позднее, когда Шарль де Лессепс предстал перед судом, он пытался дистанцироваться от политики подкупа и связей с

Леви-Кремье. Подкуп прессы – обычное дело для таких строительных компаний. Журналисты, включая и Дрюмона, никогда этим не гнушались. Однако в случае с Панамой соблазн был столь велик, что ему не могли помешать и возникшие затруднения. Начатое в 1882 г. строительство предполагали закончить в 1888 г., но вскоре сроки были отодвинуты из-за местных социальных волнений, нездорового климата и различий в уровнях Атлантического и Тихого океанов. Когда последнее уже нельзя было игнорировать, решили строить систему шлюзов. Это повысило цену строительства и потребовало выпуска новых акций. Чтобы придать этому законность, пришлось действовать через парламент. В итоге сомнительная тактика превратилась в темное дело. Обществу стало казаться, что речь идет об огромных масштабах коррупции, и Дрюмон укреплял всех в этом мнении. Компания постоянно обращалась к публике за новыми деньгами. В 1885 г. она добилась через парламент общенародной лотереи. Лессепс начал нервничать. Не помогла даже помощь министра общественных работ. Объем вложенного капитала достиг небывалого уровня, но денег для окончания работ все же не хватало. В конце 1888 г. были выпущены новые акции, но и этого оказалось недостаточно.

Держателями акций были тысячи людей, вложивших в них все свои сбережения. На новые призывы Лессепса уже никто не откликнулся. В феврале 1889 г. Гражданский трибунал Сены принял решение о роспуске компании и назначил ликвидатора. Специальная комиссия, побывавшая в Панаме, заявила в 1890 г., что для окончания работ нужно еще восемь лет и дополнительно один миллиард франков. В итоге то, что казалось легким доходом, стало ночным кошмаром: многие лишились своих средств, прокатилась волна самоубийств. Эти волнения совпали со столетием революции и выступлением Буланже, что дало основание и правым, и левым ставить под сомнение саму политическую систему. Более 100 тыс. держателей акций требовали от правительства действий, чтобы вернуть хотя бы какие-то деньги.

Правительство медлило, ибо в деле были замешаны многие члены парламента. Слухи множилось, но информация была скудной. Тем, кто нагнетал страсти, оказался Дрюмон. Наконец-то его жизненная философия нашла применение, и пробил его звездный час. Он так долго разоблачал евреев, что был счастлив обнаружить их среди аферистов. Не жалел он и неевреев, оказавшихся их «лакеями». Он всегда ненавидел Ф. де Лессепса. Еще в 1886 г. он обви-

нил масонов в сомнительном деле, связанном с Панамским каналом. Дрюмон играл на эмоциях публики, тщетно ожидавшей действий властей. Он утверждал, что правительство всегда отсутствует, когда речь идет об интересах Франции. Он доказывал, что прессой восемь лет манипулировали. За этим он видел еврейский заговор и предполагал, что с самого начала это было грандиозным надувательством, лишившем средств сотни тысяч французов. Он предполагал, что Лессепс был игрушкой в руках евреев и называл его лжецом, достойным расстрела. По его мнению, именно Лессепс должен за все ответить. Дрюмон писал о 30 тыс. погибших на строительстве рабочих, о чем пресса годами молчала.

Он рисовал апокалиптическую картину переселения галицийских евреев во Францию и предсказывал, что они захватят прессу. Засилье еврейских журналистов объясняло, на его взгляд, молчание прессы по поводу Панамского дела. Правда, назвать конкретные имена он не мог. Дрюмон писал, что журналистам недоплачивали, и это вело к коррупции, ибо они вынуждены были писать то, что им заказывали. Если все это было правдой, то разложение общества получало объяснение. Дрюмон с симпатией относился к таким журналистам и владельцам акций и набрасывался с критикой на судебную систему, обвиняя всех в коррупции. Коррупция же, по его словам, шла от евреев. Разумеется, он не мог обойтись без упоминания имени Ротшильда. Он также разоблачал К. Герца, посредника между компанией и чиновниками, действовавшего по указанию главы корпорации. Более 100 из 900 политиков Франции были втянуты в эти дела и обвинялись в получении взяток.

Хотя Дрюмон и преувеличивал, он был прав, привлекая внимание к злоупотреблениям. В Панаме он увидел отражение болезни общества. Он справедливо подозревал, что самое главное от публики все еще скрывается. Его посетил Ф. Мартен – банкир, работавший на компанию, но обиженный тем, что не получил достойного вознаграждения. Он-то и рассказал многое. Его статьи начали публиковаться в сентябре 1892 г. под псевдонимом «Микрос» и вызвали эффект разорвавшейся бомбы. В них впервые указывались факты и назывались имена тех, кто должен был нести ответ. Такую информацию правительство уже не могло проигнорировать. В статьях обвинялись министр обороны, министр финансов и многие другие, бравшие взятки у таких евреев-бизнесменов, как Леви-Кремье, барон де Рейнак и Леопольд Артон (Аарон). Последний был авантюристом, принявшим христианство и создавшим Католический банк

в Париже. Он же продавал взрывчатые вещества Панамской компании и фактически подкупал депутатов и чиновников, сменив Герца. Последний за сохранение тайны постоянно получал деньги от Рейнака. Когда Дрюмон начал свою кампанию, Рейнак запаниковал и пришел к нему, обещая новую информацию, если его имя не будет упоминаться.

3 ноября 1892 г. Дрюмон начал отбывать трехмесячное тюремное наказание за ложное обвинение против депутата Огюста Бурдо в получении взятки за лоббирование интересов Ротшильда. Из тюрьмы он писал передовицы, подписываясь «Сильвио Пеликко». Это напоминало об известном итальянском журналисте-патриоте, написавшем воспоминания о своем политическом заточении. Из своей камеры Дрюмон вершил суд над Францией.

Пока он был в тюрьме, барон де Рейнак покончил с собой. Тем временем выяснилось, что путем шантажа Герц получил от того 10 млн. франков. От суда он сбежал в Англию и там через шесть лет умер.

В конце ноября 1892 г. «Ла Либр Пароль» начала публиковать списки политиков и журналистов, получавших взятки. После этого многим политикам пришлось уйти в отставку. На несколько месяцев эта газета стала самой влиятельной во Франции, а заключенный в тюрьме Дрюмон снискал необычайную популярность. Казалось, что антисемитский взгляд на общество получил оправдание. Дрюмон убеждал, что, если люди не будут относиться к этому серьезно, Францию ждут еще более горькие испытания. Он также писал о «триумфе антисемитизма за рубежом», имея в виду Германию, где Католическая партия начала взаимодействовать с политиками-антисемитами.

В итоге Панамского скандала правительство было реорганизовано, и 7 января 1893 г. в Париже начался суд над руководством Панамской компании. Ф. и Ш. де Лессепсы были приговорены к штрафу в 3000 франков и пяти годам тюрьмы. Через полгода в ответ на их апелляцию Верховный Суд снизил наказание. Старый Лессепс остался дома, а младшему пришлось отправиться в изгнание в Англию.

Дальнейшие расследования показали, что, хотя подкуп и имел место, значительная часть капитала Панамской компании использовалась по назначению. И строительные работы шли настолько хорошо, насколько это было в тех условиях возможно. Тем не менее, кампания, поднятая Дрюмоном, принесла свои плоды. Некоторые газеты восхищались его деятельностью. Хотя многое в рассмотрен-

ной истории он искажил, простые французы видели в нем героя, разоблачившего высокопоставленных коррупционеров. И неважно, разделяли ли они его антисемитизм или нет. Авторитет «Ла Либр Пароль» был непререкаем. Ведь Дрюмон заставил власти признать высокую степень коррупции. Два года спустя Дрюмон применил ту же тактику в деле Дрейфуса. По словам Ф. Бюзи, без газет такого рода дело Дрейфуса, возможно, даже не возникло бы.

После Панамского скандала Дрюмон заслужил репутацию одного из ведущих журналистов Франции. Теперь ему предстояло укрепить престиж своей газеты. Мы знаем, что Дрюмона в особенности беспокоило присутствие евреев в правительственных структурах и армии. В январе 1893 г. Альфред Дрейфус стал первым евреем, удостоившимся чести быть принятым на стажировку в Генеральный штаб. Это не ускользнуло от внимания прессы, и все были уверены, что Дрюмон уже пишет статью «Еврей в Генштабе». Но в начале 1893 г. Дрюмон отбывал тюремное наказание за клевету на правительство в связи с его ролью в Панамском скандале. В это время его газета много писала о мученичестве редактора-правдолюбца. Но вскоре другой горячей темой там, действительно, стал вопрос о евреях во французской армии.

В первой половине 1894 г. «Ла Либр Пароль» принялась разрабатывать тему шпионажа во Франции. Чуть раньше военный атташе американского посольства был обвинен в сотрудничестве с германской разведкой и выдворен из страны. За шпионаж также задерживались немецкие офицеры и даже один итальянский генерал. Все это давало Дрюмону пищу для его бесконечных статей на эту тему. Ведь накал страстей, вызванных Панамским скандалом, постепенно ослабевал, а вместе с этим падал и интерес читателей к газете. Дрюмон чувствовал, что требовалось новое громкое дело, чтобы снова возбудить интерес публики. Он попытался использовать покушение анархистов на президента Карно 24 июня 1894 г., однако при этом ухитрился оскорбить так много влиятельных фигур, что на время ему пришлось уехать в добровольное изгнание в Брюссель.

Тем не менее, имеются основания говорить о связях между «Ла Либр Пароль» и теми, кто обвинил Дрейфуса в шпионаже. Действительно, газета неустанно поднимала вопрос о том, следует ли допускать евреев до высших должностей. В середине 1894 г. главной мишенью стал министр обороны Огюст Мерсье, которого националистическая пресса критиковала за ряд сомнительных решений. Дальше всех, разумеется, шел Дрюмон, подчеркивавший особое распо-

ложение министра к евреям. В день ареста Дрейфуса 15 октября газета обвинила министра в защите предателей.

Подозрения пали на Дрейфуса после того, как его почерк оказался схожим с тем, что был обнаружен на документе, изъятом у военного атташе германского посольства в Париже. Некоторые офицеры-юдофобы, один из которых тесно контактировал с корреспондентом «Ла Либр Пароль», показали, что документ исходил из Генштаба. Они-то и предположили, что в деле замешан капитан Дрейфус. После консультации с графологами сомнительной квалификации армейские чины решили его арестовать. За две недели между его арестом и появлением первых сообщений в прессе следователи безуспешно пытались найти новые улики. Другие офицеры воздерживались от обвинений, и антисемитские настроения в связи с этим делом подпитывались не столько армией, сколько прессой. «Ла Либр Пароль» была не первой газетой, рассказавшей о новом скандале. Но, будучи в Брюсселе, Дрюмон внимательно следил за сообщениями, и 29 октября 1894 г. его газета потребовала от армии достоверной информации о происходящем. А 1 ноября она объявила об аресте еврейского офицера за государственную измену. Ее репортер подчеркивал, что коренные французы к измене не причастны. Дрюмон шел еще дальше и писал о широком еврейском заговоре.

Суд над Дрейфусом начался 19 декабря, причем он был закрыт для публики. Даже адвокату подсудимого не сообщали полной информации. Зато на ее основании Дрейфус был осужден к пожизненному заключению. Дрюмон был доволен приговором. Апелляция Дрейфуса была отведена судом. Один из репортеров «Ла Либр Пароль» заявил, что «год был удачным и для антисемитизма, и для Франции». В первом номере за 1895 г. Дрюмон выражал надежду, что положено хорошее начало для изгнания всех евреев из страны. 5 января 1895 г. Дрейфус был подвергнут позорной церемонии публичного разжалования. Его заявления о своей невиновности никого не трогали. «Ла Либр Пароль» писала, что это «разжалование касалось не только индивида, но целой расы, чье имя было опозорено». Казалось, что дело Дрюмона снова торжествовало.

Вернувшись во Францию по амнистии, он был встречен тысячами восторженных поклонников, устроивших для него триумфальный парад в Париже. Они видели в нем пророка, безошибочно обнаруживавшего врагов нации. Тем временем евреи снова молчали, и за несчастного Дрейфуса заступалась лишь его семья. Еврейская общественность по-прежнему полагалась на силу гражданских прав,

гарантированных республикой, и, кроме того, опасалась возбуждать воинствующих антисемитов.

Между тем, споры о деле Дрейфуса в прессе не затухали. В ноябре 1896 г. «Ле Матен» опубликовала факсимиле загадочного документа, чтобы общественность сама убедилась, какие улики легли в основу обвинительного приговора. «Ла Либр Пароль» оставила это без внимания; возможно, в этом сказалось влияние майора Эстергази, с осени 1894 г. поддерживавшего тесные контакты с Дрюмоном. Ведь в середине 1896 г. Эстергази сам попал под подозрение. Майор М.-Ж. Пикар обнаружил, что его почерк идентичен документу, за который Дрейфус попал в тюрьму. Затем он нашел новые свидетельства, укрепившие его подозрения. Правда, его начальники советовали ему держать язык за зубами. Он отказался и был за это отправлен подальше от Парижа. Тем не менее, информация о новом повороте деле достигла сенатора Шерер-Кестнера, друга семейства Дрейфусов.

Когда пресса стала живо обсуждать возможность пересмотра дела, Дрюмон забеспокоился. 2 ноября 1897 г. он назвал евреев «грабителями», которые со временем будут без сожаления вышвырнуты вон из Франции. А через несколько дней он уже пожелал видеть Дрейфуса мертвым. Со временем его язык становился все более агрессивным, и он позволял себе любые оскорбления в адрес евреев.

Тем временем было выяснено, что почерк на документе все же принадлежал Эстергази, и это стало достоянием всеобщей гласности. 15 ноября в «Ла Либр Пароль» была опубликована заметка, направленная против Матье, брата заключенного. Ее Дрюмону принес все тот же Эстергази. Там говорилось, что Дрейфус будто бы намеренно подделал почерк одного из офицеров, чтобы пустить следствие по ложному следу. Разумеется, эта заметка должна была подготовить общественное мнение к восприятию сообщения об уликах против Эстергази. Тогда в печати появились любовные письма Эстергази к м-м де Буланси. Они не имели отношения к делу Дрейфуса, но показывали продажную натуру Эстергази и его прогерманские настроения. Это сильно подорвало его репутацию. В армии решили, что он сможет смыть пятно позора только через суд.

В январе 1898 г. раскол общества по поводу дела Дрейфуса достиг своего предела. В Париже проходили демонстрации. Перед офисом Дрюмона митинговали ультранационалисты и антисемиты, а студенты устраивали выступления перед Национальной Ассамблеей. Националистическая пресса возбуждала публику против

Дрейфуса. Любого, кто выражал сомнения в вине Дрейфуса, Дрюмон объявлял наемником евреев и немцев. Между тем, в начале 1898 г. началось судебное дело Эстергази. Большинство наблюдателей были уверены, что он будет оправдан. На улицах его называли «мучеником в руках евреев». «Ла Либр Пароль» активно его защищала и приветствовала его оправдание как победу дела антисемитизма. После этого Эстергази явился в офис Дрюмона и поблагодарил того за поддержку.

Но 12 января 1898 г. Золя опубликовал в журнале «Аврора» открытое письмо к правительству «Я обвиняю», имевшее эффект разорвавшейся бомбы. Дрюмон всегда ненавидел Золя, и в ответ 14 января опубликовал свое обращение к президенту Форю, обвиняя романиста в «служении иностранному государству». Тем временем, возбужденные националистическими изданиями студенты начали устраивать погромы в еврейских магазинах. В Алжире при попустительстве полиции такие беспорядки продолжались четыре дня. Ими руководил Макс Реги, друг Дрюмона. Глашатаи антисемитизма видели в этом начало революции, которую они давно предсказывали. 19 января Дрюмон обвинил правительство в том, что оно не сделало предметом гласности все улики против Дрейфуса. Под нажимом такой критики правительство привлекло Золя к суду. В феврале улицы Парижа вновь наводнили толпы возбужденной публики. Ее взвинчивали журналисты, особенно связанные с «Ла Либр Пароль», называвшие Золя сыном иностранцев, прислужником евреев и врагом христианства. Дрюмон пытался так запятнать его имя, чтобы суд не смог его оправдать. 23 февраля суд признал Золя и Перренкса, редактора журнала «Аврора», виновными. После этого Золя пришлось уехать в Англию. Перренкс вызвал Дрюмона на дуэль, но оба остались невредимыми.

Тем временем, во Франции и в Алжире толпы ультра националистов начали громить дома евреев и синагоги. Тогда Дрюмон и выставил свою кандидатуру на выборах в Алжире, где местные французы ему симпатизировали. Он полагал, что революция должна начаться в Алжире, а оттуда перекинется в метрополию. Действительно, Алжир был удобным местом для антисемитизма. Поселенцы жили там в окружении мусульман и, опасаясь, что те могут придти к власти, стремились отвести их недовольство от себя и обратить его на достаточно крупную еврейскую общину. Прибыв в Алжир в начале апреля 1898 г., Дрюмон был тепло встречен своими поклонниками и 8 мая одержал убедительную победу на местных выборах. В

парламенте он объединился с другими депутатами-антисемитами во фракцию, настаивавшую на принятии антиеврейского законодательства. Воодушевленный своей победой, Дрюмон заявил 27 июня, что «антисемитизм будет революцией завтрашнего дня». Но он поспешил. Вскоре выяснилось, что он плохо подходил для эффективного участия в парламентской демократии. Численность антисемитской фракции была явно недостаточной для реализации антисемитской программы. Дрюмон был плохим оратором, и его депутатство не принесло ему лавров. Поэтому после окончания срока он решил больше не выставлять свою кандидатуру.

В середине 1898 г. все, включая Дрюмона, были уверены, что возвращения к делу Дрейфуса не будет. Однако, решив навести порядок в армии, новый министр обороны Кавеньяк велел провести новое расследование. В ходе следствия обнаружилось, что одна из важнейших улики, известная как «документ Анри», была фальшивкой. Кавеньяк был честным человеком и не был склонен к закулисным маневрам. Майор Анри был арестован, а позднее его нашли в тюремной камере с перерезанным горлом. Дрюмон, разумеется, увидел в этом дело «еврейских агентов». Вслед за этим Эстергази срочно покинул страну. Дрюмон доказывал, что тот сделал это не из чувства вины, а из страха последовать вслед за Анри. Он отрицал какую-либо дружбу между ним и Эстергази и доказывал, что тот вместе с Анри стал жертвой еврейского заговора. Он вновь принялся обвинять «коварную натуру» евреев, и его статья кипела к ним ненавистью.

В феврале 1899 г. неожиданно умер президент Фор. Дрюмон усмотрел в этом происки евреев, якобы подославших убийцу. Нового президента Эмиля Лубе часто обвиняли в том, что он не предпринял никакого расследования. Эти нападки со стороны крайне правых привели к попытке государственного переворота.

В начале июля Дрейфусу было позволено вернуться, чтобы предстать перед новым судом. Этот суд начался 7 августа 1899 г. Вначале Дрюмону казалось, что Дрейфус будет вновь осужден. Однако дело кончилось тем, что 19 сентября президент Лубе попросил у того прощения. Но было ясно, что, несмотря на все новые свидетельства, военный суд никогда не пересмотрит свой приговор. Поэтому, хотя вина с Дрейфуса не была снята, он был помилован. И об этом Дрюмон не устал напоминать в своей газете.

Главным итогом этого долгого разбирательства была поляризация общественного мнения. Левые и либералы были удовлетворены. А правые и ультра националисты ничего не забыли. В итоге напря-

женной полемики антисемитизм охватил более широкие круги населения. Это и стало результатом деятельности Дрюмона во время Панамского скандала и дела Дрейфуса.

Правда, авторитет Дрюмона и его газеты пошел на спад. После того, как Дрейфус был оправдан, аргументы Дрюмона перестали действовать. Более популярными стали иные крайне правые движения типа «Аксьон Франсэз». Тем не менее, в некоторых кругах Дрюмон сохранил высокий авторитет. Все же в начале XX в. влияние антисемитского политического блока падало, и Дрюмон выражал все больше недовольства парламентской демократией. 27 апреля 1902 г. он проиграл выборы в Алжире и потерял депутатский мандат. Его начали теснить конкуренты. Почувствовав падение интереса к его газете, некоторые его сотрудники стали уходить. Стремясь вернуть утраченное, Дрюмон поднимал градус ненависти. После кишиневского погрома он предсказывал, что то же вскоре ожидает евреев и протестантов во Франции.

Иногда считают, что пытаясь соединить социализм с антисемитизмом, Дрюмон предвосхитил нацизм. Действительно, подобно социалистам, Дрюмон проявлял определенный антиклерикализм. Но это ограничивалось у него критикой в адрес высших иерархов, которых он подозревал в связях с евреями. В 1905 г. этому пришел конец, когда Церковь была полностью отделена от государства, и католицизм перестал быть государственной религией во Франции. После этого Церковь навсегда помирилась с Дрюмоном. Для него же триумф антиклерикальных сил означал победу евреев, как и в деле Дрейфуса. В 1909 г. он попытался избраться во Французскую Академию, но его туда не приняли.

В 1910 г. в Париже случилось большое наводнение, погубившее дом и библиотеку Дрюмона. Примечательно, что и в этом Дрюмон обвинил еврейских торговцев древесиной, срубивших леса в долине Сены. В том году он продал свою газету либеральным католикам, и в ней возобладал клерикальный настрой.

Начало Первой мировой войны дало новый импульс его юдофобии, и он обвинил в развязывании войны «космополитов-евреев», которых «давно следовало изгнать обратно в Берлин». В интересах национального единства французские власти просили авторов вроде Дрюмона не возбуждать расовую ненависть дома. Поэтому в военные годы он в основном помалкивал. Кроме того, его здоровье резко ухудшилось, и 3 февраля 1917 г. он умер. На его отпевании в церкви собралось до 100 человек.

Дрюмон умер, но его наследие осталось. Оно проявило себя в синтезе социализма, антисемитизма и католицизма, ставшем основой фашизма во Франции. Антисемитизм сохранился и на страницах «Ла Либр Пароль», дожившей до 1939 г. Хотя Дрюмон благосклонно относился к сионизму, поддерживал Т. Герцля и уговаривал евреев покинуть Европу, его газета сменила курс. В 1917 г. «Ла Либр Пароль» отвергла сионизм и поддержала рождение арабского национализма в Палестине после того, как та стала подмандатной территорией Великобритании. Тем самым наследники Дрюмона показали, что не потерпят предоставления каких-либо прав евреям нигде и никогда. Именно в этой газете в 1920 г. появился первый французский перевод «Протоколов сионских мудрецов».

В начале 1930-х гг. во Франции отмечался резкий рост фашистских и крайне правых групп. Их вдохновлял пример Муссолини, а когда Гитлер пришел к власти, они начали испытывать колоссальные надежды на близкую победу. Тогда-то Дрюмона и стали прославлять как предшественника национал-социализма. Но если сам он связывал евреев с Германией, то после прихода Гитлера к власти это потеряло смысл. Теперь их отождествляли с СССР, и «Ла Либр Пароль» начала настаивать на франко-германском союзе для защиты арийской расы. В 1936 г. бывшие друзья Дрюмона и его читатели отпраздновали 50-летие выхода «Еврейской Франции», назвав ее автора «арийским революционером». А еще через несколько лет программа Дрюмона начала воплощаться в жизнь Вишистским правительством. В мае 1944 г. были устроены торжества по случаю 100-летия Дрюмона. Сотни обожателей собрались 3 мая на его могиле. Тогда много писали о том, что Гитлер заканчивал начатое Дрюмоном. Так с помощью пропагандистских кампаний в прессе антисемитскому меньшинству удалось привить антипатию к евреям значительному числу французов. И в этом – главный урок деятельности Дрюмона.

Из всей массы антисемитской литературы, опубликованной в 1990-х гг., одно издание вызывает особую горечь. Это – выдержки из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, касающиеся его рассуждений о «еврейском вопросе» (в течение последних десяти лет брошюра «Еврейский вопрос» неоднократно переиздавалась в Москве издательством «Витязь»). Хотя сам Достоевский при всей сомнительности его умозаключений всячески пытался оспорить обвинение в антисемитизме, выдвигавшиеся им аргументы с воодушевлением подхватываются современными антисемитами и эффективно используются для возбуждения межэтнической розни и расовой ненависти. Вслед за Достоевским современные антисемиты не видят ничего обидного в термине «жид» и в то же время часто доказывают, что используют его вовсе не для обозначения евреев как таковых, а для тех, кто «грабит народ» и «подрывает основы русской нравственности и культуры», одним словом, для того «жидовского царства», о котором когда-то писал Достоевский. Однако, едва дело касается списка таких недругов, на который ссылаются русские радикалы, в нем неизменно оказываются одни лишь еврейские имена. То же обнаруживается и у Достоевского, относившего свою ненависть к буржуазному миру не столько к еврейским финансистам и промышленникам, сколько ко всем евреям разом, и приписывавшего им якобы имманентно присущую ненависть к русскому народу.

Как великому русскому писателю, называвшему себя гуманистом и выступавшему за права униженных и оскорбленных, довелось очутиться в такой сомнительной компании? Противоречия Достоевского до сих пор привлекают пристальное внимание исследователей. Действительно, как социалист и демократ 1840-х гг. оказался к концу 1870-х гг. в лагере ультраконсерваторов и реакционеров? Как защитник крестьян и бедного люда сумел найти общий язык с представителями высшей российской знати и стать наставником царевичей? Как пропагандист равенства народов и культур превратился в ревностного пропагандиста русского превосходства и мессианства? Как человек, провозглашавший братскую любовь, мог оправдывать колониальные завоевания царизма и призывать к захвату Константинополя?

В литературе можно встретить троякое отношение к рассуждениям Достоевского о евреях. Большинство литературоведов стараются стыдливо их не замечать и оставляют эту тему открытой. Поклонники Достоевского (например, А. Гулыга в Москве и Д. В. Гришин в Мельбурне) неоднократно пытались смыть с него пятно антисемитизма. Лишь немногие авторы отваживаются на глубокий анализ этой сложной проблемы. Между тем, в творчестве Достоевского отчетливо обнаруживаются три вида антисемитизма: левый антисемитизм, выхваченный писателем из социалистического дискурса, обличавшего буржуазность; христианский антисемитизм, заявлявший устами Отцов Церкви о том, что выполнивший свою миссию иудаизм вместе с евреями должен полностью сойти с исторической сцены; и средневековый «кровавый навет», обвинявший евреев в ритуальных убийствах христианских младенцев. Первый наиболее рельефно выступает в «Дневнике писателя», а также в зловещей фигуре ростовщика, сопровождающей многие романы Достоевского; второй находит наиболее концентрированное выражение в «Бесах» в словах Шатова о единой Истине и народе-богоносце; а третий обнаруживается в заключительной части «Братьев Карамазовых» в беседе Лизы с Алешей, где она вспоминает известное обвинение евреев в том, что они будто бы крадут и убивают христианских детей.

Итак, было ли все это случайностью или, напротив, глубоко выношенной концепцией, возникшей у писателя в процессе его размышлений о судьбах человечества в целом и русского народа – в частности? Попробуем разобраться.

Ф. М. Достоевский (1821–1881) происходил из древнего литовского рода. Его прадед был униатским архиепископом, а дед – протоиереем в Брацлаве. Начало униатам дали иезуиты, и Достоевского всю жизнь мучил страх перед их умением держать человека в своей власти. Отец Достоевского, пойдя наперекор семейной традиции, стал медиком. Он участвовал в Отечественной войне 1812 г. и затем работал главным врачом в Мариинской больнице в Москве. Он был неуживчивым, подозрительным и угрюмым человеком. Будучи зажиточным, он постоянно жаловался на бедность и заслужил славу жестокого скопидома. Мать, происходившая из купеческого рода, напротив, отличалась кротким нравом, любила поэзию и благотворно влияла на детей. Тем не менее, дети боялись вспышек отцовского гнева, и постоянные столкновения с деспотичным по натуре отцом рано развили в будущем писателе нелюбимость и неискренность.

Семья жила замкнуто, гостей здесь не бывало. Зато, благодаря матери, дети рано обрели страсть к романтической литературе, русской и зарубежной. Достоевский с упоением поглощал книги и все запоминал. Он с ранних лет знал всю Библию, любил Пушкина, зачитывался сказками.

В 1837 г. после смерти жены отец Достоевского поселился в своем имении. Там он до того истязал своих крестьян, что они считали его зверем и в 1839 г. убили. Достоевский всю жизнь об этом молчал, но эта тайна его постоянно мучила. Чувство вины перед отцом впоследствии нашло выражение в сюжете романа «Братья Карамазовы». Тягостная атмосфера, царившая в доме, сделала самого Достоевского угрюмым, скрытным и подозрительным, а авторитаризм отца развил у подростка тягу к необузданной свободе, невоздержанности и стремлению во всем «дойти до края», что он позднее счел чертами, присущими всему русскому народу.

Достоевский учился в пансионе француза Сушара, затем в привилегированном пансионе Л.И. Чермака, где преподавали лучшие профессора Москвы. В 1838 г. будущий писатель поступил в Инженерное училище, находившееся в Михайловском замке в Петербурге, где со времен убийства Павла I сохранялась гнетущая обстановка. У Достоевского товарищей не было; со сверстниками он сходил-ся тяжело, что еще больше усугубилось со смертью отца. По словам воспитателя, в 1841 г. Достоевский был угрюм и замкнут. Зато в те годы он жил мистическим романтизмом, мечтой о золотом веке, а его любимыми писателями были Гомер, Шиллер, Бальзак, Гофман, Гете. Уже тогда его начала мучить загадка человеческой души.

В 1843 г. были сданы последние экзамены, и Достоевский в чине подпоручика приступил к работе в Инженерном департаменте. Тогда он жил расточительно, беспорядочно, проигрывал большие деньги, занимал у ростовщиков и снова проигрывал. С тех пор он возненавидел ростовщиков, понимая в то же время, что для творческой карьеры ему понадобятся большие деньги. Его непрактичность и неприспособленность к жизни были очевидны окружающим. Казенная служба его тяготила, что и послужило его отставке в октябре 1844 г. С тех пор он стал профессиональным литератором и познал подлинную бедность. Как замечают вдумчивые исследователи творчества писателя, в нем всегда жили как бы два человека: один действовал, доходя в своих поступках до крайности, а второй внимательно наблюдал и делал выводы о разительных противоречиях, раздиравших человеческую душу. Проявившись впервые в его ран-

нем романе «Бедные люди», этот метод писатель уже никогда не оставлял. Жизнь в Петербурге поразила Достоевского своей фантазмагоричностью, и под влиянием творчества Гоголя он начал пристально вглядываться в городскую действительность с ее суровостью и контрастами. Героями его первого романа стали петербургские бедняки. Роман оказался удачным, он вызвал восторг у Некрасова и Белинского, и начинающий писатель почувствовал себя восходящей звездой.

Однако его следующий роман «Двойник» был встречен сдержанной критикой, которую молодой самолюбивый писатель воспринял очень болезненно. Его и ранее дававшая о себе знать нервная болезнь усилилась. Он знал о своем «неограниченном честолубии» и признавал свой «скверный, отталкивающий характер»: «Говорят, я черств и без сердца». На него постоянно нападали тоска, и он вьедливо занимался самоанализом, стараясь понять причину своих злоключений. Тогда он писал брату о «мучительной боязни чего-то, что я сам определить не могу». Он признавался, что это – не страх за здоровье, это еще страшнее, это – какая-то постоянно надвигающаяся на него темная бездна. С тех пор он неустанно искал источник всех этих страхов, связывая его со злой силой, которой ему еще предстояло дать имя.

Наблюдая ранние этапы модернизации, которым сопутствовали крушение прежнего патриархального быта и быстрое расслоение общества, расцвет ростовщичества и упадок былой морали, Достоевский увлекся утопическим социализмом. Подобно большинству молодых романтиков 1830-1840-х гг., он с восторгом встретил работы Фурье и Сен-Симона, зачитывался П.-Ж. Пруденом. Это и привело его в 1847 г. в кружки вначале Бекетова, затем Петрашевского, где молодые люди с энтузиазмом обсуждали социальные и экономические вопросы современности и мечтали о всеобщем братстве. Между тем, на первом плане у них стояли вопросы морали, и их социализм был пронизан христианским духом. Именно тогда в руки молодого писателя попал трактат «Истинное христианство» Э. Кабэ, где коммунизм назывался «Царством Божиим на земле».

Если своим христианским социализмом молодые революционеры были обязаны Франции, то вскоре смятение в их умы принесли совсем другие веяния, шедшие из Германии и связанные с поднимающим голову материалистическим социализмом, не видевшем в христианстве ничего, кроме суеверия. К середине 1840-х гг. в Петербурге по рукам ходила книга Л. Фейербаха «Сущность христиан-

ства», провозглашавшая, что не Бог создал людей, а они его. Это внесло раскол в ряды демократов: Герцен и Бакунин, Белинский и Петрашевский стали убежденными атеистами, но известный историк Т. Грановский остался верующим христианином. Позднее Достоевский вспоминал, как в 1846 г. Белинский с жаром пытался обратить его в свою атеистическую веру и доказывал, что общество так подло устроено, что нельзя не совершать злодеяния. Несмотря на внутренние сомнения, Достоевский тогда поддался силе аргументов Белинского и поверил в «безнравственность христианства». Под конец жизни Достоевский признался, что в юности мог бы стать нечаевцем, и не мог понять, как все это нашло на него, учитывая его происхождение из семьи верующих. Все же раздвоенность преследовала его всю жизнь, и, по словам Мережковского, Достоевский страстно желал верить в Бога, не имея этой веры, в чем он напоминал своего героя, Великого Инквизитора. Действительно, в его сочинениях докаторжного периода Бога еще не было, и лишь на каторге он поверил в Христа, что произошло далеко не сразу.

В феврале 1849 г. Достоевский с наиболее радикально настроенными петрашевцами организовал новый кружок, где по видимости обсуждались вопросы изящной литературы и музыки, но втайне вызревали планы создания подпольной типографии и выпуска антиправительственных прокламаций. Если в своих мечтах Петрашевский не шел дальше конституционной монархии, то молодые радикалы, вдохновленные европейским опытом 1848 г., были готовы к революции. Достоевский был одним из самых активных членов этого кружка и, по воспоминаниям А. Майкова, приходил к нему и уговаривал спасать Отечество. Впрочем, следственной комиссии Достоевский говорил, что является сторонником самодержавия и ожидает крестьянской реформы сверху. Некоторые исследователи относятся к этому с доверием, другие подозревают его в неискренности. Однако о характере заседаний никто из подследственных не проговорился, и это, по-видимому, навсегда останется тайной. Тем не менее, не приходится сомневаться в том, что Достоевский изнутри знал настроения «бесов». Позднее в этой своей деятельности он видел грех перед Христом и русским народом. Столь же несомненно, что в те годы огромное влияние на мировоззрение писателя оказывал Н. Спешнев, живший в 1842–1846 гг. за границей, где изучал деятельность тайных обществ, начиная с раннего христианства. Одним из первых русских он прочитал «Коммунистический манифест» и проповедовал «социализм, атеизм, терроризм». Позднее

Достоевский считал его своим злым гением и вывел в образе Ставрогина.

В апреле 1849 г. петрашевцы были арестованы. Изнурительное следствие закончилось символической казнью, разыгранной в декабре 1849 г. Похоже, что это потрясение и послужило началом переворота в душе Достоевского, приведшего его к христианству. Он был приговорен к каторжным работам на четыре года, затем, будучи разжалован, должен был прослужить рядовым. Заключение писатель провел в Омской каторжной тюрьме, о чем поведал в «Записках из Мертвого дома». По его словам, именно там он узнал народ русский, «бродяг и разбойников». Четыре года острога сделали его другим человеком, началось «перерождение убеждений». Позднее он писал, что обрел там глубокую веру в Христа. Однако революционная молодость не прошла для него бесследно, и его всю жизнь одолевали сомнения. Он сознавался, что не мог опровергнуть аргументы Белинского, но истины того были противны его естеству. Он говорил, что, если Христос не истина, то он против истины, ибо Христос дороже истины.

В феврале 1854 г. закончился срок каторги Достоевского, и он переехал в Семипалатинск, где его ждала служба рядовым. Там у него, наконец, появилась возможность вернуться к книгам, и он с жадностью набросился на исторические, экономические и религиозные трактаты, мечтая создать свою историософию. В эти годы он совершил поступок, на первый взгляд неожиданный для революционера 1840-х гг. В 1854–1856 гг. он написал три верноподданнических оды, восхваляя русскую военную славу и грозя магометанам и другим врагам России, раболепствуя перед императрицей Александрой Федоровной и приветствуя коронацию Александра II. Некоторые специалисты хотят видеть во всем этом искренний порыв раскаявшегося преступника, в котором пробудился патриотизм, – не случайно он восклицал с восторгом: «снова русский я и снова – человек!» Другие подозревают, что все это было ловким маневром, призванным приблизить освобождение. Действительно, вскоре он был произведен в унтер-офицеры, а затем ему вернули чин офицера. Однако неверно было бы сводить все это лишь к цинизму; ведь обуревавшие его новые настроения стали для него путеводной звездой в следующие десятилетия. По словам К. Мочульского, в «патриотических стихах угадывается церковно-монархический империализм автора “Дневника писателя”».

В 1859 г. пришло долгожданное освобождение, и писатель, хотя и не сразу, снова возвратился в Петербург. Здесь вместе со своим братом Михаилом он попытался реализовать выношенные на каторге идеи о единстве российского общества и особом пути России. Осенью 1860 г. они поместили объявление о выпуске нового журнала «Время»: «Мы убедились, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная и что наша задача – создать свою новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал». Вопреки славянофилам, они были убеждены в том, что реформы Петра были нужны, но они разорвали общество, и теперь пришло время «примирить цивилизацию с народным началом» (речь шла о примирении западников и славянофилов). «Русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях...» В их манифесте страстно звучала мысль: русская идея – это примирение всех европейских идей, а русский идеал – общечеловеческий. Так родилось почвенничество, которое братья Достоевские развивали вместе с А. Григорьевым и Н. Н. Страховым.

В год освобождения крестьян Достоевский смотрел в будущее с оптимизмом; ему казалось, что примирение между народом и образованным сословием близко, как никогда. Он всячески стремился ладить с «западниками» и даже защищал их от нападок славянофила И. Аксакова. Однако его надежды на примирение не сбылись. Дискуссии становились все более резкими, демократический журнал «Современник» выступал с обличительными речами, и в июне 1862 г. был закрыт на восемь месяцев. В мае 1863 г. за двусмысленную статью Н. Страхова о польском восстании цензура закрыла и «Время». Тем временем, долгожданная крестьянская реформа разочаровала писателя, и он увидел в ней «скверный анекдот».

Летом 1862 г. Достоевский впервые попал за границу. За два с половиной месяца он объехал Германию, Францию, Англию, Швейцарию, Италию и Австрию. По воспоминаниям наблюдавших его людей, красоты природы, памятники истории и шедевры мирового искусства его там мало занимали. Он хотел видеть людей, жадно вглядывался в лица, стремясь понять, куда же движется Европа. В итоге он испытал разочарование от Германии, Франции, Англии, а об Италии вовсе не упоминал. Похоже, что в Европу он ехал с уже готовой идеей, чтобы ее там «проверить», и, на его взгляд, действительность подтвердила его теоретические построения. Он убедился,

что Россия не превратилась в Европу, и это его обрадовало. Европа неприятно поразила его мещанством и буржуазностью, и он предрек ей скорую гибель. Капиталистическое царство злата и морального разложения оказалось бесконечно далеким от благородных идей равенства и братства. Выход Достоевский увидел в христианской общине, основанной на любви и свободе. Почва для такой общины, по его словам, имелась только в России, где, как он верил, не могла сложиться классовая структура западного типа. Достоевский писал, что «мы сначала русские, а уж потом принадлежим к какому-то классу». Иными словами, подобно германским революционерам, он отвергал буржуазное корыстолюбие, аморальность социальных отношений, власть бездушного закона, меркантильный брак. Подобно им, он упорно искал злую силу, приводившую в движение весь этот бесчеловечный механизм. Запомним это, ибо иначе невозможно понять идейный стержень многих произведений Достоевского, его эстетическую программу.

Польское восстание 1863–1864 гг. произвело целый переворот в умонастроениях многих российских либералов. Краткий период эйфории закончился. Теперь место революционности заступил патриотизм, и интеллектуальная элита шатнулась резко вправо. Число публикаций областного характера в журнале «Время» резко сократилось. А Достоевский с этих пор стал уделять религии гораздо больше внимания, чем психологии, и начал сдвигаться к православному мессианству. Теперь в социализме он усматривал лишь крайний индивидуализм и атомизацию. В записных книжках в 1864 г. он писал, что только в христианстве можно найти свободу и единство. А носители истинного христианства ассоциировались для него с русскими. Почва стала однозначно отождествляться с православием.

В это время Достоевский снова уехал за границу, где им овладела новая страсть, перебороть которую ему удалось лишь десять лет спустя. Он начал играть в рулетку, и игра настолько захватила его, что он проигрывал одну сумму за другой, униженно просил у всех денег и снова проигрывал.

Злоключения этим не закончились. В 1864 г. брат Михаил начал издавать новый журнал «Эпоха», который продержался всего год. В течение этого года умерли первая жена Достоевского, Михаил и А. Григорьев. После этих ударов судьбы издание журнала оказалось одному Достоевскому не под силу. Его пришлось закрыть, понесся огромные убытки. Писатель вынужден был бежать от креди-

торов за границу, но там он не нашел ничего лучшего, как снова обратиться к игре и потерял последние деньги.

В такой обстановке он и писал «Преступление и наказание». Сюжет романа хорошо известен и не нуждается в пересказе. Нам важно лишь то, почему самолюбивый студент решается на убийство старухи-процентщицы, и как он пытается оправдать свое преступление высшими побуждениями справедливости. Ведь в его рассуждениях старуха «глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовские проценты, зла и заедает чужой век, мучая у себя в работницах младшую сестру». Но если она никуда негодна, то зачем она живет? Мало того, что дает ей право распоряжаться чужими судьбами? Ответ прост: это – власть золота и «жидовские проценты». И то, и другое противно человеческому существу; следовательно, можно ее убить, чтобы помочь матери и сестре, а затем стать честным человеком.

Этот роман Достоевского стал первым в русской литературе, где в центре повествования находится капитал. Так, фигура ростовщика становится зловещим символом капитализма и бесчеловечности буржуазного общества. Для Достоевского эта тема неслучайна; она то и дело встречается в его произведениях. Еще в молодости он хорошо знал «Скупого рыцаря» и поражался власти золота. В этом его еще больше укрепили социальные романы западных авторов 1830–1840-х гг. – Бальзака, Ж. Санд, Э. Сю, Диккенса. Да и его собственный опыт 1840-х гг., как мы знаем, полон встреч с ростовщиками, и система закладов ему была знакома. Со времен петрашевцев он хорошо знал труды Прудона, обличавшего власть денег, видевшего в евреях врагов человечества и считавшего, что антисемитизм должен стать основой социализма. С тех пор идея Ротшильда, «царя Иудейского», преследовала писателя. В докаторжный период она встречалась в повести «Господин Прохарчин» с его темой скупости, а затем создала фон для «Преступления и наказания» и в явной форме присутствовала в «Идиоте» и «Подростке».

Поводом для углубленного развития этой темы стал крах «Эпохи», ибо никогда прежде ростовщики не донимали писателя так, как в эти драматические для него дни. Мало того, 1865 г., принесший России экономический и финансовый кризис, воочию показал новую угрозу, пришедшую в мир вместе с модернизацией. Теперь тема жестокого и бездушного капитала как магнит притягивает писателя. В «Идиоте» он показывал роковую власть денег над человеком. Многие герои романа одержимы страстью к наживе. Писатель

утверждал, что, отпав от Бога, люди стали поклоняться «золотому тельцу», все духовные ценности померкли перед властью денег, властью дельцов, ростовщиков, авантюристов. Говорится о молодом человеке Птицыне, копившем деньги и отдававшем их в рост. Повествуется об аморальности буржуазного брака-покупки. Новый человек, Ганя, алчен, жаден, беспринципен; ему нужен капитал. Он объясняет князю, что будет копить, чтобы сказали: «Вот Иволгин, король Иудейский». Генеральша Лизавета Прокофьевна Епанчина клеймит царство «золотого тельца» как преддверие царства смерти, потому что «в Бога не веруют, в Христа не веруют». Дается даже ссылка на Прудона – о праве силы. Позднее герой «Подростка» Акакий Долгорукий также всемерно поглощен «идеей Ротшильда». «Стать Ротшильдом» означает для него получить могущество и власть, но это, предупреждает писатель, – царство дьявола, где господствуют власть и деспотизм. Наконец, в ноябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. вышла повесть «Кроткая». В ней выписан ростовщик, соблазняющий невинную девушку. Правда, он сделал ее женой, но не из любви, а только ради власти, могущественной и деспотичной. Здесь, как ранее в «Неточке Незвановой» и чуть позднее в «Братьях Карамазовых», обличается буржуазный брак-покупка, превращающий женщину в товар.

Если западные писатели, скрупулезно исследовавшие социальную тему, усматривали в капитализме безличные общественные отношения, закономерно сменившие прежнюю патриархальную идиллию, то волонтаризм Достоевского требовал видеть за этим не закон, а реальную персонализированную злую силу. Он до исступления искал ее «истинных носителей» и в соответствии со своим эстетическим принципом типизировал ее в образе евреев. Идеиные предпосылки к этому сложились у него еще в 1840-х гг., когда он участвовал в кружке Петрашевского и ознакомился с массой западной социальной литературой. Тогда молодых социалистов более всего приковывал к себе образ Ротшильда. Высоко ценя идеи младогегельянцев, они соглашались с ними в том, что «деньги – Бог нашего времени, и Ротшильд его пророк». Похоже, что первым об этом заговорил один из лидеров «Молодой Германии» Л. Бёрне, указавший на связь Ротшильда с королями-реакционерами. Михаил Петрашевский не раз называл Ротшильда «Еврейским королем», вина коалицию либералов и банкиров за преследования социалистов на Западе. Он обвинял Ротшильда и других финансистов в манипуляции рынком в своих корыстных интересах.

Для дореформенной России все это представляло более теоретический, чем практический интерес. Однако образ Ротшильда отложился в голове у Достоевского, приняв форму обобщенного образа евреев, которых он, вслед за младогегельянцами, не отделял от ростовщичества и корыстолюбия. В 1860-е гг., когда, несмотря на славянофильские и почвеннические рассуждения об особом пути России, она, подобно западным странам, ощутила реальную силу капитала, абстрактные идеи 1840-х гг. обрели плоть и кровь. Теперь Достоевский был буквально заморожен могуществом ненавистного ему капитализма и притягательностью денег, преследовавшей его, как наваждение, и заставлявшей все силы отдавать игре. Справиться с этой болезненной манией он был не в состоянии, и ему казалось, что спасение придет тогда, когда он сможет правильно назвать эту «известную идею». Ненавидя капитализм, он отождествлял его с еврейскими предпринимателями и банкирами. И неважно, что среди многочисленных кредиторов, донимавших его после закрытия «Эпохи», не было ни одного еврея. Зато теперь слова «жид», «жидовщина», «жидовское царство» становятся для него ключевыми, обозначая ту самую «известную идею».

Впрочем, похоже, что в начале пореформенной эпохи «жидовское царство» и реальные евреи еще не отождествлялись в его голове, и сначала он даже горячо выступил против юдофобской позиции редактора «Дня» И. Аксакова. Полемика развернулась по вопросу об эмансипации евреев. Подготовка этой реформы и ее обсуждение раскололи российское просвещенное общество. Действительно, новая царская политика в отношении евреев была встречена неоднозначно. Эту политику формулировали такие акты, как отмена существовавшего тридцать лет института кантонистов (август 1856 г.), разрешение евреям расселяться вдоль всей западной границы империи от Польши до Бессарабии (законы 2 декабря 1857 г. и 27 октября 1858 г.), позволение еврейским купцам 1-ой гильдии вести свои дела за пределами «черты оседлости» (16 марта 1859 г.). Реформы открыли для евреев большие возможности: их дети, наравне с другими, стали массами поступать в общеобразовательные учебные заведения, евреи начали беспрепятственно получать места в судах и адвокатуре и даже занимать должности судей, некоторые из них активно действовали в земствах. Еврейским купцам 1-ой гильдии, людям с учеными степенями или академическим званием, цеховым ремесленникам, а с 1879 г. и выпускникам высших учебных заведений было предоставлено право беспрепятственно выбирать место-

жительство за пределами «черты оседлости». Евреям, проживающим в сельской местности, было возвращено право на аренду земли и торговлю алкогольными напитками.

Началось открытое публичное обсуждение вопроса о полной отмене «черты оседлости». При этом неизбежно вставал вопрос о взаимоотношениях русских с евреями, русской культуры с еврейской и, главное, православия с иудаизмом. Именно в эти годы Достоевский задумался об этом. Ведь он верил, что загнивающая Европа доживала свои последние дни и что будущее принадлежит России. Но как быть с евреями, основная часть которых тогда обитала в пределах России и упорно держалась своего традиционного иудаизма? Мало того, в конце XIX в. по своей численности пятимиллионная община евреев занимала второе место в Российской империи после славянских народов (русских, украинцев, поляков и белорусов). При этом, в отличие от славян, евреи были в массе своей городскими жителями, и поэтому даже робкая эмансипация и ослабление действия «черты оседлости» делали их весьма заметными в российских городах. Привычка к ремеслу и торговле, а также любовь к книге облегчали евреям адаптацию к условиям модернизации, и на рынке труда они составляли серьезную конкуренцию представителям других этнических групп. Все это вызывало беспокойство.

Наиболее бурно российская публика восприняла Указ о предоставлении права евреям с университетскими дипломами и степенями занимать государственные должности на всем протяжении Российской империи (27 ноября 1861 г.). Реформы Александра II, ставившие целью формирование российской нации, требовали глубокой интеграции в нее всех ее обитателей. Это касалось, в особенности, евреев, огромная масса которых прежде была обречена на значительную обособленность от остального населения России. В 1850-х гг. некоторые высокопоставленные царские чиновники уже видели в этом несообразность, «нарушающую гармонию и несоответствующую духу и тенденциям времени» (граф А.Г. Строганов, генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии).

Поначалу русская читающая публика поддержала реформы, освобождавшие евреев от дискриминации. В 1858 г. антисемитская позиция редактора петербургской газеты «Иллюстрация» В. Зотова, считавшего евреев не заслуживавшими эмансипации, вызвала коллективный протест 147 известных общественных деятелей, ученых, писателей и журналистов, подчеркнувших, что евреи являлись неотъемлемой частью российского общества. В июне 1858 г. демокра-

тический журнал «Современник» доказывал, что именно христиане своим уничижительным отношением к евреям обрекли их на роль социальных изгоев и что «улучшение положения евреев было знаком прогресса европейской цивилизации».

Не остался в стороне от споров и журнал «Время» братьев Достоевских. Вступая в полемику о термине «жид», начавшуюся в украинском журнале «Основа», авторы «Времени», поначалу попытались всех примирить (вспомним, что в «Записках из мертвого дома» в авторской речи используется лишь термин «еврей», а не «жид»). Затем Достоевский откликнулся на статью И. Аксакова, где тот называл евреев «гостями на христианских землях» и заявлял, что они должны довольствоваться местом гостей и не претендовать на какие-либо административные должности в христианском обществе. Заслуги евреев перед человечеством Аксаков оставил в далеком прошлом, признавая, что «христианство есть венец иудаизма». Поэтому современные ему евреи виделись очевидным анахронизмом, не имевшим будущего. Действительно, их национальность он связывал только с иудаизмом, но ведь тот был успешно преодолен христианством. Тем самым, евреи представлялись реликтом, непонятно как дожившим до современности и претендовавшим на место, которое ему не предназначалось (известный мотив Вечного жида). С этой точки зрения, евреи виделись носителями лишь вредоносной разрушительной силы, не способной ни на что конструктивное. Правда, поначалу Аксаков занимал примиренческую позицию: он признавал вклад евреев в развитие человеческой цивилизации, подчеркивал, что русские никогда с ними не враждовали, и был готов предоставить им довольно широкие права, в частности, отменить уничижительную «черту оседлости», предоставить гражданские свободы и даже самоуправление. Простейший путь к этому он видел в добровольном переходе евреев к христианству.

Увидев в этом стремление ограничить права евреев, Достоевский заявил, что такая позиция не подходит верующим христианам, разделявшим такие ценности, как мир, любовь и согласие. Вскоре «День» опубликовал статью «Несколько слов о Талмуде», где получение евреями равных со всеми прав обуславливалось требованием вернуться к исконной доктрине Моисея и отвергнуть Талмуд. Автор давал вырванные из контекста и искаженные цитаты из Талмуда. «Время» откликнулось и на это, поместив обстоятельную статью, отвечавшую на выпад.

Чем вызывалась такая позиция Достоевского? Возможно, отмена крепостного права породила в нем надежду на скорое сложение единой нации, чем, в частности, и диктовалось стремление редакторов «Времени» примирить враждующие партии. Но не менее вероятно, что, как предполагает Д. Гольдштейн, в обстановке, когда общество качнулось к либерализму, братья Достоевские, не желавшие ассоциироваться с маргиналами-консерваторами, пытались найти свою нишу на левом фланге. С этой точки зрения, выступление в поддержку евреев было знаком солидарности с прогрессивными взглядами. В свое время именно это усмотрел в позиции «Времени» и И. Аксаков.

О том, что взгляды Достоевского на еврейскую проблему не отличались постоянством, говорит их резкое изменение в последующие годы, когда как политическая ситуация в стране, так и общественное мнение радикально изменились. Этому способствовали силовые меры правительства против революционных настроений в 1862 г., польское восстание 1863–1864 гг., экономический и финансовый кризис 1865 г. Идея всеобщего братства оказалась неактуальной, и Достоевский еще раз убедился в том, что у России было много внешних и внутренних врагов. Выступая то в человеческих образах, то в форме неуловимого «фантома», они, так или иначе, оказывались различными сторонами все той же «известной идеи».

Где бы Достоевский ни был, он без устали выискивает факты, способные подтвердить справедливость этого взгляда на современный ему мир. В 1867 г., проигравшись в Бадене, писатель вынужден был обратиться к ростовщикам-евреям (Вайсману и Джозелю). И хотя они ничем не нарушили договор, ему само это обращение показалось уничижительным. Например, он ходил к Вайсману, но так как того не было дома, ему пришлось просидеть в ожидании более часа. И это ему, по словам жены, – «бедному талантливому Феде!» Такого унижения самолюбивый Достоевский никогда не забывал. А метод типизации заставлял его делать широкие обобщения, и в его журналистских пассажах 1870-х гг. неоднократно встречалась мысль о том, как евреи якобы обирали русский народ.

Будучи редактором «Гражданина», Достоевский должен был писать об экономической ситуации в России. Быстрое развитие капитализма после крестьянской реформы привело к резкому слому традиционных социальных структур. В пореформенный период малоземелье и нищета крестьян, особенно в южных губерниях России, возросли. К 1880-м гг. они имели меньше земли, чем было в их

пользовании до 1861 г. Кроме того, в период 1869–1875 гг. было четыре неурожая, а в 1873 г. – голод. Обнищание в деревне привело к разгулу пьянства, достигшего размаха эпидемии. На этом и наживались кулаки и другие. Однако, как установлено исследователями, в так называемых «еврейских губерниях» благосостояние крестьян было выше, чем в остальных.

Рост промышленности привел к появлению среднего класса в городах. Росла спекуляция, процветали денежные махинации. В те годы некоторые евреи сумели пробиться в мир финансов, например, Поляков и Варшавский, но к ним относились с подозрением. Для Достоевского главной приметой времени стало «появление еврейского финансового капитала в столицах». Он объединял шинкарей и еврейских финансистов в единый апокалипсический образ еврея – хозяина русских земель, властвовавшего над русским народом. От этой катастрофы спасти мог лишь подъем национального самосознания, воссоединяющего образованную элиту с народными массами под знаменами Христа и русского монарха. В третьем выпуске «Гражданина» (15 января 1873 г.) Достоевский выразил тревогу по поводу упадка нравов, пьянства и деятельности «жидов-кабатчиков». Там публиковалась и статья, обвинявшая еврейских шинкарей в спаивании народа (между тем, уровень алкоголизма в центральных и северо-восточных губерниях был несоизмеримо выше, чем на юго-западе!).

В мае 1873 г. Достоевский вернулся к этой теме. Он отметил, что почти половина государственного бюджета обязана продаже водки, но обвинил в этом «жидов». Он упрекал их в махинациях, воровстве и ростовщичестве и предлагал перевести упор на развитие промышленности, дающей «истинный капитал». В противном случае все финансовые потоки окажутся в руках кулаков и «жидов». Никакая община в этих условиях не спасет народ. Лишь кулаки и «жиды» не останутся внакладе, и «жиды» будут пить народную кровь. Но именно это-то и составит основу бюджета страны, и тогда уже ничего нельзя будет поделаться. В марте 1876 г. он рисовал апокалипсическую картину нашествия «жидов» как иудейской, так и православной веры. То, что среди предпринимателей было немало русских, нисколько не разубеждало его в правильности своих идей. Ведь дело было не в национальности предпринимателей, а в их «жидовском духе». Именно в этом смысле писатель упоминал «жидовствующих», заканчивая свои рассуждения за 1876 г. В этом Достоевский едва ли не дословно воспроиз-

водил идеологические штампы таких немецких антисемитов, как Марр и Вагнер.

В последней четверти XIX в. с ростом русского национализма в среде консерваторов вызревало отношение к евреям как к «пятой колонне», как к очевидному препятствию на пути к расцвету православной России. И вовсе не случайно, что в России этот процесс проходил практически одновременно с ростом антисемитизма в Германии. Вспомним, что Вильгельм Марр создал свою «Антисемитскую лигу» именно в 1879 г. В те самые годы, когда в Германии Р. Андре и О. Бета развивали расистскую антисемитскую концепцию и призывали политиков основывать на ней свои действия, в России вышли две книги, написанные в злобном антисемитском духе: «Книга кагала» Я. Брафмана (1869 г.) и «Вопрос об употреблении евреями-сектаторами христианской крови для религиозных целей» И. Лютостанского (1876 г.). Русские антисемиты внимательно следили за деятельностью своих немецких собратьев и по мере возможности использовали их опыт. Так, в 1872 г. в русском переводе вышла брошюра Ретклиффа «Еврейское кладбище в Праге и совет представителей 12 колен Израилевых», где говорилось о тайной сходке «избранников Израиля», задумавших подчинить весь мир еврейскому господству. Истинным автором этого произведения был бывший прусский полицейский шпион Герман Гедше, изгнанный со службы за подлог. В этом контексте и следует рассматривать становление интеллектуальной антисемитской традиции в России в последней четверти XIX в.

Похоже, что в эти годы Достоевский уже был знаком с указанной литературой. В августе 1879 г. он писал К. Победоносцеву о том, что прочел в «Московских Ведомостях» выдержки из памфлета, опубликованного в Германии, где говорилось о превосходстве еврейского духа и национальности над немцами и о том, что евреи заразили Германию «духом спекулятивного реализма». Нет сомнений, что речь идет о книге Марра, вышедшей в начале 1879 г. Однако Достоевский мог знать и опубликованный в 1878 г. трактат Вагнера «Что есть немецкое?». «Свидетельства» таких авторов убеждали Достоевского в том, что он на верном пути. Он предупреждал, что все это надвигается на Россию. Победоносцев разделял его взгляды. В ответ на его письмо высокопоставленный сановник подтверждал, что «жиды» «все заполонили, все подточили, однако за них дух века». Он убеждал, что именно они стояли у основ революционного социализма, контролировали прессу, прибрали к рукам рынок, финансово по-

работали массы, возглавляли науку, стремившуюся поставить себя вне христианства. Если же кто-либо пытался об этом заикнуться, евреев поддерживал хор голосов, говоривших о терпимости, независимо от религии. Он пугал, что российская пресса тоже становилась еврейской. Все это, разумеется, было лишь воспроизведением известных антисемитских штампов и стереотипов.

Между тем, тогда некоторым интеллектуалам казалось, что «жидовский дух» капитализма был инородным явлением, привнесенным чужаками. На Западе одним антисемитам представлялось необходимым вытравить этот «дух» из своих соотечественников, другие допускали и более радикальные меры, включавшие депортацию евреев. Достоевский уходил от обсуждения какого-либо практического решения проблемы. Мало того, в романе «Преступление и наказание» он задавался вопросом о том, позволено ли малое зло ради большого добра, оправдывает ли благородная цель преступное средство. И отвечал, что убийство даже из любви к человечеству недопустимо. Тем не менее, для него являлось бесспорным, что все зло – в «жидовских процентах». Сам этот полюбившийся ему термин свидетельствует о том, что, в его глазах, этот «дух» был чужеродным для России. В этом – одна из главных причин его неприятия Запада. Например, в «Игроке» западному «накопительству» он противопоставил широкий и свободный русский характер, презирующий крохоборство и скупость.

Разумеется, писатель видел и изъяны русского характера, бросавшегося в крайности и не умевшего контролировать свои страсти и поступки. Похоже, что основанием для этого ему служила его собственная натура, и он не верил, что человеку может быть достаточно своих внутренних сил для преодоления внешних соблазнов. Вот где следует искать источник проснувшегося в нем монархизма и его прихода к Христу. Поэтому он не уставал доказывать, что над человечеством, отпавшим от Христа, владеет «великий и грозный дух». Так он постепенно приходил к новой для себя идее христианского антисемитизма. Вновь путешествуя по Европе, он нашел и мистический повод для этого. Очутившись в начале 1871 г. в Висбадене, он снова проиграл все деньги. Угнетенный очередным фиаско, он попытался найти в темноте церковь и оказался у синагоги. Это стало для него потрясением, и он, наконец, вылез из десятилетней «фантазии». Больше он никогда в жизни не играл.

К этому времени он уже был готов к «идею Христа». В октябре 1868 г. он сообщил Майкову, что задумал роман «Атеизм» про че-

ловека, теряющего веру в Бога и под конец обретающего русскую землю и русского Христа. Любопытно, что сначала главным героем был задуман ростовщик, с которым в ходе повествования должен был произойти духовный переворот. В этом можно видеть звено, соединившее «идею Ротшильда» с «идею Христа» в непримиримую оппозицию. У писателя эти идеи противостоят не только содержательно, но и пространственно. Новое путешествие по западным странам в 1867–1871 гг. не только заставило его еще больше тосковать по России, но и обострило ненависть к Европе. Франко-прусская война и Парижская коммуна окончательно убедили его в том, что «на Западе Христа потеряли». Похоже, как и у Чемберлена, любовь к своему народу была для него неприемлема без ненависти к другим. Действительно, Западом безнадежно овладела «идея Ротшильда», и только Россия сохраняла «идею Христа». Он предчувствовал борьбу между европейским антихристом и русским Христом. Но, как мы помним, «идея Ротшильда» уже прочно ассоциировалась у него с евреями. Это-то и заставило его обратиться к идеологемам христианского антисемитизма, восходящим к Отцам Церкви. Теперь он пророчествовал о великой миссии России: «Назначение России заключается в православии, в свете с Востока, который потечет к ослепшему на Западе человечеству, потерявшему Христа». Однако, в силу овладевшей им логики, он был убежден, что препятствием на этом пути являлись евреи.

Так вызревала идейная канва для романа «Бесы», вышедшего в 1871–1872 гг. По мнению ряда исследователей, Достоевским искренне верил в существование бесов, способных принимать форму людей. Члены революционного движения казались ему марионетками в руках Сатаны. Он доказывал, что перед больным или ослабленным человеком появляются фантомы, и в связи с рассматриваемой здесь темой сам термин «фантомы» говорит о многом. Здесь трудно не усмотреть влияния немецкого романиста, руководителя «Молодой Германии» Карла Гуцкова, считавшего Вечного Жида, Агасфера, символом того, что евреи были фантомом, окаменелой мумией народа, отказавшегося от исторической динамики и не желавшего «умереть», чтобы освободиться от вечного скитальчества. В 1830-х – начале 1840-х гг. значение образа Агасфера живо обсуждалось молодыми германскими революционерами, что, разумеется, не могло остаться незамеченным петрашевцами. Правда, в нашем распоряжении нет неопровержимых свидетельств того, что молодые русские революционеры 1840-х гг. знали эту немецкую литературу,

но доподлинно известно, что Достоевский в 1845 г. прочел «Вечно-го Жида» Э. Сю, где отразилась отмеченная полемика. Кроме того, как мы знаем, писатель хорошо знал и ценил работы Прудона. Между тем, в скитаниях Агасфера тот видел черту меркантильных рас, неспособных создать свое государство. В этом евреи, на его взгляд, были сходны с богемцами, польскими эмигрантами, греками. Он учил, что такие расы, оторванные от почвы, были по необходимости эксплуататорскими и бесчеловечными.

Достоевский был не только убежден, что фантомы действительно существуют, но верил, что один из них постоянно оспаривал его любимую идею русского мессианства. Пока этот фантом не превратится в этнографическую пыль, Достоевский опасался за миссию народа-богоносца. Наиболее четкое выражение идея народа-богоносца нашла в «Бесах» в беседе Ставрогина и Шатова, где Шатов отвергал упрек в том, что он сузил понятие Бога до национальности. Действительно, впоследствии и самого Достоевского упрекали в том, что, пропагандируя «русского Христа», он совершал отход от христианства к язычеству. Например, утверждая, что христианство внационально, В. Розанов подчеркивал, что «почва» требовала веры в Велеса. Предчувствуя такие возражения, Достоевский устами Шатова отвечал, что он, напротив, поднял народ до Бога, ибо народ – это тело Бога. «Всякий народ до тех пор народ, пока имеет своего Бога особого, а всех остальных на свете богов исключает безо всякого примирения, пока верует в то, что своим Богом победит и изгонит из мира всех остальных богов». Утрачивая Бога, народ утрачивает свою личность и умирает. Чем сильнее народ, тем «особливее» его Бог.

Будто все народы древности этим жили, в пример чего приводились евреи. Если же народ потеряет веру в свою миссию, в то, что лишь он носитель Истины, он превратится в этнографическую пыль. Достоевский был заморожен идеей избранничества и делал из нее вывод о том, что «истина одна, а стало быть, только единый из народов может иметь Бога истинного». Иными словами, либо мы, русские, либо вы, евреи. Для Достоевского это означало одно: истинный Израиль нашего времени – это русский народ. Если же последний откажется от претензий на еврейскую мессианскую идею, то он распадется и превратится в «этнографический материал». Напротив, если именно русскому народу суждено было быть мессией, то евреи – это не более, чем этнографическая пыль. Тем самым, Достоевский стоял за радикальное решение вопроса: ни о

каком мирном сосуществовании этих двух народов на исторической сцене места в его концепции не было.

Всем этим Достоевский лишь слепо повторял риторику младогегельянцев, считавших, что, исполнив свою религиозную миссию, иудаизм, а с ним и еврейский народ, должны сойти с исторической сцены. А задолго до них эту мысль выразили Отцы Церкви, утверждавшие, что после появления христианства именно христианам надлежит быть «истинным Израилем». Но Достоевскому единственным народом-богоносцем представлялись русские. Так в его учении место универсального мессианства заступила его антитеза – националистический и шовинистический мессианизм. Мало того, в «Дневнике писателя» Достоевский попытался приписать такую идею национальной исключительности именно еврейскому народу, который будто бы попросту игнорировал все другие народы. Эта мысль до сих пор находит место в головах современных антисемитов.

Однако, чтобы оправдать идею русского мессианства, Достоевский должен был показать, что нет иных народов, которые могли бы это оспорить. Поэтому он и утверждал, что евреев больше не существует. Будто бы после выполнения своей миссии как избранного народа они исчезли, превратившись в этнографическую пыль. Но его преследовали подозрения в том, что это не так, и он постоянно представлял себе евреев, которые будто бы хотели унижить его. Но это были вовсе не библейские пророки, а «жидки», «жиденки» – ростовщики, спекулянты, воры, шпионы, мошенники и даже ... ритуальные убийцы. Это – фантом из иного мира, которому Достоевский отказывал в духовности. Достоевский всем своим существом чувствовал незримое присутствие этого фантома.

Необычайная способность «фантомного народа» сохраняться, несмотря на все гонения, вселяла во впечатлительного писателя ужас и заставляла поверить во «всемирный еврейский заговор». В «записных книжках» к «Бесам» Достоевский вложил в уста Степана Верховенского свои собственные мысли о том, что социализм нужен евреям, чтобы придти к власти. Между тем, в 1860–1870-х гг. роль евреев в революционном движении была минимальной. В кружке Н. В. Чайковского, за исключением Марка Натансона, почти не было евреев. В 1873–1876 гг. в составе народников они лишь распространяли «легальную литературу» и стояли за ненасильственные действия. В политических судебных процессах первой половины 1870-х гг. евреи вовсе не фигурировали. А во второй половине 1870-х гг. среди народников и террористов почти не было евреев. В 1879–1889 гг.

было совершено много терактов, но в них участвовало не более десятка евреев. В делах Веры Засулич (март 1878 г.) или Мирского (март-апрель 1879 г.) евреи вовсе не фигурировали. А Геся Гельфанд, как известно, играла в царубийстве 1881 г. второстепенную роль, давая приют народовольцам.

Однако все это мало интересовало Достоевского, и в тех же «записных книжках» говорилось о том, что среди последователей Нечаева было немало евреев, которых он якобы хотел использовать для развития революционного движения. Теперь писатель был убежден, что за всеми нигилистами и социалистами скрывались евреи, стремившиеся к уничтожению христианской цивилизации. Именно в этом смысле он писал о пришествии Антихриста новому редактору «Гражданина» В.Ф. Пуцыковичу 29 августа 1878 г. Иными словами, былой христианский социализм Достоевского сменился в 1870-х гг. христианским антисемитизмом.

Впрочем, спор шел не только о религиозной истине. Фактически выстраивая программу русского шовинизма, Достоевский писал в «Дневнике писателя» в сентябре 1876 г. о том, что «русская земля принадлежит русским, одним русским... , хозяин земли русской есть один лишь Русский... – и так будет навсегда...»

Роман «Бесы» не имел большого успеха. Напротив, как и ожидал писатель, слева на него посыпались упреки в ретроградстве. Тем временем его снова начали преследовать кредиторы, а на его семью, как из рога изобилия, посыпались болезни. Не зная, как выпутаться из кабалы, Достоевский предложил свою кандидатуру на освободившееся место редактора в крайне консервативной газете-журнале «Гражданин» князя В.П. Мещерского. Так писатель со своей мечтой о христианской империи оказался в стане бывших врагов. Вряд ли это было случайностью. Ведь еще в 1847 г. он поразил своих недавних друзей переходом в консервативную газету «Санкт-Петербургские ведомости», чтонисколько не сказалося на его социалистических убеждениях того времени. Мы также помним о его раболопных одах 1854–1856 гг. Похоже, расхождение своих практических действий с теоретическими убеждениями не особо его беспокоило. В этом, в частности, и отражались его метания, от которых он всю жизнь страдал. Поначалу Достоевский с жаром взялся за работу, но вскоре у него начались стычки с князем, чья реакционность и желание «вернуться к николаевской системе» его никак не устраивали. Альянс с «Гражданином» продержался чуть больше года, и в марте 1874 г. Достоевский отказался от редактирования.

Тем не менее, на этот краткий период падает его новое начинание, захватившее его в последние годы жизни. В «Гражданине» он ввел литературно-публицистический отдел «Дневник писателя», где сделал первую попытку непосредственно вступить в диалог со своим читателем, обсуждая там вопросы, представлявшие ему необычайно актуальными. Вновь к «Дневнику писателя» он возвратился в 1876–1877 гг. Затем он его временно прервал, чтобы целиком отдаться написанию романа «Братья Карамазовы». После этого в 1880–1881 гг. он выпустил еще два последних номера, которые можно рассматривать как завещание писателя. «Дневник писателя» интересен тем, что далеко не все свои мысли Достоевский воплотил в своих художественных произведениях; о некоторых думах он там вовсе умолчал, другие, если и присутствовали, то в скрытом виде. Напротив, нигде он не был так предельно откровенен с читателем, как в «Дневнике писателя».

В последнее десятилетие жизни Достоевский все больше сближался с самыми консервативными представителями высшей власти, где вызревали идеи фундаментализма на принципах самодержавия и православия, эксплуатировавшие народный патриотизм. Достоевский все это разделял, и его встреча с К.П. Победоносцевым, тогда членом Государственного Совета, будущим обер-прокурором Священного Синода и наставником Александра III, в 1873 г. оказывается весьма симптоматичной. Тот пригласил его к себе, и у них состоялась беседа, переросшая в долговременную дружбу. В конце 1870-х гг. Победоносцев ввел его в правительственные круги, и в начале 1878 г. государь поручил Достоевскому духовное руководство младшими великими князьями Сергеем и Павлом. Тогда же писатель сблизился с великим князем Константином и через Победоносцева отправил наследнику престола «Бесов» и «Дневник писателя». В конце 1870-х гг. Достоевский был избран вице-президентом Славянского благотворительного общества, куда входили славянофилы, высокопоставленные военные и правые журналисты и ученые. Он стал завсегдаем в аристократических салонах, а субботними вечерами ходил к Победоносцеву. В 1878 г. писатель был на процессе Веры Засулич и вместе с Катковым возмущался оправдательным приговором. В декабре 1880 г. он лично преподнес свой роман «Братья Карамазовы» наследнику престола.

В такой атмосфере формировались взгляды Достоевского в отношении евреев в последние годы его жизни. Мы знаем, что уже в начале 1870-х гг. его ужасал «фантомный народ», и он жадно стре-

мился понять причину этого ужаса. В поисках «фактов» он обратился к «Книге Кагала» Я. Брафмана и в своей личной библиотеке держал целых три ее разных издания: первое (Вильно, 1869), второе (Вильно, 1870) и вторую часть более пространного издания (Петербург, 1875). Последнее было подарено ему самим автором с дарственной надписью от 6 апреля 1877 г. Действительно, в лице Достоевского тот нашел усидчивого читателя.

Главной идеей книги Брафмана было то, что, где бы ни жили евреи, они всегда и везде составляли «государство в государстве» и подчинялись лишь власти кагала, не обращая внимания на окружающих. Кагал будто бы заставлял нарушать государственные законы, имел в своем распоряжении беспощадные карательные органы, использовал частную собственность и власть денег для установления безграничного господства над судьбами людей. Автор пытался продемонстрировать, что кагал претендовал на полную власть над всем населением и не ограничивался одними евреями. Определенное внимание вызывает литературный прием, который использовал автор: он старательно смешал разновременные акты, включая раннесредневековые и даже позднеантичные, чтобы показать как бы вневременной характер еврейской общины, якобы постоянно посягавшей на интересы окружающих. И хотя еврейские активисты уличали автора «Книги Кагала» в искажении первоисточников, неточных переводах и заведомо тенденциозных комментариях, книга, поддержанная царской администрацией, выдержала несколько изданий, и ее антиеврейская направленность со временем усилилась.

Идея книги захватила Достоевского, и он всячески обыгрывал ее в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. С «Книгой Кагала» писателя познакомил, по-видимому, И. П. Корнилов, член совета Министерства народного просвещения и председатель Славянского филантропического общества. Писатель знал его с 1872 г. Именно благодаря Корнилову, служившему в 1860-х гг. попечителем Виленского учебного округа, Брафман получил субсидию в 2500 рублей на первое издание своей работы. Следующее издание было осуществлено за государственный счет и разослано во все органы местной власти. Так книга стала полуофициальным документом. Она специально использовалась против Особого Комитета по реорганизации еврейской жизни, созданного в 1872 г. при Министерстве внутренних дел. Ведь некоторые его члены рекомендовали либерализацию статуса евреев.

Впервые знакомство Достоевского с «Книгой Кагала» обнаруживается в письме жене из Эмса от 21 июля 1875 г., где он сообщал, что Бог «наградил» его соседством с «русским жидом», которого часто навещали местные «жиды», и все они составляли «один большой кагал». А в «Дневнике писателя» в июне 1876 г. он уже упоминал «государство в государстве». Там он воспроизводил идеи Брафмана и других антисемитов о том, что «жиды становятся помещиками...», что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли», и что этому было трудно противостоять, не подвергаясь обвинениям в подрыве гражданского равенства и либерализма. Будто, едва освободившись от крепостной зависимости, крестьяне попадали в еще более страшное рабство от тех, кто уже подорвал благосостояние западных губерний. Эта мысль продолжала мучить писателя, и в «Дневнике» за июль-август 1876 г. он предупреждал, что, если в Крыму после выселения татар «не займут места русские, то на Крым непременно набросятся жиды и умертвят почву края...» (Любопытно, что через сто лет после того, как были написаны эти слова, к той же идее вновь обратился Л. Н. Гумилев, пытаясь подвести под нее псевдонаучное основание).

В библиотеке Достоевского находился и памфлет М. И. Гриневича «О тлетворном влиянии евреев на экономический быт России и о системе еврейской эксплуатации», опубликованный 11 сентября 1876 г. Там развивались те же темы, что и в «Книге Кагала»: о могущественном кагале, в соответствии с Талмудом превращавшем страну в руины; «жиды» назывались паразитами и эксплуататорами («личинка, пожирающая все плоды, обескровившая население юго-западных районов»), рыночными спекулянтами и пр. Всему этому Достоевский бесконечно доверял, и эти идеи нашли место в мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г.

Антиеврейский тон «Дневника» встревожил читателей-евреев. Из 200 писем, полученных писателем в 1876–1877 гг., около 30 пришли от евреев, и половина из них касалась еврейского вопроса. Но не все из этих писем полностью до нас дошли. Детально известно лишь о двух из них, на которые Достоевский ответил. В конце января 1877 г. он получил письмо от журналиста-радикала Ковнера, ожидавшего в московской тюрьме отправки в Сибирь. Выходец из бедной еврейской семьи, тот рано восстал против талмудического обучения, оставил молодую жену с детьми и уехал в Киев. Там он

выучил русский и ряд европейских языков, занимался науками. Попав в 1860-х гг. под обаяние Чернышевского и Писарева, он своими радикальными выступлениями в прессе заслужил славу «еврейского Писарева».

Ковнер выступал равным образом против традиционного талмудизма и против еврейского Просвещения (Хаскала). Первый не устраивал его своим мракобесием, второе казалось не соответствовавшим духу времени. Он отрицал наличие еврейской литературы и высмеивал попытки оживить иврит. Для него еврейским языком был идиш, которому, по его мнению, было суждено быстро смениться русским. В двух своих книгах, написанных на идише, он нападал на традиционный иудаизм, выступал против замкнутой жизни в гетто, Талмуда и национального фанатизма. Он настаивал на том, что, лишь полностью порвав с прошлым, евреи России смогут обогатить себя знаниями и современной культурой. За это ортодоксальные евреи назвали его отступником и нигилистом. В конце 1860-х гг. он жил в Одессе и писал для идишистской прессы. Но развернутая против него ортодоксами кампания поставила крест на его карьере еврейского журналиста. Проработав год частным учителем в Кунгуре на Среднем Урале, Ковнер в 1871 г. переехал в Петербург, где выступал уже русским журналистом. Он писал для таких радикальных изданий, как «Дело» и «Всемирный труд», а в 1872 г. был фельетонистом в газете «Голос». В 1873 г. после того, как Достоевский примкнул к реакционному лагерю «Гражданина», Ковнер обвинил его в измене своим прежним идеалам и отказе от защиты «униженных и оскорбленных».

В 1860-е гг. Ковнер стал понимать, что самые серьезные препятствия к освобождению российских евреев лежали вне самой еврейской общины. С начала 1870-х гг. он наблюдал усиление антисемитизма, встречавшего благожелательное отношение властей. Если в Вильно, Киеве и Одессе его кругозор замыкался еврейским окружением, то в Петербурге он обнаружил себя в изоляции именно как еврей и осознал, что большую роль в этом играют настроения окружающих. Это его обеспокоило и заставило написать Достоевскому. Он с самого начала заявил себя евреем и выразил несогласие с взглядами Достоевского на патриотизм, национальный характер и дух русского народа.

В ответ писатель учил евреев «не забывать своего сорокавекового Иегову» – ведь «еврей без Бога как-то немислим; еврея без Бога и представить нельзя». Его удивляло то, что он попал в ненавист-

ники евреев. Если причиной тому послужил часто использовавшийся им термин «жид», то он отвечал, что, во-первых, «не думал, чтоб это было так обидно, а во-вторых, слово “жид”, сколько помню, я упоминал всегда для обозначения известной идеи: “жид, жидовщина, жидовское царство” и проч. Тут обозначалось известное понятие, направление, характеристика века». Здесь Достоевский, разумеется, лукавил. Ведь он не мог не помнить полемику о термине «жид», в которой сам участвовал в декабре 1861 г. Что же касается «характеристики века», то в 1870-х гг. для него не могло быть тайной, что в этих терминах в те годы ее определяли только отъявленные юдофобы.

Спор Достоевского с Ковнером заслуживает большого внимания, ибо аргументы, использованные тогда писателем, звучат и ныне. Ковнер справедливо задавал вопрос: «Почему Вы восстаете против жида, а не против эксплуататора вообще, я не меньше Вашего терпеть не могу предрассудков моей нации..., но никогда не соглашусь, что в крови этой нации живет бессовестная эксплуатация». Заметив, что его корреспондент показывал, что ряд известных русских кулаков ничуть не уступали еврейским, великий писатель не нашел ничего лучше, как ответить, что «мы нашими кулаками не хвалимся, не выставляем их как примеры подражания». Эксплуатацию как социально-экономическое явление, не связанное с национальностью, он обсуждать решительно отказывался.

Ковнер упрекал Достоевского в том, что фактически у него в категорию «жидов» попадали около трех миллионов бедных евреев, влчивших жалкое существование. С другой стороны, туда попадали и уважаемые образованные евреи, имевшие большие заслуги перед российским государством (Португалов, Кауфман, Шапиро, Оршанский, Выводцев, Гольдштейн – последний погиб в Сербии, защищая славянское дело). Он упрекал Достоевского в искажении образа Дизраэли: если, по Достоевскому, тот якобы выпросил титул лорда у королевы, то, на самом деле, когда та сама хотела ему его присвоить в 1867 г., Дизраэли долго отказывался, ибо хотел работать в Палате общин. Ковнер упрекал писателя также в том, что тот писал о еврейской жизни, ничего о ней не зная.

Что же по существу ответил на это писатель? Прежде всего, он в свою очередь упрекнул своего корреспондента в излишней обидчивости и тут же заметил, что тот «не выдержал и отнесся к бедному русскому народу несколько слишком уж свысока» (это при том, что Ковнер писал, что «любит и жалеет трудящуюся массу русского

народа больше, чем еврейскую!»). Он нашел нужным со своей стороны обидеться на то, как «сами евреи смотрят на русских». И тут же, давая волю своей необузданной фантазии, он поставил риторический вопрос: если таково мнение образованного человека, то каких чувств к русскому можно было ждать от необразованного еврея? Здесь уместно снова вспомнить о том, что за пятнадцать лет до этого выступления Достоевского его журнал «Время» саму полемику о термине «жид» называл «провокационной». И невозможно отделаться от мысли о том, что, либо Достоевский был неискренним в 1861 г., либо с тех пор его взгляды круто изменились.

Действительно, как мы уже видели, ненависть капитализм, Достоевский был склонен, вслед за европейскими антисемитами, отождествлять его с еврейскими предпринимателями и банкирами. Он обвинял евреев в том, что они чересчур много жаловались на свою судьбу и страдания, будто не они царили в Европе и управляли биржами, а значит и политикой, внутренними делами, нравственностью государств. Он утверждал, будто именно «еврейская идея» не позволяла решить «восточный вопрос» в пользу славян, и подвиг Гольдштейна оказывался для него неактуальным («единичный случай»), моральное значение которого сам он любил подчеркивать, в данном контексте для него равным счетом ничего не значил!).

Он признавался, что не знает истории евреев. Их вековая трагическая судьба его мало интересовала, ибо его главной заботой был «русский мужик», «несший тягостей чуть ли не больше еврея». В ответ на справедливые слова Ковнера о необходимости «предоставить им (евреям) все гражданские права..., как и всем другим чужим народностям в России, а потом уже требовать от них исполнения своих обязанностей к государству и к коренному населению», Достоевский в запальчивости утверждал, что после отмены крепостного права будто бы именно евреи первыми бросились на «коренной народ» и оплели его золотым промыслом. Он вспоминал, что помещики будто бы старались не разорять своих крестьян, чтобы не истощать рабочей силы, «а еврею до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел». Доказывая, что по своей натуре евреи – эксплуататоры, он вспоминал заметку в газете, где говорилось, что будто бы евреи прибрали к рукам массу освобожденных негров в США, и с гордостью замечал, что предвидел это еще пять лет назад. Но на неграх его мысль долго не задерживалась и тут же перескакивала назад в Россию, где, по его словам, евреи принялись спаивать литовцев. Любопытно, что о неграх и о литовцах Достоевский узнал

из русских газет, даже не пытаясь разобраться в том, что стояло за такими публикациями. Между тем, одна из этих заметок была помещена в суворинском «Новом времени», известном своей крайне правой позицией. Однако Достоевский безмерно доверял информации, полученной им из газет, и она, похоже, служила ему важнейшим источником знаний о том, что происходило в России. Чтобы узнать евреев, ему достаточно было взять в руки свежую газету!

Вопрос о своих собственных предубеждениях против евреев Достоевский искусно подменял другим – об отношении к ним русского народа, и утверждал, что там нет «предвзятой, априорной, тупой, религиозной какой-нибудь ненависти к еврею». Чтобы доказать это сомнительное утверждение, он вспоминал годы ссылки в Сибири. Но, как отмечает Д. Гольдштейн, лучше бы он этого не делал. Ведь его собственные «Записки из Мертвого дома» говорят о том, что сейчас он кривил душой. Теперь он настаивал, что заключенные тепло относились к заключенным евреям, не издевались над ними, не преследовали. Зато те якобы проявляли нетерпимость: отказывались есть с ними за одним столом, смотрели на них свысока. Достоевский не понимал, что это было ритуальное поведение, столь же характерное для иудеев, как и для русских старообрядцев. Писателю оказалось далеко до «русского простолюдина», в отличие от него понимавшего, что у еврея «вера такая, это он по вере своей не ест и сторонится».

Мало того, ему тут же приходила в голову «фантазия» – а если бы демографическое соотношение между русскими и евреями было обратным (3 млн. русских и 80 млн. евреев)? Позволили ли бы евреи русским равные права? Позволили ли бы им свободно веровать? Или бы превратили их в рабов? А может быть, вовсе бы их истребили? Этот провокационный вопрос сменяется рассуждением о том, что у русского народа имеется не ненависть к евреям как таковым, а «несимпатия», и евреи сами в этом виноваты. В письме от 3 июня 1877 г. Ковнер писал, что заявить такое о «еврейском большинстве» и «русском меньшинстве» публично – гораздо худший грех, чем назвать русских язычниками. Как же русским не ненавидеть евреев, если властители дум русского народа изображают их дикими зверями?

В чем же Достоевский видел вину евреев? Здесь-то ему и понадобилась книга Брафмана. Есть все основания думать, что Достоевский писал раздел о «государстве в государстве», держа эту книгу перед собой. Ведь выражение *Status in statu* было неизвестно в России до ее выхода в 1869 г. Но внимание Достоевского привлекли

вовсе не 285 актов Минского кагала (1794–1803). Более интересным ему показался сделанный Брафманом обзор еврейской истории, помещенный во втором издании книги (1870 г.).

Достоевский начинает с объяснения выражения *Status in statu* как отчуждения, отрицания ассимиляции, утверждения, что в мире «существует лишь одна народная личность – еврей». Затем он приводит якобы цитату, призывающую евреев к истреблению других или превращению их в рабов и завоеванию мира: «Выйди из народов и составь свою особь и знай, что с сих пор ты *един у Бога*, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что все покорится тебе». По тону и стилистике текст напоминает библейский: якобы Бог или пророки обращаются к народу. Такого эффекта писатель и хотел достигнуть. Однако приведенного текста нет ни в Библии, ни в Талмуде, хотя отдельные выражения и стилистика заимствованы оттуда. Но это – явная фальшивка.

Детальное изучение этой цитаты Д. Гольдштейном показало следующее. В Ветхом Завете содержится немало пассажей (особенно, если вырывать их из контекста), которые можно использовать против евреев. Именно так и поступал Брафман. Но, занимаясь подлогом, Достоевский использовал те же места Библии, что и Брафман. Он их лишь несколько переделал и обогатил на свой манер, чтобы они лучше соответствовали тезису о «государстве в государстве». Фабрикация Достоевского основана на пятнадцати стихах Ветхого Завета: Левит XX, 26 и Второзаконие VII, 1-3, 6-8; XX, 10-15; XXX, 4-5. Все они обнаруживаются в первой главе «Книги Кагала», где говорится об избранничестве народа, его обособленности, ненависти к другим и якобы данному ему Богом праве поработать и истреблять других. От себя Достоевский добавил лишь конечные слова цитаты: «Верь всему тому, что тебе обещано» и «верь тому, что все сбудется, а пока и живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и – ожидай, ожидай».

Первую часть цитаты не найти в Ветхом Завете, ибо представление о «господстве Израиля над всем миром» ему неизвестно, но зато там очевидно влияние Брафмана. Тот объединил фразу из Второзакония VII, 6 («тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на Земле») с Бытием XLIX, 10 («Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, ... и Ему покорность народов»), и у него получилось: «евреям обещано установление их вечного еврейского государства под властью Мессии..., и этому подчинятся все народы Земли». Не-

сколько ранее Брафман утверждал, что, по религиозной догме, евреи признаются избранным народом и им обещано вечное государство и власть над всеми другими людьми. Принимая эту интерпретацию, Достоевский показывал свою зависимость от еврейского ренегата. Отсюда он и выводил «государство в государстве» и предполагал, что эта идея, возможно, обеспечивается оккультными законами. Это – намек на «законы кагала», которые он, вслед за Брафманом, понимал превратно.

Итак, Достоевский полагал, что евреи могли сохраниться в течение сорока веков, только благодаря «государству в государстве». При этом он утверждал, что «государство в государстве» было порождено вовсе не гонениями и не чувством самосохранения, а «некой идеей, движущей и влекущей, неким таким, мировым и глубоким, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнести последнего слова». Он подозревал, что корни надо искать в религии, о чем и должна была свидетельствовать цитата «верь в победу над всем миром». Похоже, он допускал, что именно эта цель освещала путь евреев в течение всех сорока веков (тем самым, он идейно готовил почву для «Протоколов сионских мудрецов»). Он обращался к идее Мессии и понимал ее как утверждение, что якобы от пришествия того евреи ожидали триумфа и всеобщего доминирования Израиля. На самом же деле евреям важна была духовная роль Мессии, – именно это Достоевский и упустил.

Но он не только исказил мессианскую идею евреев, но и посмеялся над ней. Здесь он предавался воспоминаниям детства, когда услышал легенду о том, как евреи ждут прихода Мессии. Якобы именно поэтому они отдают приоритет золоту, чтобы не быть скованными недвижимостью и легко унести все свое имущество с собой, когда Мессия поведет их назад в Иерусалим. Этот рассказ он сопровождает стихотворной строфой, взятой у драматурга Н. Кукольника, популярного в первой половине XIX в. Тот писал об эпохе средневековья, и его героями были рыцари, священники, купцы. Встречались среди них и евреи как изменники, интриганы, искусные в оккультных науках и Каббале. Строфа взята из пьесы «Князь Даниил Васильевич Холмский», а точнее из песни Рахили, дочери псковского купца и оккультиста:

*«Загорит, заблестит луч денницы:
И кимвал, и тимпан, и цевницы,
И серебро, и добро, и святыню
Понесем в старый дом, в Палестину».*

Пьеса была написана в 1840 г. и поставлена в 1841 г. Видимо, тогда-то Достоевский и видел ее. Возможно, по какой-то причине он запомнил песнь Рахили. Достоевский говорил, что речь идет о «легенде», но она для него являлась стержнем всего. Здесь снова всплывала мучавшая его всю жизнь «идея».

Далее писатель пытается соблюсти видимость благожелательности: «Само собою, все что требует гуманность и справедливость, все что требует человечность и христианский закон – все это должно быть сделано для евреев». Но тут же выдвигает абсурдные подозрения, все это перечеркивающие. Абстрагируясь от той внешней обстановки, в которой евреи жили в эпоху средневековья, и утверждая, что у них была своя сильная организация со своими правилами и принципами, будто бы противоположными (! – *В. Ш.*) идее европейского общества, писатель опасался, что, будучи уравниены в правах с местным населением, они, тем самым, получают «нечто лишнее, нечто верховное против самого коренного даже населения». Снова опираясь на газетные публикации, Достоевский настаивал на том, что даже при ограничении в правах евреи якобы безжалостно обращались с обитателями российских окраин и ставили их в зависимость от себя. Он брал на себя смелость утверждать, что «довольно они их получили у нас, этих прав, над коренным населением». Он настаивал на том, что евреи выказывали будто бы имманентно присущее им неуважение ко всем иным народам.

Пытаясь придать этому характер всеобщности, он указывал на Европу, где якобы отмечалось «сильное торжество еврейства, заменившего многие прежние идеи своими». Там он видит только материализм, эксплуатацию, падение братства. Именно это якобы и навязывали евреи Европе путем распространения буржуазной морали. Он снова подчеркивал их господство в финансовой сфере и пророчествовал: «близится их царство, полное их царство!» Стержнем этого царства он называл идею личного обогащения, противопоставляя ее христианским ценностям. Снова выплывает «та самая идея», ставшая для писателя вечным кошмаром: «мы говорим о *жидовстве* и об *идее жидовской*, охватывающей весь мир, вместо “неудавшегося” христианства...» В этом контексте ослепленного своим пророчеством писателя несколько не смущал тот факт, что едва ли не девять десятых всех евреев владели нищенское существование. Он признавал этот факт, но видел в нем лишь «кару» за тот экономический порядок, который был якобы введен самими евреями. Вряд ли, стоит еще раз напоминать о том, насколько все эти рассу-

ждения перекликались с идеологемами европейских антисемитов. Однако нельзя не заметить их разительного сходства с рассуждениями современных российских «борцов с международным сионизмом».

Уместно также напомнить, что в последние годы жизни сам Достоевский с его «гуманизмом» и «христианским человеколюбием» восторгался российскими колониальными завоеваниями в Средней Азии, приветствовал устроенную там резню и призывал не останавливаться на достигнутом, а готовиться к взятию Константинополя. Этим он лишь повторял Вагнера, десятилетием ранее требовавшего бомбардировок Парижа.

Рассуждения Достоевского в мартовской книжке «Дневника писателя» заканчивались весьма характерным для писателя заключением. Он заявлял, что якобы с открытым сердцем желал «полного расширения прав еврейского племени», но тут же делал оговорку, полностью перечеркивавшую искренность этих намерений: «насколько сам еврейский народ докажет способность свою принять и воспользоваться правами этими без ущерба коренному населению». За этими словами стояло настороженное отношение писателя к евреям. Он подозревал у них «глубокую тайну», заставлявшую его неустанно строить всяческие «фантазии», к которым сам он относился весьма серьезно. «Известная идея» и здесь его не оставляла. Достоевский был убежден, что евреи не откажутся от своего характера, они никогда не изменятся, а значит, никакой гармонии с русскими у них не получится.

Вслед за этими рассуждениями писатель помещал трогательную историю о похоронах немецкого доктора, всю жизнь служившего бедным людям, не деля их на протестантов или евреев. Доброта и участие бедного доктора были столь безмерны, что о нем скорбел весь город, а в его похоронах наравне участвовали пастор и раввин. Достоевский увидел в этом путь к разрешению еврейского вопроса. Он выказал уверенность в том, что именно такие немногие и призваны спасти мир силой своей любви и благородства. Но самому ему, похоже, не было дано стать таким человеком, и в дальнейших книжках «Дневника писателя» он столь же упорно, как и прежде, занимался разоблачением «жидовской идеи». Незадолго перед смертью он предсказывал гибель Европы: «Все эти парламентаризмы, все исповедуемые теперь гражданские теории, все накопленные богатства, банки, науки, жиды, все это рухнет в один миг и бесследно – кроме разве жидов, которые и тогда найдутся, как поступить,

так что им даже в руку будет работа». В конце 1880 г. Достоевский отмечал в «Записных книжках»: «Жид. Власть Бисмарков, Биконфильдов, Французская республика и Гамбетта – все иллюзии. Истинный властитель Европы – жид и его банк. Попомните мои слова: придет день, когда он наложит вето, и Бисмарк улетит как соломинка. Жид и его банк правят всем: Европой, образованием, цивилизацией, социализмом – особенно, социализмом, который он использует, чтобы вырвать с корнем христианство и разрушить цивилизацию. А в условиях анархии, жид и начнет всем командовать. Ведь жидовский банк все равно сохранится. Тогда и придет Антихрист».

Тем самым, евреи всегда оставались у Достоевского под подозрением, и предлагаемое им братство народов их не включало. В своей знаменитой Пушкинской речи он возвестил готовность русских к «воссоединению со всеми племенами великого Арийского рода». Это и были русская «всемирность» и «братство», как их представлял Достоевский. В те годы «арийская идея» уже прочно ассоциировалась с антисемитизмом, и «арийцам» было не по пути с «сеμίтами». Мало того, в «Записных книжках» писатель предвещал столкновения и *нелиберальные несчастья*. Только представьте себе, что может случиться! – восклицал он.

Вскоре российская действительность предоставила возможность проверить, в самом ли деле, как убеждал писатель, «русский народ ... примет еврея в самое полное братство с собою, несмотря на различие в вере», или, напротив, случатся *нелиберальные несчастья*. После царевбийства, совершенного народовольцами в марте 1881 г., по стране прокатилась волна еврейских погромов. В августе провинциальные комиссии собрались для обсуждения еврейского законодательства. В их сообщениях с мест звучали те же темы, что у Брафмана и Достоевского. Например, в сообщении из Вильно говорилось, что у евреев нет ни родины, ни государства, ни законов, кроме своих кастовых, и они признают только власть кагала и представляют собой государство в государстве. Там евреи упрекались в том, что действовали якобы по указке Всемирного Еврейского Союза, образовавшегося в Париже и вмешивавшегося во внутренние дела других стран. Херсонская губернская комиссия объявляла мечты о слиянии евреев с русским населением несбыточными и в качестве первоочередной задачи намечала сокращение численности евреев в крае. Делался вывод о том, что в настоящее время расширение прав евреев было бы опасно, ибо они могут воспользоваться преимуществами статуса национальности, не будучи частью нации и не

неся никаких обязательств перед ней. Так идея Достоевского о братстве потерпела полный крах. Зато его подозрения в отношении евреев оказались созвучными настроениям многих правительственных чиновников.

В начале 1878 г. в переписке с Н.Е. Грищенко Достоевский впервые затронул новую для себя тему – о росте еврейского влияния на российскую прессу. В этом он винил либералов. Это письмо трижды публиковалось суворинским «Новым Временем» в 1891, 1901 и 1903 гг. Но позднее советская цензура его не пропускала. В этом письме Достоевский с возмущением отмечал, что многие публикации, газеты и журналы финансировались и выпускались «жидами» или нанятыми ими редакторами. Достоевский предсказывал, что это лишь начало, ибо «жиды» рвутся в мир литературы: «жид распространяется как лесной пожар». «Мне не надо Вам говорить, что жид и его кагал ... осуществляют заговор против русских». Он ополчался против европейски образованных либералов, готовых любить все человечество, но якобы не замечавших ни реальных людей, ни отдельных наций. Ему претило то, что, если речь заходила о потребностях нации, они говорили о предрассудках, отсталости, шовинизме. На его взгляд, они не желали видеть новых тенденций в мире и не понимали, к каким трагическим последствиям это может привести в будущем. Они по-прежнему поддерживали «жида», и их несколько не заботило, что, как утверждал писатель, сейчас «жид» торжествовал и притеснял русского. Вопреки этому, они верили, что русские притесняли евреев. При этом, не надеясь на силу аргументов, писатель подчеркивал, что это – вопрос веры. Сам же писатель, очевидно, больше верил Марру и Вагнеру.

Другой сложившийся тогда миф отождествлял евреев с нигилизмом и революцией. Об этом писали Суворин в «Новом времени» и Мещерский в «Гражданине». Именно этими взглядами теперь делился Достоевский со своими корреспондентами. То, что буржуазный строй и социализм непримиримы по сути, его мало смущало. Для него за обоими стоял «жид» и его «государство в государстве». Похоже, уже тогда он видел в них не столько различные общественные системы, сколько разные методы, якобы используемые евреями для установления власти над миром.

Действительно, факты Достоевского мало интересовали. Он жил лишь своей концепцией и искал новых ее подтверждений. Например, он ссылаясь на демонстрацию на Казанской площади в Петербурге, устроенную студентами 6 декабря 1876 г., чтобы почтить

память тех, кто погиб в тюрьме или сибирской ссылке. Однако им было приказано очистить площадь, и в этом участвовала полиция. Среди схваченных были три еврея. Это был первый случай в России, когда евреи были привлечены к суду по политическим мотивам. Но Достоевский увидел в этом знаменательный факт. В апреле 1878 г. в своем ответе московским студентам он указал на «беспорядки» у Казанского собора, устроенные неверующей молодежью, осквернившей храм. Он не забыл отметить, что среди студентов там было много армян и евреев. Лишь эти «факты» он и усмотрел в «Казанском деле». Однако даже в полицейском акте не было сказано ни слова об осквернении. Характерно, что ранее аналогичное обвинение Достоевский включил в «Бесы» и приписал богохульство еврею Лямшину.

В августе 1879 г. в письме к Пуцковичу писатель снова вернулся к «Казанскому делу». Там он писал, что вначале евреи казались ему слишком незначительными, чтобы их ненавидеть. Но к концу 1860-х гг. они показали себя финансистами и махинаторами, мастерами финансовых операций, призванных разрушить основы христианской цивилизации. А сейчас они стали нигилистами, двигателями революционного движения, агентами социализма. Он снова повторял, что от катаклизмов и государственных переворотов «жид» только выигрывает, так как у него есть собственное государство в государстве... Наследие Достоевского не пропало втуне. Прошло чуть более ста лет, и о «творцах катаклизмов» возвестил Митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн.

Последний миф, подхваченный Достоевским, связан с завершением работы над романом «Братья Карамазовы». В 11-ой книге писатель изобразил последнюю встречу Алеши Карамазова с Лизой Хохлаковой. Лиза спрашивает, верно ли, что на Пасху жида крадут и убивают детей. Она вспоминает, что читала в книге, как «жид» мучил четырехлетнего ребенка и в конечном итоге распял его. И она представляла себя в образе этого «жида». Поражает ответ Алеши: «Я не знаю». Как Достоевский, не жалевший усилий на поиски фактических подтверждений истин, которые он проповедовал в романах, мог приписать такой ответ Алеше, символу моральной чистоты и духовного возрождения русского народа?

Почему писатель ввел в свой роман тему «ритуального убийства»? Более 70 лет назад ответ нашел Л. Гроссман, показавший, что внимание писателя привлекло «Кутаисское дело», о котором тогда много писали в прессе. Речь шла об исчезновении девочки Сары Мо-

дебадзе, произошедшем в канун еврейской пасхи 4 апреля 1878 г. Ее тело обнаружили через два дня с израненными руками. Доследование показало, что это был несчастный случай: девочка упала в бурный поток, а ее руки покусали грызуны и птицы. Но, основываясь на дате смерти, судебные власти увидели здесь преступление и обвинили девять евреев из соседнего села. Суд проходил 5 марта 1879 г. в Кутаиси. 13 марта суд присяжных признал подозреваемых невиновными, причем протест прокурора был отклонен в Тбилиси в апреле 1880 г. В период дознания правая пресса потратила много сил и энергии для оживления «кровавого навета». Тогда известный петербургский востоковед Д. Хвольсон срочно готовил переиздание своей книги «О некоторых средневековых обвинениях против евреев» (1861). Боясь, что будет поздно, он срочно опубликовал небольшую брошюру, где опровергал все обвинения.

Одним из беспокоивших его журналов был «Гражданин». Летом 1878 г. в нем начали публиковать серию статей, доказывавших ритуальные убийства. В первом из этих номеров (№ 23-25) был переиздан трактат «Сведения об убийствах евреями христиан для добывания крови», приписываемый В. И. Далю. Там же был опубликован фельетон Достоевского. В одном из следующих номеров была помещена статья «Подробное изложение фактов об убийствах евреями христиан для добывания крови». Вслед за тем в начале следующего года вышла статья «Жида-изуверы и их защитники. По поводу дела о новом убийстве христианской девочки для добывания крови». К 1880 г. все эти работы были писателю хорошо знакомы. Гроссман неопровержимо доказывает, что газетные публикации, посвященные «Кутаисскому делу», напрямую повлияли на писателя: рассказ Лизы напоминает тексты из «Гражданина».

Впрочем, мотив «кровавого навета» был также связан с идеями юности, которым Достоевский хранил верность всю свою жизнь. Ведь никто иной, как Л. Фейербах попытался в 1843 г. обеспечить «кровавому навету» научную основу во втором издании своей известной работы «Сущность христианства». Как мы знаем, эта работа была хорошо известна петрашевцам. Позднее в «Боге и государстве» (1871) Михаил Бакунин вслед за Фейербахом утверждал, что древний иудаизм требовал человеческих жертвоприношений. Вряд ли это произведение прошло мимо внимания писателя. Как бы то ни было, подхватив бесчеловечные наветы, писатель, еще недавно утверждавший, что у русского народа нет ненависти в отношении евреев, делал все, чтобы ему эту ненависть привить.

Достоевский умер 28 января 1881 г. за месяц до восшествия на престол Александра III, чуть-чуть не дожив до своего 60-летия. Он ушел из жизни на вершине славы, обласканный властями. В последний путь его провожали 30 тыс. человек, среди которых было несколько высших сановников. С собой в могилу он унес бескрайнюю любовь к России и русскому народу и столь же неистребимую ненависть к чужакам. Его надеждам на всеобщее братство не суждено было сбыться. Зато его опасения братоубийственной войны и хаоса оправдались с лихвой.

Идеология Достоевского во многом определила политику Александра III. В 1887 г. была установлена численная квота для евреев, поступающих в гимназии или высшие учебные заведения: в «черте оседлости» она составляла 10%, в других районах – 5%, а в Петербурге и Москве – 3%. В начале 1890-х гг. евреи потеряли право представительства в городских управах и земствах. В 1891 г. по указу ученика Достоевского градоначальника Москвы, Великого князя Сергея Александровича 20 тысяч еврейских ремесленников были выселены из города. Тем самым правительство Александра III открыто продемонстрировало свою установку на дискриминационное отношение к евреям. Во время процесса Бейлиса, происшедшего в 1913 г., главный прокурор О. Ю. Виппер ссылаясь на авторитет Достоевского, чтобы опровергнуть доводы защитника Карабчевского. Виппер напомнил слова, якобы сказанные писателем: «Евреи уничтожат Россию». И не имеет значения, что цитата неверна, – ведь она отражает сам дух «Дневника». Как следствие всего этого, в 1881–1914 гг. около двух миллионов евреев добровольно покинули пределы Российской империи.

«Странную судьбу имеют некоторые книги», – этими словами известный русский правозащитник В. Л. Бурцев открывает свое исследование, посвященное доказательству подложного характера печально известных «Протоколов сионских мудрецов». Сфабрикованные царской охранкой в самом конце XIX в., обнаруженные русским писателем-мистиком С. Нилусом и ставшие одним из важнейших источников идеологии германского нацизма, «Протоколы» были признаны подлогом еще в начале 1920-х гг. Между тем, это не помешало нацистам опираться на них в борьбе с евреями вплоть до полного физического уничтожения последних. Не мешает это и современным русским антисемитам и неонацистам активно пропагандировать эту фальшивку и внедрять ее в сознание жителей России. Достаточно сказать, что в течение 1990-х гг. «Протоколы» полностью или в выдержках многократно публиковались русской радикальной прессой (газетами «Черная сотня», «Колокол», «День», «Память», «Аль-Кодс» и др.), популярными журналами («Кубань», «Наш современник», «Молодая гвардия»), выходили отдельными изданиями (в том числе, в издательстве «Витязь»), популяризовались митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном и доводились до сведения православных христиан через репринтные издания книг С. Нилуса «Великое в малом» и «Близ есть при дверях», свободно продававшиеся в церковных лавках, несмотря на то, что Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II неоднократно осуждал антисемитизм. На удивление, подлинность «Протоколов» пытались подтвердить даже некоторые ученые, в частности, историк А. Г. Кузьмин («Молодая гвардия», 1993, № 8) и этнолог В. И. Козлов («Молодая гвардия», 1997, № 3). Идею о якобы стремлении евреев к господству над миром неоднократно затрагивала газета духовной оппозиции «День».

«Протоколы» до сих пор делают свое черное дело, демонизируя евреев и превращая их в некую тайную силу, якобы направляющую мировое развитие в нужное ей русло. Уже более ста лет антисемиты всеми силами пытаются убедить читателя в том, что будто бы испокон веков евреи руководствовались неким хитрым планом,

реализация которого дала бы им власть над всем миром. Такой план якобы и содержался в «Протоколах». Действительно, «Протоколы» повествовали о том, как умелое демагогическое использование идей и институтов демократии и либерализма могло бы поспособствовать установлению тоталитарной диктатуры во главе с «иудейским царем», опирающимся на «евреев и масонов». Циничные до предела «Протоколы» должны были продемонстрировать всю меру презрения, якобы испытываемого к неевреям («гоям») евреями, считающими себя «избранным народом». Будущее «Царство Иудейское», рисуемое «Протоколами», ничего не обещало «гоям», кроме полного физического, экономического и духовного закабаления. Бурцев справедливо подчеркивал, что «Протоколы» содержали «идеал интегральной реакции» и что «воображаемому сионскому царству» были свойственны «порядки, проникнутые духом “тоталитарного” черносотенства». Он отмечал, что «идеал сионских мудрецов – в известной степени лишь копия того, что установлено в самодержавных монархиях, в полицейских государствах, в странах цезаризма, бонапартизма, новейших диктатур». Мало того, он указывал на поразительные сходства между идеалом «Протоколов» и порядками, введенными в России при Александре III. Он даже находил сходство между «Протоколом» № 1 и рассуждениями К. Победоносцева, направленными против демократии.

Будь все изложенное в «Протоколах» правдой, человечеству было чего опасаться. Между тем, еще в 1921 г. английскому корреспонденту газеты «Таймс» Филиппу Грейвсу удалось установить, что «Протоколы» являлись грубым плагиатом, в основе которого лежал язвительный памфлет французского адвоката Мориса Жоли (1829–1879) «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье» (1864). Он был написан в начале 1860-х гг. и направлен против Наполеона III, устроившего к тому времени государственный переворот и установившего режим личной диктатуры. Скрупулезное сопоставление целым рядом аналитиков текстов «Протоколов» с памфлетом Жоли показало, что две пятых их содержания полностью или почти полностью совпадают, что в некоторых главах совпадения занимают более половины текста, а протокол № 7 почти целиком списан из книги Жоли. Мало того, даже последовательность текстов почти полностью совпадает. Нет нужды говорить, что ни о каких евреях или иудаизме у Жоли не было и речи. Эти сюжеты были вставлены в текст самим плагиатором, повсюду заменявшим имя «Наполеон» на «еврей». Мало того, совершенно очевидно его знакомство с це-

лым рядом антисемитских произведений, популярных в XIX в., – книгами клерикала А. Р. Гужено де Муссо «Еврей, иудаизм и иудайзация христианских народов» (1869), аббата Шаботи «Франкмасоны и евреи» (1880) и «Евреи – наши господа» (1882), французского бульварного журналиста Эд. Дрюмона «Еврейская Франция» (1886), бывшего прусского шпиона Г. Гедше (Ретклиффа) «Биарриц-Рим» (1868-1870). Перепевы всех этих книг нетрудно обнаружить в текстах «Протоколов». На плагиатора, работавшего во Франции, безусловное влияние оказало дело Дрейфуса, в период которого ультра-националисты много писали о международном еврейском заговоре.

Зато, как замечают некоторые исследователи, в «Протоколах» на удивление отсутствуют мотивы и сюжеты, сплошь и рядом сопровождающие подлинную еврейскую литературу. В них, например, нет ссылок на Тору и Талмуд, не приводятся слова пророков, не говорится о приходе Мессии. Да и сам декларативный наступательный стиль «Протоколов» разительным образом отличается от стиля еврейских произведений. Кроме того, так называемые «протоколы» по своей структуре вовсе не являются протоколами заседаний, за которые их выдают их адвокаты: в них нет ни дат, ни повестки дня, ни имен выступавших или дискуссии между ними.

В последней четверти XIX в. в ответ на рост революционного движения в России усилилась антисемитская пропаганда. Консервативным кругам было выгодно представить социальный радикализм чуждой русским идеей, и евреи, как нельзя лучше, подходили на роль таких чужаков, стремившихся всеми силами подорвать могущество Российской империи. К этому времени ослабленные поражением восстания 1863–1864 гг. поляки временно притихли. Зато получившие в 1850–1860-х гг. целый ряд гражданских прав евреи вели себя необычайно активно и делали быструю карьеру в тех областях, которые им ранее были недоступны. По своей численности евреи занимали третье место после «русских» (под «русскими» тогда понимались великороссы, малороссы и белорусы) и поляков, и их деловая активность и относительно высокое образование позволяли им достаточно легко адаптироваться к городской жизни и выдерживать суровую конкуренцию. Русским националистам было чего опасаться.

Параноидальная идея заговора витала в воздухе, и, как мы видели, нашла место в творчестве позднего Достоевского. В те годы вышло несколько книг, пытавшихся донести эту идею до широкого читателя. В 1868–1870 гг. бывший прусский полицейский агент,

уволенный с работы за подлог, Г.Гедше издал под псевдонимом Дж.Ретклифф, серию романов «Биарриц-Рим», где в главе «Еврейское кладбище в Праге» была приведена речь главного раввина, говорившего о планах разрушения христианства и установления мирового господства евреев. Автор доказывал, что приводит правдивые сведения о встречах Синедриона на могиле Симеона-бар-Егуды, проходивших якобы регулярно раз в сто лет. В 1872 г. эта глава была опубликована в Петербурге под названием «Еврейское кладбище в Праге и совет представителей 12 колен Израилевых». В период Первой русской революции она миллионными тиражами распространялась при поддержке российского правительства.

В 1873 г. в Базеле вышли записки секретного агента русской охраны Османа бей Кибридзли Заде (Ф.Милленгена) «Завоевание мира евреями», где автор пугал читателя мировым еврейским заговором, во главе которого якобы стоял Всемирный еврейский союз. В 1874 г. эта книга была издана на русском языке, а в 1906 г. ее главные идеи были воспроизведены в меморандуме графа Ламсдорфа. От себя он добавил, что подрывную деятельность финансировал Ротшильд. Царь Николай II записал на меморандуме: «Я полностью согласен с высказанным здесь мнением». Правда, многие антисемиты скептически восприняли сведения о Всемирном еврейском союзе; их больше тревожило мировое сионистское движение.

В 1882 г. журнал «Век» опубликовал анонимные записки под названием «Великая тайна франкмасонов». В 1909 г. это произведение было переиздано отдельной книгой с новым заглавием «Разоблачение великой тайны франкмасонов». «Разоблачитель» смертельно боялся революции, к которой, на его взгляд, неминуемо вел прогресс. В то же время во всех несчастьях христианского мира он обвинял евреев, выказывая при этом определенную долю антихристианства (евреи оказывались виновными «в торжественном признании в лице Иисуса Спасителя иудейского преступника, справедливо заслужившего казнь свою») и упрекая евреев в стремлении учредить «на развалинах христианства... всемирную иудейскую монархию». Мало того, он также объявлял франкмасонов тайным оружием иудеев против христиан, в доказательство чего приводил символику, использование еврейских имен, апокрифы – все то, что составляло суть масонских «тайнств».

При всей соблазнительности этого текста, прямо указывающего на вполне реального «врага», он не оказал ожидаемого влияния на широкую публику. Выяснилось, что общественность следовало спе-

циально готовить к восприятию таких «истин». Этим и занялась беллетристика, рассчитанная на массового читателя, не нуждавшегося в серьезных научных аргументах. Последовательный антисемит писатель Б.Маркевич начал в 1884 г. публиковать роман «Бездна», направленный против революционеров-нигилистов. Основная идея романа состояла в том, что революционное движение в целом якобы инспирировалось евреями. Еще откровеннее был публицист В.В.Крестовский, взявшийся подготовить «Послесловие» к роману Маркевича, работа над которым была прервана смертью автора в 1884 г. Отталкивающие образы евреев регулярно сопровождали верноподданнические романы Крестовского с 1860-х гг., и уже тогда он наделял их корыстолюбием, беспринципностью, эгоистичностью и революционным духом. Однако переход этого бытописателя к политической тематике произошел на рубеже 1870-1880-х гг., когда его стали заботить судьбы всей христианской цивилизации.

Характерно, что миф о «жидо-масонском заговоре» тогда еще не проник в сферы высшего общества. Серьезную конкуренцию ему составляло убеждение властей в том, что главная угроза исходила от «польско-жидовской группы», придерживавшейся прозападной ориентации и настаивавшей на предоставлении полякам и евреям самых широких прав. Во всяком случае именно такой позиции придерживался министр внутренних дел граф Игнатъев, отмечавший, что эта группа уже захватила в свои руки финансовое дело, журналистику и адвокатуру. Вначале эти взгляды разделял и Крестовский, видевший даже в балканской войне «еврейскую провокацию», якобы давшую возможность евреям обогатиться за счет невиданного казнокрадства. Но постепенно польский образ в его романах поблек, зато на первый план выступил образ «могущественного жида», чья непрерывная борьба с русскими и оказалась сутью и смыслом всей русской политической истории. Именно Крестовский первым выкинул устрашающий лозунг «Жид идет!» Это стало девизом его трилогии («Тьма египетская», «Тамара Бендавид», «Торжество Ваала»), где он упрекнул евреев в попытках развалить Россию изнутри путем грабежа крестьян и искусственного распространения эпидемий. Короче, он безапелляционно обвинил евреев в экспансии, противоборство с которой объявил долгом всех христиан. При этом никаких компромиссов быть не могло.

Первая часть его произведения полностью увидела свет в 1889 г. В ней авторский замысел сводился к тому, чтобы «показать силу еврейства в нашей общественной жизни и полное бессилие и

беспочвенность нашей славянской расы по свойственному ей добродушию и халатности...» Обращает на себя внимание почти дословное совпадение этой формулировки с тем, что писали тогда В. Мэри и другие немецкие антисемиты. Вместе с тем, нельзя не отметить, что Крестовский демонстрировал плохо скрытую германофобию. Тем не менее, главными его врагами были евреи, и он всеми силами старался доказать, что они стремятся к мировому господству, руководствуясь в своих поступках «еврейским катехизисом». Их задача будто бы состояла в том, чтобы повсюду истреблять местное население ради создания всемирного «универсального Союза израильтян». Огромная роль в этой борьбе отводилась якобы деньгам. При этом все исторические события, неблагоприятные для России, Крестовский объяснял коварными интригами евреев. Вместе с тем, автор явно не без удовольствия позаимствовал у евреев идею «избранности», приписав ее русскому народу. В его романе России отводилось место могущественного, но изолированного колосса, противостоящего мириадам внутренних и внешних врагов, представленных самыми разными народами от румын и поляков до французов и немцев. Вне всякого сомнения автор, с одной стороны, находился под влиянием невыгодных для России решений Берлинского конгресса 1878 г., оказавших шоковый эффект на российскую публику того времени, а с другой, – всемерно разрабатывал наследие позднего Достоевского.

В 1880-е гг. к теме «всемирного еврейского заговора» обратился и И.С. Аксаков. Он опирался на антисемитскую версию «Шулхан-Аруха», сфальсифицированное письмо главы Всемирного еврейского союза Кремье и современные ему публикации немецких антисемитов, хотя, подобно Крестовскому, он был не чужд германофобии. Аксаков категорически отрицал в евреях какой-либо местный патриотизм, видел в ассимилированной еврейской интеллигенции агентов посягательства на культуры всех других народов и, что того пуще, предупреждал против явного стремления евреев закабалить весь мир с помощью денег. Якобы всеобщее сопротивление этому и выражалось в виде антисемитизма, в котором, тем самым, были виновны сами евреи. Аксаков делал из этого и практический вывод: прежде чем претендовать на предоставление гражданских прав, евреи должны отказаться от упомянутых выше притязаний и... «изменить их настоящий национальный, более или менее шейлоковский тип». Главную задачу русского правительства Аксаков видел в «эмансипации русского населения от еврейского ига...»:

необходимо оградить христиан «от великого, бодрствующего, неослабно действующего еврейского заговора».

В 1892 г. был издан роман И. И. Ясинского «По горячим следам», где евреи рисовались народом, всеми силами стремившимся встать во главе России. Для этого они шли в банки и журналы, в торговлю и науку, примыкали то к либералам, то к консерваторам. И все это – якобы ради того, чтобы захватить власть в государстве. Автор запугивал читателя силой еврейства – Кагал в его романе оказывался сильнее царского суда. Иными словами, и здесь развивались темы, известные еще Достоевскому.

Таким образом, к рубежу XIX–XX вв. произошла смычка государственного антисемитизма с интеллектуальным (как правым, так и левым) и народным. Именно это и сделало погромы нормой российской жизни начала XX в., придавало им необычайную жестокость. Первым в цепи политических погромов стал кишиневский (1903 г.). За два-три дня Кишинев подвергся варварскому разгрому: евреев массами пытали, женщин насиловали, детям разбивали головы о камни. В итоге было убито 45 человек, 86 получили тяжелые увечья, несколько сотен отделались мелкими травмами. Иными словами, это было качественно новым явлением по сравнению с первыми погромами, от которых за весь 1881 г. погибло не более 40 человек. Под давлением русской и международной общественности правительство вынуждено было привлечь к суду несколько второстепенных фигур, но полученное ими наказание было весьма легким.

В такой обстановке в России и появились «Протоколы сионских мудрецов». Первым их издателем был П. Крушеван, один из организаторов кишиневского погрома. Он публиковал их с 28 августа до 7 сентября 1903 г. в своей выходившей в Петербурге антисемитской газете «Знамя» под заглавием «Программа завоевания мира евреями». Через два года «Протоколы» были включены С. Нилусом в его книгу «Великое в малом и Антихрист как близкая политическая возможность». Тогда же к ним обратился член «Союза Русского Народа» Г. Бутми (де Кацман), выпустивший их отдельным изданием под названием «Корень наших бед». В 1907 г. он опубликовал «Обличительные речи. Враги рода человеческого», куда, в частности, включил речь раввина из книги Ретклиффа, считая ее доказательством подлинности «Протоколов». По этому поводу Бурцев замечал: «Один подлог приводится как свидетельство подлинности другого подлога, который сам был частичным плагиатом с первого».

Между тем, все эти деятели объясняли историю получения ими рукописи весьма путано. Например, Нилус вначале утверждал, что некто, передавший ему тексты, получил их от женщины, укравшей их у масона. Позднее в 1917 г. этот «некто» был назван им А. Н. Сухотиным. Но в 1909 г. Нилус говорил дю Шайла, что рукопись тому передала женщина, получившая их в Париже от русского генерала Рачковского (позднее выяснилось, что этой женщиной была Ю. Глинка, работавшая на русскую охранку). Передавая рукопись «Протоколов» в Московский цензурный комитет в 1905 г., Нилус сообщал, что речь шла о «заседаниях сионских мудрецов в 1902–1904 гг.», тогда как в предисловии указывал, что рукопись была получена им в 1901 г. Если Бутми старательно отделял «сионских мудрецов» от представителей сионистского движения, то Нилус настаивал в 1917 г. на том, что речь идет о плане, выработанном лидерами сионизма и представленном Т. Герцлем на сионистском конгрессе в Базеле в 1897 г. (на самом же деле Сухотин получил рукопись «Протоколов» еще в 1895 г.). Наконец, в немецком издании 1920 г. Нилус утверждал, что «все это добыто моим корреспондентом из тайных хранилищ Сионской Главной Канцелярии». В свою очередь, в немецком издании Г. цур Бека говорилось, что тексты были получены царским тайным агентом от некоего подкупленного им еврея, позволившего ему перекопировать отчеты тайных заседаний сионистского съезда. В этом сообщении евреи уже увязывались с масонами, и говорилось, что в отчетах была крайне заинтересована еврейская масонская ложа во Франкфурте-на-Майне. Все это заставило Бурцева подчеркнуть «фантастичность, анонимность и противоречие» в истории появления «Протоколов» как «естественные атрибуты лжи». Он увидел «логику безумия» в том, что «сионские мудрецы путем золота восстают против власти золота, чтобы основать новое царство золота».

Кем же был плагиатор, когда и с какой целью он подготовил фальшивку, как она попала в Россию? Все это вскоре также выяснилось, благодаря свидетельским показаниям княгини Радзивилл, американки Г. Херблет, казачьего подьесаула А. М. дю Шайла и генерал-майора Отдельного корпуса жандармов К. И. Глобачева. Оказалось, что «Протоколы» готовились в Париже агентами царской охраны с целью убедить императора Александра III в том, что убийство его отца было подготовлено евреями, а вовсе не русскими, как он с огорчением полагал. Некоторые исследователи добавляют, что подделка была направлена и против российского министра финансов, графа Витте,

которому реакционеры не могли простить его либеральные реформы. Вместе с тем, документ оказался тогда не востребовавшимся и ждал своего часа, который настал в начале 1900-х гг., когда некоторым членам царской фамилии понадобилось с их помощью подорвать влияние мистика-проходимца Филиппа при дворе российского императора. «Протоколы» были извлечены из архива и осовременены.

Миссия предания «Протоколам» публичности была возложена на наивного мистика С. Нилуса, безоговорочно поверившего в их подлинность. Предполагают, что непосредственным организатором фальшивки был начальник тайной полиции в Париже П. И. Рачковский, а исполнителем – его агент М. Головинский. Возможно, для ее фабрикации использовались материалы, подготовленные известным интриганом Ильей Ционом. Впрочем, представленная здесь версия, будучи наиболее распространенной, ставится рядом современных специалистов под сомнение и нуждается в проверке в ходе дополнительных исследований.

Ряд терминов, встречающихся в «Протоколах» («панам», «метрополитен»), и упоминание о Л. Буржуа позволяют датировать составление фальшивки первой половиной 1890-х гг., когда разразился Панамский скандал (1892), Буржуа стал крупным политическим деятелем, и в Париже началось строительство метро. К концу 1890-х гг. копии «Протоколов» уже ходили в кругах, близких к царскому двору, а оригинал попал в руки С. Нилуса к 1901 г. Существенно, что для сотрудников царской полиции не было никакой тайны в том, что «Протоколы» были фальшивкой. Мало того, когда император Николай II узнал о результатах специального расследования, доказавшего фальшивый характер «Протоколов», которым он сперва искренне поверил, он запретил их использовать, сказав: «Нельзя чистое дело делать грязными способами». П. А. Столыпин также отвергал этот документ. Даже первый российский журналист-расист М. О. Меньшиков отверг «Протоколы» как документ сомнительного происхождения, неподходящий для антисемитской пропаганды (хотя недавно Де Микелисом была выдвинута гипотеза о том, что сам Меньшиков мог участвовать в их составлении).

Вот почему консервативная и черносотенная пресса хранила полное молчание о «Протоколах» во время шумного процесса Бейлиса (1913). Как все это расходится с плоской версией князя Горчакова, который и тут увидел руку евреев, якобы добившихся заговора молчания вокруг «Протоколов», чтобы скрыть от народа грозящую России опасность!

Любопытно, что до 1917 г. российская общественность плохо знала о «Протоколах», и, за исключением ряда отпетых антисемитов, никто не придавал им особого значения, в том числе и в правительственных кругах. Настоящую известность «Протоколы» получили в годы гражданской войны, когда они активно использовались Осведомительно-агитационным отделением (Осваг) Дипломатического отдела Добровольческой армии и другими антисемитскими организациями. Их роль в массовых погромах, прокатившихся тогда по всему югу России, вряд ли надо доказывать. Одним из их активных пропагандистов, наряду с лидером черносотенцев В. Пуришкевичем, был Г. Шварц-Бостунич, с ранних лет проявивший себя рьяным борцом с евреями и масонами (позднее, став в Германии преданным нацистом, он до самой смерти занимался изучением тайных сил, подрывавших устои «арийского народа»). Однако в штабе А. И. Деникина к распространению «Протоколов» относились отрицательно, а генерал Врангель даже наказывал за участие в антисемитской пропаганде. Между тем, многие другие белые генералы придерживались иного мнения.

В 1919 г. русские эмигранты привезли «Протоколы» на Запад. Германию с ними познакомил бывший черносотенец, член «Союза Михаила Архангела», полковник Ф. В. Винберг. В США их завез монархист, работавший на американскую разведку, Б. Бразоль, сумевший убедить Г. Форда в их подлинности. Уверенные в том, что чуждая русскому народу революция была делом рук «инородцев», русские эмигранты всячески пытались заручиться поддержкой Запада. Для этих целей версия о «всемирном еврейском заговоре» подходила как нельзя лучше.

Особенно пагубную роль «Протоколы» сыграли в Германии, где они фактически подготовили идеологию «окончательного решения еврейского вопроса». Благодаря русским эмигрантам, «Протоколы» оказали значительное влияние на формирование идеологии нацистского движения в период его становления в 1919–1923 гг. Через газету «Призыв» (1919–1920) и ежегодник «Луч света» Винберг всячески способствовал их распространению среди немецких антисемитов и будущих нацистов, и его идеи оказали влияние на Розенберга, а через него и на Гитлера. Многие положения доктрины Розенберга фактически воспроизводили антисемитские и социо-дарвинистские рассуждения Винберга, взятые из его «Берлинских писем» 1919 г. Задолго до появления «Мифа двадцатого века» А. Розенберга Винберг отрицал

христианство как «еврейский заговор» и призывал к спасению «арийской расы» и истреблению евреев.

По инициативе Пангерманской лиги впервые «Протоколы» под названием «Тайны сионских мудрецов» вышли в Берлине в декабре 1919 г. Их под псевдонимом Готтфрид цур Бек издал капитан в отставке Людвиг Мюллер фон Хаузен, глава «Лиги против еврейской заносчивости» и издатель антисемитского журнала «Ауф Форпостен». В этом издании, выпущенном тиражом в 120 тыс. экземпляров, содержалась история о том, как русский шпион будто бы похитил рукопись у еврейского посыльного, идущего с тайной сионистской встречи. Через два месяца сокращенная версия «Протоколов» вышла в газете «Фелькише Beobachter» А. Розенберга. Она увидела свет на следующий день после того, как 24 февраля 1920 г. на митинге в Мюнхене Гитлер обнародовал нацистскую программу из «25 пунктов». Он говорил о том, что немецкого гражданства заслуживают только немцы, имевшие «чистую» в расовом отношении кровь.

Книга Бека вызвала сенсацию и быстро стала «Библией антисемитов». Ее высоко оценил находившийся в изгнании кайзер Вильгельм. За последующие 13 лет ее переиздавали 32 раза. Одним из издателей был Т. Фрич. Ведущие немецкие газеты публиковали выдержки из нее. А. Розенберг черпал свое вдохновение из «Протоколов», а осенью 1934 г. «Протоколы» в его редакции были введены в немецкие школьные программы.

С 1933 г. «Протоколы» стали стержнем нацистской пропаганды, причем как внутри страны, так и за рубежом. Во-первых, с их помощью нацисты запугивали массы мировым еврейским заговором и косвенно стимулировали сплочение общества против «смертельной опасности». Во-вторых, что представляется более любопытным, они в буквальном смысле учились по «Протоколам» тому, как надо делать политику. Один из горячих пропагандистов этой фальшивки, Теодор Фрич, писал в 1924 г.: «Наши будущие государственные деятели и дипломаты должны научиться у восточных мастеров злодейства самой азбуке государственного правления, и для этих целей “Сионские Протоколы” предлагают прекрасную подготовительную школу». Существенно, что «Протоколы», указывающие реального врага, претендующего на власть в мире, в то же время как бы отдавали право на мировое господство тому, кто сумеет этого врага одолеть. И нацисты весьма эффективно использовали этот мотив в своей пропаганде, ставящей целью создание мировой тысячелетней

Империи. Однако, прежде чем добиться этой цели, им требовалось уничтожить «мировое зло», прямо отождествлявшееся «Протоколами» с евреями. Поэтому есть все основания утверждать, что имела прямая связь между «Протоколами» и геноцидом еврейского народа в годы Второй мировой войны. Тем не менее, даже главный нацистский идеолог А. Розенберг для того, чтобы соблюсти внешнюю объективность, отмечал невозможность определить окончательно, являлись ли «Протоколы» фальшивкой или подлинным документом.

Шестие «Протоколов» по миру не ограничилось Германией. В мае 1920 г. о них с почтением отозвалась английская «Таймс», а затем выдержки из них были опубликованы в газете «Морнинг Пост». Осенью 1920 г. антология этих статей была выпущена единой книгой под названием «Причина мировой смуты». После этого «Протоколы» целиком вышли в Лондоне под названием «Еврейская опасность» в переводе русского эмигранта Г. Шанкса. Это дало пищу многочисленным памфлетам, выпущенным профашистской группой «Бритонцев», и вызвало тревожные отклики в печати. Во Франции «Протоколы» издала антисемитская газета «Ла Либр Пароль», за чем последовали новые многочисленные издания. Появилось польское издание в Варшаве и итальянское в Риме. «Протоколы» были изданы даже в Китае и вышли на русском языке в Токио. В середине 1920-х гг. патриарх Иерусалима, Барсалина, способствовал появлению их арабского издания. Но наиболее эффективно действовало издательство американского автомобильного магната Г. Форда, распространявшее «Протоколы» сотнями тысяч экземпляров, хотя некоторые представители американской разведки, познакомившиеся с ними еще в 1918 г., признали их подделкой. Ключевой фигурой в США оказался русский адвокат Б. Бразоль, проводивший в Киеве накануне войны по поручению Министерства юстиции следствие по делу Бейлиса. Именно Бразоль познакомил с «Протоколами» руководителей разведывательного управления США, а затем сделал все для их американского издания. Позднее он готовил книгу, где собирался доказать истинность «жидо-масонского заговора», но она так и не вышла.

В послевоенные годы «Протоколы» широко популяризировал американский ультраправый, Джеральд Смит, а затем эстафету у него принял основатель Американской нацистской партии Дж. Р. Роквелл. Заняв свое сомнительное место в публицистике, «Протоколы» послужили вдохновению авторов множества бульварных рома-

нов и конспирологических построений. К этому жанру, например, относилась книга англичанина К. Джордана «Обманное обращение», вышедшая в Лондоне в 1955 г. В 1964 г. Юридический комитет Сената США признал «Протоколы» фальшивкой, однако это мало помогло. Сегодня «Протоколы» в США пропагандируют как орган христиан-расистов «Националистическая свободная пресса», так и антихристианская расистская «Церковь Всесоздателя». Идея мирового заговора культивировалась и созданным Р. Уэлчем Обществом Джона Берча, где автором «Протоколов» считали ... К. Маркса. В 1990-х гг. веру в конспирологию подхватило набирающее в США силу «Движение патриотов», однако его идеологи никак не могут решить, с кем именно надо связывать мировой заговор – с евреями или иллиуминатами.

В течение трех послевоенных десятилетий «Протоколы» были 42 раза изданы в 21 стране. В частности, началось их широкое проникновение в страны Арабского Востока, где в 1950–1960-х гг. вышло девять изданий. Первое египетское издание «Протоколов» вышло в 1951 г., и несколько позднее одним из их ярких пропагандистов стал президент Египта Г.-А. Насер. В 1972 г., выступая перед западными журналистами, ливийский президент М. Каддафи назвал их «самым важным историческим документом». Насер, Садат, Каддафи, король Фейсал и президент Ирака Ариф настоятельно рекомендовали «Протоколы» общественности для изучения. В декабре 1974 г. религиозные ученые из Саудовской Аравии пытались раздавать «Протоколы» на Ассамблее Совета Европы в Страсбурге.

Нового пика издания «Протоколов» достигли в 1989–1992 гг. в связи с распадом коммунистической системы и обострением политической ситуации на Ближнем Востоке. В странах Ближнего Востока их влияние усилилось с разрастанием арабо-израильского конфликта. По мнению экспертов, в последние годы вера в глобальный заговор стала неотъемлемой частью политической культуры арабского мира. Чуждая арабам тема отрицания Холокоста тоже появилась в этом контексте. Для демонизации евреев мусульманские радикалы используют, в частности, Коран. Они утверждают, что евреи сохранили те же отрицательные черты, что они имели в эпоху Мухаммеда. При этом такие авторы идентифицируют сионизм и мировое еврейство с США и Западом в целом. Радикальный ислам начался как антиссионистское движение, но со временем в нем возросли антиеврейские настроения в целом, объединившиеся с антизападничеством. В Стокгольме заработало «Радио Ислама», пропагандирующее «Протоколы

сионских мудрецов» наряду с другими нацистскими идеями. Этой деятельностью руководил Ахмед Рами, бывший офицер марокканской армии, бежавший из страны после участия в неудавшемся государственном перевороте против короля Хассана в 1972 г.

В 1987 г. в Египте была опубликована книга, где Холокост был назван небылицей, а авторство «Протоколов» приписывалось евреям. В начале 1990-х гг., когда французские ревизионисты посетили Ирак, одного из них лично принял Саддам Хуссейн. В связи с этим министр информации Ирака выразил недовольство тем, что публикация «Протоколов» во Франции запрещена. Действительно, это приводит арабских лидеров в недоумение. Ведь в их странах «Протоколы» нередко издаются при поддержке властей и даже используются в школьном образовании. Известно, что король Саудовской Аравии Фейсал любил вручать экземпляр «Протоколов сионских мудрецов» каждому зарубежному посетителю или делегации. Как-то он подарил его даже Государственному секретарю США Генри Киссинджеру. Государственная политика Саудовской Аравии, как и у Ирана и Ливии, направлена на распространение мифа о международном еврейском заговоре, что имеет определенный успех, учитывая фантастическое богатство этого государства.

На Ближнем Востоке к «Протоколам» прибегают очень разные политические силы. В Египте неисламская оппозиционная газета поместила заметку «Сионистский враг» – о том, как этот враг якобы угрожает арабской нации. Автор заметки ссылаясь на Библию, Талмуд и «Протоколы». В исламском мире принято представлять себя форпостом в борьбе с международным заговором, агентом которого якобы выступает Израиль. В Египте популярны книги, где говорится о том, что «Протоколы» призывают к уничтожению мира и к власти евреев. Осенью 2002 г. во время Рамадана египетское телевидение транслировало сериал популярного местного актера и режиссера Мухаммеда Собхи «Всадник без лошади» (всего была показана 41 серия!), где доказывалось, что евреи якобы уже воплотили в жизнь восемнадцать из двадцати четырех «протоколов сионских мудрецов». При этом в ответ на зарубежную критику египетские власти утверждали, что сериал говорит об истории региона и не имеет антисемитских коннотаций, ибо египтяне тоже были семитами. В этой критике они усматривали «интеллектуальный терроризм» и вмешательство во внутренние дела страны.

Мирный процесс на Ближнем Востоке также часто связывают с дьявольским планом «Протоколов». Глава «Братьев-мусульман»

Омар Тилмисиани как-то заявил в интервью, что «мир с Египтом – это еврейские манипуляции в соответствии с инструкциями “Протоколов”». О том же говорил духовный лидер «Хизбаллы» шейх Фадлалла. При этом, чтобы показать, как евреи рвутся к мировому господству, отдельные авторы смешивают вырванные из контекста цитаты из Торы, Талмуда и «Протоколов». В Египте все это считается важной частью патриотического воспитания: в мае 2001 г. авторитетная газета «Аль-Ахрам» заявила, что «ненависть к Израилю является критерием патриотизма». В начале 2005 г. в Египте с возмущением встретили публикацию в США результатов глобального мониторинга антисемитизма. Там это восприняли как недопустимое вмешательство во внутренние дела страны.

Признание Израиля Ватиканом было воспринято в арабском мире как победа сионизма, как доказательство «иудаизации» Католической Церкви. Папа Иоанн Павел II отвергал антисемитизм и симпатизировал тем, кто пережил Холокост. Это раздражает радикальных мусульманских лидеров. Глава «Хизбаллы», шейх Фадлалла, назвал все это «историческим грехом перед Христом и человечеством». По его словам, «если бы сейчас явился Христос, он бы изгнал евреев из Храма, как когда-то изгнал воров». Желание Ватикана закрепить память о Холокосте называется в мусульманском мире пропагандой в пользу Израиля и его власти над Палестиной.

Помимо арабского мира, «Протоколы» часто публикуются в Иране. Иранская газета говорит, что жертвам заговора надо знать о его особенностях и целях. Успех фильма «Список Шиндлера» восприняли в Иране как доказательство власти евреев над миром. В Иране, где СМИ полностью контролируются властями, «Протоколы» издаются регулярно.

Даже в местных СМИ в Турции распространяется идея мирового еврейского заговора, особенно в журнале «Сон Месадж», где можно найти фантазии о захвате Анатолии евреями и сионистами и о продаже миллионов мусульман в рабство. «Протоколы» публикуются мусульманскими фундаменталистами в большинстве западно-европейских стран и в Австралии.

Это поветрие не обошло и Балканы. Будущий президент Хорватии Ф.Туджман когда-то опубликовал книгу, названную «плохой копией Протоколов сионских мудрецов». По этой причине Туджмана вначале не пустили на церемонию открытия Музея Холокоста в Вашингтоне в апреле 1993 г. Иначе вел себя бывший президент Сербии С.Милошевич, сознательно противопоставляя себя Тудж-

ману, уже тогда обвинявшемуся в антисемитизме. Придя к власти, Милошевич попытался установить контакты с Израилем, подчеркивая, что оба «избранных народа», евреи и сербы, испытали невиданные в истории трагедии. Но, так как еврейские публицисты поддерживали Боснию, он обвинил мировое еврейство в «антисербском международном заговоре». Именно после этого в апреле 1994 г. в Белграде были опубликованы «Протоколы».

В венесуэльской газете «Эль Универсаль» было помещено письмо читателя, отрицавшего Холокост и одновременно воспроизводившего «Протоколы».

Отрицание Холокоста свойственно и афроамериканскому движению в США. Этим занимается «Нация Ислама», самая радикальная из групп чернокожих. В 1991 г. под ее эгидой вышла книга, где евреи названы теми, кто более всего разбогател от торговли африканскими рабами. Это мнение разделяют даже некоторые профессора черных колледжей в США. «Нация Ислама» заявляет, что евреи манипулируют СМИ против черных. Она одобряет и политику Гитлера в отношении евреев. Ее лидеры пишут о «еврейском расизме», направленном против черных, и ссылаются при этом на Талмуд, работоторговлю и якобы господство евреев в Голливуде. В этом контексте они и пишут про «миф о Холокосте».

Благодаря белому генералу Г. Семенову, эхо «Протоколов» докатилось и до Японии, где их первое японоязычное издание появилось еще в 1924 г. Там издаются книги и брошюры, выходят видеокассеты, статьи в СМИ, где затрагивается эта тема. В 1986-1987 гг. было опубликовано до 30 таких книг. Один из известных авторов – христианский фундаменталист Уно Масами, чья первая антисемитская книга вышла тиражом в 1 млн. экз. Другой автор, Дой, изобразил президента Клинтона марионеткой в руках евреев. Руй Охта, лидер небольшой, но очень активной антисемитской «Партии глобальной реставрации» тоже пишет об угрозе сионистов-евреев для Японии.

Все это – книжный антисемитизм, так как в своей истории Япония никогда не встречалась с евреями. Правда, американский банкир еврейского происхождения Яков Шифф когда-то ссудил японскому правительству 5 млн. фунтов, чтобы помочь Японии выиграть войну с Россией в начале XX в. Отношение японцев к евреям отличается восхищением их достижениями, даже когда говорится о еврейской власти над мировыми финансами, как в «Протоколах». Несмотря на антисемитские теории, японцы спасли во время войны

десятки тысяч евреев. Все же сейчас в Японии выходят книги, пугающие японцев финансовым крахом, к которому якобы ведут страну финансовые манипуляции евреев. Там пишут, что евреи оказывают большое влияние на императорскую семью, так как большинство приближенных императрицы – христианки; что японцы – последнее препятствие для евреев на пути к мировому господству; что атомную бомбу придумали еврейские ученые, ненавидевшие Японию. В книгах, где говорится о «Протоколах», отрицается Холокост. Японцы очень трепетно относятся к печатному слову; поэтому такие книги на них действуют.

В СССР и социалистических странах Восточной Европы общественность долгие годы не знала о баталиях вокруг «Протоколов». Но власти время от времени прибегали к их услугам. Например, антисемитская кампания в Польше в 1968 г. сопровождалась продажей «Протоколов» в костелах. В СССР идея «всемирного заговора» поддерживалась в начале 1920-х гг. Церковью, и содержащая их книга Нилуса издавалась Киево-Печерской Лаврой. Она имела определенную популярность среди русской интеллигенции и вдохновляла даже некоторых коммунистов на местах*. Но в целом идея стала использоваться властями после арабо-израильской войны 1967 г. Первым знаком этой новой кампании, направленной против «международного сионизма», стала книга Ю. Иванова «Осторожно, сионизм!» (М., 1969). Вскоре кампания выплеснулась на международную арену, когда в 1972 г. в Бюллетене Советского информационного бюро, издававшемся в Париже, была опубликована статья, целыми кусками воспроизводившая «Протоколы». Эта статья стала поводом проверить эффективность принятого тогда во Франции закона, преследовавшего за разжигание расовой или религиозной розни. В марте 1973 г. редактор Бюллетеня предстал перед парижским судом и 24 апреля был признан виновным в публичной диффамации и осужден к выплате большого штрафа.

Тем не менее, кампанию внутри страны это не остановило, и упорно разжигавшиеся официальной пропагандой в 1970-х – начале 1980-х гг. «антисионистские» настроения стали основой для всплеска антисемитизма в последние годы существования СССР и его распространения в постсоветской России. Их популярности способствуют факты активного участия деятелей еврейского происхожде-

* Монархия погибла, а антисемитизм остался // Неизвестная Россия. XX век. М.: Историческое наследие, 1993. т. 3. с. 345, 351.

ния в Октябрьской революции 1917 г., гражданской войне и ряде репрессивных кампаний Советской власти в 1920–1930-х гг. Однако сторонники таких взглядов сознательно умалчивают о том, что немало еврейских интеллектуалов выступили против большевиков и огромное количество евреев пострадали как во время гражданской войны (причем от рук и красных, и белых), так и от сталинских репрессий. Иными словами, раскол тогда проходил не по этнической, а по политической линии. Определенную роль в возбуждении антисемитских чувств сыграла вызванная дискриминационной советской политикой и активизацией радикального русского националистического движения массовая эмиграция евреев после 1918 г., изображаемая радикалами как якобы бегство от «справедливого возмездия».

Отмена цензуры после падения коммунистических режимов позволила антисемитизму выйти из подполья и освободиться от необходимости говорить намеками и эвфемизмами. Приверженность принципу свободы слова нередко не позволяет новым демократическим властям эффективно использовать силу суда для обуздания шовинизма и ксенофобии. Например, на этом основании в 1993 г. судам вначале в Москве, затем в Праге пришлось отвергнуть запрещение распространения «Протоколов». Вместе с тем, власти Франции действуют гораздо более решительно. Осквернение еврейского кладбища в Карпантра стало поводом для французских законодателей запретить распространение «Протоколов сионских мудрецов». Закон об этом был принят 25 мая 1990 г.

Первое открытое издание «Протоколов» в СССР, осуществленное «Организацией освобождения Палестины» в 1990 г., воспроизводило парижское издание князя М.К.Горчакова (1927 г.), в свою очередь следовавшее немецкому образцу, выпущенному Ф.В.Винбергом. Затем публикация Горчакова служила основой для издания «Протоколов» издательством «Витязь». По сути, все эти издания реанимировали параноидальную нацистскую концепцию о том, что суть мировой истории якобы сводится к вечной борьбе арийцев с семитами (евреями), что евреи будто бы стремятся к мировому господству и что русская революция 1917 г. являлась важнейшим шагом на этом пути.

В 1920-х гг. Горчаков владел издательством в Париже, где издавал книги о тайных заговорах и ритуальных убийствах. Ничего нового князь Горчаков от себя не добавлял. В своем компилятивном введении к «Протоколам» он лишь цитировал другие антисемитские

работы, среди которых, разумеется, были сами тексты «Протоколов», а также обширные выдержки из книги Г. Форда «Международный еврей», из немецкого философа-националиста Фихте, из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского, из книги С. Нилуса. Все это – искусно подобранные цитаты, призванные убедить читателя в том, что лучшие умы якобы всегда чувствовали исходящую от евреев опасность для человечества. Между тем, из этого опуса читатель ничего не узнает о всех сложностях отношения к еврейскому вопросу того же Достоевского, которого волновали две проблемы – политическая (об исторической миссии русского народа, которому, по Достоевскому, надлежало захватить Константинополь и «освободить Церковь Христову») и социальная (не нанесет ли эмансипация евреев ущерба русскому населению), что и определяло неоднозначное отношение писателя к евреям (в конечном счете он стоял за наделение евреев всеми политическими правами и отрицал свою к ним враждебность. В отличие от любителей «Протоколов», он верил в возможность примирения евреев с христианами). Не узнает читатель и о том, что издание Форда писалось в условиях жесточайшего финансово-экономического кризиса в США, немало способствовавшего расцвету антисемитизма, и что в 1927 г., страшась суда, автомобильный король был вынужден просить прощения у евреев, после чего приказал навсегда изъять свою книгу из продажи и уничтожить весь тираж. Читатель останется в неведении относительно пангерманизма Фихте, видевшего в евреях выразителей идей ненавистной ему Французской революции.

Пытаясь оправдать антисемитов, князь Горчаков с восторгом первооткрывателя цитировал еврейского историка С. Лурье, считавшего, что причина антисемитизма кроется якобы в самих евреях, которые, где бы они ни жили, «оставались национально-государственным организмом». Искжая мысль историка, Горчаков делал из этого вывод, что «среди каждого народа еврейство строит свое особое еврейское государство». Между тем, как бы ни относиться к весьма спорной позиции Лурье (многие еврейские авторы ее не разделяют), он имел в виду совсем другое. Ведь для него государственность определялась не политико-правовыми факторами, а «психологическими социально-нравственными переживаниями». Следовательно, ни о каком построении обособленного еврейского государства у него речи не было и не могло быть.

В еще большей степени Горчаков переиначивал исторические данные, собранные в многотомном сочинении Грецца «История евре-

ев». Из всего массива этих материалов Горчаков отобрал лишь те, которые, на его взгляд, свидетельствовали о безмятежном существовании, благоденствии и даже якобы господстве евреев в средневековой Европе. О том, как евреи силой изгонялись из средневековых городов и государств, как они подвергались религиозными фанатиками пыткам и сожжению, какие погромы устраивали крестоносцы, какие страшные для евреев последствия имел возникший в эпоху средневековья «кровавый навет», как евреи были ограничены в правах и загнаны в гетто, автор хранил гробовое молчание. Ведь его интересовала лишь «история еврейских захватов», которая якобы была идеологически подготовлена «Протоколами».

Вместе с тем, необходимо напомнить, что против фальшивых «Протоколов» и антисемитизма в свое время выступил такой уважаемый православный богослов как А. В. Карташев, занимавший в 1917 г. пост обер-прокурора Синода. Безусловной подделкой их считали А. А. Лопухин, служивший директором Департамента полиции в 1902–1905 гг., и С. П. Белецкий, товарищ министра внутренних дел в 1910–1916 гг. Последний даже признавался в том, что только из-за их подложного характера «Протоколы» не были задействованы в процессе Бейлиса. Подделку подтверждал журналист И. Ф. Мануйлов-Манасевич, поддерживавший тесные связи с Департаментом полиции. По его словам, в правительстве хорошо знали о поддельном характере документа и поэтому не позволяли им пользоваться для официальных нужд.

Иногда «создателем» «Протоколов» называют Ахад Гаама (Ашера Гинцберга). Между тем, этого последовательного противника политического сионизма, мечтавшего о превращении Палестины в еврейский «духовный центр», всегда возмущали такие предположения. В начале 1923 г. он подал в суд на графа Ревентлова, приписавшего ему авторство «Протоколов». Суд должен был состояться в конце марта, но, не дожидаясь его начала, граф Ревентлов отказался от своих слов и предпочел уладить дело миром, оплатив судебные издержки.

На состоявшемся в Берне в 1933–1935 гг. судебном процессе против местного антисемита, издателя «Протоколов» Т. Фишера, факт подлога был надежно установлен и признан. При этом, как справедливо отмечал один из экспертов, профессор А. Баумгартен, «признать подлинность “Протоколов” значило бы отказаться от истинного значения исторического существования человечества». Он же удостоверял, что «“Протоколы” сыграли видную роль в истории

погромов. Первое и последующие издания “Протоколов” были причиной преследований против евреев». Приговор, оглашенный судьей Мейером 14 мая 1935 г., признавал «Протоколы» «непристойной литературой», наказуемой бернским законом от 10 сентября 1916 г. Решение последнего, апелляционного, суда относительно «Протоколов», принятое осенью 1937 г., гласило: «Эта лживая работа представляет неслыханные и необоснованные нападки на евреев и должна быть безоговорочно отнесена к безнравственной литературе». Суд рекомендовал властям, «исходя из государственных интересов, запретить распространение такого рода сочинений». Вместе с тем, швейцарский закон не мог признать их «непристойной литературой», ибо под последней он понимал только порнографию.

Итак, «Протоколы» представляют собой фальшивку, которую, если и можно использовать, то лишь в качестве документа, свидетельствующего о нравах и методах работы царской охранки; они являются образцом злобной антисемитской пропаганды; они несут в себе огромный заряд злобы и ненависти, который уже продемонстрировал свою губительную силу в течение XX в., вовлекая людей в погромы против евреев и оправдывая их истребление, то есть геноцид; их распространение в современной России настраивает людей против евреев и создает погромные настроения, возбуждает межэтническую рознь; в современной России «Протоколы» являются важнейшим идеологическим орудием в руках антисемитов и расистов.

Среди прочей антисемитской литературы, появившейся на прилавках московских книжных магазинов в первой половине 1990-х гг., почетное место занимала книга Генри Форда «Международное еврейство». Вначале она вышла в издательствах «Московитянин» и «Витязь», но затем эта сомнительная инициатива была подхвачена рядом других издательств. В частности, наиболее полное издание было выпущено в 2002 г. краснодарским издательством «Пересвет». Книга привлекала, прежде всего, именем своего автора, известного короля американской автомобильной промышленности. Однако представления Форда об устройстве мира, его общественно-политические настроения остаются мало известными широкому читателю. А книги апологета нацизма В. Пруссакова, повествующие о взаимоотношениях Форда и Гитлера, способны лишь сбить читателя с толку. Между тем, в свое время именно книга «Международное еврейство», выходящая беспрецедентными тиражами, как ни одна другая, способствовала популяризации «Протоколов сионских мудрецов». Ее высоко ценили вожди нацистов и, прежде всего, Гитлер, всемерно использовавший ее при написании «Майн Кампф». Он признавался, что «черпал вдохновение у Генри Форда», и в своем «бессмертном труде» даже выражал благодарность американскому автомобильному магнату, якобы сумевшему «сохранить независимость от еврейского влияния».

Еще в 1922 г. многочисленные экземпляры «Международного еврейства» раздавались посетителям штаб-квартиры Национал-социалистической партии в Мюнхене, а в офисе Гитлера на почетном месте красовался портрет Генри Форда. В середине 1920-х гг. по освобождению из заключения Гитлер получил в подарок книгу Форда «Моя жизнь и работа», где тоже шла речь о «злостном поведении евреев». Фюрер не расставался с ней всю жизнь, и она была обнаружена в его личной библиотеке в мае 1945 г. Когда осенью 1922 г. Форд намеревался баллотироваться в президенты США, Гитлер заявил: «Мы видим в Генрихе Форде лидера растущего фашистского движения в Америке». Когда в мае 1933 г. нацисты устроили грандиозный костер из книг негодных авторов, Т. Фрич всячески рекламировал «Международное еврейство», заявляя, что, бла-

годаря мужеству Форда, в Америке больше нет «еврейского вопроса». Наконец, 30 июля 1938 г. в день своего 75-летия Форд стал первым американцем, получившим от германского правительства Большой крест Высшего ордена германского орла, введенный Гитлером в 1937 г. для выдающихся иностранцев.

Чем же успешный американский промышленник так привлекал германского фюрера? Попробуем разобраться. Форд происходил из самых низов американского общества и в юности познал все тяготы жизни трудового народа. Его дед, английский протестант, приехал в США из Ирландии в 1847 г., спасаясь от поразившего страну голода. Отец Форда был мелким фермером. Генри Форд родился 30 июля 1863 г. и был вторым ребенком в многодетной семье, жившей в местечке Дирборнвилль на юго-востоке штата Мичиган. В 13 лет он потерял мать, сумевшую привить ему рабочую этику и дать первые понятия о христианстве. В конце 1879 г. Форд нашел свою первую работу в Детройте, где вначале служил подсобным рабочим в магазине, а затем трудился в доке. После смерти деда он на три года вернулся на семейную ферму.

Заинтересовавшись паровыми машинами, Форд занялся самообразованием и стал посещать колледж. Пытливую юношу заметили, и в конце 1880-х гг. он уже служил инженером в компании Эдисона в Детройте. Получив в середине 1890-х гг. должность старшего инженера, он занялся совершенствованием парового двигателя и предложил присоединить его к карете вместо лошади. Этот двигатель в четыре лошадиных силы, работавший на газолитине и весивший 500 фунтов, получил название «Сумасшедшего Генри». Когда 4 июня 1896 г. машина впервые проехала по Бэгли Авеню, это положило начало революции в американской культуре и коммерции. Вскоре Форду довелось познакомиться с самим Томасом Эдисоном, и, узнав о его изобретении, тот, по сути, вдохновил его на дальнейшую карьеру.

В 1900 г. Форд уволился из компании Эдисона и начал свое автомобильное дело. За год ему удалось выпустить 25 автомобилей. После этого в 1901 г. он создал небольшое предприятие по производству гоночных машин. Но его главные помыслы были о фермере, труд которого он мечтал облегчить путем механизации. С мыслью об этом он и основал 16 июня 1903 г. свою прославленную компанию фордовских моторов. Его мечта начала осуществляться в марте 1908 г., когда он запустил в производство первый простой в обращении автомобиль. Сила предприятия Форда состояла в том,

что он умело привлекал к своему делу очень энергичных людей, прививал им дух эгалитаризма и стимулировал личную инициативу.

В 1910 г. Форд сделал своим личным секретарем Эрнеста Либолда, ставшего на 34 года самым близким его сотрудником, разделявшим все его представления и предрассудки. Либолд родился в 1884 г. и происходил из семьи немецких иммигрантов-лютеран. У него был опыт работы в банке, и он умел стенографировать. Когда Форд купил разорившийся Банк Лэпхема, он пригласил Либолда стать его управляющим, а вскоре сделал своим адвокатом. С тех пор Либолд часто его выручал и был ему верным помощником. К концу 1913 г. Форд был владельцем процветающего автомобильного дела и уже владел миллиардным капиталом, однако не всегда знал, что делал «Генри Форд» руками Либолда.

Форд был убежден, что человек, достойно живущий, будет и работать эффективно. В 1914 г. он ввел на своих заводах 8-часовой рабочий день и повысил зарплату работникам. Кроме того, он завел у себя социологический отдел для выработки стандартов правильного поведения служащих компании.

Занимаясь крупным бизнесом, Форд поневоле должен был учитывать настроения потребителей и задумываться о характере своих партнеров и конкурентов. Поначалу его взгляды мало отличались от представлений среднего американца, верившего в свою миссию на землях Нового Света, доставшихся ему от «диких индейцев». «Прогресс» понимался здесь как синоним «христианского образа жизни». Евреи представлялись в негативном свете, ибо протестантские книги учили детей, что на место отжившего иудаизма пришел «новый Израиль» Америки. Соответственно благо ассоциировалось с Христом, а зло с преследовавшими его евреями. Текущие события придавали этому новый ракурс, и в конце 1870-х гг. жители Детройта нередко связывали депрессию с сознательной деятельностью заокеанских Ротшильдов. Подобно Европе, в последние десятилетия XIX в. имя Ротшильда сливалось в США с образом «международного банкира». Переживавшие спад производства фермеры винили евреев в разрушении своего образа жизни.

Между тем, погромы в России привели к массовой эмиграции восточноевропейских евреев на Запад и, в частности, в США. Если сами они представляли Америку Землей обетованной, то там в них видели азиатов, носителей иной культуры, и считали, что у них нет чувства национальной принадлежности. Они оказывались «духами» без родины, и местные жители встречали их как нежелательных чу-

жаков. Некоторые пасторы видели в них угрозу протестантскому населению, «англосаксонской расе», «истинно избранному народу» и призывали к сплочению «арийской расы». Они предсказывали столкновение (Армагеддон), из которого возникнет «новый более могущественный тип человека». В 1890-х гг. в Детройте росла враждебность к евреям, и отмечались даже нападения на них.

В такой атмосфере и проходили детство и юность Форда. Тогда в Детройте было не более тысячи евреев, а Дирборн оставался англосаксонским и в 1920-х гг. До двадцати лет Форд вряд ли встречал хотя бы одного еврея. Однако период экономического спада и появление иммигрантов («ориенталов») привели к усилению антисемитизма, и это не могло пройти для него бесследно. В конце 1901 г. ему довелось прочесть книгу О.Смита «Краткий очерк великих вопросов», перевернувшую, по его словам, всю его жизнь. Она не только убеждала в превосходстве Запада над Востоком, но обвиняла евреев в том, что, руководствуясь «своей Книгой», они якобы веками ввергали Европу в бесконечные войны. Автор ссылаясь на известных мыслителей и с вдохновением цитировал расовые рассуждения Г. Лессинга, сомневавшегося в том, что могло быть что-либо общее между «чувственным иудеем и одухотворенным христианином». Из этой книги Форд впервые узнал об идеях социодарвинизма.

Десять лет спустя он расширил свои знания в этой области, познакомившись с трудами Р. Эмерсона, учившего «новой природной теологии». Форд высоко оценил его призывы надеяться на свои силы, учиться на собственном опыте, верить своим инстинктам и уметь фокусировать свои мысли. Кроме того, Эмерсон делал сильный акцент на влиянии расы на человека и утверждал, что, где бы еврей ни жил, его характер предопределялся его расой. Для Форда все это звучало весьма актуально, ибо к 1914 г. в Детройте поселилось более 12 тыс. еврейских иммигрантов, и многие из них работали на его заводах. Он ввел для них специальное обучение английскому языку в надежде на то, что они забудут свою прежнюю идентичность и станут полностью американцами. Но Эмерсон заставил его в этом усомниться.

Еще одной книгой, которая произвела впечатление на Форда, была «Невидимая империя», выпущенная в 1912 г. ихтиологом Д. Джорданом, первым президентом Стэнфордского университета. Заявляя себя преданным дарвинистом, тот рассматривал вопрос о мире «под биологическим углом зрения» и полагал, что война вредила здоровью арийцев, изымая самых сильных индивидов из гене-

тической популяции. По его мнению, «человеческая раса подобно стаду скота была подвержена тем же законам селекции». Он опасался, что такими законами могли воспользоваться некие тайные силы, стремившиеся подорвать жизнеспособность «цивилизованных людей». Так в его работах пацифизм сливался с расизмом и конспирологией. Джордана мучил страх перед евреями как однородной сплоченной силой, и он, в особенности, клеймил «еврейских банкиров», прежде всего, «Дом Ротшильда». Этих «финансовых королей» он и обвинял в развязывании войн. Правда, к ним он причислял американский «Дом Моргана». Позади европейских тронов он также усматривал евреев.

В 1915 г. на конференции в Сан-Франциско Джордан как президент Фонда мира на Земле, вице-президент Американского общества защитников мира и президент Всемирной конференции по вопросам мира обвинил европейские державы в «расовом самоубийстве». Все это повлияло на Форда, и в интервью журналу «Нью-Йорк Таймс» 10 апреля 1915 г. он обвинил в развязывании войны банкиров и хозяев оружейных заводов, тех, «кто не имеет родины и живет во всех странах». В августе 1915 г. Форд объявил себя защитником мира и, будучи человеком дела, вскоре вложил 1 млн. долларов в кампанию по обучению миру как в США, так и других странах. Вскоре он познакомился с натуралистом Л. Бербэнком, большим защитником евгеники, считавшим, что с ее помощью появится «биологическая возможность... создать новую расу людей... и только лучшие индивиды будут отбираться для развития расы». Таким образом, где бы Форд ни встречался с учеными, они лишь укрепляли его веру в расовый принцип мироздания.

В ноябре 1915 г. Форд познакомился с еврейской активисткой Р. Швиммер, основавшей в Чикаго Федерацию мира, а затем ставшей инициатором создания Женской партии мира. Форд показался ей преданным идее пацифизма, и его высказывание о том, что «войну развязали германо-еврейские банкиры», ее не насторожило. Она подсказала ему идею «Корабля мира», который при участии видных общественных деятелей принес бы идею мира из Америки в Европу. Форд загорелся этой идеей и тотчас же разослал телеграммы против кайзера и за скорейшее окончание войны. Правда, журналисты называли его «дураком» и «клоуном», а многие видные люди, на которых он рассчитывал, отказались участвовать в его затее. В начале декабря 1915 г. корабль «Оскар II» вместе с Фордом и его окружением все же отплыл в Норвегию. Во время путешествия Форд был

сбит волной и простудился. Это не позволило ему участвовать в мероприятиях в Норвегии. Он был расстроен и больше не захотел встречаться с Швиммер, ожидавшей от него поддержки новых мирных инициатив. Либолд потребовал, чтобы ее имя больше не было связано с миссией Форда. А к середине 1917 г. недавний пацифист Форд превратился в военного фабриканта, и его корпорация начала производить машины скорой помощи, оборудование для самолетов, военных катеров и танков.

Весной 1916 г. Форд впервые попытался баллотироваться в президенты США, а в 1918 г. – в Сенат, но оба раза потерпел поражение. Это убедило его в том, что следует обращаться напрямую к «простому человеку», и он решил завести свою собственную газету для изложения своих взглядов. Так в 1918 г. и возник еженедельник «Дирборн Индепендент», открывавшийся девизом «Сообщения о скрываемой правде». Его издание Форд доверил детройтскому журналисту Э. Пиппу, пригласившему в качестве главного автора канадца У. Камерона (1878-1955). Выпускник Университета Торонто, тот был набожным человеком и даже читал воскресные проповеди в Народной церкви в Бруклине, штат Мичиган. Управляющим делами еженедельника стал Либолд. В каждом номере у Форда была своя страница, которую писал Камерон, а просматривал и подписывал Либолд как секретарь Форда. Либолд считал именно себя ответственным за основное направление газеты.

Когда он попытался обговорить с Фордом содержание его страницы, тот ответил, что следует просвещать людей и показывать то, что скрыто от их взоров. Форд не выносил долгих обсуждений, и все вопросы, связанные с газетой, решались за считанные минуты. Это, разумеется, вело к скоропалительным выводам, основанным на очень скудной информации. Газета выходила на 16 страницах и стоила 5 центов (1 доллар в год).

В начале января 1919 г. Форд вместе с Камероном подготовили первую страничку Форда. Там автор пытался выступать добрым советчиком читателя. Во всех жизненных неурядицах он обвинял капиталистов-спекулянтов, стремившихся завладеть тем, что создавали другие. Однако вскоре Форд действительно переключился на то, что «скрыто от взоров», и стал писать о неких тайных злобных силах, играющих жизнями людей. В газете появились рассуждения о тех, кто неспособен ассимилироваться.

В 1919 г. Либолд получил письмо от русского эмигранта Бориса Бразоля (1885-1963), предлагавшего ему интересные материалы о

России. Этот бывший пехотный офицер был тогда вице-президентом Генерального комитета по национальной обороне России и вице-президентом Союза русских офицеров в Америке. Он был убежденным монархистом, работавшим на американскую разведку. Бразоль близко сошелся с физиком Гаррисом Хафтоном, почвенником, озабоченным «еврейской угрозой» для американских военных. Хафтон работал в разведке и имел русскую помощницу, Наталью де Богоры. Ей Бразоль и передал редкий экземпляр книги С. Нилуса (1862–1930) «Близ есть при дверех», изданной в Киеве в 1917 г., где были напечатаны «Протоколы сионских мудрецов». Вместе с Бразолем и генералом Г. Сосновским они подготовили первый перевод этой книги на английский язык.

Когда перевод был готов, Хафтон и Бразоль задумались о его издании. В сентябре 1918 г. бруклинская газета опубликовала заметку, обвинявшую евреев в вовлечении Америки в войну и в затягивании ее. Там упоминалось и имя Бразоля. Со ссылкой на «Протоколы» говорилось о решимости евреев уничтожить Россию и Германию для организации еврейского государства в Палестине.

Хафтон показал «Протоколы» Главному судье США Чарльзу Хьюзу, а тот передал их Луису Маршаллу, президенту Американского еврейского комитета. Затем Хафтон предложил «Нью-Йорк Джеральд» опубликовать «очень важный документ о еврейском народе и его роли в мировых делах». Материалы попали к ее ведущему репортеру Г. Бернштейну. Встретившись с Хафтоном, он узнал от него, что документ был будто бы написан самим Т. Герцлем и служил основой сионизма. Хафтон также сказал, что доказательством серьезности намерений «Протоколов» служит большевизм в России. Однако, ознакомившись с документом, Бернштейн понял, что это – фальшивка. К тому же выводу в феврале 1919 г. пришла и сенатская комиссия. Тем не менее, «Протоколы» распространялись среди участников Версальской мирной конференции и стали появляться у видных чиновников в Лондоне, Париже, Риме.

Тогда-то Бразоль и познакомился с Либолдом, и его заметка «Большевистская угроза России» была напечатана в «Дирборн» 12 апреля 1919 г., вызвав горячую полемику. Затем вышла заметка Либолда, объяснявшая войны финансовыми интересами. Одновременно Камерон рассуждал о темных силах и тайных заговорах. Тем временем Форд затеял тяжбу с «Чикаго Трибюн», где его называли «невежественным анархистом». Адвокат из этой газеты, поговорив с Фордом, нашел, что тот наивен и малообразован. Он не знал даже

тех фактов, которые фигурировали в учебниках. Но Форд упрекал историков в ангажированности и не верил им. Все же процесс он проиграл.

Между тем, на конференции в Версале «международные финансисты» обвинялись в послевоенном экономическом хаосе. И ненависть к евреям все больше обуревала Форда. В то время его бизнес подрывали забастовки и общий экономический спад. Инфляция была так высока, что он даже закрыл свой завод, чтобы не нести убытки. Не лучшим образом обстояли дела и в его газете. Тогда один журналист посоветовал Форду найти врага и сделать из этого сенсацию. В 1920 г. в США прибыло более 120 тыс. европейских евреев, и некоторым журналистам и политикам казалось весьма соблазнительным обвинить их в экономических неурядицах. В это время Детройт с его 993 678 жителями стал четвертым в списке крупнейших городов США. Около половины его обитателей были заняты в автомобильной промышленности. Среди них очень популярны были почвеннические настроения, и многие рабочие вступили в возрождающийся Ку-Клукс-Клан, выступавший против чужаков, католиков, большевиков, черных, смешанного населения.

В начале 1920 г. либерал и католик Пипп почувствовал падение своего авторитета в газете. Форд и Либолд настаивали на публикации материалов против евреев, и Камерон казался им наиболее подходящей фигурой для этого. Ведь он входил в секту британских израильтян, учивших, что «англосаксонская раса» и ее родичи, сыновья Исаака, повсюду в мире происходили от потерянных десяти колен израилевых. Будто бы именно они, а не племя «коварных» иудеев, были исконным и истинным избранным народом. Евреев они называли узурпаторами и считали Иисуса не евреем, а родоначальником «англосаксонской расы». Они учили, что, будучи «низшими», евреи не имели права претендовать на наследство, полученное от Бога. Обещания Бога Аврааму были выполнены на территории Британии (на иврите «берит иш» означает «человек завета»), а, следовательно, и в США, где жили «истинные сыны Израиля». Одно из потерянных племен будто бы было призвано создать в США «великую независимую нацию» и «истребить аборигенов». Ведь пророчество Исая говорило, что у настоящих сынов Израиля будет другое имя – это и есть англичане, «ветвь арийцев», а не евреи.

В середине апреля 1920 г. Пиппу пришлось уйти в отставку. Первая откровенно антисемитская статья появилась в газете 22 мая 1920 г. Но еще осенью 1919 г. там была опубликована статья «Кому

быть царем Палестины?», говорившая о том, что реальным царем в будущем еврейском государстве будет кто-то из Дома Ротшильдов. В апреле 1920 г. газета писала о темных силах, манипулировавших миром. Камерона мало устраивала отведенная ему роль, но он вынужден был выполнять заказы Форда и Либолда. По мнению Пиппа, он был их жертвой, растратившей свои большие задатки.

22 мая 1920 г. «Дирборн» опубликовала статью «Еврей в поведении и бизнесе». Это была первая из 91 статьи, появившейся затем на страничке Форда. Люди, хорошо знавшие ситуацию в газете, подчеркивали, что Либолд был убежденным антисемитом. Но сам он настаивал, что в газете ничего не делалось без ведома Форда, а аналитические материалы писались Камероном. За собой он признавал лишь одну инициативу – название серии «Международный еврей».

В 1920 г. Форд был уже заметной фигурой в международном бизнесе. Филиалы его компании имелись в ряде европейских и латиноамериканских стран, в России, Турции и Японии. Его одолевали визитеры. Но всякий, кто хотел встретиться с Фордом, вначале получал оттиск статьи «Еврей в поведении и бизнесе» и лишь после ознакомления с ней допускался к беседе. В статье говорилось об уникальном месте евреев в мире, их огромных капиталах, их чужеродности всем странам, их стремлении создать нацию и захватить власть над миром. Говорилось о неких тайных знаниях евреев, помогавших им в финансовом деле. Все это определялось якобы их расовым характером. Так газета подхватила тысячелетнюю юдофобскую традицию.

Вообще 1920 г. оказался в известном смысле важным рубежом в истории американского антисемитизма. Если до этого еврейская тема звучала лишь в связи с обсуждением военных и революционных событий в Европе, и в ней доминировал сюжет «красной опасности», то теперь, в немалой степени благодаря «Протоколам», она получила всеохватывающее значение – образ еврея стал отождествляться с всепроникающей мировой заразой, угрожающей человечеству. Американцы были в особенности встревожены тем, что мировые потрясения начала XX в. могли подорвать основы американской демократии.

Поэтому к лету 1920 г. перед американскими евреями встал вопрос о том, как ответить Форду. Этим занялись три видных представителя американской еврейской общины. Первым из них был Я. Шифф (1847–1920), глава банковского дома «Кун, Лёб и Компания», ставшего главной мишенью «Дирборн» в качестве символа

еврейской финансовой мощи. Шифф был известен своей многолетней борьбой за права восточноевропейских евреев. Вторым был С. Адлер (1863–1940), ученый-семитолог, один из основателей Американского общества еврейской истории. Третьим стал юрист Луис Маршалл (1856–1929), президент Американского еврейского комитета (АЕК). Он доказывал, что большевизм не имеет отношения к евреям, консервативным по натуре. Все трое были настроены консервативно, с настороженностью относились к сионизму и не одобряли создания демократического по духу Американского еврейского конгресса.

В конце 1919 г. Маршалл передал Адлеру экземпляр «Протоколов», предупредив того, что этот «глупый документ» уже ходит по рукам высших чиновников. Адлер посоветовал провести тщательное расследование его происхождения. Он считал наиболее эффективным средством против антисемитизма просвещение неевреев. Летом 1920 г. Маршалл познакомился с номерами «Дирборна» от 22 и 29 мая 1920 г. Там доказывалось, что евреи оказывают вредное воздействие на политику; в пример приводилась Германия, и читателя предупреждали о пагубности роста еврейского влияния. Газета представляла себя голосом англосаксов, восставших против влияния еврейской прессы.

Разгневанный Маршалл тут же отправил Форду телеграмму, обвинив его во лжи и возрождении средневековых предрассудков. В ответ Маршалл был назван «большевистским агитатором». Между тем, он был не единственным, кого оскорбило содержание статей. К концу мая Форд получил много аналогичных писем. Однако они его не убеждали, и на одно из них он ответил: «Это – всемирный факт, что немногочисленная раса установила контроль, делающий ее реальным господином во многих странах». Тогда Маршалл решил активно действовать. Но осторожный Шифф советовал не провоцировать Форда лишним раз, а Адлер, понимая, что открытый спор только взбудоражит общество, проявлял нерешительность.

Тем временем в Детройте начал решительно действовать раввин Лео Франклин, глава местного Реформистского храма Бет Эль. Прочтя статью в «Дирборн», он вначале опешил. Ведь до войны он жил по соседству с Фордом, и тот в знак особого расположения даже подарил ему несколько автомобилей. Поэтому Франклин был одним из немногих евреев, кому не составляло труда встретиться с Фордом, и община избрала его своим посланцем, тем более что он был одним из членов исполкома Антидиффамационной Лиги.

Франклин провел несколько часов в мирной беседе с Фордом, Либолдом и Камероном. Тогда-то Форду и принесли телеграмму от Маршалла, где тот обвинял его в поддержке антисемитской кампании, затеянной газетой. Форд был явно смущен и на просьбу Франклина написать объяснение ответил отказом. Попытка Маршалла и Франклина выработать общую линию ни к чему не привела. Маршалла удивляла наивность Франклина, поверившего, что Форд стал жертвой своих советников. А Франклин настаивал на том, что надо проявить больше терпения и такта. Тем временем Верховный судья Мичигана Генри Батцел был убежден в том, что предрассудки Форда имели глубокие корни и что тот с друзьями давно собирал библиотеку антисемитской литературы.

12 июня 1920 г. в «Дирборн» появилась статья «Еврейский вопрос – факт или фантазия?» Она возвращала читателя к временам Бруно Бауэра, когда в Европе активно обсуждался вопрос о том, надо ли давать евреям гражданство и позволять им иметь земельную собственность, могли ли они считаться полноправными членами общества. Акцент делался на наиболее ассимилированных «франклинах и батцелях», стремившихся быть и евреями, и американцами. Им напоминали, что они легко могут быть отвергнуты обществом и обвинены в трибализме.

Статья вызвала переполох не только в Детройте, но во всех еврейских общинах США. Детройтская идишистская газета «Дер Вег» высказалась против «антисемитизма в шелковых рубашках». Даже Франклина оставила его бесконечная терпимость, и он заявил, что призывы к разуму и справедливости ничего не дают. По его словам, пользующийся популярностью в народе Форд «зажег огонь антисемитизма во всем мире». Франклин вернул Форду недавно подаренный автомобиль, сопроводив это письмом, обвинявшим автопромышленника в натравливании людей на евреев. В ответном письме ему сообщали, что скоро он убедится в правоте Форда. Затем ему позвонил недоумевающий Форд и спросил, что плохого произошло. Видимо, Форд ожидал, что «хорошие евреи» типа Франклина его поддержат.

Тем временем «Дирборн» занялась вечно волнующим антисемитов вопросом о так называемой «еврейской солидарности». В 1920–1921 гг. этому была посвящена серия статей, предупреждавших об опасности объединенных действий евреев. В ответ «Дер Вег» поместила статью известного идишистского журналиста И. Рабиновича, писавшего, что «Дирборн» отождествляет еврея со

сверхъестественной силой и мировым господством. Но «наше царство – это фантазии в умах антисемитов». В еврейской традиции действительно есть понятие об организации – кагале. Но любые десять евреев могут создать такую общину. Однако авторам «Дирборн» кагал виделся страшной угрозой. Они называли кагал традиционным еврейским институтом в диаспоре и предупреждали о его превращении в опасную современную организацию. Они с ужасом напоминали о семнадцатом протоколе, говорившем о необходимости преследовать тех, кто выступает против кагала.

В действительности в 1908 г. в Нью-Йорке была предпринята попытка организовать общеамериканскую еврейскую самоуправляющуюся общину с тем, чтобы укрепить еврейскую сплоченность. Но этот проект прожил недолго из-за изначального отсутствия единства и развалился в 1922 г. В частности, его с самого начала бойкотировали радикальные социалисты и лейбористы. Задачу объединения не смог решить и более авторитетный Американский еврейский конгресс. Все такие организации не были в состоянии примирить очень разные интересы различных еврейских групп. Лишь глубоко несведущий человек мог не замечать жаркой полемики, ведущейся в еврейской среде и отражавшей разительное несоответствие интересов различных социальных и региональных групп. Кстати, и сам автор «Международного еврея» готов был признать, что евреи делятся на такого рода группы. Но выстраивая обобщенный образ «международного еврея», он легко об этом забывал.

Убеждавшие американцев в «клановой солидарности» евреев Камерон и Либолд были обескуражены тем, что большинство американцев даже не слышали о «центре еврейской мировой власти» в виде нью-йоркского кагала. Еще больше Камерона и Либолда возмутило выступление Маршалла против изображения США исключительно христианской страной. Ведь, по их мнению, представитель «этой расы» не имел права так говорить.

В ответ Пипп доказывал, что, изображая евреев единым целым, Форд был, как никогда, далек от истины. Ведь даже деятели АЕК раскололись по вопросу о том, как реагировать на нападки Форда. Многие считали, что не следовало его раздражать, заявляя о бойкоте его товаров. Они делали ставку на просвещение и создание позитивного образа еврея в глазах американской публики.

Тем временем Бразоль подготовил в Нью-Йорке американское издание «Протоколов». Однако уважаемые фирмы не хотели его продавать, и книга не пользовалась большим спросом. Тогда он

обратился в «Дирборн». Там его предложение нашло понимание, и с 26 июня 1920 г. «Протоколы» стали печататься в газете, выходящей тиражом 600 тыс. экземпляров. В течение трех месяцев читатели познакомились с основным содержанием «Протоколов», автором которых назывался Т. Герцль. Первым был опубликован седьмой протокол, говоривший о планах евреев взять под контроль прессу во всем мире. В номере от 24 июля давалась краткая история «Протоколов»; они представлялись лекциями для «тайного еврейского Синедриона». 7 августа газета пугала читателя стремлением евреев называться «избранным народом». 14 августа говорилось об их планах полностью извести «гоев». 21 августа давалось более детальное изложение связей между написанной программой и реальными действиями. 11 сентября снова говорилось о контроле евреев над прессой. 18 сентября газета заявляла о стремлении евреев к мировому господству. Либолд настаивал на подлинности «Протоколов» и доказывал, что события в мире развивались в соответствии с изложенными там планами. Эта мысль преследовала его и тридцать лет спустя.

Вера самого Форда в подлинность «Протоколов» была столь велика, что он умудрился учредить специальное сыскное агентство, призванное обнаружить тайное еврейское мировое правительство и выявить те каналы, по которым оно управляет ведущими державами. В частности, Бразоль получил от него задание изучить во Франции собранные А. Соколовым материалы об убийстве императора Николая II. Русский эмигрант Сергей Родионов был отправлен в Монголию с заданием найти там еврейский оригинал «Протоколов». Стоит ли говорить о том, что все эти потуги оказались тщетными? Никаких внятных доказательств «мирового еврейского заговора» людям Форда обнаружить не удалось.

Как полагает Н. Болдуин, при оценке «Протоколов» полезно вспомнить слова Форда о том, что «история – это, в сущности, чепуха». Вдохновенная «Протоколами» конспирологическая литература послужила толчком к переписыванию истории в 1920-х гг. с той точки зрения, что видимая реальность является якобы лишь фасадом, за которым от непосвященных скрыты тайные пружины.

В октябре 1920 г. Адлер обнаружил новую антисемитскую книгу, называвшуюся «Причины мировой смуты». По сути, это было переиздание посвященных «Протоколам» статей из лондонской «Морнинг Пост». Адлер спохватился, что из-за излишней осторожности было упущено много времени. Опасность оказалась куда бо-

лее серьезной, чем казалось вначале. Узнав об этой книге, Маршалл тут же послал письмо издателю Дж. Патнему, обвиняя его в раздувании ненависти к евреям. Однако тот указал на свободу слова в Америке и отметил, что следует всеми силами защитить США от надвигавшегося большевизма. Патнем был активным членом Общества американской защиты, где Бразоль пользовался непререкаемым авторитетом. В августе 1920 г. в издательстве этой организации было опубликовано первое американское издание «Протоколов».

В ноябре 1920 г. книга «Причины мировой смуты» вышла в еще одном нью-йоркском издательстве. Затем «Дирборн» опубликовала антологию всех своих антисемитских статей за май – октябрь 1920 г. под названием «Международный еврей: самая серьезная проблема мира». В течение следующих 18 месяцев были изданы еще три таких антологии тиражами 200–500 тыс. экземпляров, позднее переведенные на шестнадцать языков. Самое полное издание составило четыре тома. Там Форд объявлял «международных евреев и их пособников» «сознательными врагами всего того, что мы понимаем под англо-саксонской культурой». В евреях он видел угрозу человечеству и его культуре, представлял их в образе «мирового зла», в виде исключительно «разрушающего элемента» и фактически стремился восстановить читателя против них. Апеллируя к расхожим стереотипам, Форд наделял евреев самыми низменными страстями и отвратительными личными качествами. Он писал о «животной морали» и «страшной жестокости» евреев. Мало того, он обвинял их в неутолимом стремлении к мировому господству и рисовал картину широкой «еврейской экспансии».

Автор пытался навязать читателю некий мистический образ еврея, недоступный пониманию простого человека. Действительно, автор утверждал, что, оставаясь в большинстве своем бедняками, евреи господствуют над мировым капиталом. Будучи народом диаспоры и не составляя политического целого, еврейство проявляет завидное единство. Повсюду подвергаясь гонениям, евреи оказываются истинными властителями стран, в которых они обитают, и, мало того, мечтают якобы о мировом господстве. Евреи и еврейские банкиры ставились в связь с Орденом иллюминатов, якобы стоявшим за Французской революцией и «Капиталом» Маркса. Получалось, что еврейские банкиры якобы поддерживали коммунистов, надеясь с их помощью захватить власть в мире. Человеку неосведомленному трудно все это понять, и ему волевым образом приходится удовлетворяться мистическим отношением к

еврейству, которое в этом случае не может не утрачивать. На самом деле образ, который рисовал автор, был весьма далек от действительности.

Но противоречия автора не останавливали, и он шел еще дальше. В памфлете звучал и мотив расовой борьбы, весьма популярный в определенных кругах Европы и США в начале XX в. Противопоставление «евреев-талмудистов» благовоспитанным христианам оборачивалось здесь прославлением «англосаксонской кельтской расы», которая якобы была призвана править миром. Будто бы отсюда и проистекал конфликт «арийцев» с «семитами».

Книга Форда бесплатно рассылалась священникам, банкирам, брокерам. Все его деловые партнеры были обязаны приобретать «Дирборн» и другие публикации его издательства. Они также подписывали на них своих друзей и знакомых, и к концу 1920 г. число подписчиков достигло 300 тыс. (правда, многие из них не читали то, что там писалось). Либолд сознательно не ставил на своих изданиях копирайта, оставляя возможность другим свободно их переиздавать. Книгу «Международный еврей» перевели на 16 языков, в том числе, она была шесть раз издана в Германии в 1920-1922 гг. В итоге эта книга более, чем что-либо другое, способствовала популярности «Протоколов» в мире.

Тем временем АЕК продолжал молчать. Но Центральная конференция американских раввинов, Национальный комитет еврейских женщин, Бнай Брит потребовали от Антидиффамационной Лиги в Чикаго, чтобы она отреагировала на работу Форда. Лига опубликовала памфлет Э. Ливингстона «Ядовитое перо», где говорилось, что хороший промышленник Форд взялся не за свое дело. Наконец, под влиянием массы присланных писем АЕК также решил действовать. В ноябре 1920 г. он подготовил формальное обращение к Форду, которое подписали ряд влиятельных еврейских организаций. Текст был написан Маршаллом и назывался «Большевизм Протоколов и евреи: обращение американских еврейских организаций к гражданам». Там говорилось о том, что дело зашло слишком далеко, и Форд не может уйти от ответственности, ибо все происходило с его ведома. Ему предлагалось предстать перед жюри из самых уважаемых американских граждан и предъявить на их суд доказательства существования мирового еврейского заговора. Заявление широко публиковалось в газетах и журналах по всей Америке, причем к этому присоединилась и нееврейская пресса. Однако Форд предпочел отмолчаться.

Тогда в дело вмешался социальный реформатор Дж. Спарго (1876–1966), крупный деятель методистской церкви. Встретившись с Хафтенем, он с удивлением узнал, что сама деятельность, развернутая АЕК против Форда, якобы доказывает стремление сионистов установить власть над другими нациями. Спарго списался с Маршаллом и вскоре издал книгу «Еврей и американские идеалы». Это было первым выступлением известного социального критика против Форда. Будучи знатоком большевизма, он стыдил Форда за лицемерие и показывал, что большевики не могли сплотиться под знаменем Иуды. Он предупреждал, что в Америке нет иммунитета от погромов, и возлагал ответственность за такое развитие событий на Форда и ему подобных.

Кроме того, Спарго подготовил заявление «Опасность расовых предрассудков» от имени 119 видных американских общественных деятелей – неевреев и христиан. Среди подписавших его были два бывших президента и действующий президент США (У. Тафт, Вудро Вильсон, У. Хардинг), девять государственных секретарей, кардинал, президенты университетов, бизнесмены, писатели. 16 января 1921 г. заявление вышло во всех ведущих газетах США. Этот манифест отрезвил американскую публику, и накал антисемитизма резко снизился. Форду пришлось познать горечь одиночества. В декабре 1920 – январе 1921 гг. он чувствовал себя очень неудобно и старался не показываться на публике.

В феврале 1921 г. журналист Дж. О'Нейл из «Нью-Йорк Уорлд» взялся помочь Форду объясниться. Его интервью с Фордом было опубликовано 16 февраля. Там говорилось: «Генри Форд верит, что международное еврейство с его расовой программой доминирования осуществляет дурное влияние на Америку и остальной мир... Именно евреи – международные финансисты – получили больше всего выгод от войны». Якобы «Дирборн» не «нападала», а лишь давала американцам пищу для размышления. Форд заявлял: «Мы далеки от ненависти к евреям». Но он верил в зло, исходившее от евреев, якобы стремившихся господствовать в мире. Он также надеялся на свою просветительскую кампанию. О'Нейл предусмотрительно позаботился о том, чтобы Форд лично заверил все сказанное. Тот согласился без сопротивления, ибо, подобно Либолду, был убежден в том, что все происходящее в современном мире отвечает духу «Протоколов». Прочтя интервью, Пипп заметил, что его бывший босс полностью проигнорировал исторические факты.

Тем временем, по поручению Либолда, Камерон старательно занимался сбором фактов против евреев. Он спрашивал, почему 20 лет театры показывали «просемитскую» пьесу «Бен-Гур», но шумно возражали против «Венецианского купца», почему в американском кинематографе царили евреи, почему их влияние было велико в бейсболе, джазе, популярной музыке? Его возмущало даже то, что они устроили свои магазины на Пятой авеню между 14 и 34 улицами. Маршалл и его АЕК молчаливо сносили все эти инсинуации, считая, что итак довольно было публикаций и выступлений против Форда. Какие-либо судебные или административные меры они отвергали, полагая, что это было бы только на руку Форду. Они верили, что скоро кампания выдохнется.

Все же вскоре Форду пришлось иметь дело с судом. Отвечая на вопросы репортера, он припомнил, что на «Корабле мира» один из «видных евреев» якобы говорил ему о могуществе «еврейской расы» и о том, как она с помощью золота контролирует мир. Вскоре Форд заявил, что этим евреем был журналист Г. Бернштейн, выпустивший книгу «История лжи», посвященную «Протоколам». Тогда тот подал на Форда в суд и выиграл против него дело о клевете.

В начале 1922 г. Форд заявил Камерону, что надо кончать с «еврейскими статьями». Видимо, на это у него были экономические и политические причины. В 1921 г. продажа автомобилей Форда начала резко снижаться, и можно было предполагать, что виной тому были кампании против покупок автомобилей Форда, затеянные еврейскими общинами. Это еще не было бойкотом, но дало повод для опасений. Одновременно Форд задумался об участии в президентских выборах, но понимал, что без поддержки штатов Огайо и Нью-Йорк, где большим влиянием пользовались евреи, ему победить не удастся. Поэтому в следующие два года газета резко снизила свою антисемитскую риторiku.

Тем не менее, вскоре вышел четвертый том «Международного еврея». Да и сам Форд не спешил отказываться от своих взглядов. 5 ноября 1921 г. газета опубликовала заметку о Талмуде, обеспокоившую еврейскую общественность. Ведь в эпоху позднего средневековья Талмуд неоднократно подвергался нападкам и даже сожжению за то, что он якобы раздувал ненависть к христианству и содержал богохульные высказывания об Иисусе и Деве Марии. Теперь «Дирборн» возрождала те же самые обвинения. Очень вероятно, что автор публикации использовал книгу «Евреи в Талмуде» Августа Ролинга, вышедшую в Мюнстере в 1871 г. и в Праге в 1874 г., а за-

тем в Нью-Йорке в 1892 г. Ведь именно на ней основывались все нападки на Талмуд в американской литературе. Другим источником могла послужить книга Ю. Пранайтиса «Талмуд разоблаченный: тайное раввинское учение о христианах», где говорилось о ритуальных убийствах. Наконец, незадолго до публикации на книжных прилавках появилась книга Э. Уэбстер «Тайные общества и подпольные движения», где Талмуду и Каббале навязывалась идея мирового господства евреев. После войны антисемиты с особым упорством обратились к Талмуду, выискивая там «ужасные тайны» и видя в нем символ изоляции евреев от остального мира. По этому пути пошла и «Дирборн».

Все эти нападки были связаны с обсуждением в 1920-х гг. новой иммиграционной политики. Почвенники настаивали на введении более жестких законов, чему способствовала популярность расовой теории на университетских кафедрах. В 1921–1922 гг. ряд ведущих журналистов писали об угрозе «ориентального» вторжения, о «татарах и азиатских элементах», о «радикальных расах». «Ориенталь», «хазары» и «азиаты» – это эвфемизмы того времени для восточноевропейских евреев, выражавшие их «чуждость», связь с иной культурой. Форд вторил этому хору в своей новой книге «Моя жизнь и работа» (1922). Там он тоже затрагивал вопрос об «отвратительном ориентализме», охватившем страну и восходившем к «единому расовому источнику». Он с гордостью говорил о завершении серии «исследований еврейского вопроса» и о том, что еще год назад сам доказывал отличия «еврейского ориентального ума» от американского.

Действительно, усилия Форда не пропали втуне. Зимой 1922 г. его книга «Международный еврей» украшала штаб-квартиру Гитлера в Мюнхене. А в октябре-ноябре 1923 г. Д. Эккарт со своим прилежным учеником Гитлером подготовили книгу «Большевизм от Моисея до Ленина: мои диалоги с Гитлером». Характер этих диалогов напоминал беседы Форда с Камероном и Либолдом, и в разделе, говорившем о господстве евреев в Америке, делалась ссылка на Форда.

Весной 1921 г. штаб-квартиру Форда посетил К. Людеке, узнавший о «еврейских публикациях» и захотевший встретиться с их издателем. После продолжительной беседы с Камероном он уехал в Германию, увозя с собой два тома «Международного еврея». Летом 1922 г. Людеке довелось присутствовать на митинге в Мюнхене, где Гитлер воскликнул: «Германия, проснись!» После личной встречи и

беседы с Гитлером он стал убежденным нацистом. В этом же году, пытаясь расширить рынок для своих автомобилей в Германии, Форд решил поддержать там антисемитское движение и начал посылать деньги в Мюнхен.

Осенью 1922 г. Форд намеревался баллотироваться в президенты США, и еврейские лидеры были этим обеспокоены. Ведь во время беседы с репортером Форд тогда говорил о разрушительной деятельности евреев и был настроен столь радикально, что тот даже спросил, не предпочтет ли он автократию демократии. 31 января 1924 г. Форды принимали у себя сына и дочь Рихарда Вагнера, Зигфрида и Винифред. Выслушав мнение хозяина дома о евреях, Винифред заметила сходство его взглядов со взглядами Гитлера, на что Форд ответил, что помогал Гитлеру деньгами. Затем Форд принял Людеке, который принялся доказывать, что идеи, излагавшиеся Камероном на бумаге, Гитлер воплощает в жизнь. Людеке позволил себе предположить, что и Форд имеет в виду практические цели. Он сказал, что, когда Гитлер придет к власти, то станет реализовывать программу, предложенную «Дирборн». Но едва Людеке попытался заговорить о деньгах, как Форд увел разговор в другую сторону. Так Людеке понял, что Форд никогда не думал о социальных последствиях тех теорий, которые продвигала его газета. Впоследствии в компании отрицали, что Форд финансировал Гитлера.

К этому времени Форд задумал построить целый автомобильный городок, который бы жил на самообеспечении. Он был предназначен для рабочих с семьями. Разработкой проекта занимался архитектор А. Кан, сын раввина из Германии, увлекавшийся промышленным строительством и с конца 1907 г. работавший у Форда. Он и спроектировал ему его первый завод Хайленд Парк. Многие из окружения Форда говорили, что, при наличии многочисленных евреев среди рабочих, еврея-архитектора и друзей-евреев, Форд не мог иметь предрассудков против евреев как таковых. Но Форд не любил сложных построений и, видимо, отделял знакомых ему евреев от абстрактного образа «международного еврея», который ему досаждал.

А. Кан был ассимилированным немецким евреем и не имел ничего общего с евреями Восточной Европы. Его семья не отличалась религиозностью, и сам он редко соблюдал еврейскую традицию. Тем не менее, он был глубоко задет антисемитской деятельностью «Дирборн». Но, подобно многим другим евреям-бизнесменам Детройта, связанным с компанией Форда, он не хотел открыто высту-

пать против магната. Лишь незадолго до смерти в 1942 г. Кан сказал, что, по его впечатлению, боссом двигало что-то, что было вне его. Форд во всем хотел видеть высокий эффект – от промышленности до идеологии. Его высказывание о том, что антисемитская кампания в «Дирборн» должна прекратиться, предназначалось для публики. Поэтому вторая волна нападков на евреев в 1922–1925 гг. была неслучайной. Теперь «Дирборн» хвалила президента Гарварда А. Л. Лоуэлла за введение квот для евреев, обвиняла правозащитника Ю. Розенвальда в том, что тот якобы неплохо заработал, помогая неграм переселяться с Юга в Чикаго во время войны (в ответ Розенвальд обнародовал материалы своей комиссии, десять лет борющейся с коррупцией в Чикаго), а также накидывалась на профсоюзы, «приносящие лишь вред», и выступала против женского и других левых движений.

Тем временем дела у Форда наладились, он стал одним из самых известных людей Америки и начал вкладывать огромные деньги в рекламу. Вопрос о размещении фордовской рекламы внес раскол в среду еврейских издателей. Маршалл категорически настаивал на бойкоте. Но некоторые считали неверным бойкотировать продукцию из-за взглядов ее производителя, и в 1920-х гг. идишитская пресса процветала, в частности, на деньги компании Форда.

Снабжая фермеров первоклассной техникой, Форд считал себя их покровителем. Поэтому появление А. Сапиро (1885–1959), призывавшего фермеров избавиться от затруднений путем кооперации, показалось ему неслыханной дерзостью. В юности Сапиро готовился стать раввином. Затем, отказавшись от этой идеи, он получил юридическое образование и начал отстаивать интересы калифорнийских фермеров. Кооперативное движение исключало посредников и перекупщиков и, тем самым, помогало увеличивать доходы. В 1922 г. Сапиро учредил Национальный совет фермерских кооперативных ассоциаций. По его инициативе был создан особый кооперативный отдел при Департаменте земледелия США. Но со временем Сапиро стал проявлять жесткость, и это вызвало недовольство фермеров, привыкших к самостоятельности. Они протестовали против высоких взносов, которых требовала ассоциация. В целом предприятие оказалось неудачным; в 1923 г. многие ассоциации разорились, и в 1926 г. Национальный совет был распущен. В 1924 г. появились признаки кризиса американской экономики, и в этом тоже винили Сапиро.

Форд и его газета давно с беспокойством следили за деятельностью Сапиро. Теперь представился удобный момент для нападения.

Еще в 1920 г. «Дирборн» писала, что евреи далеки от подлинных интересов земледелия, что их интересует лишь золото и рента, что они хотели бы подчинить себе независимых фермеров. При этом газета ссылаясь на 6-й и 12-й протоколы, где говорилось, что надо использовать противостояние фермеров городу. 12 апреля 1924 г. в газете появилась статья «Еврейская эксплуатация фермерских организаций». В ней говорилось, что по инициативе «молодого еврея с тихоокеанского побережья» «банда евреев – банкиров, адвокатов, рекламных агентств» и пр. «оседлала американских фермеров». В статье делался намек на заговор под маской кооперации, и за фасадом снова маячил Кагал. Давался список «ориентальных финансистов», сплошь состоявший из еврейских имен. Газета снова пугала большевистской угрозой, якобы связанной с евреями.

6 января 1925 г. Сапиро потребовал от Форда, чтобы тот публично отрекся от серии статей под названием «Еврейская эксплуатация». Его письмо осталось без ответа, а статьи продолжали выходить еще три месяца. Масло в огонь подлил отказ Федерального Резервного Банка (его «Дирборн» всегда связывала с евреями) субсидировать производителей хлопка в Техасе. Так фермеры, по словам газеты, оказались заложниками организации Сапиро. После этой публикации Сапиро подал в суд на Форда и издательство «Дирборн» за диффамацию.

Разбирательство дела Сапиро против Форда было назначено в Детройте в марте 1926 г. По просьбе Форда оно было перенесено на сентябрь. Затем Форд отвел кандидатуру судьи А. Таттла, и новый процесс был назначен на 15 марта 1927 г. Адвокаты Сапиро решили представить дело Сапиро в контексте постоянных наветов «Дирборн» против евреев. На стороне Форда был сенатор-демократ от штата Миссури Дж. Рид и команда из семи адвокатов. Они доказывали, что, если Форд нападает на «еврейскую расу», то в этом нет вреда для отдельных индивидов. Форд был связан с корпорацией «Дирборн», и если газета этой компании публиковала что-то против Сапиро, то отвечать за это должна компания, а не лично Форд, если не будет доказано, что он непосредственно участвовал в подготовке статей. Но судья Раймонд заявил, что Сапиро выступал от себя лично, и поэтому выпады против «еврейской расы» к делу не относятся. Форд был вызван в суд. Он был встревожен, ибо помнил о суде в 1919 г.

18 марта 1927 г. в качестве свидетеля был вызван Камерон, за чем должно было последовать выступление Сапиро. Нервы у Форда начали сдавать. Более шести дней адвокат Сапиро У. Галлагер зада-

вал вопросы Камерону, пытаясь установить личную причастность Форда к действиям журналиста. Камерон всячески выкручивался, стремясь обелить шефа, и показывал, что тот редко вмешивался в дела газеты, оставляя их на его усмотрение. Постепенно судья отказался от своей настороженности в отношении вопроса о «еврейской расе». Галлагер стал обращаться к текстам разных статей, пытаясь оживить память Камерона. Но тот так и не вспомнил бесед с Фордом о каких-либо отдельных евреях. После дачи свидетельских показаний Камерон отправился на отдых в Канаду. Даже через 25 лет уже после смерти Форда Камерон стоял на своем, отстаивая невиновность Форда. Однако Либолд неоднократно заявлял, что все шло с санкции Форда, знавшего каждую фразу.

Маршалл внимательно следил за судебным процессом, сожалел о том, что Сапиро все это затеял; ведь это лишь прибавляло Форду популярности. В конце марта произошел странный дорожный инцидент. Машина Форда была сбита огромным «студебеккером» и врезалась в дерево. Свидетелей аварии не было. Форд сам дошел домой и провел два дня в больнице. Один из врачей сказал, что, возможно, Форд на время потерял сознание. Это надолго избавило его от дачи свидетельских показаний. Но Галлагер поднял вопрос о «сфабрикованном» инциденте с Фордом. Он потребовал для того врачебного освидетельствования и продолжения дачи показаний.

Затем в суд был вызван Либолд. Адвокаты Форда поняли опасность и заявили, что один из присяжных был подкуплен евреями. После этого в газеты просочилась небылица с оправданиями некой женщины, одной из присяжных. Суд был перенесен на 12 сентября.

Вскоре Форд признался одному из своих доверенных лиц в том, что хочет закрыть «Дирборн». В это время продажа машин шла все хуже, доходы компании падали, ходили слухи о ссоре Форда с сыном, и он решил, что надо выпустить новую усовершенствованную модель. Таким образом, Форда одновременно мучили два вопроса – о новой модели автомобиля и «еврейский вопрос». Нужно было сменить имидж и удивить мир чем-то новым.

26 мая 1927 г. после выпуска 15-миллионной машины Форд закрыл завод Хайленд Парк. О подготовке новой модели автомобиля ничего не сообщалось. Теперь следовало закрыть и «еврейский вопрос». Для Форда было непереносимо думать, что осенью его ждет новый судебный процесс. Он не мог запускать в производство новый автомобиль, нося клеймо юдофоба. Ему нужен был образ нового промышленного лидера.

В этом ему помог известный нью-йоркский журналист А. Брисбейн (1864–1936), многолетний поклонник его организаторского таланта. Форд в свою очередь симпатизировал ему. Однако в одном они расходились, и это касалось антисемитизма. Критикуя «Дирборн» за ее позицию по «еврейскому вопросу», Брисбейн писал о больших успехах евреев в разных сферах американской жизни. Со своей стороны, «Дирборн» называла его «помощником евреев» и стыдила за якобы полное незнание «еврейского вопроса». Однако Брисбейн продолжал умолять Форда прекратить нападать на «значительную часть хороших американских граждан». Он верил, что тот не понимает истинного эффекта статей в «Дирборн». 11 мая 1927 г. они встретились и пять часов беседовали. По словам журналиста, Форд заверил его в том, что полностью изменил свое мнение и навсегда перестает публиковать статьи, обижавшие евреев. Он также заявил, что прекращает издание газеты. В частности, он сказал: «Никто не может обвинить меня в том, что я враг евреям. У меня работают тысячи из них. Среди них мои самые талантливые помощники. Здание, в котором мы находимся, построил Альберт Кан, еврейский архитектор из Детройта, человек, с которым никто не может сравниться... Я ненавижу компании, стремящиеся установить контроль над другими и создать им преграды для заработка. Их религия или раса не имеют значения, и я не враг евреям». Примечательно, что об этой встрече не знали ни Либолд, ни Камерон, ни адвокаты Форда.

В июне 1927 г. доверенные лица Форда посетили конгрессмена Н. Перлмана, вице-президента Американского еврейского конгресса, и сообщили, что Форд и его семья хотят положить конец пересудам вокруг «Дирборн». Перлман отослал их к Маршаллу, которому они передали мнение Форда о том, что Камерон его «обманывал». Форд также заверял, будто не представлял себе полностью эффекта статей. Маршалл сделал вид, что поверил этому. Он лишь сказал: «Все эти наветы больно ранили евреев, и одни лишь слова их не вылечат». Форд должен публично отречься от статей и попросить прощения; он должен показать, что в будущем ничего подобного не будет. Через десять дней посланцы вернулись и от имени Форда передали ему, что тот согласен. Форд попросил Маршалла подготовить заявление от его имени. Он выказал желание помириться с Сапиро и Бернштейном. Ведь Бернштейн помнил о его наветах в связи с «Кораблем мира» и полагал, что дело Сапиро дает и ему самому шанс отыграться.

В конце июня Маршалл подготовил для Форда заявление с извинением, и тот подписал его, не глядя. Вот оно, это важное заявление, опубликованное 8 июля 1927 г.

«Некоторое время назад я принял решение поместить серию статей о евреях, и те с 1920 г. появлялись в “Дирборн Индепендент”. Некоторые из них были затем изданы в форме памфлета под названием “Международный еврей”. Хотя эти публикации являются моей собственностью, не должно вызвать сомнения, что моя многосторонняя деятельность не позволяла мне лично следить за их изданием или их содержанием. Из этого следует, что я поручил это людям, которым я полностью доверял. К величайшему сожалению, я обнаружил, что евреи вообще и особенно в этой стране не только восприняли эти публикации как антисемитские, но видят во мне своего врага. Друзья, с которыми я это обсуждал, со всей искренностью заверили меня, что, по их мнению, характер как индивидуальных, так и коллективных обвинений и инсинуаций в адрес евреев, регулярно содержащихся в “Дирборн Индепендент” и перепечатанных в памфлете, подтверждает справедливость тех чувств возмущения, которые ко мне повсюду питают евреи из-за своих душевных страданий, незаслуженно причиненных этими нападениями. Это заставило меня лично обратить внимание на это дело и изучить истинную суть статей. В итоге проведенного анализа я заверяю, что глубоко уязвлен тем, что газета, призванная быть конструктивной, а не деструктивной, стала источником распространения выдумок, дав ход так называемым “Протоколам сионских мудрецов”, которые, как установлено, являются подделкой, а также настаивая на том, что евреи замешаны в тайных замыслах установления контроля над капиталом и промышленностью во всем мире, не говоря о других выступлениях против приличий, общественного порядка и нравственности.

Если бы я знал об этих высказываниях хотя бы в общих чертах, не говоря о деталях, у меня бы не было ни тени сомнения, что следует запретить их распространение, ибо я хорошо знаю о заслугах еврейского народа в целом, о том, что евреи и их предки сделали для цивилизации и для человечества и для развития коммерции и промышленности, об их трезвости и прилежности, их доброжелательности и их искренней заинтересованности в общественном благе. Конечно, темные овцы есть в каждом стаде, как и среди всех рас, вероучений и национальностей, и они иногда приносят вред. Но нельзя судить о народе по отдельным индивидам, и поэтому я безоговорочно присоединяюсь к осуждению всех доносов и нападок.

Все, кто меня знают, могут подтвердить, что не в моем характере кого-либо оскорблять или приносить кому-либо боль, и я всегда стремился освободиться от всяческих предубеждений. Именно поэтому я заверяю, что был страшно расстроен результатом проверки содержания “Дирборн Индепендент” и памфлета под названием “Международный еврей”. Полагаю своей обязанностью как честного человека исправить все то зло, что было причинено евреям как людям и моим братьям, обращаясь к ним с просьбой простить за весь вред, который я ненароком совершил, отрекаясь, насколько это в моих силах, от тех оскорбительных обвинений, которые содержались в публикациях, и заверяя их, что впредь они могут смотреть на меня как на доброжелательного друга. Не имеет смысла добавлять, что памфлеты, разосланные по стране и за рубеж, будут изъяты из обращения, и, насколько это в моих силах, я оповещу, что отказываюсь от них, и впредь “Дирборн Индепендент” будет вестись так, что там никогда больше не появятся статьи о евреях. Наконец, позволю себе добавить, что это заявление было сделано по моей собственной инициативе и всецело в интересах права и справедливости и в соответствии с тем, что я считаю своим долгом человека и гражданина. Генри Форд, 30 июня 1927 г., Дирборн, Мичиган».

Вскоре Форд помирился и с Сапиро, оплатив ему судебные издержки. А затем закрылось и дело Бернштейна. Маршалл был поставлен в известность о том, что Форд намерен прервать отношения с Либолдом и Камероном. Действительно, Либолд был отстранен от заведования газетой, а Камерон потерял должность ее редактора. Но оба остались на службе у Форда. Маршаллу было обещано, что извинения Форда появятся и в «Дирборн Индепендент», но этого не произошло. Вместо этого в номере от 30 июля было помещено заявление о том, что статьи о кооператорской деятельности Сапиро были набраны в спешке, причем без уведомления об этом Форда. Было ясно, что дни газеты сочтены. Когда он ее закрывал, его спросили, продаст ли он оборудование. Он ответил: «Нет, не буду. Я имел дело с евреями, и они не выполнили свою часть соглашения. Я когда-нибудь за них снова возьмусь».

Узнав об извинениях Форда, Людеке примчался к Камерону, застав того в состоянии глубокой растерянности. Извинения шефа явно повергли его в шок. На попытки Людеке убедить его выступить против Форда и рассказать всю правду Камерон ответил: «Не знаю, что я сделаю. Но я не отступлю. Все, что я написал, сохраняет значение. Я ни одного слова не возьму обратно... Я хорошо знаю

Форда, чтобы сомневаться в том, что все те статьи полностью отражали его взгляды и что он и сегодня думает так же». Вскоре один из друзей спросил Форда, зачем ему было начинать всю эту историю. Тот ответил: «У меня нет ненависти к евреям. Я хочу быть им другом... Но в течение веков они делали все, чтобы вызвать к себе неприязнь. Они игнорировали своих замечательных учителей и свои собственные заявления. Даже те не могли отучить их от несносных привычек... Я хотел с помощью дубины этого добиться».

Пипп откровенно не верил, что Форд мог чего-либо не знать о статьях; ведь он был их вдохновителем. Еврейская общественность тоже с осторожностью отнеслась к заявлению Форда и хотела убедиться в его искренности. В частности, Маршалл предостерегал от чрезмерных восторгов. Один из раввинов говорил, что написанное Фордом еще отзовется эхом на следующих поколениях, и в этом таится опасность.

В Германии Теодор Фрич публично заявил о своих сомнениях в искренности Форда и предположил, что на того нажали еврейские банкиры. Ведь если бы Форд всерьез относился к своим словам, он бы потребовал обратно право на издание «Международного еврея». Действительно, только в ноябре Форд формально обратился к нему через Либолда. Но он хорошо знал, что на памфлете не было копирайта. Раввин Франклин неоднократно просил Форда запретить немецким издателям публиковать памфлет. Но из Германии приходили только отказы. Франклин также обращался к издательству, издававшему книгу Форда «Моя жизнь и работа», настаивая на изъятии раздела о «еврейском вопросе». Но и это сделано не было. Наиболее воинственным противником Форда Франклин говорил, что грубым давлением на того воздействовать нельзя. Не зная, кто именно написал для Форда извинения, Франклин не мог поверить, что Форд ничего не знал о содержании своих статей.

В самом конце 1927 г. «Дирборн Индепендент» закрылась навсегда. После этого Форд в первый и последний раз встретился с Маршаллом в Нью-Йорке. Форд заявил ему, что газеты больше нет, что он уничтожил все экземпляры памфлета, какие только мог найти, и что ничего не имеет против евреев как таковых. Он согласился с мнением Маршалла о том, что Либолда и Камерона следует уволить. Когда Маршалл напомнил, что Фрич в Германии и другие зарубежные издательства продолжают выпускать его памфлет, Форд заверил собеседника, что скоро это кончится, забыв упомянуть, что в таком случае Фрич просил бы о возмещении всех издержек.

В следующие пять лет Форд открыто не возвращался к «еврейскому вопросу». Зато он занялся заводом и основал музей американской культуры. Между тем, после закрытия газеты Камерон продолжал говорить от имени Форда, но на этот раз по радио (один час каждую неделю в 1934-1942 гг., а затем в 1945-1946 гг.). Он никогда не забывал о своей принадлежности к британским израильтам. Еще во время работы в газете он время от времени помещал там статьи, пропагандировавшие их точку зрения. Например, 22 сентября 1923 г. газета утверждала, что евреи занимают не свое место. Со ссылками на Библию автор доказывал, что племя Иуды было якобы ниже племен Иосифа и что современные «татары» из России и «славяне» из Польши были не избранным народом, а остатками низших каст. Он предвещал Конец Света, когда евреи не смогут пережить объединения арийцев, англоязычных людей, в следующей большой войне. 23 мая 1925 г. газета приводила большую цитату из У.Говарда, главного министра Всемирной федерации британских израильтов. Тот говорил, что «нет места для обоих – Израиля и Англосаксов; должен остаться лишь кто-то один...» Он предсказывал выступление Международного банковского сообщества, описанного в «Протоколах», против Знамени Господа. Весной 1930 г. Г.Рэнд (1889–1991) и Камерон основали Англосаксонскую федерацию Америки, причем Камерон, ставший к тому времени хроническим алкоголиком, был избран ее президентом.

В начале 1930-х гг. неприязненное отношение Форда к евреям получило, наконец, свое объяснение. Он побаивался конкуренции международных банков, руководивших, по его мнению, правительствами разных стран. А эти банки он связывал с евреями. Снова после долгого молчания он заявил об этом 26 января 1933 г. в интервью газете «Лондон Ивнинг Стэндард». Форд выразил опасения, что некие банкиры стремились установить контроль над его заводами. Опираясь на банковский капитал, его конкуренты будто бы хотели притормозить его производство. Еще в книге «Международный еврей» Форд отвергал любые привилегии и с ненавистью относился к финансовому капиталу, видя в нем не более чем паразитический нарост, от которого следовало избавиться. Он сокрушался по поводу того, что власть в мире якобы принадлежала не богатым людям вообще, к которым он себя причислял, а именно «евреям-финансистам». Он изображал промышленников антиподами банкиров – якобы первые думали о народе, обеспечивая его работой, а вторые заботились лишь о собственном кармане. Сходные мысли о

соотношении финансового и промышленного капитала высказывал и Гитлер.

Вскоре Гитлер стал канцлером Германии. В мае 1933 г. там жгли книги неугодных авторов, но книга Форда «Международный еврей» удостаивалась лишь похвал. Более всего этим занимался Т. Фрич, называвший ее «одним из главных идеологических орудий борьбы с евреями». В это время он выпустил уже ее 29-е немецкое издание. Именно это издание Франклин обнаружил в продаже в Нью-Йорке. Он тотчас же связался с Либолдом и сказал, что Форду следовало бы отмежеваться. Он также обратил внимание Либолда на то, как нацисты использовали имя Форда. Но вряд ли это дошло до Форда. Впрочем, Франклин не терял надежды, и, действительно, в декабре 1933 г. на страницах журнала «Американский еврей» Форд заявил: «Я не ненавистник евреев. Я никогда не встречался с Гитлером. Я никогда не тратил ни цента прямо или косвенно на антисемитскую деятельность, где бы то ни было. У евреев свое место в мировой социальной структуре, и они его честно занимают. У меня есть друзья-евреи...»

По просьбе Антидиффамационной Лиги (АЛ) ее члены начали снабжать Франклина информацией об изданиях «Международного еврея», которые они находили в магазинах или библиотеках. Так у Франклина появились основания сообщить Форду, что после его извинений распространение его книги не прекратилось. АЛ настойчиво просила Франклина узнать у Форда, что он намерен предпринять. Но лишь через два года Либолд публично признал, что его босс не причастен к авторству книги.

Тем временем, возникшая в Нью-Йорке в 1933 г. Антинацистская Лига также предупредила Форда об опасной роли его книги в Европе и о том, что некоторые его сотрудники продолжали свои антисемитские выступления. Имелись в виду не только Либолд и Камерон, но и Ф. Кун, лидер Германско-американского союза, филиала нацистской партии, как это установила сенатская комиссия в 1938 г. Кун активно занимался распространением нацистской литературы, среди которой был и «Международный еврей». Между тем, Форд заявил, что не интересуется идеями своих работников.

С приближением войны Форд вспомнил о своих былых идеях. Он снова заявил, что 100 человек несут ответственность за войны, затем это число снизилось до 25-30 членов «подпольного правительства». Позднее он говорил вообще о «финансистах». Те, кого он называл «финансистами Нью-Йорка», в апреле 1938 г. достигли в

его воображении «60 семей», в июне их число снизилось до 25 человек.

Но АЛ вела свои подсчеты. По ее данным, в 1925–1928 гг. в США банкиры-неевреи владели 7,3 млрд. долларов, а евреи – 1,1 млрд. В середине 1935 г. капитал одного Моргана оценивался в 1,5 млрд. Зато лишь 7% всех иностранных капиталов принадлежали евреям. Штат управленцев девятнадцати крупнейших банков Нью-Йорка состоял из 420 человек; лишь 13 из них были евреями. Но вряд ли Форда интересовали эти цифры.

К концу 1933 г. климат для евреев в США ухудшился. Депрессия вызвала волну социальной дискриминации, что в особенности ударило по евреям, составлявшим 3% населения. Тревогу вызвало принятие в Германии Нюрнбергских законов 1935 г. В это время из Эрфурта на восьми языках распространялась пропагандистская нацистская литература. Этим ведало Нацистское международное агентство во главе с Ульрихом Фляйшхауэром, учеником Фрича и другом Эккарта. В 1937 г. в Эрфурте проходила Международная антисемитская конференция. В списке фигурировавших там памфлетов, направленных против «еврейского заговора», на четвертом месте значился «Генри Форд и виновники войны».

В июне 1938 г. германское правительство заказало у фордовского завода в Кельне 3150 большегрузных грузовиков, и завод впервые получил большую прибыль. Его менеджер всячески отрицал военное назначение этого заказа. Тем временем германское правительство наградило 75-летнего Форда орденом за пионерские достижения в автомобилестроении. А в сентябре 1938 г. и Либолд был награжден германской медалью.

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. («Хрустальная ночь») по Германии прокатились еврейские погромы, вслед за чем антиеврейское законодательство там стало еще более жестким. В это время в Детройте начались регулярные радиопроповеди пастора Ч. Кафлина (1891–1979). На его взгляд, оправданием «Хрустальной ночи» служила вся предшествующая история евреев. Он заявлял: «Нацизм – это лишь защитный механизм против коммунизма». Антисемитские высказывания не были чужды пастору и раньше. Например, в феврале 1933 г. он произнес длинную речь о том, что евреи виновны в нищете простого народа – он указывал на Морганов, Кун-Лёбсов, Ротшильдов. С «еврейскими манипуляциями» он связывал вступление США в Первую мировую войну и банковский кризис в Детройте в 1933 г. Вскоре Либолд подружился с Кафлиным, и они не раз

обсуждали отношение Форда к евреям. Весной 1938 г. Кафлин часто встречался и с самим Фордом. Он начал издавать журнал «Социальная справедливость», где печатал выдержки из «Протоколов». Еврейская община Детройта выступила с требованием, чтобы он отмежевался от «Протоколов». Но тот продолжал каждую неделю их печатать, настаивая, что интересуется только их фактической основой, а евреям следует быть менее чувствительными. Либолд снабжал Кафлина газетой Штрайхера «Дер Штюрмер», выходившей под девизом «Евреи – наше несчастье». А Кафлин печатал речи Геббельса. Секретарь Рузвельта Г. Икес был убежден, что Форд финансировал Кафлина.

21 ноября 1938 г. на Мэдисон Сквер Гарден прошел антифашистский митинг. Освистыванию там подверглись имена Гитлера, Геббельса, Ф. Куна и Г. Форда. Опрос общественного мнения показал, что 80% американцев знали об антисемитизме Форда. Накануне Второй мировой войны американские евреи подвергли Форда бойкоту и перестали покупать его товары. Но тот делал вид, что его это мало волнует.

Связующим звеном между довоенным нацистским и послевоенным антисемитским движениями в Америке стал Г. Смит (1898–1976). В годы депрессии он проповедовал утопические взгляды об упразднении различий между богатыми и бедными. В конце 1934 г. перед огромной толпой он нападал на все, что делал президент Рузвельт, и выражал надежду на то, что в Америке появится свой Гитлер. В начале 1937 г. он приехал с проповедью в Детройт, где его услышал Либолд и представил Форду. Через два года Смит переехал в Детройт, получив финансовую помощь от Форда, с которым полностью сходилась относительно евреев. По словам Смита, Форд опасался, что евреи Нью-Йорка хотят подчинить себе его компанию. Форд говорил ему, что «еврейский вопрос» – это ключ к современности. Либолд подарил Смиту полную подборку «Дирборн» и «Международного еврея». Этот памфлет Смит переиздал в 1951 г., вспоминая в предисловии, что в 1940 г. Форд сам собирался в будущем это сделать.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. в США ширилось забастовочное движение. Несмотря на все старания фордовской службы безопасности, оно охватило и предприятия Форда. Но тот свалил причину этого на «преследования его евреями». Тем временем, с июля 1939 г. фордовский завод в Кельне, получив немецкое название, занимался выпуском грузовиков и автомобилей для Вермахта,

СС и полиции. Более 60% армейских грузовиков были произведены на заводе Форда. В отличие от другой американской собственности, нацисты никогда не пытались конфисковать этот завод. Он работал и во время войны, создавая, например, турбины для немецких ракет. Одновременно фордовский завод в Англии обслуживал английскую армию. Когда Форда как-то спросили, как обстояло дело с его прежними антивоенными настроениями, он ответил: «Это – закон земли, не так ли?»

Американцы, освобождавшие Кельн, нашли на заводе Форда массу иностранных рабочих из Восточной Европы и СССР, работавших под охраной гестапо по 12 часов в день за 200 г хлеба. Этот рабский труд резко расходился с заявлениями, делавшимися Фордом в течение 30 лет. Даже официальные историки корпорации признавали, что Форд «впал в галлюцинации...»

За месяц до Пирл Харбора Форд обеспокоился, что его все еще считали антисемитом. Он написал обращение в прессу с призывом к американцам не поддерживать движения, разжигавшие ненависть против какой-либо группы.

7 апреля 1947 г. старый Форд умер, так и не очистив память о себе от пятна злобного антисемитизма. Его дело перешло к его внуку, 30-летнему Генри Форду II. Сразу же после смерти деда, он впервые официально от имени компании выступил против антисемитизма. Он заявил, что Г.Смит опубликовал «Международного еврея», не получив согласия ни у его деда, ни у компании, ни у него. За последующие полвека уровень антисемитизма в США резко снизился. Между тем, дело Форда не было забыто, и образ «международного еврея» сменился образом «международного сиониста», наделяющегося столь же искусным умением плести международные интриги и заговоры. Так по иронии судьбы удачливый американский капиталист успешно передал эстафету антисемитизма советским коммунистическим идеологам, и это наследие до сих пор свято сохраняется некоторыми современными российскими коммунистами.

Термин «Холокост» имеет греческую этимологию: «холо» означает «целое», «каустон» – «сожженное». В советские годы этот термин был мало кому известен, ибо советская интернационалистическая идеология пресекала любые попытки особым образом выделять какие-либо группы среди советских граждан, погибших от рук нацистов в годы Второй мировой войны. Как пишет Д. Липстед, «еврейское лицо трагедии здесь было скрыто». Поэтому даже надпись на памятнике, установленном в 1976 г. в Бабьем Яре, где осенью 1941 г. были расстреляны около 150 тысяч киевских евреев, сообщала о том, что там погибли «мирные советские граждане». Нет нужды говорить, что какие-либо несанкционированные акции в память погибших там евреев запрещались властями. Поэтому в советские и отчасти даже в постсоветские годы Холокост не играл большой роли в идентичности евреев СССР и появившихся на его территории новых государств. Еще меньше внимания ему уделяли русские националисты. Впрочем, отрицание Холокоста началось еще в советское время, и его рупором тогда выступал Лев Корнеев в книге «Классовая сущность сионизма» (1982), примеру которого затем следовал Смирнов-Осташвили.

С начала 1990-х гг. в ультрарадикальной российской прессе стали появляться статьи, называвшие Холокост «мифом». Вначале о «мифе о Холокосте» начали писать такие маргинальные издания, как, например, «Русское воскресенье» (1992, № 8) и «Наш марш» (1993, № 3), затем к ним присоединились более respectable газета «Русский вестник» (1996, № 32-34), консервативный журнал «Наш современник» (1997, № 3) и некоторые другие издания. В частности, «Наш современник» опубликовал соответствующие главы из книги бывшего французского коммуниста Роже Гароди, за которую тот был в 1998 г. приговорен во Франции судом к большому штрафу за оправдание преступлений против человечности.

Тем не менее, в России начали беспрепятственно появляться и распространяться книги, ревизующие историю Холокоста. К ним относятся анонимная публикация «Миф о Холокосте. Правда о судьбе евреев во Второй мировой войне» (М.: Русский вестник,

1996), затем «Великая ложь XX века. Миф о геноциде евреев в период второй мировой войны» (СПб.: Сенеж, 1997; М.: Витязь, 2000) и «Холокост. Блеф и правда» (М.: Яуза, 2005) Ю. Графа, а также «Шесть миллионов “потеряны” и найдены» (М.: Витязь, 1998) Р. Харвуда. Тема ревизии Холокоста звучала и в изданной в Москве книге Д. Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Все такого рода работы были написаны зарубежными авторами, и с ними русских националистов познакомили западные неонацисты и расисты, приезжавшие в Россию в 1990-х гг.; собственных оригинальных попыток ревизии Холокоста у русских националистов не наблюдается. Вместе с тем, по прогнозам экспертов, со временем тема ревизии истории Холокоста может стать в России популярной. Вот почему следует знать, как, кем именно и в какой обстановке начался и производился пересмотр истории геноцида евреев, устроенного нацистами в годы Второй мировой войны.

Следует сразу отметить, что тема «мифа о Холокосте» развивается, прежде всего, неонацистами, антисемитами и расистами. Неонацистам она нужна для оправдания нацизма и возвращения к их политической программе; антисемиты находят здесь благодатную почву для подтверждения своих параноидальных идей о «еврейском заговоре»; расисты пытаются «разоблачать» «ложь о Холокосте» во имя спасения «белой расы». Ниже мы увидим, что все они прибегают к стандартному набору аргументов, разработанных еще во второй половине 1940-х – 1960-х гг. Важно, что среди участников этой сомнительной деятельности почти не было и нет признанных ученых. Это следует подчеркнуть, чтобы не путать «ревизионистов» с профессиональными историками, продолжающими изучение темы Холокоста и вносящими существенные уточнения в наши представления о том, как готовился и осуществлялся геноцид евреев в годы Второй мировой войны. В частности, благодаря этим исследованиям, было опровергнуто утверждение о том, что нацисты использовали трупы узников для изготовления мыла: это оказалось слухами, популярными в стане антигитлеровской коалиции. Однако истинные ученые никогда не пользуются аргументами, создающими основу для ревизионистских построений.

В послевоенные годы избежавшие суда бывшие нацисты неоднократно пытались убедить общественность в том, что масштабы Холокоста были преувеличены, а намерения нацистских властей были якобы неверно истолкованы. Так, нашедший убежище в Испании, лидер бельгийских фашистов Леон Дегрелль доказывал Папе

Римскому, что никаких газовых печей не было и что узники-евреи погибали, в основном, от английских и американских бомбежек. В свою очередь бывший комиссар по делам евреев при вишистском правительстве Луи Даркье де Пеллепуа, ответственный за депортацию евреев в лагерь смерти, заявил в 1978 г., что нацистский геноцид – это типичная еврейская выдумка.

Вдумчивая исследовательница Холокоста Д. Липстед находит корни ревизионизма у некоторых американских историков межвоенного периода, пытавшихся обелить действия Германии в период Первой мировой войны, чтобы направить США на путь изоляционизма. Этот подход нашел симпатии у части историков и в отношении Второй мировой войны, ибо образ Германии как форпоста в борьбе против коммунизма значил для них много больше, чем нацистские преступления против человечности. Поэтому они отстаивали позицию «равной вины» и доказывали, что, во-первых, от бомб союзников погибло ничуть не меньше мирных немцев, чем было убито узников в нацистских концлагерях, а во-вторых, массовое переселение судетских и силезских немцев из Чехословакии и Польши в Германию было якобы равнозначно умерщвлению евреев в лагерях смерти. Все же, по словам Д. Липстед, пока память о войне была свежа, ревизионисты не делали одного – не отрицали, что нацистские зверства действительно происходили.

Первым, кто нарушил эту традицию, стал известный французский фашист Морис Бардеш, начавший еще в 1947 г. доказывать, что по меньшей мере часть документов о концлагерях были сфальсифицированы, что люди умирали там, прежде всего, от болезней и голода. В декабре 1951 г. М. Бардеш основал фашистский журнал «Защита Запада». Свою книгу «Что такое фашизм?» он начал с утверждения: «я – фашистский писатель». Затем он выпустил книгу «Нюрнберг или Земля обетованная», где защищал нацизм и опровергал Холокост. Там он доказывал, что история войны была сфальсифицирована; что союзники тоже виновны в военных преступлениях (бомбардировки Дрездена и других немецких городов); что немцы вели превентивную войну; что газ использовался для дезинфекции; что люди в лагерях умирали от голода и болезней; что «решением еврейской проблемы» было устройство гетто на востоке; что немцы лишь выполняли приказы; что не следует слишком жалеть о евреях, ибо это они развязали войну. Тем самым, Бардеш стал первым, кто начал называть документы о концлагерях «фальшивками», а газовые печи – «машинами для дезинфекции». Однако, так

как он всю жизнь гордо называл себя «фашистом», его построения не могли увлечь широкую общественность.

Большим авторитетом пользовался бывший участник сопротивления Поль Рассинье, имевший опыт пребывания в концлагерях Бухенвальде и Дора. В 1948 г. он опубликовал книгу «Переступить черту», где доказывал, что свидетелям Холокоста нельзя верить, ибо они многое преувеличивали. Он признавал, что узников убивали газом, но утверждал, что, во-первых, это делали местные начальники по собственной инициативе, а во-вторых, число таких жертв было много меньше официальных цифр. Мало того, депортацию евреев в концлагеря он пытался изобразить благородным жестом, попыткой спасти их от «народного гнева», чтобы позднее вернуть назад в германское общество.

В 1960-х гг. Рассинье перестал защищать эсэсовцев, но стал зато много писать о «мифе о геноциде». Газовые печи и цифру в шесть миллионов убитых он называл ложью и заявлял, что все это выдумали «сионисты», якобы полностью контролировавшие историков и научные институты, изучавшие историю Холокоста. Он утверждал, что «ложь о массовых убийствах» была нужна Израилю для получения больших денежных компенсаций от ФРГ. Не приводя никаких доказательств, он настаивал на том, что многие из этих шести миллионов были якобы живы к концу войны. На самом деле он лгал, ибо репарации исчислялись, исходя из числа тех, кто переселился в Израиль как беженец от нацизма, плюс выжившие узники концлагерей. Об этом говорил израильский документ от марта 1951 г., где была приведена цифра в 500 тыс. человек.

Рассинье был также первым, кто применил «семантический метод» к трактовке речей нацистских лидеров и немецких бюрократических документов эпохи войны. Недвусмысленные высказывания об истреблении евреев он называл гиперболами или эвфемизмами. Многие его аргументы и методы исследования источников были позднее с благодарностью подхвачены новым поколением ревизионистов.

В 1950-1960-х гг. представление о Холокосте как о «мифе» пришлось по вкусу американским антисемитам и неонацистам. В 1952 г. антисемит У. Херстром доказывал, что после войны в США появились 5 млн нелегальных иммигрантов, по большей части евреев. Через семь лет издатель расистского «Бюллетеня национального возрождения» Джеймс Мэйдол возмущался тем, что якобы евреи распространяют чудовищную ложь о гибели шести миллионов, хотя

в предвоенной Германии жили не более 600 тыс. евреев. Между тем, манипулируя цифрами, он умалчивал о том, что среди погибших преобладали как раз негерманские евреи. «Чудовищной фальсификацией» назвал Холокост основатель американской неонацистской партии Дж. Л. Рокуэлл, издевательски замечавший, что 6 млн евреев якобы мирно почтили в Бронксе, штат Нью-Йорк. В конце 1950-х гг. неонацист Ф. Йоки говорил, что Холокост – это «миф» и что документы о нем фабриковались «искажителями культуры». Однако все эти люди не имели большого веса, так как их радикальные взгляды были хорошо известны.

Гораздо более серьезной фигурой оказался признанный американский историк Гарри Барнс (1889–1968), чьи книги использовались для обучения в Гарварде и Колумбийском университете. Впрочем, постоянством взглядов он не отличался. Во время Первой мировой войны он был ярким сторонником Антанты, известным своим шовинизмом. Но сразу после войны он резко изменил свою точку зрения и стал прогермански настроенным изоляционистом. Он жестко критиковал политику Рузвельта и защищал Гитлера, видя в действиях последнего восстановление справедливости, нарушенной Версальским договором. В 1950 г. Барнс оправдывал все требования Гитлера, выдвинутые им в 1939 г. По его мнению, на поражение Гитлера обрекла не его патологическая жестокость, а, напротив, якобы его нежелание использовать полностью военную мощь против гражданского населения Европы. Проявляя известную экстравагантность, он писал о «заговоре» западных демократий против Германии и о «заговоре» западных ученых, которые якобы сознательно лгали, восстанавливая всех против нее. Хотя Барнс четко обозначил свою прогерманскую позицию еще в конце 1940-х гг., он утверждал, что начал с подозрением относиться к официальной версии истории Второй мировой войны лишь после того, как в 1955 г. познакомился с диссертацией Д. Хоггана, показавшей ему, будто Гитлер не хотел войны.

Если в своей диссертации Хогган еще держался в определенных научных рамках, то в книге, вышедшей в 1961 г., доказывал, что англичане и поляки сознательно провоцировали Гитлера и едва ли не силой втянули его в войну. Кроме того, он там заявлял, будто до конца 1938 г. никакой дискриминации евреев в Германии не было, и, вопреки всем документам, отрицал, что во время событий «Хрустальной ночи» среди евреев имелись убитые. Хогган тщательно приводил все речи Гитлера, где тот клялся в своем миролю-

бии, а все остальные факты отметал. В итоге Хогган изобразил Германию жертвой, а союзников подстрекателями. В его книге, в отличие от диссертации, имелось множество искажений. В этом трудно не увидеть влияния Барнса, не только читавшего его диссертацию, но в течение шести лет поддерживавшего с ним тесные контакты и поспособствовавшего публикации его книги, превратившейся в результате в апологию нацизма.

В начале 1960-х гг. Барнс познакомился с работами П. Рассинье и под их влиянием стал доказывать, что рассказы о зверствах нацистов были сфабрикованы. Кроме того, он настаивал на том, что военные преступления антигитлеровской коалиции были не в пример тяжелее. Он не забывал упоминать, что в рассказах о Холокосте были заинтересованы израильские политики. Сам же он начал высказывать сомнения в том, что Холокост действительно происходил. Зато он доказывал, что союзники уничтожили больше гражданского населения, чем нацисты. В конце 1960-х гг. он начал изображать газовые печи послевоенной выдумкой, умалчивая о том, что информация о них поступала еще в годы войны.

Постепенно самой важной проблемой ему стала казаться истинная численность узников, погибших в концлагерях. И здесь он искажал реальное положение дел, делая вид, что об Освенциме и других лагерях смерти узнали якобы только после войны. Кроме того, он замалчивал, что именно «официальные историки» установили отсутствие газовых печей в концлагерях, расположенных в Германии. Теперь известно, что настоящие лагеря смерти сознательно устраивались не там, а на территории Польши.

Барнса привлекла и история «айнзатцгрупп», созданных специально для истребления гражданского населения. Они появились на территории СССР в июле 1941 г. и до весны 1943 г. убили более 1 млн евреев и сотни тысяч советских людей других национальностей. Затем их сменили более эффективные газовые печи. Но Барнс с легкостью изменил функцию этих групп, назвав их «борцами с партизанами». Это полностью противоречит и документам, и свидетельствам самих членов этих групп.

В своих взглядах Барнс руководствовался не только германофилией, но и антисемитизмом. В его статьях это проявилось лишь в конце 1960-х гг., но в частных высказываниях – еще в 1940-х гг. Так, он обвинил антифашиста лорда Ванситтarta, служившего в британском МИДе главным советником по внешней политике, в том, что тот развязал войну, и заявил, что его надо судить вместе с

нацистскими вождями. Лорд Ванситтарт подал на него в суд, взяв в адвокаты Луи Найзера. Барнс назвал этот иск «заговором евреев и Антидиффамационной Лиги против американских историков, желавших рассказать правду о причинах войны». Найзера он назвал «марионеткой Антидиффамационной Лиги». Барнса совершенно не удовлетворяли хорошие отношения ФРГ с Израилем. Поэтому его не устроила речь президента германского Бундестага в Израиле в 1962 г., где тот попросил прощения за Холокост. Барнс обвинил того в том, что он якобы «пресмыкается».

Впрочем, Барнс понимал, что, пока его числят антисемитом, публика не воспримет его аргументов. Тогда он стал доказывать, что антисемитами будто бы называют всех, кто не согласен с официальной точкой зрения, чтобы заставить их замолчать. Тем не менее, он имел репутацию историка, и его книги использовались для обучения студентов престижных университетов. Так Барнс придал определенную респектабельность отрицанию Холокоста, и многие современные ревизионисты с благодарностью ссылаются на его построения.

Другой знаковой фигурой для ревизионистов был Остин Дж. Эпп, профессор английского языка и английской литературы в Университете Скрэнтона, а затем в колледже Ласалль. Он был ярким защитником немцев и нацистской Германии и в своих выступлениях перед многочисленными аудиториями доказывал, что евреи занимались «мошенничеством», а цифра «шесть миллионов» была выдуманной. Своими письмами в защиту Германии, дышавшими антисемитизмом и расизмом, он наводнил американские газеты и журналы, обращался к политикам, обвиняя США и их союзников. Если Барнс защищал Германию как страну, то Эпп был апологетом фашизма как политической системы. Еще в мае 1942 г. он заявил, что Германия права в своем стремлении установить контроль над нужными ей ресурсами и что союзники должны ей это позволить или будут разбиты. Позднее он обвинял союзников в развязывании войны и оправдывал нацистские преступления.

Одновременно он смешивал в кучу большевиков, талмудистов и сионистов и доказывал, что евреи были истреблены за свое «упрямство». Затем он усомнился в газовых печах, а в 1945 г. попытался уравнять вину обеих воюющих сторон: если надо судить немцев за депортацию евреев в концлагеря, то надо судить и американцев за депортацию японцев и пр. Вначале Эпп просто игнорировал массовые убийства и газовые печи, но затем решил доказывать, что все это было

фальсификацией. Тогда он начал утверждать, что большинство из шести миллионов выжили. В 1965 г. он назвал шесть миллионов «мифом» и написал, что якобы нет ни одного документа, доказывавшего, что нацисты хотели истребить евреев. Он выдвигал простой аргумент: если кто-то выжил, значит никого не убивали. Ссылаясь на эффективность работы германской бюрократической машины, он писал, что, если бы немцы хотели убить евреев, то никто бы и не выжил. Однако он не учитывал, что эта эффективность имела пределы, и немецкая бюрократическая машина иногда давала сбои.

В 1973 г. Эпп издал памфлет «Шестимиллионное жульничество», где уже откровенно отрицал Холокост, называя его выдумкой евреев и коммунистов. В «фальсификации» он обвинял «талмудических лидеров», желавших получить большие деньги у Германии в виде компенсации. В следующем году он доказывал, что 50 тыс. евреев из «погибших» якобы находились в Израиле, получив репарации от Германии. Подчеркивая разрушительную роль бомбардировок Германии союзниками в конце войны, Эпп предполагал, что тема Холокоста нужна Англии и США для оправдания этой жестокости. Якобы именно поэтому они и преувеличивали военные преступления нацистов, а свои преступления скрывали. По словам Эппа, они вырабатывали комплекс вины у немцев, чтобы евреи и Израиль могли получить большие деньги. Мало того, он настаивал на том, что свою политику союзники проводили под влиянием евреев, господствовавших в СМИ. Однако он не задавался вопросом о том, почему, если евреи действительно полностью контролировали СМИ, пресса так вяло освещала преследования евреев в Германии в 1930-1940-х гг.?

В конце своей книги «Шестимиллионное жульничество» Эпп перечислил следующие восемь доводов, обелявших нацистов, оправдывавших убийство евреев и обвинявших еврейских лидеров в фабрикации «мифа о Холокосте». Вот эти доводы, ставшие основой более поздних ревизионистских построений: 1) в планы Рейха входила депортация евреев, а не уничтожение, иначе они были бы уничтожены все без остатка; 2) не было газовых печей, а те, что обнаружены в Освенциме, предназначались для кремации; 3) большинство исчезнувших евреев надо искать на территориях, контролируемых СССР; 4) те, кто погибли от рук немцев, были предателями, партизанами, саботажниками, преступниками; 5) если бы действительно были убиты шесть миллионов, евреи бы предприняли широкое расследование, а Израиль бы открыл свои архивы для

историков. На самом же деле там обвиняют в антисемитизме тех, кто ставит Холокост под сомнение; 6) ни евреи, ни СМИ не дали подтверждения своим цифрам; 7) именно евреи должны предоставить доказательства того, что погибли шесть миллионов; 8) то, что еврейские авторы дают разные цифры погибших, якобы показывает, что никаких научных доказательств нет.

Однако, как пишет Д. Липстед, если бы Холокост был выдумкой «мирового еврейства», оно бы позаботилось, чтобы никаких противоречий в показаниях свидетелей не было. Эпп ссылается на архивы музея «Яд Вашем», где к началу 1970-х гг. удалось собрать сведения лишь о 2,5 млн жертвах. Речь шла о сведениях, полученных со слов родственников, друзей или соседей. Но ведь многие погибли, не оставив ни родственников, ни соседей. Кроме того, картотека «Яд Вашем» постоянно пополняется. Во время открытия нового Музея Холокоста «Яд Вашем» 15 марта 2005 г. уже говорилось о документах на 3 млн человек. Тем не менее, неполнота данных позволяла Эппу заявлять, что жертв было много меньше, чем гласят общепринятые цифры. Позднее «Институт исторических обзоров» со ссылкой на директора архивов «Яд Вашем» заявил, что половина заявлений от жертв Холокоста «малодостоверны». Для ревизионистов это было подтверждением их подозрения о выдумке. Но если речь шла о злонамеренной выдумке, зачем бы представитель «Яд Вашем» стал объявлять об этом? Кроме того, Эпп ссылается на Гимmlера, запретившего осенью 1944 г. дальнейшее истребление евреев. Но если не было политики убийств, что же тот тогда запрещал?

В конце 1960-х и в 1970-х гг. в Западной Европе, особенно, в Англии, наблюдался подъем неонацистского движения. Его члены выступали против иммигрантов, меньшинств и еврейских организаций. Одной из таких организаций стал Британский Национальный Фронт (БНФ). В эти же годы отрицание Холокоста превратилось в излюбленный прием неонацистской пропаганды. Пособием для нее стала брошюра Ричарда Харвуда «Умерли ли шесть миллионов? Долгожданная истина», вышедшая в 1974 г. и тут же разосланная всем членам парламента, многим журналистам и ученым, лидерам еврейских организаций. В конце 1977 г. она была переиздана под названием «Шесть миллионов потерянные и найденные». За десять лет более 1 млн экземпляров этой брошюры были распространены в более, чем 40 странах. В брошюре ее автор был представлен специалистом по политическим и дипломатическим проблемам Второй мировой войны, связанным с Лондонским университетом. Но в

Университете заявили, что ничего о нем не знают. Расследование показало, что за псевдонимом скрывался Ричард Веролл, лидер БНФ и редактор его газеты «Спearхед». Он действительно закончил Лондонский университет по отделению истории. В 1979 г. он опубликовал в журнале «Нью Стейтсман» ответ тем, кто нападал на брошюру. Хотя уже тогда было показано, что все ее выводы вызывали большие сомнения, Веролл их защищал.

Остается неясным, кто издал брошюру. В ней давалось название издательства «Хисторикал Ревью Пресс», но по указанному в брошюре адресу находился пустой дом, принадлежавший Робину Боклеру, близкому другу Энтони Хэнкока, издававшего основные неонацистские журналы, а также газету «Новости Холокоста».

Брошюра основывалась на книге «Миф о шести миллионах», изданной в США в 1969 г. антисемитским издательством «Нунтайд Пресс». Там имелось анонимное предисловие, а также введение, написанное Андерсоном, редактором антисемитского журнала «Америкэн Меркури». У экспертов не вызывает сомнения, что предисловие написал известный американский радикал Уиллис Карто, основатель «Лобби за Свободу», «Нунтайд Пресс» и «Института исторических обзоров». Андерсон – это его псевдоним. В приложении к книге были помещены пять статей, появившихся в 1967–1968 гг. в «Америкэн Меркури». Это – статьи Эппа «Иллюзия шести миллионов», Барнса «Сионистская выдумка», Терезы Хендри «Был ли “Дневник Анны Франк” мошенничеством?», Лео Хеймена «Евреи, которых нет», Г. Роузмана «Поль Рассинье: исторический ревизионист» и рецензия Барнса на книгу Рассинье.

Эту американскую книгу написал Д. Хогген, подавший в 1969 г. в суд на «Нунтайд Пресс» за редакционные искажения, тем самым признав свое авторство. В обеих книгах правда мешалась с вымыслом, верные цитаты с выдуманными, ложь с полуправдой. Видно было, что Харвуд не обращался к первоисточникам, а заимствовал материалы и выводы из американского издания. В свою очередь американский автор списывал у других ревизионистов, в особенности, у Рассинье.

Подобно другим расистам, Харвуд выражал тревогу по поводу «чужих рас», наводнивших англосаксонский мир, и жаловался на то, что «миф о Холокосте» угрожал «выживанию [белой] Расы». Якобы тот сдерживает рост национализма, ибо попытки отстоять «национальное единство» тут же объявлялись неонацизмом. Между тем, Харвуду было очевидно, что, если не ставить препоны иммиграции,

можно потерять европейскую культуру и расовое наследие. В этом выражалась позиция БНФ, озвученная его лидером вскоре после выхода брошюры. Харвуд обвинил евреев в организации расовой и национальной дегенерации Англии и Европы в целом ради захвата власти в мире. Он также доказывал, что с помощью «мифа о Холокосте» евреи хотели сохранить свое наследие, в то же время лишая такого наследия других. Вслед за автором американского издания, Харвуд сетовал на то, что того, кто осмеливался заговорить о расовой проблеме, тут же обвиняли в расизме и нацизме. Действительно, его брошюра демонстрировала тесную связь между отрицанием Холокоста, расовым национализмом и антисемитизмом.

Оправдывая национал-социализм, автор брошюры утверждал, что целью нацистов была эмиграция евреев, а не их уничтожение. Будто «окончательное решение» заключалось всего лишь в вывозе евреев за пределы Рейха. При этом доказывалось, будто нацисты лишь пытались реализовать план Т. Герцля по перевозке евреев на Мадагаскар (но сам Герцль никогда не говорил о Мадагаскаре. Он лишь однажды упомянул Уганду). Харвуд лживо утверждал, что эвакуация евреев на Мадагаскар была якобы частью программы нацистов еще до 1933 г. На самом же деле о Мадагаскаре заговорили лишь во второй половине 1930-х гг. Вместе с тем, лозунгом нацистов была «гибель Иуды», а не «эмиграция Иуды». В дословном переводе немецкий термин означал «истребить как вшей», ибо нацисты не уставали отождествлять евреев с бактериями и вредными насекомыми.

Правда, в 1933-1939 гг. нацисты действительно выдавливали евреев из страны, и тогда уехали более 300 тыс. человек. В меморандуме германского МИДа в январе 1939 г. выражалась надежда на то, что переселение масс обездоленных евреев в другие страны вызовет там волну антисемитизма. Это – одна из причин, по которой нацисты лишали евреев всей собственности. К январю 1939 г. евреи были полностью вытеснены из экономики. Иногда нацисты грубо изгоняли евреев, чтобы создать проблему у соседней страны. Так перед «Хрустальной ночью» они вытеснили массу евреев в Польшу. Но истинной целью нацистов было уничтожение еврейского общества, и во время войны они перешли от политики вытеснения к уничтожению.

Имеется немало свидетельств, говорящих о сознательном переходе к истреблению евреев в годы войны, а миф о намерении просто их переселить легко опровергается массой документов. Так, в 1942 г.

Роберт Лей говорил: «Недостаточно изолировать еврейского врага человечества. Евреев надо истребить». На Нюрнбергском процессе Виктор Брак, ответственный за программу эвтаназии в 1939-1941 гг., убившую 50 тыс. душевнобольных и хроников (немцев и евреев), признал, что для высших кругов не составляло секрета, что «евреи будут истреблены». В мае 1943 г. Геббельс писал о «скором исчезновении еврейской расы». В октябре 1943 г., выступая перед офицерами СС в Позене (Познани), Гиммлер говорил о «долге истребить этот народ».

Сегодня невозможно отрицать антисемитизм в Третьем Рейхе, и ревизионисты пытаются его оправдывать. Например, Харвуд пишет о защите Германии от нападения «международного еврейства». Он ссылается на сделанное в 1939 г. заявление Хаима Вайцмана о том, что евреи будут воевать на стороне демократических государств, и называет это объявлением войны нацистской Германии и угрозой немецкому обществу. Вместе с тем, Харвуд умалчивает о том, что нацистская антиеврейская политика началась шестью годами ранее принятием дискриминационных «арийских законов». Кроме того, Вайцман, живший на английской подмандатной территории, говорил от лица безгосударственного народа, неспособного вести войну против современной европейской нации. Любопытно, что позднее тот же аргумент привел признанный германский историк Эрнст Нольте, заявивший, что якобы враг выразил желание уничтожить Гитлера задолго до появления Освенцима. В 1980-х гг. Нольте входил в группу немецких историков, стремившихся переписать историю периода нацизма, показав, что гонения на евреев были лишь оборонительной мерой против внешней угрозы.

О методах ревизионистов свидетельствует характерная манипуляция с цифрами, предпринятая Харвудом. Он ссылался на популярную энциклопедию, где якобы говорилось, что накануне войны в Европе было 6,5 млн евреев. Однако в энциклопедии эта цифра относилась только к территориям, находившимся в 1939 г. под контролем Германии. Там действительно сообщалось о том, что 1,5 млн из этих евреев выжили, однако советские евреи в этих расчетах не учитывались. Харвуд говорил, что большинство немецких евреев уехали из Германии до войны. Но (!) некоторые уехали во Францию, Нидерланды, Бельгию, где скоро снова оказались в лапах нацистов. В энциклопедии также говорилось о том, что «уничтожение систематически проводилось в ряде лагерей смерти», в результате чего треть евреев погибла. Но этого Харвуд предпочел не заметить. Он

ссылался на швейцарскую газету «Базелер Нахрихтен», где в июне 1946 г. число погибших евреев определялось цифрой 1,5 млн. Но он обошел другую статью, опубликованную в том же номере, где эта цифра опровергалась и говорилось о 5,8 млн погибших.

Харвуд искажил и выводы Маргарет Бубер в ее книге «Под двумя диктаторами». По Харвуду, она якобы показала, что в концлагерях были прекрасные условия жизни. Он писал, будто в Равенсбрюке, где она находилась в 1940-1945 гг., вначале хорошо кормили, но к концу войны жизнь ухудшилась. На самом же деле она сообщала, что избиения, голод и ужасные условия жизни начались задолго до наступления союзников. Она упоминала и о газовых печах.

Харвуд весьма выборочно цитировал книгу Колина Кросса «Адольф Гитлер». По его словам, тот писал, будто перевозка миллионов евреев из разных стран Европы и их убийство во время войны были неразумны. Из этого Харвуд делал вывод, будто этого и не могло быть. Но все исследователи Холокоста говорят об иррациональности действий нацистов по убийству евреев. Харвуд умалчивал о том, что Кросс верил в наличие у Гитлера плана по уничтожению евреев, составлявшего стержень его политики.

Те же манипуляции Харвуд проделывал и с отчетом Международного Красного Креста за 1948 г. Он утверждал, что это – единственное объективное описание состояния евреев в концлагерях, которое якобы не обнаружило свидетельств «целенаправленной политики уничтожения евреев». Будто там не говорилось о газовых печах. На самом же деле авторы отчета писали о том, что нацисты превратили евреев в изгоев, «страдавших от тирании, преследований и систематического уничтожения». В концлагерях у них не было никакой защиты. Они изнемогали от тяжелого труда, испытывали невиданную жестокость и посылались в лагерь смерти. В другом месте было написано, что, когда в сентябре 1940 г. «Железная гвардия» при поддержке СС пришла к власти в Румынии, евреи были отправлены в лагерь смерти.

Отрицая газовые печи, Харвуд снова цитирует отчет. Якобы инспекторы обнаружили, что души работали как души, а не орудия убийства. Это – верная цитата, но она относится к описанию лагерей для интернированных, которые союзники по антигитлеровской коалиции устроили в Египте.

Харвуд утверждал, что с августа 1942 г. Красный Крест получил возможность завозить пищу в лагерь Германии, а с февраля 1943 г. во все остальные лагеря. Но в отчете за 1942 г. говорилось

только о Дахау и Ораниенбурге, а за 1943 г. – только о лагерях на территории Германии. Мало того, сотрудники Красного Креста были допущены только к тем узникам, чьи адреса они имели, а к большинству евреев их не пустили.

Харвуд писал, будто значительная часть евреев осталась «свободными гражданами». Но в отчете было написано прямо противоположное, что евреев самым жутким образом депортировали, запирали в концлагерях, заставляли участвовать в тяжелых работах или убивали. Иными словами, Харвуд просто пропускал то, что расходилось с его взглядами. Он ссылаясь на швейцарскую газету «Ди Тат», где говорилось, что всего в 1939–1945 гг. погибли 300 тыс. человек и не все они были евреями. Однако эта цифра относилась только к «немцам и немецким евреям» (!), а вовсе не ко всей Европе.

В 1978 г. официальный бюллетень Красного Креста выразил протест против такого рода использования приведенной им статистики. Там было заявлено, что его целью была помощь людям, а не их подсчет. Даже при желании сотрудники Красного Креста не могли собрать реальную статистику, ибо во многие лагеря их не пускали. Еще в 1975 г., когда книга Харвуда стала популярной в Англии, Красный Крест обратился к влиятельной еврейской организации в Лондоне, заявив, что не имеет никакого отношения к цифрам, приведенным Харвудом.

Помимо указанных подтасовок, Харвуд прибегал к стандартному набору антисемитских аргументов. Он заявил, будто гонения на евреев в Германии были главной причиной вступления союзников в войну. При этом он умолчал о том, что именно Германия напала на Польшу. А США, где хорошо знали о ситуации с евреями, вступили в войну только после Пирл Харбора. Западные державы долго выжидали и не начали войны ни после принятия Нюрнбергских законов 1935 г., ни после «Хрустальной ночи». Американцы никак не отозвались на истребление евреев на оккупированной территории СССР летом 1941 г.

В брошюре Харвуда нашли место и другие аргументы, полюбившиеся ревизионистам. Например, он написал о Нюрнбергском трибунале, будто там в качестве свидетельств нередко фигурировали недостоверные данные, но это неверно. Кроме того, он попытался дезавуировать «Дневник Анны Франк» как «подделку». Однако, и эти обвинения были беспочвенными.

Хотя памфлет Харвуда является подтасовкой и не выдерживает научной критики, он до сих пор популярен и, как мы видели, явля-

ется одной из немногих книг ревизионистов, опубликованных в России. Люди, мало знакомые с проблемой, могут ему поверить, как это произошло в 1974 г. с английским писателем К. Уилсоном, решившим, что там приводятся подлинные цифры и документы. Его выступление в популярном журнале вызвало шквал читательских писем. Полемика, длившаяся несколько месяцев, закончилась письмом читателя, поинтересовавшегося, что случилось с его еврейско-немецкими родителями, дедом с бабкой и кузенами, ибо их смерть в концлагере вряд ли была связана с «нацистской доброжелательностью» или «советской пропагандой». Все это показывает опасность принятого ревизионистами псевдонаучного стиля изложения, убеждающего читателя лучше, чем агрессивный тон радикальных газет.

Все же до второй половины 1970-х гг. отрицание Холокоста было маргинальной темой, и его энтузиасты, не имевшие ни научного, ни общественного авторитета, не были в состоянии увлечь своими построениями широкую общественность. К концу 1970-х гг. ситуация начала меняться, и большую роль в этом сыграл профессор электротехники из Северо-западного университета в Эвансоне, штат Иллинойс, Артур Батц. В 1977 г. он выпустил книгу «Выдумка двадцатого века», применив более изощренный подход и изменив сам характер отрицания Холокоста. Батц закончил престижный Массачусетский технологический институт и защитил диссертацию в Университете Миннесоты. Его книга производила впечатление серьезного научного издания, однако знающих людей смущало то, что ее опубликовало неонацистское издательство «Нунтайд Пресс».

Батц пытался выглядеть в глазах читателей объективным аналитиком. Он критиковал «Миф о шести миллионах» за искажение фактов и признавал, что айнзатцгруппы убивали гражданских лиц и что евреи пострадали больше других. Он также не оправдывал поведение нацистов в отношении евреев. Однако при более внимательном рассмотрении оказывалось, что он пользовался теми же методами и исповедовал те же взгляды, что другие ревизионисты. Его главный вывод гласил о том, что истребление евреев было пропагандистским трюком, ибо европейские евреи вовсе не были уничтожены. Все, что этому не соответствовало, отрицалось им как «ложь» и «абсурд». Он отбрасывал полностью свидетельства бывших узников концлагерей и доказывал, что рассказы о газовых печах были «пропагандистскими фантазиями». Реальными жертвами, на его взгляд, были немцы и австрийцы. Евреев он называл «самой могущественной группой на земле» и доказывал, что они манипу-

лировали правительствами, держали в руках прессу, контролировали суды над военными преступниками. Они якобы выдумали «миф о Холокосте» ради достижения своих «сионистских целей». Следовательно, антисемитизм нацистов был оправдан. Хотя арийцы и являлись «расой господ», это не делало их уязвимыми от «еврейских заговоров». Батц соглашался с нацистами в том, что евреи будто бы несли угрозу миру.

Батц признавал, что среди ревизионистов не было авторитетных историков, и предполагал, что историки боялись чего-то страшного. Вот почему опровергать «миф» приходилось людям, далеким от истории. Батцу приходилось согласиться с тем, что ревизионисты встречались лишь среди неонацистов, расистов и радикалов. Он объяснял это тем, что вокруг Холокоста создалась ненормальная ситуация, мешавшая объективной научной критике. Вот почему, по его словам, такие работы можно было публиковать только в радикальных изданиях. Но, изображая ревизионистов мучениками, он замалчивал тесные связи, существовавшие между ними и группами радикалов. Не остался вне этого круга и он сам, ибо после выхода его книги журналисты без труда уличали его в контактах с экстремистскими и неонацистскими группами. Например, его книгами торговали Ку-Клукс-Клан и неонацисты. Рекламу ему делала немецкая неонацистская газета, а в 1985 г. он представил свои идеи на заседании радикальной «Нации ислама» Л. Фаррахана.

Помимо традиционного антисемитизма и филогерманизма, книга Батца была пронизана параноидальным страхом перед тайным заговором, нити которого якобы плели евреи под руководством сионистов. Участников этого заговора он видел повсюду: кроме «международного сионизма», он называл коммунистов, Комитет по беженцам войн при правительстве США, Отдел стратегических служб, американских чиновников, прокуроров и судей на процессах над военными преступниками, польско-еврейских «пропагандистов», советских чиновников, СМИ и Красный Крест, а также официальный Вашингтон. Якобы все они усердно создавали «миф о Холокосте». Любопытно, что в изображении Батца те евреи, которые якобы смогли контролировать Вашингтон, были теми же, кто перед войной и в военные годы оказались не в состоянии убедить американское руководство принять в США 900 европейских евреев, приютить еврейских детей из Германии, перевозить евреев на порожних кораблях, возвращавшихся из Европы и пр. Батц хотел убедить читателей, что те самые евреи, которые не смогли в годы вой-

ны спасти своих сородичей, после войны ухитрились вовлечь Вашингтон в создание грандиозной фальшивки.

По словам Батца, для этого нужно было подготовить огромную массу ложных документов, в чем участвовали сотни профессионалов, отправленных в Европу сразу после войны. В тайне они якобы создали доклады айнзатцгрупп, перечисляя города, где происходили убийства, и давая требуемые цифры. Они фабриковали и документы от лица руководства Третьего Рейха. Они прятали их в нужные места, чтобы их затем обнаруживали те, кто не был посвящен в тайный заговор. Якобы так создавались и тексты речей нацистских вождей. Итогом были тысячи документов, призванных доказать, что нацисты хотели истребить евреев.

Но ни Батц, ни его сторонники не задавали себе один простой вопрос, почему, если работа велась с таким размахом, заговорщики не создали самый важный документ – приказ Гитлера об уничтожении евреев? Батц пытался по-своему интерпретировать выражение Гитлера «уничтожение еврейства» и доказывал, что Гитлер имел в виду лишь «уничтожение еврейского влияния и власти». Для Батца «уничтожение евреев» было семантическим оборотом, типичным для нацистской риторики времен войны как реакция на бомбежки союзников. Он также указывал на многозначность термина *das Judentum* в немецком: еврейство, иудаизм, еврейскость. Поэтому речь, по его словам, шла не об истреблении евреев, а об уничтожении еврейского влияния. На это же упирала защита Розенберга на Нюрнбергском суде.

Батц в еще большей степени, чем его предшественники, отменял показания свидетелей. Ему было недостаточно подчеркнуть, что устные свидетельства, как известно, всегда менее надежны, чем письменные документы. Однако специалисты, работающие с устной информацией, знают, что, если человек в чем-то ошибается, то это вовсе не означает, что в чем-то другом он тоже будет неправ. Но Батц, подобно другим ревизионистам, придерживался иного мнения и просто отказывался признавать показания жертв, преследователей, исполнителей и нейтральных наблюдателей, говоривших об истреблении евреев, как заведомую ложь. С этой позиции он трактовал и признания военных преступников в Нюрнберге, якобы не выдерживавших морального давления и вынужденных признавать то, чего они не совершали. Батц шел еще дальше и пытался доказать, будто военные преступники неверно понимали вопросы прокурора и отвечали о другом. Будто, говоря о массовых убийствах, Геринг имел в

виду лагеря на территории Германии, где масса узников умерли от голода в последние месяцы войны. Кроме того, Батц пытался представить нацистских лидеров жертвами «мифа о Холокосте», который якобы был им хорошо известен. Это снова говорило ему о могуществе евреев: якобы они сумели заставить нацистских лидеров поставить свои подписи под подложными документами.

Говоря о безраздельном контроле заговорщиков над СМИ, Батц отмечал, что во время войны СМИ мало писали об уничтожении евреев, и это заставляло его подозревать, что Холокост был мифом. Но он не хотел понять, что поначалу сведения о массовых убийствах казались настолько невероятными, что без надлежащей проверки журналисты воздерживались о них писать. Кроме того, если СМИ действительно контролировались евреями, почему же те не заставили журналистов говорить об убийствах до окончания войны? Любопытно, что Батц полностью доверял нацистским изданиям, где не было ни слова о массовом уничтожении, но зато много говорилось о значительном влиянии евреев в западных демократических странах. Это он считал высокопрофессиональной журналистикой.

Отрицая массовые убийства, Батц искал «пропавших евреев» повсюду – в СССР, США. А если евреи все же говорили о своих убитых родственниках, то, по его мнению, они либо лгали, либо просто не знали правды. Сам он доказывал, что такие «уехавшие» евреи или жили в СССР за железным занавесом, или вступили в новые браки и не давали о себе знать родственникам.

В течение первых послевоенных десятилетий ревизионисты действовали на свой страх и риск, не опираясь на какую-либо организационную структуру. Институционализация отрицания Холокоста произошла в самом конце 1970-х гг. и связана с именем Уиллиса Карто, родившегося в штате Индиана в 1926 г. Отслужив в армии и закончив колледж, он начал свою карьеру в финансовой компании, где занимался сбором долгов. Затем он некоторое время был членом радикального Общества Джона Берча, но даже там его экстремизм оказался чрезмерным, и ему пришлось оттуда уйти. В 1958 г. Карто создал «Группу лоббирования патриотизма», из которой и выросло его скандальное «Лобби за Свободу», выпускавшее антисемитскую антисионистскую газету «Спотлайт». Карто известен своим преклонением перед Гитлером и, по мнению Антидиффамационной Лиги, является самым влиятельным антисемитом в США. Его «Лобби за Свободу» пропагандирует неонацистские взгляды и стоит за всеми главными антисемитскими и расистскими публикациями и акциями

в США за последние тридцать лет. Когда Карто подал в суд на «Уолл-стрит Джорнал» за то, что тот назвал его антисемитом, суд Федерального округа Колумбия заявил, что трудно представить себе более откровенного антисемита, чем он. В этом Карто обвиняют даже крайне правые. Например, менеджер издания Общества Джона Берча «Америкэн опиньон», Скотт Стенли, пишет, что только благодаря Карто антисемитизм сохранился в США как движение. Однако Карто упорно отвергает все подобного рода обвинения.

Политическая позиция Карто основана на трех принципах: презрение и отвращение к евреям; вера в необходимость авторитарного правительства ради сохранения «расового наследия» США; убеждение в наличии заговора против западного мира. Он не устает вещать о якобы постыдном отношении союзников к нацистской Германии, об ответственности евреев за все пороки западного мира, о неблагоприятных поступках «ублюдочного» государства Израиль и о заговоре людей из «высших кругов», имеющих еврейские имена. Он настаивает на том, что евреи якобы опорочили доброе имя Германии, помогают коммунистам установить свое господство на Западе и стремятся поставить под контроль внешнюю политику и финансы США. Для него евреи являются причиной всех серьезных проблем США (гражданские права, источники энергии, оборона, расовая интеграция).

Но в «бедах цивилизации» он обвиняет не только евреев. Ничуть не меньше его беспокоят «негры», и еще в 1955 г. он с ужасом предсказывал «неизбежную негрификацию Америки». Его взгляды основаны на понятии «расовой чистоты», и он неустанно пропагандирует расовый подход к истории. Кроме того, Карто охвачен идеей заговора, и его «Лобби за Свободу» обнаружила тысячи скрытых «сионистов» в Конгрессе и Белом Доме. В 1976 г. там связывали Дж. Картера с международной торговлей кокаином, что обошлось «Лобби» крупным штрафом. В 1979 г. газета «Спотлайт» пугала читателей тем, что глобальная элита замышляла сбросить правительства ведущих стран. Газета клялась, что ее репортер присутствовал на конференции в Австрии, где обсуждались эти планы. Позднее репортер признал, что это было его выдумкой.

Но излюбленной темой «Спотлайт» был заговор «еврейско-сионистских» банкиров с тем, чтобы ухудшить жизнь американцев. По словам ее авторов, нити заговора тянулись в Израиль. Во время газового кризиса в 1979 г. они писали, что американский газ ушел в Израиль в результате тайного договора Картера с Бегинном. С «сио-

нистами», по их словам, были связаны «международные банкиры», «красные китайцы» и ряд американских политиков.

Одной пропагандой Карто не ограничивается и десятилетиями занимается созданием организационных структур по реализации своих идей. Помимо ультраправой «Лобби за Свободу», Карто взял под свой контроль и сделал антисемитскими изданиями журнал «Америкэн Меркури» и газету «Вашингтон Обзервер Ньюслеттер», а также учредил издательство «Нунтайд Пресс». Все эти организации и издания без устали писали о «мировом сионистском заговоре». Как-то Карто основал Объединенный совет по репатриации, призванный способствовать возвращению всех чернокожих в Африку. Перед Советом также ставилась задача нанести удар по организованному еврейству. Карто доказывал, что именно евреи помещали США во время Второй мировой войны выступить вместе с Германией. Якобы именно коварная пропаганда евреев привела к поражению Гитлера и всей Европы. Он обвиняет евреев в разрушении наций. В своем меморандуме Карто писал, что «евреи – общественный враг № 1».

Во второй половине 1960-х гг. Карто участвовал в создании многих правых политических групп, мечтая контролировать правое движение в США. Он создал движение «Объединенных республиканцев за Америку», поддержавших Гордона Либби в Конгрессе США (позднее Либби сыграл неблагоприятную роль в Уотергейте). Он же помог создать организацию «Молодежь за Уоллеса», поддержавшую Дж. Уоллеса на выборах президента США. Карто стремился захватить власть в максимальном числе консервативных и правых организаций и стоял за установление диктатуры в США. Своих соперников среди консерваторов он называл «агентами Антидиффамационной Лиги».

Именно Карто стал инициатором создания Института исторических обзоров (ИИО), появившегося в 1978 г. в Ирвайне к югу от Лос-Анджелеса. Под крылом этой организации, получившей щедрое финансирование из арабских источников, собрались неонацисты, филогерманисты, правые радикалы, антисемиты, расисты, сторонники «господства белых» и конспирологи. Вместе с тем, ИИО пытался действовать более тонкими методами, чем ранние ревизионисты, и представлял себя группой историков, занимающихся «поиском истины». Их целью была дискредитация Холокоста любыми способами – искажением первичных данных, неверным цитированием, замалчиванием, открытыми фальсификациями.

Начиная с 1979 г., ИИО устраивает ежегодные конференции, где собираются антисемиты и расисты со всего мира. Уже в первой его конференции с энтузиазмом участвовали тогдашний глава рыцарей Ку-Клукс-Клана Дэвид Дюк и лидер Национал-социалистической партии Америки Фрэнк Коллин. Тогда Коллин заявил: «Холокоста не было, но они его заслужили – и они его получат».

Первым директором ИИО был Льюис Брендон. За этим псевдонимом скрывался Уильям Дэвид Макколден, временами выступавший и под таким именами, как Сондра Росс, Дэвид Берг, Юлиус Финкельштейн, Дэвид Стенфорд. Он родился в Белфасте (Сев. Ирландия) в 1951 г. и получил образование в Лондонском университете, где ему вручили диплом учителя. В 1970-х гг. он был членом БНФ, публикуя в его изданиях антисемитские и расистские работы. Эта сомнительная деятельность не позволила ему стать членом Английского союза журналистов. В 1978 г. он переехал в Калифорнию, где вначале работал в антисемитском журнале «Америкэн Меркури». Затем он участвовал в создании ИИО и в 1978-1981 гг. был его директором. Макколден говорил, что к отрицанию Холокоста его подвигла брошюра Харвуда.

Свою деятельность на посту директора Макколден начал с экстравагантной выходки, объявив, что ИИО заплатит 50 тыс. долларов тому, кто докажет, что нацисты использовали газовые печи для убийства евреев. Он полагал, что такое объявление сделает ИИО хорошую рекламу и привлечет к нему внимание общественности. Однако никаких откликов на это предложение не поступило, и тогда Макколден разослал приглашения бывшим узникам нацистских концлагерей приехать в 1980 г. на Вторую конференцию ИИО, чтобы они там привели доказательства в пользу существования газовых печей. Оценку их показаниям должно было дать специальное жюри.

Одним из тех, кто к тому времени уже досаждал Макколдену, был Мел Мермельштейн, писавший письма в разные издания, выражая свое возмущение деятельностью ИИО. Он сам был узником Освенцима, где потерял родителей, брата и сестер. Макколден инициировал появление в бюллетене ИИО письма, обвиняющего Мермельштейна в продвижении «фальшивки об уничтожении». Его предупредили, что, если он не отреагирует, это будет истолковано как доказательство «лжи о Холокосте». Тогда Мермельштейн прислал в ИИО заверенную нотариусом декларацию о своем опыте в Освенциме, сообщив имена других свидетелей. Он предупредил,

что, если до 26 января 1981 г. не получит ответа, то обратится в судебные инстанции.

Тем временем адвокат Мермельштейн узнал у нового директора ИИО Тома Марцеллуса, что в жюри войдут такие ревизионисты, как Робер Фориссон, Артур Батц и Дитлиб Фельдерер. К тому времени Фориссон уже попал под суд во Франции за отрицание Холокоста. Фельдерер жил в Швеции, называл себя евреем и издавал антисемитский журнал «Еврейский информационный бюллетень». В 1983 г. суд приговорил его к десяти месяцам заключения за распространение материалов, возбуждавших расовую вражду. Фельдерер рассылал лидерам еврейских организаций письма с кусочками жира и клочками волос, спрашивая, могут ли они по ним установить остатки венгерских евреев, сожженных в Освенциме.

Узнав, кто будет оценивать его показания, Мермельштейн обратился в суд против ИИО, Карто и Брендона. На предварительных слушаниях судья Томас Джонсон сказал, что умерщвление евреев в Освенциме было фактом, не подлежащим обсуждению. В итоге Мермельштейн выиграл дело, и в июле 1985 г. Верховный суд Лос-Анджелеса присудил ИИО выплатить ему 90 тыс. долларов, а также публично извиниться перед ним за душевную травму. Но этим дело не кончилось. 7 августа 1985 г. в интервью по радио Мермельштейн заявил, что представители ИИО подписали заключение суда. Ровно через год Карто подал на него в суд за оскорбление, но через полтора года добровольно отозвал свой иск. Тогда Мермельштейн в свою очередь подал в суд на ИИО. Впрочем, несмотря на проигранное дело и большие убытки, некоторые из руководителей ИИО представляют все это своим успехом, ибо получили нужную рекламу.

По словам специалистов, создание ИИО преследовало цель придать респектабельность отрицанию Холокоста. Поэтому сотрудники ИИО убеждали антисемитов избегать прямых выпадов в адрес евреев. Вместо этого они учили их приемам искажения истории, которые выглядели бы научно допустимыми подходами. Тем самым, они выдавали себя за преданных науке историков, хотя и проявлявших скептицизм. Мало того, руководство ИИО поначалу стремилось устраивать свои конференции в престижных университетах. Но тщательный анализ публикаций и деятельности института, а также его общественных связей говорит о том, что он является частью антисемитской и расистской сети. Достаточно отметить, что ИИО, «Америкэн Меркури» и «Нунтайд Пресс» имели один и тот же почтовый адрес. Если бы публикации ИИО не имитировали на-

учный стиль, их с легкостью можно было бы квалифицировать как фанатичное выражение неонацизма. В своей деятельности ИИО демонстрирует неприкрытый расизм, антисемитизм и нетерпимость к Израилю. Несмотря на внешнюю респектабельность, сотрудники ИИО придерживаются прежней неонацистской программы, которая сводится к реабилитации национал-социализма, пропаганде расизма и противостоянию демократии.

ИИО регулярно выпускает «Журнал исторических обзоров», призванный, по словам его редакторов, очистить историю от мифов и избавить науку от манипуляции со стороны тайных сил. Однако, декларируя цель пересмотра всей истории человечества, на самом деле авторы журнала концентрируются на проблемах Второй мировой войны, и больше всего их интересует Холокост. Представляя Вторую мировую войну самым искаженным периодом истории, они актуализируют ее события, связывая их напрямую с современностью. В частности, они доказывают, что разоблачение мифов спасет США от втягивания в авантюры, в особенности, на Ближнем Востоке, и что ИИО поможет американцам сохранить сотни долларов налогов и уберезет страну от ядерной войны. Макколден разъяснял, что огромные суммы поступают от США к Израилю, оправданием чему служит «ложь о Холокосте». Якобы пока Холокост не признают мошенничеством, судьба США в опасности. Макколден доказывал, что «правда о Холокосте» поможет обнаружить тайные группы, контролирующие военную силу США и их внешнюю политику. Намеркалось, что речь идет о группе богатых евреев, будто бы полностью контролирующей прессу.

Все эти аргументы развил следующий директор ИИО Том Марцеллус. Он настаивал на том, что Холокост не только оправдывал геноцид, который якобы проводил Израиль, но влиял на права американцев внутри США. По его словам, в США в интересах Израиля подавлялась свобода прессы; под угрозой были также Германия и западная культура. Якобы миф о Холокосте вел к деградации человеческого поведения и делал ущербным «представление Белых людей о себе».

Помимо «Журнала исторических обзоров», любители отрицать Холокост активно публиковались в «Америкэн Меркури», «Спотлайт» и издательстве «Нунтайд Пресс». Например, 24 декабря 1979 г. отрицанию Холокоста было посвящено 15-страничное приложение к «Спотлайт». Его авторы доказывали, что кремление трупов в Освенциме производилось во избежание инфекций,

что в газовых печах происходила дезинфекция от вшей, что «Дневник Анны Франк» был фальшивкой, что цифра «шесть миллионов» была пропагандистским трюком для легализации Израиля и что «профессиональные жертвы» хотели выудить у Америки 5 млн. долларов. Эти темы звучали там и позднее. В той же газете рекламировались нацистская символика, пуленепробиваемые жилеты, части бесшумных ружей, а также инструкции для изготовления фальшивых документов.

Проигрыш в тяжбе с Мермельштейном не остановил ИИО. «Журнал исторических обзоров» всячески пытался делать рекламу в университетских кампусах, призывая к ревизии истории. Этому в 1982 г. была посвящена статья Барнса «Ревизионизм и борьба за мир», где говорилось и о других исторических событиях, требовавших нового подхода: американской революции, войне 1812 г., германском вторжении в Бельгию во время Первой мировой войны и пр. Определенное зерно истины в этом было, но ревизионисты всячески его искажали и все объясняли заговорами. Например, Марк Вебер проводил параллель между положением пленных во время Гражданской войны в США и узниками Дахау. Он справедливо писал, что там их не убивали намеренно, а они умерли сами после того, как поражение привело к резкому ухудшению условий жизни в лагерях. Это позволяло ему обвинить победителей в аморальности. Так он оттачивал важный для ревизионистов аргумент: все войны аморальны, виновны обе стороны, победители всегда обвиняют побежденных. Именно поэтому ревизионисты всячески стремятся поставить знак равенства между лагерями смерти и бомбардировкой Дрездена.

Но Марк Вебер производит элементарную подмену. Действительно, как установили исследователи Холокоста, Дахау не входил в число шести специализированных лагерей смерти, располагавшихся на территории Польши и предназначенных для уничтожения именно евреев. Просто в других лагерях, в том числе, Дахау, евреи подвергались пыткам и убийствам наряду с неевреями.

Нынешний директор ИИО, Марк Вебер, родился в 1951 г. и закончил иезуитскую школу в Портленде, штат Орегон. С 1978 г. он вошел в редколлегия газеты неонацистского Национального альянса, а со следующего года сотрудничал с газетой «Спотлайт», публикуя там ревизионистские статьи. В середине 1980-х гг. он стал казначеем «Космотеистической церкви» У. Пирса. Одновременно тогда же он стал претендовать на лидерство в ИИО, и с 1984 г. именно

он организовывал ежегодные конференции ревизионистов. С 1992 г. он стал редактором «Журнала исторических обзоров».

Вебер пытался получить историческое образование в четырех (!) американских университетах, но так и не поднялся выше магистерской степени, что, по российским меркам, означает незаконченное высшее образование. Это прямо свидетельствует о его низкой квалификации, что подтверждается и его публикациями. Например, из его статей видно, что основными источниками информации ему служат не первичные документы и не публикации серьезных историков, а статьи из популярных газет, что, конечно же, не свидетельствует о его профессионализме. Обращаясь к работе одного из лучших знатоков темы Холокоста, Люси Давидович, Вебер выдергивает из контекста цитату о том, что не все документы о Холокосте равноценны. Этим приемом он пытается опереться на авторитет известного историка, доказывая, что все такие документы лживы. Между тем, у Давидович речь шла совсем о другом – она обсуждала рутинную для историка проблему критики источников, причем *любых источников*. Не понять этого может только человек, далекий от исторической науки. Кстати, Давидович, прежде всего, призвала подвергать сомнениям показания германской стороны, менее всего заинтересованной в обнаружении истины. И именно это Вебер предпочел не заметить. Не доверяя показаниям узников лагерей смерти, он зато полностью полагается на слова нацистских вождей, что, разумеется, не свидетельствует о его беспристрастности.

В ноябре 1989 г. Вебер жаловался корреспонденту на судьбу белой расы в США и беспокоился за будущее страны. Он опасался того, что она либо превратится в «мексиканизированное» Пуэрто Рико, либо развалится. Он выступал против интеграции чернокожих в белое общество и тосковал по тем временам, когда всем в стране заправляли белые. Однако с ростом его участия в отрицании Холокоста Вебер оставил расовые идеи.

От Вебера не приходится ожидать никакой объективности, о чем говорит и данная им характеристика деятельности Юлиуса Штрайхера, который, по его словам, «издавал порою сенсационную антиеврейскую еженедельную газету». О том, что это была знаменитая «Дер Штюрмер», главный орган злобной антисемитской пропаганды, годами разжигавший у немцев ненависть к евреям, Вебер благополучно умалчивает.

В США распространением ревизионистской литературы занимается Национальный альянс. Марк Вебер когда-то был его чле-

ном, а позднее сохранял тесные отношения с его покойным лидером У. Пирсом. В Германии и других европейских странах ревизионистскую литературу активно распространяет американский неонацист из Небраски Гарри («Герхард») Лаук.

Из-за роста неонацистской пропаганды и конфронтации с Израилем отрицание Холокоста стало в 1990-х гг. очень популярным в арабском мире. Теперь на интернетовском сайте ИИО можно видеть комментарии не только на английском и немецком, но и на арабском языках. Директор ИИО Марк Вебер гордится тем, что иранское государственное радио берет интервью у него и его коллег. Иранский режим предоставил убежище нескольким европейцам, которые подверглись судебному преследованию в своих странах за отрицание Холокоста. Главным другом ИИО среди мусульманских экстремистов является Ахмед Рами, бывший офицер марокканской армии, бежавший из страны после участия в неудавшемся государственном перевороте против короля Хассана в 1972 г. Сейчас Рами руководит «Радио Ислама» в Стокгольме, пропагандируя «Протоколы сионских мудрецов» и транслируя другую нацистскую ложь. Отрицание Холокоста стало проходным сюжетом в главных газетах Египта, Ливана, Саудовской Аравии, Сирии и других арабских стран, отражая настроения местных властей. Это призвано отвлечь внимание общественности от репрессий, осуществляемых самими этими правительствами против таких меньшинств, как курды, берберы, копты, марониты.

В отрицании Холокоста лидирующее положение занимает Саудовская Аравия. В конце 1970-х гг. ее власти прибегали к услугам американского неонациста Уильяма Гримстеда для лоббирования своих интересов в Вашингтоне. Тогда королевская семья поддерживала финансово многие фундаменталистские организации суннитов, включая пакистанский Всемирный мусульманский конгресс (ВМК) во главе с Великим муфтием Иерусалима (ум. в 1974), когда-то сотрудничавшим с германскими нацистами.

В начале 1980-х гг. ВМК разослал всем членам конгресса США и британского парламента литературу, отрицающую Холокост. Главной его фигурой является пакистанский писатель Исса Накле, частый участник конференций ИИО и постоянный автор «Журнала исторических обзоров». Он публиковался и в антисемитской «Спотлайт», вызывавшей восторг у генерального секретаря ВМК Инамиллы-хана своими «глубокими аналитическими материалами». Подобно многим другим неонацистским организациям, ВМК при-

держивался идеологии «Третьего пути», исходя из того, что «США и СССР служат сионистским интересам». Правда, после советского вторжения в Афганистан ВМК стал кооперироваться с США и поддерживать моджахедов. Но после ухода советских войск из Афганистана ВМК снова занял фундаменталистскую антиамериканскую позицию.

В Канаде самым активным из тех, кто отрицал Холокост и публиковал неонацистские материалы, был антисемит немецкого происхождения Эрнст Цундель, родившийся в Германии в 1939 г. Он приехал в Канаду в 1958 г. специалистом по ретушированию фотографий. Там он попал под влияние главного в Канаде антисемита и неонациста Адриена Арканда, познакомившего его с другими, включая Рассинье. Цундель вспоминал, что Арканд «сделал из него немца».

Цундель создал издательство «Самиздат Пабליкейшн» для издания расистских, антисемитских работ и отрицания Холокоста, а также продавал записи речей Гитлера, нацистские фильмы, кассеты с музыкой Третьего Рейха. По своей инициативе он рассылал материалы, отрицавшие Холокост, членам парламента. Он посылал их и в США, в частности, на радио и телевидение. Но наибольшую заботу он проявлял о Западной Германии. В декабре 1980 г. немецкие чиновники сообщили в Бундестаг, что за последние два года ими были получены 200 посылок из Торонто с неонацистской литературой, журналами, символикой, фильмами, кассетами. В 1981 г., когда в ФРГ устроили облаву на неонацистов, в их домах, кроме оружия, нашли тысячи изданий Цунделя. МВД ФРГ тогда назвали Цунделя главным распространителем неонацистских изданий в стране. Он посылал посылки также в Австралию, на Ближний Восток и в целом в сорок пять различных стран.

Пропагандируя многочисленные чужие работы, он и сам написал две книги «Гитлер, которого мы любили» (о святости Гитлера, спасавшего Германию с помощью расовой идеи) и «НЛЮ: тайное нацистское оружие?» (об использовании Гитлером НЛЮ и об их базе в Антарктиде). Всем этим Цундель пытался активно влиять на общественное мнение. Когда в 1978 г. в Канаде вышел фильм «Холокост», он создал группу «Обеспокоенные родители немецкого происхождения», которая выступила с протестом. Правительство ФРГ он назвал «оккупационным режимом Западной Германии». В сентябре 1981 г. он опубликовал в «Торонто Стар» пожелание «Счастливого Нового Года всем нашим друзьям-евреям». Затем он напи-

сал раввинам и во все синагоги Канады, предлагая лекции по вопросам, интересным немцам и евреям. Когда Канадский Еврейский Конгресс объявил конкурс на должность директора Проекта сбора документации о Холокосте, Цундель попытался принять в этом участие. Он создал «Немецко-еврейскую историческую комиссию» и объявил, что будут организованы симпозиумы, представляющие интерес для евреев.

За свою деятельность Цундель два раза попадал в Канаде под суд по обвинению в публикации двух работ: книги «Запад, война и ислам» (о заговоре сионистов, банкиров, коммунистов и масонов для установления контроля в мире) и брошюры Харвуда. В 1984 г. канадское правительство обвинило Цунделя в распространении антисемитизма с помощью заведомой лжи. На процессе прокурор говорил о его преданности Гитлеру, связях с нацистами, призывах к революции в ФРГ, вере в упадок белой расы якобы из-за происков евреев. В 1985 г. он был признан виновным и приговорен к 15 месяцам тюрьмы, но затем освобожден из-за процедурных ошибок.

Второй суд начался в Торонто в 1988 г. Там защитником Цунделя выступал Дуглас Кристи, главный защитник неонацистов и ревизионистов в Канаде. Ранее он защищал учителя из Альберты, Джима Кигстра. Тот не только отрицал Холокост, но учил 14-летних школьников, что за всеми революциями стояли евреи, называвшиеся «иллюминатами», и что иудаизм был злой религией. Он выступал против «заговора евреев» и считал Джона Рокфеллера «евреем». Худшими евреями для него были «талмудические евреи», а Холокост он объявлял выдумкой.

Кристи стремился отвести всех свидетелей, имевших либо еврейские корни, либо друзей-евреев, и хотел превратить суд над Цунделем в суд над Холокостом. Главным вопросом для него было «стремление сионистов ограничить свободу слова». Он заявлял, что вера в убийство шести миллионов евреев была результатом промывки мозгов. Для консультирования Цунделя и его адвоката из Франции приехал Фориссон. Он доказывал, что технически и физически было невозможно использовать газовые печи в Освенциме для уничтожения людей. На суде он выступал как свидетель. Когда его спросили, куда девались шесть миллионов евреев, он ответил, что не знает, но просил оставшихся в живых евреев дать ему имена потерянных родственников, обязуясь их найти.

В январе 1988 г. для защиты Цунделя в Торонто приехал английский историк-самоучка Дэвид Ирвинг. Он пользовался репутацией

хорошего писателя и трудолюбивого исследователя, но пытался одновременно сохранять тесные контакты с правыми радикалами и выглядеть уважаемым историком. В начале 1982 г. он встречался с У. Карто и восхищался его журналом «Спотлайт». В 1981 г. Ирвинг, называвший себя «умеренным фашистом», пытался основать свою собственную правую партию в надежде стать будущим лидером Британии. Он полагал, что Британия клонируется к упадку после ошибочного решения начать войну с нацистской Германией, и доказывал, что за миротворческие усилия Р. Гессу надо было дать Нобелевскую премию мира. Он был связан с БНФ и неоднократно выступал перед ультраправыми в ФРГ. В частности, в мае 1978 г. он прочел доклад в Касселе на конференции «Предательство и оппозиция в Третьем Рейхе», устроенной правыми. В январе 1982 г. он выступал в Гамбурге на митинге Германского народного союза, склонного отрицать Холокост и расхваливать Третий Рейх. Эта организация под руководством своего лидера, Герхарда Фрея, выступала против иммиграции и пропагандировала книги Ирвинга.

Ирвинг не отрицал Холокост полностью, но преуменьшал его масштабы, одновременно всячески преувеличивая потери среди немецкого гражданского населения. Кроме того, он стремился снять вину за Холокост с Гитлера и переложить ее на Гимmlера и других. Широко известно его утверждение, будто Гитлер не знал об «окончательном решении». Между тем, Ирвинг ссылаясь на запись в дневнике Геббельса 27 марта 1942 г., но избегал давать полную цитату. А ведь там было написано: «Это – варварское дело, и лучше не говорить о деталях, но угроза Фюрера “истребить” должна была быть воплощена самым жутким образом. В таких делах нам нельзя быть сентиментальными. Это – война на уничтожение между арийской расой и еврейскими бациллами. В этом тоже Фюрер – неукоснительный сторонник радикального решения».

Ранее специалисты уже обвиняли Ирвинга в искажении свидетельств и манипуляции с документами. Известный британский историк Хью Тревор-Ропер назвал Ирвинга тем, кто «основывается на небольшом числе сомнительных свидетельств» и отбрасывает более серьезные данные, противоречащие его концепции. В 1978 г. ведущие западногерманские историки выступили против Ирвинга по немецкому телевидению. Его работы называли «скорее мифологией, чем историей», и обвиняли в искажении данных.

Ирвинг преклонялся перед Гитлером и заявлял, что тот якобы хотел спасти евреев. Он стремился поставить знак равенства между

действиями Гитлера и союзников по антигитлеровской коалиции. Разумеется, это было легче сделать, утверждая, что тот не знал об «окончательном решении». Поэтому в книге «Война Гитлера» он доказывал, что не было документов о связи Гитлера с преступлениями СС, будто отсутствие письменного приказа о чем-то говорит. Другие историки показали, что на восточных территориях хорошо действовали устные распоряжения от Гитлера к Гиммлеру и Гейдриху. Есть масса документов о том, что Гитлер предпочитал отдавать устные распоряжения, особенно, когда речь шла о тайных операциях. Тем не менее, участвуя в конференции ИИО, Ирвинг заявил, что Гитлер был «самым большим другом евреев в Третьем Рейхе». Но до 1988 г. он не отрицал уничтожения евреев и стал делать это только после суда в Торонто.

Ирвинг и Форриссон пригласили на суд палача из американской тюрьмы, который использовал удушение газом, чтобы тот показал, что в газовых печах это было невозможно сделать. Этот палач подсказал им встретиться с Фредом Лехтером, «инженером» из Бостона, слышущим специалистом по механизмам казни. Форриссон вспоминал, что, когда он впервые встретился с Лехтером, тот придерживался стандартных взглядов на Холокост, но после двухдневного общения с ним стал утверждать, что, с физической и химической точки зрения, невозможно представить, чтобы в газовых печах могли убивать людей. Затем Лехтер приехал в Торонто, встретился с Цунделем и Кристи и изучил собранные ими материалы.

Через несколько дней Лехтер вместе с женой-кинематографисткой уехал на неделю в Польшу, где они посетили Освенцим-Биркенау и Майданек. На эту поездку они получили от Цунделя 35 тыс. долларов. Они провели три дня в Освенциме и один в Майданеке, нелегально собирая кирпичи и фрагменты цемента из разных зданий, включая те, где убивали людей. По возвращении в Бостон Лехтер произвел химический анализ и опубликовал отчет в издательствах Цунделя и Ирвинга. В «Отчете Лехтера» доказывалось, что никакого смертельного газа в Освенциме и Майданеке не применялось, и утверждалось, что, исходя из мощностей изученных печей, нужно было 68 лет, чтобы убить шесть миллионов человек (но ведь миллионы были убиты в других лагерях!).

Ревизионисты представляли свидетельства Лехтера «эпохальным событием». По Форриссону, это ставило крест на «мифе о газовых печах». На самом же деле произошло прямо противоположное. Выяснилось, что Лехтер не имел достаточного образования для по-

лучения своих выводов. Судья отвел его показания как слова обычного туриста.

Когда судьи заинтересовались у Лехтера его познаниями в математике, химии, физике, токсикологии, тот ответил, что его знания по химии находятся на уровне колледжа. Физику он учил в Бостонском университете (но там он изучал гуманитарные, а не естественные науки). Признав, что он не был токсикологом и не имел ученой степени в инженерном деле, Лехтер доказывал, что ему этого не нужно. Под присягой он показал, что у него имеется только диплом бакалавра искусств. Он сказал, что якобы тогда в университете не давали диплома инженера. Но он лгал: давали, причем трех разных видов. А Лехтер получил диплом историка. Поэтому судья сказал, что его нельзя рассматривать экспертом по газовым печам.

Лехтер утверждал, что получил карты и планы крематория в архивах Освенцима и Майданека. Он доказывал, что они сказали ему больше, чем образцы, собранные им в лагерях. Но после суда директор музея в Освенциме показал, что Лехтеру там ничего не давали. Он мог пользоваться только тем, что продавали туристам в киоске.

Когда на суде начали зачитывать цитаты из «Отчета Лехтера», судья назвал его методику «нелепой» и «априорной». Он показал, что многое было получено Лехтером из вторых рук. Не будучи токсикологом, Лехтер не мог оценить действия газа «Циклон-Б» на человека. Что касается водородистого цианида, то Лехтер утверждал, что консультировался с «Дю Пон», крупнейшей фирмой в США по производству цианидов, но там показали, что никаких консультаций ему не давали.

Судья выяснил, что и знания Лехтера в области истории были весьма ограничены. Тот не знал массы документов, связанных со строительством газовых печей, например, отчета коменданта «Ваффен-СС» от июня 1943 г. о строительстве крематория в Освенциме. В нем говорилось о пяти крематориях, способных за сутки сжигать 4756 трупов. А Лехтер заявлял, что они могли сжигать не более 156 трупов. Он даже не знал о системе вентиляции в газовых печах. Поэтому судья счел, что выступление Лехтера в суде было оскорбительным и тот не мог быть экспертом.

Лехтер даже не знал, что некоторые части Освенцима после войны были перестроены. В Майданеке он делал выводы по сооружениям, которые были полностью реконструированы. Лехтер доказывал, что «Циклон-Б» мог использоваться для дезинфекции одеж-

ды от вшей. Образцы, которые он имел из таких дезинфекционных печей, содержали гораздо более концентрированный газ, чем из печей, предназначенных для людей. Имея образцы кирпичей с малой концентрацией газа, он доказывал, что в таких печах людей убивать не могли. Но ни он, ни Форриссон не учитывали, что вши более живучи, чем люди. Когда его об этом спросили, он растерялся и не знал, что ответить. Кроме того, в печи поступало в 40–70 раз больше газа, чем требовалось для убийства, и люди погибали мгновенно, а газ тут же выгонялся вентиляторами. Поэтому его воздействие на кирпичи было незначительным. А в дезинфекционных печах ситуация была совсем другой. Лехтер и Форриссон утверждали, что использование газовых печей в непосредственной близости от крематориев грозило взрывом. Но документы говорят, что объем газа не достигал критического предела.

В одной печи вовсе не было обнаружено следов цианида, и Лехтер доказывал, что там никого не убивали. Но он не знал, что эту печь взорвали в январе 1945 г., и ее развалины весной и летом заливались водой. Это тоже объясняет малое присутствие там цианида. Мало того, есть документы о том, что сразу после войны специальный анализ показал там следы цианида. Эти образцы хранятся в музее Освенцима.

В результате 20-21 апреля 1988 г. суд признал, что Лехтер не мог быть инженером, а его познания в области истории были слабыми. 20 июля 1990 г. адвокат из Алабамы Эд Карнс разослал во все тюрьмы заявление о том, что Лехтер не способен справляться со своими обязанностями из-за отсутствия квалификации. Затем в Вирджинии, Флориде и Алабаме это было подтверждено. Вскоре выяснилось, что Лехтер не имел никакого опыта строительства газовых печей. Хотя Лехтер заявлял, что в тюрьме Северной Каролины с ним об этом советовались, там это опровергли. Фактически только в Миссури у него спрашивали совета, но предложенный им план так и не использовали.

Тем временем в печати появились исследования фармаколога Жана-Клода Прессака, задумавшего написать о нацистских концлагерях. Вначале он попал было под влияние Форриссона и некоторое время работал с ним вместе. Форриссон был литературным критиком из Университета Лион 2, специализировавшимся на выявлении скрытого смысла текстов. Он «демистифицировал» многих французских авторов и раскрыл «фальсификации» в работах прежних интерпретаторов. Это породило в нем большую подозрительность, и

он поставил под сомнение аутентичность «Дневника Анны Франк» и сообщение Курта Герштейна, первым проинформировавшего союзников о газовых печах. Будучи учеником Рассинье, Форриссон начал отрицать Холокост в 1974 г., но долго не мог пробиться на страницы популярной прессы. За четыре года он написал в «Монд» 22 письма о газовых печах, но та сдалась лишь тогда, когда он прокомментировал скандальное интервью с бывшим вишистским комиссаром по еврейским делам Даркье де Пеллепуа, приговоренным заочно к смертной казни и нашедшим убежище в Испании. Даркье отрицал свою причастность к антиеврейскому законодательству и организации массовых депортаций. Евреев он называл лжецами, будто бы развязавшими войну и сфабриковавшими фотографии газовых печей. Лишь после этого «Монд» опубликовал статью Форриссона, где тот доказывал, что ни геноцида, ни газовых печей не было; Гитлер не давал никакого приказа; все это – сионистская ложь во благо государства Израиль; жертвы этой лжи – немцы и палестинцы; скоро ревизионисты полностью все это разоблачат. Это вызвало лавину гневных писем, но Форриссон использовал их как новый предлог для пропаганды своих взглядов. Последовавшие затем демонстрации протеста привели к тому, что он был освобожден от чтения лекций в университете. В 1980 г. он издал в Париже книгу «Показания в защиту: против тех, кто обвиняет меня в фальсификации истории».

В мае и июне 1981 г. Форриссон предстал перед парижским судом. Против него были выдвинуты три отдельных обвинения. Первое было связано с подозрениями Форриссона в отношении отчета Герштейна. Второе дело касалось социальной ответственности историка. По статье 382 Гражданского кодекса Форриссона обвинили в сознательном искажении истории. Третье дело было вызвано антисемитским заявлением Форриссона по радио 17 декабря 1980 г. о том, что якобы ложь о геноциде и газовых печах понадобилась ради благосостояния государства Израиль, в результате чего жертвами были немцы и палестинцы. Это подпадало под статью о возбуждении расовой розни французского Закона о расовых отношениях от 1972 г. По всем трем делам Форриссон был признан виновным.

Еще до начала судебных разбирательств Прессак порвал с Форриссоном в апреле 1981 г., обнаружив, что для того догма была важнее истины. Он понял, что тот вместе с другими ревизионистами сознательно игнорировал важные свидетельства. Однажды на его глазах Форриссон якобы поймал служителя музея на лжи, спросив у

него, аутентична ли печь. Тот ответил утвердительно. Тогда Форриссон засунул в нее палец и не обнаружил копоти. Тогда служитель якобы сказал, что она «воссоздана». Но здесь очевидна ущербность подхода Форриссона: он полагал, что через 35 лет после окончания работы печь все еще будет содержать копоть. А на фото, сохранившемся в музее, видно, что после войны эта печь была перестроена. Такая тактика достаточно типична для ревизионистов.

Хотя судебное разбирательство показало все слабости защитников Цунделя, и суд вынес ему обвинительный приговор, тот подал апелляцию, и в августе 1992 г. Верховный суд Канады отменил приговор, ссылаясь на недопустимость ограничения свободы слова. Но в ноябре 1993 г. районный суд Мюнхена присудил Цунделя к выплате штрафа в размере 12600 марок. Тогда же в Нидерландах к суду был привлечен У. Дж. Бьюкс, обвиненный в распространении брошюр о суде над Цунделем. В брошюрах заявлялось, что «ложь Холокоста раскрыта». Бьюкс получил три года тюремного заключения и вынужден был заплатить большой штраф. В сентябре 1993 г. французский суд приговорил Форриссона к штрафу в 10 тыс. франков за отрицание Холокоста. В том же году районный суд Мюнхена осудил и Ирвинга к выплате большого штрафа. В октябре 1993 г. Лехтер был арестован германскими властями за попытку выступить по местному телевидению и затем был отпущен под залог.

Тем временем, британская Палата представителей назвала Ирвинга «нацистским пропагандистом и апологетом Гитлера», а «Отчет Лехтера» – «фашистской публикацией». Можно было бы поставить крест на репутации Ирвинга, но этого не произошло. Хотя еще в 1989 г. «Таймс» заклеила его как «человека, боготворящего Гитлера», в 1992 г. «Санди Таймс» заказала Ирвингу перевод дневников Геббельса из российского архива. Журналисты и ученые были этим шокированы. Редактор оправдывался тем, что Ирвинг был хорошим переводчиком, но вскоре вынужден был порвать с ним контракт. Тем не менее, газета спасла его репутацию, а с его помощью и изданный им «Отчет Лехтера». Вскоре в США вышел фильм о наказании преступников, где Лехтер был показан хорошим ремесленником и организатором, связанным с производством орудий убийств для тюрем. После этого Лехтера снова стали приглашать в СМИ как специалиста по газовым печам. А Ирвинг, которого Липстед назвала «одним из самых опасных проповедников отрицания Холокоста», продолжает защищать нацистскую Германию. Он знаком с историческими документами, но представляет их так, чтобы

они говорили в его пользу. В 1992 г. он проводил регулярные семинары, которые усердно посещались членами Британской национальной партии.

Тем не менее, после выхода книги Липстед Ирвингу стало трудно находить себе издателей, и он привлек ее к суду за оскорбление своего достоинства. В США такое дело трудно выиграть, но в Англии вся ответственность ложится на ответчика, который обязан оправдываться. Суд происходил в Лондоне в январе-апреле 2000 г. При подготовке к суду защита самым внимательным образом изучила книги Ирвинга и обнаружила постоянное искажение фактов в пользу нацистов в целом и Гитлера – в особенности. Конечно, каждый историк может допустить ошибку, но, как показала защита, все ошибки Ирвинга были направлены только в одну сторону. Суд принял окончательное решение в июне, и оно было в пользу Липстедт и ее издателя. В своем заключении судья назвал Ирвинга «антисемитом, расистом и адвокатом нацистов».

Суд также выявил широкие международные связи Ирвинга с неонацистами, которые тот сначала отрицал. Было доказано, что Ирвинг не только вел переписку с членом Национального альянса, но что эта организация устраивала ему выступления в 1995–1997 гг. Изучение дневников Ирвинга доказало его тесные связи с крайними расистами и антисемитами в разных частях мира, включая дружбу с главными фигурами ИИО – У.Карто, Марком Вебером, Томом Марцеллусом, Греггом Рейвеном и др. Он также поддерживал связи с неонацистской Британской национальной партией, Кларендонским клубом и многими немецкими нацистами или неонацистами – Э.Цунделем, Эвальдом Бела Алтансом, главой Германского народного союза Герхардом Фреем, Остратом Декертом, Карлом Филиппом, Эрнстом Рэмером, Кристианом Уорчем, Ингрид Векерт и др. Кроме того, он общался с Ахмедом Рами, руководителем «Радио Ислама» в Швеции и главным пропагандистом антисемитизма в мире. Вместе с другими арабскими политиками и журналистами Рами использовал материалы Ирвинга для антиизраильской пропаганды.

Зажатый в угол, Ирвинг должен был согласиться, что ИИО распространяет антисемитские наветы, но утверждал, что он лишь случайно присутствовал на нескольких конференциях. Однако его дневники говорили об обратном, вплоть до того, что, когда в 1993 г. ИИО разделился на сторонников и противников Карто, именно Ирвинга пригласили в качестве третьей стороны. В итоге суд присудил Ирвингу уплатить Липстедт и ее издателю 2 млн фунтов стер-

лингвов. После того, как Ирвинг оказался не в состоянии это сделать, Верховный суд Лондона признал его банкротом. После суда положение Ирвинга пошатнулось. Ему был запрещен въезд в Австрию, Италию, Австралию, Южную Африку, Канаду и Германию, а в Англии он потерял свой авторитет историка. Теперь он может рассчитывать только на своих американских друзей, которые временами устраивают ему лекционные туры по городам США. Рекламу ему делает неонацистский Национальный альянс. С конца 1990-х гг. Ирвинг предпочитает проводить время в США. Он начал устраивать там конференции в Цинциннати, штат Огайо, по «подлинной истории». В феврале 2006 г. Ирвинг был осужден австрийским судом на три года тюрьмы, но затем этот срок был объявлен «условным». Однако своих взглядов Ирвинг и после этого не изменил.

В последние годы ревизионисты переживают не лучшие времена. Раскол в ИИО привел к тому, что летом 2001 г. «Лобби за Свободу» обанкротилось, проиграв длительную судебную тяжбу между Карто и его бывшими коллегами, обвинившими его в 1994 г. в нецелевом использовании 10 млн долларов, принадлежавших ИИО. Тогда же закрылась газета «Спотлайт». Однако рассорившись со своими бывшими единомышленниками, Карто учредил вместо этого новый ревизионистский журнал «Барнс ревью».

В ряде европейских стран имеются законы, позволяющие блокировать пропаганду ненависти. Например, в ФРГ сразу после войны запретили нацистскую символику, а позднее и отрицание Холокоста. В 1992–1993 гг. власти ФРГ зафиксировали, соответственно, 7089 и 14360 «пропагандистских преступлений», из числа которых, соответственно, 220 и 703 были так или иначе связаны с отрицанием Холокоста. Во Франции, Австрии, Швейцарии и Нидерландах суды наказывают тех, кто распространяет литературу с отрицанием Холокоста или делает соответствующие заявления. В Англии в декабре 1994 г. был принят закон, привлекающий к уголовной ответственности за распространение расистской и антисемитской литературы, однако английские власти не захотели криминализировать отрицание Холокоста, сочтя суд не местом для обсуждения исторических проблем.

Все же ИИО и его единомышленники чувствуют себя все более неуютно за пределами США. Так, Цунделю было окончательно отказано в канадском гражданстве, и в 2001 г. он переехал в Пиджеон Фордж, штат Теннесси. Но в 2003 г. он был отправлен обратно в Канаду за нарушение иммигрантского законодательства. 1 марта 2005 г. он был депортирован оттуда в Германию, ибо канадские власти на-

шли в его деятельности угрозу национальной и международной безопасности. А уже 2 марта судья г. Франкфурта привлек его к ответственности за отрицание Холокоста и возбуждение ненависти, ибо по законам ФРГ отрицание Холокоста считается преступлением. В феврале 2007 г. Цунделя приговорили за это к 5 годам заключения.

Еще один ревизионист, химик Гермар Рудольф, повторивший «подвиг» Лехтера, был привлечен в Германии в 1996 г. к суду и приговорен к 14-месячному заключению за отрицание Холокоста. После этого он со ссылкой на преследования за убеждения попросил у США политического убежища и с 1999 г. живет в Чикаго. В 1999 г. немецкий суд приговорил австралийца Фредрика Тобена к 10 месяцам тюрьмы за отрицание Холокоста, но, заплатив 6 тыс. марок штрафа, тот вышел на свободу. В 2002 г. по решению Федерального суда Австралии Тобен вынужден был убрать со своей страницы в Интернете материалы, отрицавшие Холокост. Швейцарский учитель Юрген Граф, приговоренный за отрицание Холокоста к 15-месячному тюремному заключению, получил политическое убежище в Иране и некоторое время жил в Тегеране. Затем он переехал в Россию, где женился и решил остаться. Тем временем, его книга «Великая ложь XX века», осужденная швейцарским судом, была, как мы знаем, издана в России. В 1989–1990 гг. шведское правительство временно закрыло антисемитское «Радио Ислама», но затем то снова заработало.

ИИО становится все труднее проводить свои конференции за пределами США – зная о скандальном характере этих «конференций», многие страны не спешат проявлять гостеприимство. Так, в начале 2001 г. ИИО планировал провести очередную конференцию под названием «Сионизм и ревизионизм» в Бейруте. Но под давлением США и Европы, а также получив гневное письмо, подписанное 14 ведущими арабскими мыслителями, Ливан запретил это мероприятие, и оно состоялось в Аммане в Иордании при поддержке Иорданской писательской федерации.

В январе 2002 г. конференция ревизионистов была организована в Москве У. Карто и известным борцом с «масонами» Олегом Платоновым. Она проходила под названием «Конференция по глобальным проблемам мировой истории». Там с докладом «Сионистский фактор в США» выступил расист Дэвид Дюк, считающий теперь Москву своим домом. Но не все шло так гладко, как бы хотелось организаторам. За два дня до конференции О. Платонов со сло-

манной ногой оказался в больнице, а три приглашенных участника не приехали по болезни или из-за проблем с визой. Но истинная драма разыгралась на выступлении бывшего учителя из Калифорнии, пенсионера Рассела Гранты. Заявив, что «концентрационные лагеря не были лагерями смерти», он почувствовал сердечный приступ и едва не свалился с трибуны. Похоже, что распространение лжи даже среди своих единомышленников требует хорошего физического здоровья.

Если в Европе ревизионистам становится все труднее находить общий язык с общественностью, иначе обстоит дело во многих арабских странах, где отрицание Холокоста едва ли не санкционировано местными властями. Лавина статей, отрицающих Холокост, выплеснулась на страницы арабских газет в 1996 г. после выхода ревизионистской книги Р.Гароди «Основополагающие мифы израильской политики» (1995). Новая волна таких откликов стала в 2000 г. ответом на извинения, принесенные евреям президентом Франции Ж. Шираком за преступления вишистского режима, и заявления Ватикана, осуждающие антиеврейские действия Католической Церкви в годы Второй мировой войны. Книга Гароди была переведена и широко распространялась в Египте, Ливане, Сирии, Марокко. В 1999 г. Гароди получил приз на книжной ярмарке в Каире. Немало арабских интеллектуалов не просто выступили в защиту Гароди от судебного преследования, но обвинили евреев в вековой «враждебности по отношению к западной цивилизации», провоцировании европейского антисемитизма, «объявлении войны Германии» (давались ссылки на слова Х. Вайцмана). Они проводили параллели между сионизмом и нацизмом, Освенцимом и лагерями беженцев в Палестине, называя палестинский народ «жертвой нацизма». Их работы пестрели ссылками на Рассинье, Фориссона и Ирвинга, и они всеми силами преуменьшали число жертв Холокоста, приводили огромные цифры неевреев, погибших во время войны, и отрицали газовые печи. При этом, вслед за ревизионистами, они грубо искажали имеющуюся статистику. Холокост они называли «манипуляцией», призванной оправдать политику Израиля. Например, в январе 2000 г. египетская газета «Аль-Акбар» заявила, что «Холокост был израильским мифом». В то же время авторы таких публикаций утверждали, что «истинный Холокост» проводился против палестинского народа. После этого жене Гароди, Салме, пришлось выступить против отождествления «сионистов» с «евреями», типичного для арабской прессы. С конца 1990-х гг. исламисты, возглавляе-

мые Омаром Бакри Мохаммедом, стали едва ли не самыми большими активистами отрицания Холокоста в Лондоне.

Особую форму отрицание Холокоста приняло в странах Восточной Европы. Как отмечает М. Шафир, здесь, выказывая сочувствие жертвам Холокоста, в их трагической участи винят кого угодно, только не членов своей нации. Иногда основную ответственность взваливают на немцев, а иногда – даже на самих евреев, всячески преуменьшая вину своих соотечественников. Иногда в Холокосте видят кару евреям за то, что они якобы «распяли Христа», иногда евреев обвиняют в том, что якобы это они «породили Гитлера» или же «вынудили его к самозащите», а иногда даже в том, что именно они устроили геноцид соседних народов.

Ревизионисты не теряют оптимизма и продолжают свою «борьбу за истину». Однако, как верно отмечает Д. Липстед, «это – борьба не за знания, а за право на ненависть».

В конце 2005 г. ООН объявила о введении Международного дня памяти жертв Холокоста, который с тех пор отмечается ежегодно 27 января. В январе 2007 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, осуждающую отрицателей Холокоста. Резолюцию поддержали 103 страны мира. В ней говорится, что «осуждается любое отрицание Холокоста», и содержится призыв ко всем странам-членам ООН «пресекать всякие попытки отрицать Холокост как историческое событие, полностью или частично, и любую деятельность, ведущую к такому отрицанию».

В 2003 г. московское издательство «Ультра. Культура» выпустило роман Э. Макдональда «Дневники Тернера» в переводе Л. Володарской. В аннотации книга, вышедшая 5-тысячным тиражом, была названа антиутопией, культовой у определенных слоев американского общества. Кем же был ее загадочный автор, и к каким именно слоям американского общества он обращался?

Уильям Лютер Пирс, создатель и бессменный руководитель американского неонацистского Национального Альянса (НА), родился в г. Атланте, штат Джорджия, в 1933 г. в семье, поддерживавшей аристократические традиции старого американского Юга. Его прадед был губернатором Алабамы и главным уполномоченным Конфедерации во времена Гражданской войны. Пирс рос в атмосфере презрения к чернокожим; он мог наблюдать, как его домочадцы обращались с черной служанкой как с рабыней.

С детских лет Пирс был увлечен наукой, и его нередко можно было видеть в родительском гараже за проведением химических опытов. Затем он постигал азы науки в Университете Райса, окончив в 1951 г. курс физики и получив диплом бакалавра. Проработав недолго в лаборатории Лос Аламоса, он затем продолжил учебу в Калифорнийском институте технологии и, наконец, в Университете штата Колорадо, где в 1962 г. защитил диссертацию. До середины 1960-х гг. его не оставляла надежда на научную карьеру. В 1962-1966 гг. он преподавал физику в Университете штата Орегон, а затем ему, хотя и недолго, даже удалось поработать в должности старшего научного сотрудника на авиационной фирме в штате Коннектикут.

Тем временем у Пирса появились новые интересы. В конце 1950-х гг. он вступил в Общество Джона Берча, избрав себе судьбу политического экстремиста. С тех пор он начал все более целенаправленно знакомиться с расистской литературой. Его увлекла идея влияния расовых различий на ход мировой истории, и он даже планировал написать об этом книгу. Но, к своему удивлению, он вскоре обнаружил множество таких книг, написанных задолго до него. Тогда-то он и решил, что пора переходить от слов к делу, и в конце 1966 г., списавшись с Джорджем Линкольном Рокуэллом, навсегда

расстался с наукой, став членом основанной тем «Американской нацистской партии». Переехав в американскую столицу, Пирс приобрел печатный станок и вместе с Рокуэллом стал издавать партийный журнал «Национал-социалистический мир», рассчитанный на серьезного читателя, включая ученых. В этом журнале Пирс показал, что не собирается ограничиваться сугубо американской тематикой, и проявил свой широкий кругозор, поместив там выдержки из трудов нацистской гуру Савитри Дэви и английского неонациста Колина Джордана.

После того, как в 1967 г. Рокуэлл был застрелен одним из своих соратников, Пирс возглавил «Национал-социалистическую партию Белых людей», объявившую себя наследницей партии Рокуэлла. В следующем году он вместе с Уиллисом Карто стал активистом Молодежного движения в поддержку кандидатуры правого радикала Джорджа Уоллеса на пост президента США. В 1970 г. по инициативе и под руководством Карто на основе этого движения в Вирджинии был создан Национальный молодежный союз (НМС). Целью НМС было противодействие влиянию анархистов и левых организаций на студенческую молодежь и пропаганда крайне правых идей, включая расистские и антисемитские. НМС боролся за «сохранение законности и порядка» и против власти черных, хиппи и наркомафии. Весной 1971 г. борьба за лидерство в этой организации привела к ее расколу, и Пирс, окончательно поссорившийся с Карто, объединил вокруг своей штаб-квартиры в Вашингтоне самую крупную ее фракцию, состоявшую из университетской молодежи. А Карто сохранил славу одного из самых громких в США антисемитов, возглавляя с 1968 г. антисемитское «Лобби в защиту свободы».

В 1974 г. в поисках более широкой поддержки среди белых американцев Пирс реорганизовал своих сторонников в «Национальный альянс» (НА), претендующий на лидирующую роль в будущей расовой революции под лозунгами «Свобода в неравенстве» и «Равенству противопоставлена свобода». Став главой этой расистской партии, называющей себя «белыми сепаратистами», Пирс выпустил в 1978 г. под псевдонимом Эндрю Макдональд скандальную книгу «Дневники Тернера», призывающую к межрасовой войне ради победы белых. Вначале она публиковалась в партийной газете «Атака» (в 1978 г. переименована в «Национальный авангард» и с 1982 г. выходила в виде журнала), а затем вышла отдельным изданием. Для пропаганды своих идей Пирс учредил издательство «Книга Национального авангарда». С этого времени начался период быстрого роста

рядов сторонников Пирса, хотя Национальная налоговая служба и не утвердила статус его организации как «образовательной».

В 1978 г. он также основал «Космотеистическую Общинную Церковь», определяя ее как разновидность пантеизма и демонстрируя склонность к панарийским нордическим культам, делающим упор на особую близость «белого человека» с природой и ее духовной сущностью. В этом сказалось его увлечение концепцией Савитри Дэви. По учению Пирса, каждой расе определена своя роль во Вселенной: белые стремятся к Богу, черные склонны к лени, а евреи способствуют разложению. В 1985 г. Пирс купил крупный участок земли в Милл Пойнте в Западной Вирджинии недалеко от Аппалачских гор, окружил его колючей проволокой и открыл там продажу книг о западной культуре и ее языческих традициях. Свою миссию он видел в спасении белой расы, хотя бы и в американской глубинке вдали от взоров правительственных агентов. В известной мере он руководствовался также учением Британских израильтян и расистской религии «Христианской идентичности». Члены НА устраивали регулярные собрания для приобщения к идеям «Космотеизма».

Во времена Рейгана во второй половине 1980-х гг. ряды НА заметно поредели. Но в 1989 г. Пирс выпустил свою новую книгу «Охотник» и заявил, что период отступления закончился. В этой книге речь шла о человеке («одиноким волке») по имени Оскар Егер, объявившем войну евреям и цветным. Вооруженный винтовкой с оптическим прицелом, он занимался убийствами супружеских пар, вступивших в межрасовые браки, а также евреев и либерально настроенных политиков. Книга была посвящена Джозефу Фрэнклину, застрелившему двух чернокожих.

В своей резиденции Пирс сосредоточился на выпуске расистской литературы, а с 1991 г. занялся новым прибыльным бизнесом – выпуском аудиокассет. В конце 1991 г. НА стал вести на коротких волнах еженедельную радиопрограмму «Голоса американских диссидентов». Этот проект оказался успешным благодаря бывшему радиоинженеру Кевину Шторму, который в конце 1995 г. помог Пирсу начать также пропаганду через Интернет, привлекая к НА массу сторонников. По словам Пирса, в 1990–1991 г. численность НА увеличилась вдвое. Он заявлял, что в конце 1992 г. число желающих вступить в НА возросло в тридцать раз по сравнению с 1989 г.

Одновременно Пирс заботился о формировании более широкого альянса и оказал поддержку создателю неонацистской «Церкви

Всесоздателя», Бену Классену, привлеченному к суду за то, что один из его «прихожан» убил чернокожего моряка. В результате в мае 1996 г. Пирс был приговорен к уплате штрафа в 85 тыс. долларов за то, что содействовал укрывательству имущества «Церкви Всесоздателя», чтобы не возмещать ущерб семье убитого.

Между тем, Пирс прилагал все силы для объединения неонацистов на международном уровне. Он утверждал, что в «Белом мире» найдется «место для германских обществ, кельтских обществ, славянских обществ, балтийских обществ и т. д. со своими корнями, традициями и языками». Еще в конце 1970-х гг. он завязал контакты с английским неонацистским лидером Дж. Тиндоллом, а с 1994 г. начал регулярно посещать Европу для создания международной неонацистской сети. В частности, тогда он оказал финансовую помощь английским фашистам из группы «Комбат-18». В ноябре 1995 г. Пирс принял участие в демонстрации английских неонацистов, а осенью следующего года выступал перед членами неонацистской «Британской национальной партии». К 1998 г. Пирс установил тесные контакты с английскими и немецкими неонацистами, и на его страничке в Интернете появились «Дневники Тернера» на немецком и французском языках. Кроме того, он ездил в октябре 1998 г. на закрытый съезд лидеров правых экстремистов в Фессалониках в Греции. В 1999 г. Пирс купил американскую музыкальную торговую марку «Музыка сопротивления» и шведскую «Нордланд», что позволило ему контролировать международный рынок музыки в стиле «власти белых» и принесло огромную прибыль. Кроме того, НА успешно торговал расистской компьютерной игрой «Этническая чистка».

Выход в Интернет и торговля музыкальными записями в стиле «Белой власти» позволили Пирсу и НА добиться признания у неонацистов Европы, и в 1990-х гг. его «Дневники Тернера» были переведены на несколько европейских языков. В октябре 1999 г. Пирс участвовал в международном молодежном съезде неонацистов в поселке Фалькенберг в Баварии. Там он призывал к единству «белых националистов». Правда, после его выступления перед английскими неонацистами в 1997 г. британские власти запретили ему въезд в страну, а немецкие власти в 1998 г. запретили ему выступать во время февральской демонстрации неонацистской Национал-демократической партии Германии, объявившей 7 февраля «Днем национального сопротивления». Тем не менее, Пирс начал широко путешествовать по Европе, и теперь его имя знают даже неонацисты в странах Восточной Европы.

В 2000 г. Пирс предоставил убежище известному немецкому музыканту, представляющему «национал-социалистический черный металл», Хендрику Мебусу, обвиненному немецким правосудием в убийстве. За это Пирс получил контроль над торговой маркой Мебуса, «Цимифане». Однако, несмотря на все попытки Пирса спасти Мебуса от правосудия, тот был арестован и отправлен назад в Германию, где оказался в тюрьме.

В 2001 г. НА стал участвовать в демонстрациях и распространять листовки с протестами против «роста еврейского влияния в США». Известны слова, сказанные Пирсом по поводу событий 11 сентября: «Произошедшее есть прямой результат того, что американцы позволили евреям взять под контроль правительство США и использовать в своих интересах американское могущество». А вот как отреагировал на события 11 сентября Штрот: «Мужчины и женщины Запада, вот уже почти 50 лет “страшные” “расисты” и “экстремисты” предупреждали, что вас ожидают ужасные несчастья, если вы и дальше будете позволять неограниченный рост численности расовых чужаков в ваших странах... и позволять организованному еврейскому меньшинству контролировать СМИ и органы власти... Признаете ли вы теперь, что те, кто вас предупреждал, были героями, а сладкие дудочки “разнообразия” и сионизма оказались лжецами и убийцами?» Между тем, идея налета пилотов-самоубийц была подсказана «Дневниками Тернера», где говорилось о нападении самолета с ядерным зарядом на борту на здание Пентагона.

В своей последней речи перед сторонниками НА 20 апреля 2002 г. Пирс призывал строить профессиональную организацию и воздерживаться от союзов с другими радикальными группами. В это время в НА на постоянной работе было 17 профессиональных служащих, его годовой доход составлял 17 млн долларов, он имел отделения в двадцати штатах и достиг пика своей популярности, превратившись в главную неонацистскую организацию в США и на Западе в целом. Пирс добился этого благодаря пропаганде в Интернете, а также успешной торговле книгами радикального содержания и музыкальной продукцией.

Пирс всегда оставался на позициях ортодоксального нацизма – он был убежден в естественности расового неравенства и стремился готовить элиту, способную возглавить будущую революцию и создать авторитарное государство. Политика НА исходила из идеи «белого националистического сепаратизма» и ставила своей целью воссоздание «чистой территории», где бы все белые люди могли со-

браться вместе для спасения белой («арийской») расы. Вместе с тем, отождествлявшему «белую расу» с «арийским обществом» физику Пирсу не приходило в голову, что, кроме индоевропейцев, в Европе с глубочайшей древности живут также носители финских языков, угры (венгры), баски, саамы, не говоря уже о более поздних пришельцах. Физик Пирс так же плохо знал географию, этнологию и историю. Говоря о формировании «арийской расы» в суровых условиях Севера, которые якобы и определили ее «более высокие умственные способности», он был бы немало удивлен, узнав о том, что в описываемых им условиях издавна живут эскимосы, чукчи, ненцы и многие другие малочисленные северные народы. Они, действительно, хорошо приспособлены к жизни в условиях Приполярья, но не имеют никакого отношения к выдуманной Пирсом «арийской расе».

Впрочем, научные данные Пирсу были не нужны, и он исходил вовсе не из них, отстаивая заурядную расистскую концепцию о том, что «сегодня расы отличаются в своих способностях строить и поддерживать цивилизованное общество, и ... в своих способностях оказывать Природе сознательную помощь при решении задач эволюции». Белые расисты из НА заявляют: «У нас особое обязательство перед своей расой: обеспечить ее выживание, сберечь ее уникальные черты, улучшить ее качество». Они хотят строить общества, «основанные на арийских ценностях и совместимые с арийской природой». Но для этого им требуется «тщательное, повсеместное искоренение семитских и других неарийских ценностей и обычаев».

Как они собираются это осуществить? Пирс предполагал, что придется прибегнуть к этническим чисткам, но убеждал, что это произойдет без жестокостей. Любитель конспирологии, он подозревал заговор против белой расы, якобы готовящийся и реализуемый сторонниками социализма, черной власти, а также банковской системой и расовым смешением. Изучив «Майн Кампф», он поверил в то, что все несчастья происходят якобы по вине евреев. В «Дневниках Тернера» он писал об «уникальной роли евреев как элемента, способствующего распаду народов и цивилизаций». Поэтому он не видел ничего необычного в том, что их ожидало полное истребление, но для него в этом заключались не «зверства», а «временная неприятность». «Нас, – писал он, – не остановят трудности или связанные с этим временные неприятности, ибо мы понимаем, что это абсолютно необходимо для нашего расового выживания». Ради реализации «права белых на жизненное пространство» он собирался загрузить своих противников – «гомосексуалистов, смесителей ра-

совой крови и твердых коллаборационистов, не желающих переучиваться», – в «10 тыс. вагонов для скота» и отвезти на «заброшенную угольную шахту». Кроме того, для населения Европы и Америки готовилась «долгосрочная евгеническая программа».

Готовясь к уничтожению многих тысяч людей, Пирс гордился своей любовью к животным, но, в отличие от своего кумира, отдавал свое расположение не собакам, а кошкам. «Секс и насилие – вот что я больше всего люблю», – заявлял он. Он вступал в брак пять раз, и каждый раз избранницей этого борца за права белой расы оказывалась иммигрантка из Восточной Европы.

Расовое неравенство было лишь одним из моментов, определявших мировоззрение Пирса. Он был последовательным борцом с эгалитаризмом и верил, что «индивиды внутри расы могут быть выстроены в порядке соответственно уровню их развития». Пирсу не нужны были словесные ухищрения, к которым иной раз прибегают современные расисты, чтобы отмежеваться от давно дискредитировавшей себя идеологии. Его зачаровывали неравенство и иерархия, он верил во власть элиты, и он готов был воспитывать эту элиту, «оказывая Природе сознательную помощь при решении задач эволюции». Он видел в этой элите «высший тип человека» и мечтал об «улучшении качества» своей расы в соответствии с «законами Природы». Впрочем, «законы Природы» на деле оказывались риторическим приемом, и Пирсу гораздо важнее представлялось прививать молодежи «расовое сознание» и растить из нее «расовых патриотов». Оголтелый расизм и стремление построить общество на основах жесткой иерархии являются яркими чертами современного неонацизма, отрицающего либерализм и парламентскую демократию.

Мало того, идеология НА порывала и с традиционным американским патриотизмом, типичным для прежних ультраправых. «Если и есть страна, заслуживающая того, чтобы быть дотла спаленной громом и молнией, так это сегодняшняя Америка», – писал Пирс. Перенос акцента с национального на расовое единство заставляет его сторонников видеть в американском государстве «зловредное чудовище» и назвать его «самым опасным и разрушительным врагом, какого наша раса когда-либо знала». Пирс отвергал христианство как «одну из главных душевных болезней нашего народа» и усматривал в нем «еврейское влияние». В то же время, будущее правительство он видел религиозным, «более похожим на священный орден». Разумеется, речь шла о некоей «арийской религии», которую он и пытался ввести в виде «космотеизма».

В последние годы сторонники НА доказывают, что их не следует путать с неонацистами, ибо они являются «белыми расовыми сепаратистами». Они призывают «любить нашу расу» и готовиться к воссозданию ее «родины»: «В духовно более здоровую эпоху наши предки взяли себе во владение те части мира, климат и земля которых подходили нашей расе: в частности, вся Европа и зоны умеренного климата в обеих Америках, не говоря уже об Австралии и южной оконечности Африки. Это был наш ареал обитания и наш ареал размножения, и он снова должен стать таковым». Пирс мечтал о централизованном государстве, «охватывающем несколько континентов» и, разумеется, населенном одними «арийцами». Для этого ему и были нужны «расовая чистка страны, искоренение расово-разрушительных институтов и переустройство общества на новых началах», а также «долгосрочная евгеническая программа». Так учение Пирса сочетало белый расизм с приверженностью доктрине национал-социализма, и в 1989 г. в связи со 100-летним юбилеем Гитлера Пирс объявил его «величайшим человеком нашей эпохи». Мало того, идя в своей книге еще дальше своего кумира, он предвещал уничтожение крупнейших русских городов и превращение Сибири и Дальнего Востока в радиоактивную пустыню.

В романтическом порыве Пирс убеждал своих сторонников в том, что между представителями единой «чистой» расы царит дух товарищества и «нравственное здоровье». Между тем, XX век в целом и, в особенности, события Второй мировой войны показали полное отсутствие какого-либо «расового товарищества»: нацисты убивали не только евреев, но и русских, украинцев, поляков, французов. Особые потери понесла Белоруссия, где эсэсовцы (те самые сверхчеловеки, из которых Гитлер и Гиммлер желали строить «новую расу») сжигали целые деревни вместе с их обитателями. Похоже, что Пирса тоже увлекала эта перспектива.

Действительно, его мало беспокоила судьба многих представителей «белой расы», и здесь он руководствовался принципом иерархии. «Мы должны принять меры к тому, – заявлял он, – чтобы низшие элементы общества не умножались и не становились более многочисленными в последующих поколениях». Кто же мог установить, кого считать «низшими», а кого «высшими» элементами? Разумеется, фюрер и его ближайшее окружение. Только он мог бы определять моральные принципы, учить общество тому, что «хорошо» и что «плохо». Только он мог бы указывать, кто является «арийцем», а кто нет, кто достоин жить, а кто «портит расу» и кому

не место на Земле. Любопытно, что Пирс прекрасно сознавал, что «среди евреев наблюдается довольно большое разнообразие мнений». И, тем не менее, он считал правомерным «считать весь еврейский народ ответственным за проведение определенной политики». Он не хотел замечать, что, исходя из такой логики, следовало бы и весь американский народ, включая самого Пирса с его соратниками, считать ответственными за проведение той «преступной политики», в которой он сам обвинял правительство США!

Несмотря на все претензии Пирса на интеллектуальное превосходство, после себя он оставил не философский трактат, а скудоумный популистский роман «Дневники Тернера», призывающий к расистской революции. Этим он, правда, снискал себе славу человека, откровенно заявлявшего о своих намерениях и отвергавшего любые табу. Он не замыкался в национальных рамках и мечтал о создании широкой международной солидарности белого населения. Пирс любил говорить, что «уникальность Национального альянса состоит в том, что он определяет национальность в расовых, а не географических терминах», и подчеркивал, что НА, прежде всего, защищает права белых и не является экстремистской организацией, воюющей против кого-либо другого.

В книге «Дневники Тернера» говорилось о беззаветной борьбе белых революционеров из «Организации» против «Системы», представленной американскими властями, будто бы находящимися под влиянием либералов, евреев, черных, мексиканцев и других меньшинств. Герой книги, молодой патриот Эрл Тернер, вместе со своими друзьями сперва вступает в схватку с властями, стремившимися ограничить владение оружием. Затем они борются против расовой интеграции, прибегая к саботажу и политическим убийствам. Эскалация этой борьбы приводит в конце концов к расовой войне в США. Затем дело доходит до нападения на СССР и Израиль, в одних только США гибнут 60 млн человек, и мир на пять лет погружается в варварство. Но затем в 1999 г. в Северной Америке происходит вторичное «освобождение».

Многие страницы книги заполнены рассказами о депортации или уничтожении этнических меньшинств, прежде всего, евреев, причем все это сильно напоминает то, как это в действительности происходило в Третьем Рейхе. Карательные действия производятся и в отношении 60 тыс. белых противников расизма – их линчуют в один и тот же день, вешая им на грудь табличку с надписью «Я предал мою расу». Не избегают этого и женщины, заключившие «не-

правильный» брак. «Арийская революция» представляется автором завершением Холокоста 1941–1945 гг. Она выходит далеко за рамки США: арабы захватывают Израиль, а в Европе и СССР победу одерживает антисемитизм. Этому автору кажется недостаточно, и он заставляет членов «Организации» полностью истребить китайцев. После всех этих битв огромная территория от Урала до Тихого Океана и от Приполярья до Индии превращается в пустыню.

Книга Пирса уникальна по своей параноидальности и стремлению к введению глобального нацистского порядка. Подобно Гитлеру, Пирс мечтал о «новой невиданной цивилизации, которая восстанет из пепла старой». Читатель, безусловно, заметит поистине религиозную экзальтацию автора, бредящего скорым апокалипсисом. После своего выхода «Дневники Тернера» фактически заменили для американских и европейских неонацистов «Майн Кампф». Пирс это предвидел, хорошо понимая эмоциональную силу художественной прозы, способной направить мысли и действия читателя по нужному руслу. В этом у него были предшественники, и он, несомненно, знал о том, как роман Т. Диксона «Члены клана» (1905 г.) возродил у американцев интерес к Ку-Клукс-Клану и как в последней четверти XX в. роман Ж. Распая «Лагерь святых» возбудил сначала у французов, а затем и у американцев ненависть к иммигрантам из Третьего мира.

Воздействие «Дневников Тернера» на читателей превзошло все ожидания. Эта книга не только возбуждала у своих поклонников расовую ненависть; она неоднократно побуждала их к грабегам и убийствам. Она стимулировала неонацистский терроризм как в Англии, так и в США. В сентябре 1983 г. лидер Северо-западного тихоокеанского филиала НА, Роберт Мэтьюз, руководствуясь «Дневниками Тернера», основал Орден «Молчаливого братства» для борьбы с «сионистским оккупационным правительством». В Орден входили чуть больше двадцати членов. В 1983-1984 гг. этот Орден прославился громкими и наглыми грабегам. После того, как, объявив «войну в 1984 г.», его члены убили в Дэнвере известного еврейского радиожурналиста Элена Берга, ими занялось ФБР, и 8 декабря 1984 г. Мэтьюз погиб в перестрелке с его агентами, а многие другие боевики были арестованы. Оплакивая гибель соратника, Пирс заявил, что Мэтьюз «перевел нас от журналистских обличений на кровавую тропу». Расследование показало, что Мэтьюз требовал от своих боевиков чтения «Дневников Тернера». Сам он называл себя «одинистом», но не чурался и «Христианской иден-

тичности». В убийстве Берга принимал участие Дэвид Лейн, входивший в движение «Христианской идентичности».

В феврале 1993 г. член НА Майкл Шилдз был привлечен к уголовной ответственности за угрозы в адрес президента Клинтона и других высших американских чиновников. За это он провел за тюремной решеткой восемь месяцев.

В апреле 1995 г. Тимоти Маквэй устроил взрыв в федеральном здании в Оклахома-сити, где погибли 168 человек, а более 500 человек получили ранения. Накануне Маквэй несколько раз звонил в штаб-квартиру НА. В его машине были найдены ксерокопии отдельных страниц из книги «Дневники Тернера», и, как установило следствие, взрыв готовился по описанному в ней сценарию, где говорилось о подрыве главного управления ФБР. Тогда Пирс заявил, что в отместку евреям и меньшинства прибегают к терроризму «такого масштаба, какого мир еще не видывал». Однако произошло обратное: дело Маквея привлекло внимание к «Дневникам Тернера», и появилось немало желающих повторить «подвиги» Тернера.

12 мая 1995 г. полиция нашла у микробиолога Лэрри Уэйн Харриса бактерии бубонной чумы, похищенные им из его лаборатории в Лэнкастере, штат Огайо. Кроме того, у него были обнаружены самодельные заряды и детонаторы вместе с карточкой члена неонацистской организации «Арийские нации». Он также признался в принадлежности к НА. Его осудили на 18-месячный испытательный срок.

Через год после взрыва в Оклахоме в г. Джэксон, штат Миссури, Ларри Шумейк, вдохновленный писаниями Пирса, открыл огонь по чернокожим, убив одного и ранив несколько человек. При приближении полиции он застрелился. В его доме при обыске была найдена брошюра Пирса «Отделение или истребление», несомненно, повлиявшая на его поведение.

В апреле 1997 г. в штате Флорида за нарушение федерального законодательства по обращению с оружием был арестован член НА Тодд Ванбайбер. В ходе расследования выяснилось, что он был главой банды, ограбившей три банка, причем 2000 долларов из этой добычи пошло в карман Пирсу.

В 1998 г., начитавшись «Дневников Тернера», Джон Кинг совершил зверское убийство чернокожего и был в феврале 1999 г. приговорен к смертной казни. Он стал первым белым, кого в Техасе постигла такая участь после того, как там в 1970 г. была восстановлена смертная казнь.

В феврале 1999 г. член НА Эрик Хэнсон совершил нападение на чернокожего и его белую подругу и был осужден к испытательному сроку. 4 июня 2001 г. он был убит в перестрелке с полицией, пришедшей арестовать его за незаконное хранение оружия.

В июне 1999 г. другой член НА Крис Джильям был арестован за незаконное хранение оружия. В его доме нашли расистскую литературу и инструкции по изготовлению взрывчатки. Он был привлечен к ответственности и получил десять лет заключения. Через два дня еще три члена НА были арестованы за незаконное хранение оружия.

В феврале 2000 г. связанный с НА Майкл Штель из Питтсбурга был арестован за убийство своего гостя Б.Хартзелла. 2 августа 2000 г. был арестован Карл Карлсон, глава отделения НА в штат Небраска, уличенный в снабжении боевиков самодельными бомбами. 25 октября к ответственности был привлечен член НА Стив Макфадден, обвиненный в незаконном содержании целого оружейного склада. У него нашли различную литературу НА, включая «Дневники Тернера».

Наконец, 4 января 2002 г. был арестован Майкл Эдвард Смит, угрожавшей из окна своей машины выстрелить в синагогу в Нэшвилле. У него нашли склад оружия и много литературы НА, включая «Дневники Тернера».

Таков послужной список криминальной активности НА, связанной со «спасением белой расы». О дальнейших подвигах своих подчиненных Пирсу уже узнать не удалось. Он умер от рака и почечной недостаточности 23 июля 2002 г. В течение десяти дней перед своей смертью он приглашал к себе своих ближайших соратников одного за другим и инструктировал их о том, что надо делать, чтобы сохранить жизнеспособность НА, созданного вокруг единого вождя. После смерти ученого-физика пост лидера партии достался бывшему боксеру 39-летнему Эрику Глибе, выступавшему на ринге под именем «арийского варвара». «Варвару» общепризнанным вождем стать не довелось, ибо его соперником выступил Билл Ропер, который, вопреки элитистским настроениям Пирса, привлекал к деятельности НА скинхедов и других «белых националистов», внося в движение несвойственный ему популизм. В сентябре 2002 г. Глибе исключил Ропера из организации, и она погрузилась в глубокий кризис. В 2002-2003 гг. ее численность упала с 1500 до 800 членов; резко снизились доходы, и организация, еще недавно приносившая Пирсу баснословную прибыль, стала убыточной. Некоторые из ее лидеров попали в тюрьму или были убиты. В ее руководстве

начались склоки, и в августе 2003 г. один из ее лидеров, Дэвид Прингл, заявил: «Наши главные враги не евреи, а предатели в наших собственных рядах».

Но книга «Дневники Тернера» пережила своего создателя. У Пирса нашлись последователи, и за последние 15 лет в США вышла дюжина романов, написанных в том же стиле. Сегодня «Дневники Тернера» активно обсуждаются в России самыми разными радикалами, которые не прочь почерпнуть из них опыт расовой ненависти и бесстрастного массового убийства. И некоторые «молодые пассионарии» уже задумываются о возможности партизанской борьбы и террора и мечтают о создании «Фронта освобождения России».

Глава 10. «ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦА»

С 1999 г. в Москву начал регулярно навещать американец Дэвид Дюк, объявивший Россию «ключом к спасению белой расы». Здесь он нашел благодарную аудиторию, какой ему давно не приходилось видеть в США. Осенью 1999 г. он посетил редакцию газеты «Завтра», где побеседовал с генералом А. Макашовым, в конце августа следующего года он по приглашению А. Проханова и К. Касимовского встречался с радикально настроенной общественностью в помещении Музея Маяковского, а затем в декабре 2000 г. его со всеми почестями принимали в Союзе писателей России. В роли гостеприимного хозяина на этой встрече выступал бывший министр печати Борис Миронов, представивший его как «историка и политического деятеля». Гость вещал о «противостоянии еврейства чистой белой нации» как в США, так и в России. Впрочем, его заботило не только «еврейство», но и большое число представителей этнических меньшинств, включая кавказцев, на улицах Москвы. В частности он сказал: «Налицо противостояние еврейства чистой белой нации, которую с каждым днем затаптывают в грязь! Это – реванш, к которому евреи готовились со времен Второй мировой войны. ЦРУ, ФСБ, парламенты, дипкорпус, телевидение, Голливуд, Мосфильм – кругом евреи. Они готовят России электронный концлагерь, вводя ИНН и новые паспорта с индивидуальными номерами» (А. Антонова. Глава Ку-клукс-клана стал своим среди русских писателей // Коммерсант, 14 декабря 2000. С.9). Видимо, речь гостя произвела на хозяев неизгладимое впечатление, и они помогли ему выпустить русский перевод его скандально известной книги «Мое пробуждение». Он вышел пятитысячным тиражом в 2001 г. в издательстве ОАО «Центркнига» под названием «Еврейский вопрос глазами американца» с предисловием и послесловием руководителей Национально-державной партии России (НДПР), соответственно, Б. Миронова и А. Севастьянова.

В августе 2001 г. Дюк снова побывал в Москве для укрепления связей с ультраправыми. Здесь ему настолько понравилось, что, прибыв сюда в феврале 2003 г., он заявил о намерении перебраться в Россию для того, чтобы организовать борьбу с «цветными и ев-

реями». Во время одного из своих визитов он сказал: «Я верю, что судьба России будет определять судьбу всей Белой Расы в третьем тысячелетии».

В январе 2002 г. Дюк был одним из самых ярких участников проходившей в Москве Международной конференции по глобальным проблемам всемирной истории, оказавшейся на поверку конференцией ревизионистов, изгнанных из всех стран Европы, но нашедших приют у русских радикалов. Затем 26-27 августа 2004 г. Дюк присутствовал в числе почетных зарубежных гостей на встрече руководства НДПР с представителями Немецкого народного фронта, где речь шла о создании Всемирного белого фронта. Выступая перед неонацистами в Стокгольме 5 февраля 2005 г., Дюк признался в своих самых теплых чувствах к русским националистам и связал с ними свою надежду на улучшение ситуации в мире. Наконец, Дюк был активным участником Международной конференции борцов за Белую Расу, состоявшейся в Москве 20-21 июля 2007 г. Там Дюк убеждал русских радикалов в том, что именно им предстоит «окончательно решить» еврейский вопрос. К тому времени он уже числился профессором Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП), расположенной в Киеве и скандально известной на Украине своим агрессивным антисемитизмом. Летом 2005 г. Дюк являлся сопредседателем устроенной МАУП конференции «Сионизм – главная угроза современной цивилизации».

Кто же он – этот лучший друг современных русских радикалов и антисемитов, называющий себя национальным президентом Организации Европейско-Американского Единства и Правозащиты? Кто этот «талантливый историк, публицист и необыкновенно честный человек», как его характеризует А. Севастьянов? И о каком именно будущем для мира он мечтает?

По словам хорошо знакомого с Дюком журналиста Тайлора Бриджа, тот «привлекателен, дружелюбен, но за этой маской скрывается фанатик». Как отмечает Бридж, Дюк «умеет играть на расизме белых» и, благодаря своему искусству общения, неизменно получал у них большую поддержку, несмотря на все разоблачения.

Дэвид Дюк родился в 1950 г. в семье крайнего консерватора, сторонника сегрегации. Отец Дюка был правнуком шотландских иммигрантов протестантского вероисповедания, и семья принадлежала к категории тех, кого в США называют «уосп» (White American, Southerner, Protestant). Всю жизнь отец проработал инженером в компании Шелл. Во время Второй мировой войны он слу-

жил в войсках противовоздушной обороны. В 1964 г. он вместе со своим 14-летним сыном поддерживал Барри Голдуотера, известного своими расистскими взглядами. Много лет спустя отец Дюка признался, что всегда был сторонником «сохранения белой расы» и выступал против межрасовых браков. Он еще мог жить рядом с азиатами или испаноязычными, но никак не с чернокожими. Глубоко убежденный в низком уровне их интеллекта, он стоял за раздельное школьное обучение. Так что Дюку было с кого брать пример.

В 1955 г. семья поселилась в Нью-Орлеане в белом районе Джентилли Вуд, и Дэвид Дюк рос в обстановке, где презрительная кличка «ниггер» ни у кого удивления не вызывала. Учился он только в белых школах, и у него никогда не было друзей среди чернокожих. Поэтому он вряд ли был когда-либо либералом в расовом вопросе. Всегда уверенный в своей правоте, отец воспитывал детей в строгости. Сын относился к нему с уважением и всегда ему подчинялся. С ранних лет он отличался любознательностью и много читал. Между тем, теплых отношений в доме не было, и семья была неблагополучной. Отец быстро потерял унаследованное матерью большое состояние, неудачно вложив его в дело. В 1950-х гг. мать начала пить и в начале 1960-х гг. уже была законченной алкоголичкой. На детей у нее времени не оставалось. У Дэвида было мало друзей, и он много времени проводил за книгами. В 1962 г. его 17-летняя сестра Дороти ушла из дома, после чего он окончательно остался один на один с домашними проблемами. По воспоминаниям его бывшего одноклассника М. Уеллса, мать постоянно делала Дюку замечания, в доме царила напряженность и не было любви.

Не ощущая большого внимания дома, Дюк проявлял чрезмерную активность в школе, пытаясь навязывать всем свое мнение. С тех пор склонность к фанатизму его не оставляла, и одноклассники его за это не любили. В 9 классе у него уже было свое мнение по всем вопросам, и он мог спорить до хрипоты, отстаивая свою правду. Вопреки тому, что он заявлял впоследствии, церковные дела оставляли его равнодушным, зато его увлекала политика.

Осенью 1964 г. Дюк впервые пришел в Совет Граждан (СГ), консервативную организацию, возникшую в 1954 г. и выступавшую против совместного школьного обучения. Познакомившись там с книгой «Раса и разум», отстаивавшей расовую сегрегацию, он стал ходить туда постоянно. Правда, Дюк и тут проявил инициативу: если СГ заботил вопрос только о чернокожих, то Дюк включил в категорию «чужаков» также евреев. О «еврейской опасности» ему

говорил еще дед. Правда, имея свояка-еврея, отец этого не разделял, ибо, на его взгляд, тот был достойным человеком.

Бридж объясняет такие радикальные настроения у подростка Дюка неблагополучием в семье. Ведь дети в семьях алкоголиков всегда пытаются найти компенсацию тому, чего они недополучили дома. Видимо, грезы о нацистском Рейхе давали выход душевным страданиям Дюка, и он представлял себя арийским воином – светловолосым и голубоглазым, красивым и сильным, готовым дать отпор любому неприятелю. Как-то он принес в СГ «Майн Кампф» и принялся прославлять Гитлера, чем до смерти напугал сотрудников. Ему было сказано, что этим он может погубить свою карьеру.

Отец Дюка безуспешно пытался лечить мать от алкоголизма, и дело кончилось тем, что та подала на развод. В 1966 г. отец рано ушел на пенсию. В поисках новых занятий он нанялся инженером во Вьетнам, где намеревался бороться с коммунизмом.

Тем временем, его сына все больше привлекали крайне правые. Заметив это, отец устроил его в Риверсайдскую военную академию в Гейнсвилле, штат Джорджия. Там в своей комнате Дюк держал нацистские книги и однажды позволил себе вывесить снаружи флаг со свастикой. Этим он подвел свое подразделение и был сильно побит однокашниками. Вместе с тем, учился он хорошо, и его даже просили остаться в академии, но по истечении года он уехал назад в Нью-Орлеан. 12-й класс он окончил в школе недалеко от дома. Дома он держал нацистский флаг и каску, и, зная об этом, соседка-еврейка его побаивалась.

В 1967 г. Дюка настигла ужасная весть: был убит глава Американской нацистской партии Джордж Л. Рокуэлл. Появившись в СГ, Дюк заявил: «Убит величайший из американцев». В школе он носил кольцо со свастикой и не расставался с «Майн Кампф», шокируя этим учителей. Он жалел, что Гитлер проиграл войну; иначе тот бы приструнил евреев, негров и коммунистов. Когда в апреле 1968 г. был убит Мартин Лютер Кинг, Дюк был среди тех, кто выступил против того, чтобы приспустить национальный флаг. Уже в это время он мечтал быть крайне правым политиком.

В 1968 г. Дюк поступил в Университет штата Луизиана в Батон Руж. Тогда внимание студентов было больше всего поглощено вьетнамской войной, но Дюк не участвовал в этих спорах. Первые годы он держался в тени и уединялся в комнате, поглощенный чтением книг о «зловредности» евреев и негров или слушая записи речей Рокуэлла. В особенности, его восхищала книга куклуксклановца

Дж. Смита «Крест и флаг», где описывалась злобная картина заговора евреев и коммунистов против США. Однако с течением времени он начал выступать на известной в кампусе «Аллее свободы слова». В этом не было бы ничего необычного, ибо многие студенты проверяли там свои ораторские способности. Однако, если другие говорили о студенческих делах и вьетнамской войне, то Дюка больше всего интересовала война против «еврейского засилья» и «еврейского коммунизма». В частности, он доказывал, что СССР поддерживает Израиль, потому что у Брежнева была жена-еврейка. Опешившим от неожиданности студентам он объяснял, что их обманывала еврейская пресса. В те годы он открыто признавал себя «национал-социалистом» и заявлял, что белые – это раса господ. Слыша все это, многие студенты отвернулись от него, но его это лишь раззадорило.

В конце ноября – декабре 1969 г. он продолжал свои речи, прославляя нацистскую Германию. Это привело к тому, что его стали сторониться. Однако он сделался популярным, ибо все чаще попадал на страницы студенческой газеты.

В те годы Дюк любил занятия по военной подготовке и достиг в этом больших успехов. Но, узнав о его неонацистских взглядах, руководивший занятиями полковник Дейл не допустил его повышения. На том его военная карьера и закончилась. Позднее, признавая свою связь с Ку-Клукс-Кланом (ККК), Дюк упорно отрицал свое увлечение неонацизмом в 1969–1971 гг. Между тем, уже тогда он видел в евреях гораздо большую опасность, чем в чернокожих. В те годы он писал, что нацисты «защищают культурные, духовные и расовые ценности», и мечтал о построении общества, «способного создать позитивные взаимоотношения между человеком, его общиной, его расой и природной средой». Одновременно, явно начитавшись Гитлера, он обвинял евреев в том, что они якобы держали под контролем как коммунистическую, так и капиталистическую системы и «являлись движущей силой дезинтеграции и деградации Западной цивилизации и белой расы».

В 1970 г. за свою антисемитскую деятельность Дюк добился похвалы от неонацистской газеты «Белая власть». Там в особенности высокой оценки удостоилось его выступление против адвоката Уильяма Кунстлера, защищавшего левых демонстрантов, арестованных в Чикаго в 1968 г. 23 июля 1970 г. Дюк вышел в кампус со свастикой на рукаве и с плакатом «Кунстлер – еврей-коммунист», и фотография его пикета широко печаталась в газетах. Много позднее,

пытаясь попасть в истеблишмент, Дюк говорил, что эта демонстрация была ошибкой молодости. Однако это не отменяет того, что в 1970 г. Дюк активно выступал как неонацист. Например, 6 сентября 1970 г. он участвовал в неонацистской демонстрации в Вашингтоне, где нацисты объявили себя авангардом «белых людей». В январе 1971 г. он основал «Альянс белой молодежи», символом которой стал крест, вписанный в круг, сходный с эмблемой ККК. Тогда Дюк опубликовал свой первый памфлет «Программа Белой Власти», почти полностью списав его из программы американских неонацистов.

Правда, вскоре он порвал официальные связи с «Национал-социалистической партией белых людей» (НСПБЛ), сохранив, однако, контакты с ее лидерами. В 1980-х гг. он уже отрицал связи с ними, говоря, что клеймо «нациста» не позволяет ему открыто выражать свои взгляды.

Увлекаясь в юности естественными науками, Дюк стремился облечь свой расизм в научные формы и доказывал, что его взгляды опираются не на эмоции, а на научные факты. По понятным причинам дистанцируясь от термина «расист», он предпочитал называть себя «расовым идеалистом» или «расиалистом». «Главное для государства и нации – расовые интересы», а «для расового спасения нужен Белый расовый альянс», – заявил он в журнале «Расиалист» в сентябре 1970 г. Он настаивал на том, что правительство должно служить, прежде всего, белому большинству, ибо белые основали США и отвечали за американское господство в мире. Однако его беспокоило то, что власть в стране получают «антибелые элементы». Он писал: «К сожалению, сегодня политическая власть в Америке находится в руках АНТИБЕЛОГО меньшинства, контролирующего не только правительство, но и могущественные каналы информации, радио и телевидение. Горькая правда в том, что наша раса проигрывает»... Ниже он объяснял, что она, то есть «раса суперменов», уступает свои позиции «еврейским и черным дегенератам». Никаких противоречий в этом заявлении он не находил.

Все такие заявления ставили Дюка в один ряд с интеллектуалами-расистами, выпустившими в 1972 г. под псевдонимом Уилмот Робертсон книгу «Обездоленное большинство». В ней говорилось о том, как, якобы захватив в свои руки контроль над СМИ, евреи плели нити заговора против белой расы. Вслед за нацистами и расистами первой половины XX в., Дюк не включал евреев в состав «белой расы». Он истово верил в их заговор и стремление к мировому гос-

подству, ибо, как он полагал, кто контролирует информацию, тот и властвует над миром. Стоит ли говорить о том, что для Дюка евреи были расой, не думающей ни о чем ином, кроме денег? Позднее он называл книгу «Обездоленное большинство» самой важной, «основанной на научных данных» публикацией после 1945 г.

В 1976 г. печатный орган ККК, журнал «Крусейдер» («крестосец»), обвинил евреев во введении в Америке торговли черными рабами. Из этого делался вывод, будто евреи стояли за расовое смешение и совместное обучение с чернокожими, преследуя цель искусственно понизить интеллектуальный уровень белых. Дюк видел в этом «расовый геноцид». Подхватывая весьма потрепанные к тому времени старые расистские идеи, Дюк доказывал, что расовое смешение ухудшает человеческую природу, и указывал на евреев, якобы всячески избегавших смешения. Он верил, что чистота – это «закон Природы», причем примером для подражания ему служили нацисты эпохи Гитлера. Таких взглядов он придерживался еще в 1974 г., утверждая, что человек должен свято хранить свою генетическую основу, которой тысячи, а то и миллионы лет. От этого он перебрасывал мостик к современной политике и настаивал на том, что белым следовало отобрать у евреев контроль над финансовой сферой и не допускать их к высшим государственным должностям. Кроме того, он советовал отправить чернокожих назад в Африку, но пока это не сделано, следовало блюсти расовую дистанцию и восстановить сегрегацию. Он верил, что и белые, и черные мечтали жить отдельно, осознавая внутренние присущие им культурные особенности. Он восхищался лидерами черного движения (Малькольм Х в 1970-х гг. и Л. Фаррахан в 1980-х гг.), ибо они поддерживали идею разделения рас. Черные будто бы добивались успехов в музыке и спорте и любили тяжелую работу, а белым лучше удавался профессиональный труд. Поэтому он и соглашался разрешить черным свои школы, где бы они могли развивать свои культурные ценности. Препраду на этом пути он снова усматривал в евреях.

Здесь-то он и останавливался на мучившей его и остальных расистов загадке, как случилось, что, будучи по натуре выше, белые допустили власть евреев. Начисто забывая о крестовых походах и беспрецедентных гонениях на евреев в средневековье, он доказывал, что тогда белые якобы проявили небывалое благородство, которым не преминули воспользоваться «коварные евреи», якобы никогда не соблюдавшие «правила игры».

В 1970–1980-х гг. Дюк в своей газете публиковал бесконечные сравнения черепов белых и черных, взятые из сомнительных источников, и доказывал, например, что по зубам черные схожи с обезьянами. Он не только опирался на обветшалые теории, но и говорил о том, что идея сегрегации якобы заложена в Библии. Из этого он делал политические выводы и доказывал, что политика правительства должна опираться на идею расовых различий, и белые не должны брать черных на работу. Он выступал против аффирмативных действий. По его мнению, на работу людей надо было принимать, исходя лишь из профессиональных качеств, а так как, на его взгляд, черные не способны были быть профессионалами, то брать следовало белых. При этом он отрицал, что после отмены рабства черные подвергались какой-либо дискриминации. Его раздражали и латиноамериканцы, с которыми он связывал болезни, преступность, лень. Поэтому он требовал переписать иммигрантские законы. Иными словами, все его представления о мире строились на вере в идею расового неравенства. Многие из развивавшихся им положений можно без труда обнаружить в работах Марра, Вагнера, Дрюмона, Чемберлена, Г. Форда, но особенно у Гитлера. Ничего нового он к этому не добавил.

Летом 1971 г. обеспокоенный нацистскими взглядами сына, отец забрал его в Лаос. Впоследствии Дюк ссылался на эту поездку, когда его как нациста упрекали в отсутствии патриотизма. Он доказывал, что боролся в Лаосе против коммунизма, привозя рис лаосским партизанам. Однако в 1971 г. лишь столица страны Вьентьян находилась в руках правительства, опиравшегося на поддержку США. Остальную территорию контролировали партизаны-коммунисты, и к ним Дюк летать не мог. Ни о каких такого рода полетах не могли вспомнить и служившие там тогда летчики. На самом деле Дюк обучал местных жителей английскому языку, причем другие преподаватели обходили его стороной за радикализм. Проработав шесть недель, он лишился работы за то, что пытался обучать молодежь изготовлению бутылок с горючей смесью. Мало того, при желании он мог бы пойти в армию в 1968 г., но получил отсрочку из-за поступления в университет. Окончив в мае 1971 г. третий курс, он снова подлежал призыву, но снова получил отсрочку. В 1990 г. он оправдывался тем, что его будто бы не призвали из-за «расистских взглядов». Но и это – неправда. Просто он не хотел служить во Вьетнаме.

В июле 1971 г. Дюк покинул Лаос и три месяца путешествовал по Индии и Европе. Индия дала ему новую пищу для размышлений

и, вслед за Гобино, он доказывал, что нищета в Индии была следствием расового смешения арийцев с местными обитателями. Путая даты и эпохи, он представлял Тадж Махал памятником арийской культуры и относил упадок к более позднему времени. В 1982 г. он признавался, будто увиденное в Индии заставило его с еще большей энергией бороться за спасение белой расы.

Вернувшись в Нью-Орлеан в ноябре 1971 г., он обнаружил, что его «Альянс» распался. Тогда он создал «Национальную партию», задачей которой по-прежнему оставалось сокрушение «власти евреев». Теперь Дюк начал выпускать газету «Националист», где пугал читателя тем, как евреи и черные будто бы разрушали США. Другим источником доходов партии была продажа записей с речами Рокуэлла. В газете публиковались также анекдоты, унижающие достоинство черных и евреев.

Так Дюк и стал профессиональным расистом, и после окончания университета работа в партии сделалась его основным делом. 21 января 1972 г. он организовал в Нью-Орлеане факельное шествие с протестом против убийства белого подростка. Участники акции обвиняли в этом черных. Они несли плакаты «Белая Власть», «Америка для белых», «Африка для черных». Дюк выступил с зажигательной речью, провозгласив «конец власти черных». Хотя в шествии приняли участие всего 85 человек, Дюк назвал это огромной победой. В то время он был близок с расистом и антисемитом Джеймсом Линдсеем, нередко выступавшим под псевдонимами Эд Уайт и Джек Лоуренс. В 1975 г. тот был убит при загадочных обстоятельствах, что стало для Дюка большой потерей, ибо Линдсей помогал ему советами и деньгами.

Факельное шествие обошлось Дюку четырехмесячным арестом. В заключении он близко сошелся с Хлоей Хардин, читавшей выпущенный им памфлет и тоже ненавидевшей черных. В сентябре 1972 г. они поженились. В январе 1973 г. Дюк вернулся в Университет Луизианы, чтобы завершить полный курс обучения, и закончил его в мае 1974 г. по отделению истории.

В это время его политическая деятельность приняла новое направление, и он на годы связал свою судьбу с ККК. В 1972 г. «Национальная партия» распалась, и Дюк примкнул к группе ККК в Нью-Орлеане. Однако уже через несколько месяцев Великий дракон Ф. Вайденбейкер выгнал его, так как тот пытался его подсидеть. Тогда-то 23-летний Дюк и создал свою группу ККК. Впоследствии он утверждал, что входил в ККК едва ли не с 17-ти лет, и доказывал,

что его прямым предшественником в должности Великого магистра был якобы Эд Уайт (Дж. Линдсей). Однако бывший соратник Дюка, Дж. Уорнер, это опроверг, заявив, что тот сам организовал новую группу ККК. Утверждая, что она существовала давно, Дюк просто хотел скрыть свое неонацистское прошлое.

В начале 1970-х гг. ККК переживал упадок, и число его членов сократилось с 50 тыс. в 1965 г. до 3 тыс. в 1973 г. Дюк попытался романтизировать ККК, изображая его основателей культурными и интеллигентными людьми. Осенью 1973 г. с благословения Линдсея он сделался Великим драконом ККК штата Луизиана и начал выпускать свою газету «Крестоносец». Там он снова обвинял евреев в мировом заговоре и выражал надежду на падение правительства, которое должно было смениться властью белых. В частности, он доказывал, что Дж. Уоллеса убили коммунисты и евреи, якобы стоявшие за президентской кампанией Никсона. Он призывал легальными способами захватывать власть и готовиться к экономическому кризису. Вслед за Рокуэллом он рекомендовал начинать с низовых уровней и выбирать местную власть только из белых. Переход в ККК мало отразился на его взглядах. От неонацистов он отошел только по причине того, что понял невозможность преодолеть резко негативное отношение к ним со стороны общества. Вместе с тем, он мечтал создать белое политическое движение. В этом он отличался от других лидеров ККК, которые лишь жгли кресты и ограничивались призывами против «ниггеров» и «интеграторов».

В 1973 г. в движении ККК преобладали две группы: одну из них возглавлял Роберт Шелтон, другую – Джеймс Винэйбл. Оба они не одобряли деятельности Дюка: первый называл его «нацистом», второго выводило из себя его пренебрежение ритуалами ККК. Однако оба находились в преклонном возрасте, и силы их были на исходе. Это сыграло на руку Дюку, начавшему резко критиковать конкурентов. Ведь Шелтон и Винэйбл стояли за расовое разделение, но не трогали евреев. Дюк же пытался нацифицировать ККК, направив его, прежде всего, против евреев, и в своих первых речах просто копировал Рокуэлла. Его учитель Линдсей финансировал НСПБЛ и тайно благоговел перед Гитлером, а большинство ключевых фигур, вовлеченных Дюком в ККК, в прошлом были связаны с НСПБЛ и другими неонацистскими организациями. Среди них был Дон Блэк, ставший позднее Великим драконом Алабамы, а также журналист-антисемит Уильям Гримстед, назначенный в 1979 г. главным редактором «Крестоносца». Гримстед был, в частности, известен своей

скандальной ревизионистской книгой «Новый взгляд на шесть миллионов», выпущенной в 1977 г. антисемитским издательством «Нунтайд Пресс», бессменно возглавлявшимся У. Карто. В 1975 г. Дюк привлек к себе Дж. Уорнера, бывшего члена неонацистской партии Рокуэлла, создавшего в 1970 г. свое ответвление Церкви «Христианской Идентичности». Еще одной видной фигурой был телевизионный мастер Том Мецгер, входивший в Общество Дж. Берча.

С нацификацией ККК его неофициальной религией стала «Церковь Идентичности», основанная на доктрине «британских израильтян». Это движение «истинных арийцев» предсказывало скорую расовую войну и рекомендовало своим членам вооружаться и делать запасы пищи. Именно в этой среде впервые появилось выражение «сионистское оккупационное правительство» (ZOG). В 1970-х гг. Дюк считался министром этой Церкви, хотя и никогда не воспринимал ее веру. Ведь он с подозрением относился к любой религии, ибо его религией было спасение белой расы. Тогда он неоднократно признавался, что был атеистом, и убеждал, что христианство было создано евреями для контроля над белыми. В письме к одному знакомому в 1986 г. он писал, что Христианская Церковь – это злейший враг белой расы. Сам он верил в Природу, чьим произведением была белая раса.

В газете «Крестоносец» рекламировалась книга «Новое открытие суда над Иисусом Христом», где доказывалось, будто именно евреи были виновны в его гибели. Там же пропагандировалась газета Национального молодежного союза «Атака». Этот Союз (позднее «Национальный альянс»), как мы знаем, возглавлял У. Пирс, с которым Дюк был уже много лет знаком. В «Крестоносце» было перепечатано более десятка статей Пирса, а затем появилась хвалебная рецензия на «Дневники Тернера». Затем Пирс написал еще один популярный памфлет, доказывая, что всю прессу якобы захватили евреи. Дюк ухитрился издать его под своим именем, сохранив тесные контакты с его автором. Еще одним его союзником стал У. Карто, названный Диффамационной Лигой «самым влиятельным профессиональным антисемитом в США».

Вопреки прежней политике ККК, Дюк начал принимать в движение женщин, католиков и подростков, чтобы повысить свою популярность у населения. Правда, женщин он считал второстепенным материалом, ибо их главной обязанностью было рожать новых членов ККК. Тем не менее, за первый год численность ККК Дюка

выросла с нескольких сотен членов до трех тысяч. Во второй половине 1970-х гг. ячейки его организации имелись уже во всех штатах.

Если Шелтон старательно избегал журналистов, храня тайны ККК, то Дюк стремился к публичности. Он полагал, что раз евреи захватили СМИ, о нем там все равно никогда хорошо говорить не будут. Но он сообразил, как можно манипулировать журналистами. Он так искусно отвечал на их вопросы, что это сбивало тех с толку, и они неизменно писали о его внешней привлекательности. Ведь благонамеренный облик Дюка, казалось бы, никак не вязался со стереотипной фигурой члена ККК.

В январе 1974 г. Дюк впервые появился в популярной телепередаче. Ведущий ожидал, что речь пойдет о чернокожих, но Дюк стал говорить о том, как белые превращаются в людей второго сорта из-за того, что евреи контролируют СМИ. Он заявил, что СМИ искажают «расовое и культурное наследие» белых, навязывая им вину перед меньшинствами. Он утверждал, что этим журналисты подогревают расизм со стороны меньшинств. После этого он перешел к своей любимой теме и объявил, что преступность среди черных выше, чем у белых. Отрицая роль дискриминации, он утверждал, что наибольшие проблемы с криминалом возникали именно там, где у черных было больше свободы. Затем очередь дошла до евреев, и Дюк назвал Генри Киссинджера «евреем-сионистом», отчасти работавшим на Израиль. Он обвинил прессу в том, что она далека от идеалов христианской цивилизации и выступает против белой расы, а Голливуд, по его словам, был кошерен и являлся частью тайного заговора. На вопрос ведущего о линчевании Дюк ответил, что сам не стал бы в нем участвовать, чтобы не подорвать силы Клана. Однако он поддержал бы линчевание негра, изнасиловавшего и убившего двух женщин в Батон Руж. Наконец, он сообщил, что его люди запасают пищу и оружие для грядущей революции.

После этой передачи Дюк стал популярен, и его начали приглашать выступать на радио и в университетах. Так американские СМИ способствовали появлению новой «звезды». Это давало неплохой заработок, и Дюк смог все свое время отдавать Клану.

Вскоре ему представился случай показать себя в действии. Начало нового школьного года ознаменовалось в 1974 г. в Бостоне решением судьи о введении совместного обучения. Родители школьников были взбешены тем, что они сочли грубым вмешательством в судьбу их детей. Дюк понял, что его час настал, и 17 сентября призвал 300 членов ККК отправиться в Бостон и организовать белое

сопротивление. Однако на его призыв откликнулись лишь два добровольца. По дороге их автомобиль сломался, и они с трудом добрались до Бостона, где их уже ожидала полиция, полагая, что за ними придут и другие. Сам Дюк явился в Бостон 19 сентября. На аэродроме его встретили многочисленные журналисты и агенты ФБР. Он выступил на митинге в южной части Бостона перед двухтысячной аудиторией. Там он сказал: «Главная проблема – не образование. Главная проблема – негры». После этого многие из собравшихся захотели вступить в Клан, но, не имея с собой бланков, Дюк не смог собрать вступительные взносы. На следующий день полиция попросила троицу покинуть Бостон, что они и сделали незамедлительно. Дюк остался собой доволен: ему удалось собрать большой митинг в Бостоне и заявить о себе в национальных СМИ.

Теперь Дюк понял, что для достижения популярности следует играть на страхах белых и навязывать СМИ свое мнение по острым проблемам. В течение следующих шести лет его имя не сходило с первых полос газет, и он постоянно выступал на телевидении и радио. Неоднократно высказываясь против евреев, он уже никогда не ассоциировал себя с неонацистами. С лета 1974 г. он вместе с Линдсеем начал устраивать выступления в мотелях Нью-Орлеана для привлечения в ККК новых членов. На одном из таких митингов Дюк заявил: «Пришло время действий. Мы должны объединиться как белые люди и вернуть себе страну. Скоро вы увидите, что белые стали меньшинством в собственной стране». На его вопрос «Когда, наконец, мы начнем действовать?» толпа скандировала «Сейчас, сейчас».

В октябре 1974 г. Дюку удалось снова отличиться. Когда в 30 милях от Нью-Орлеана белые начали забрасывать камнями автобус с черными, оттуда раздался выстрел и был убит белый подросток. Тогда Дюк заявил, что пошлет туда своих людей для защиты белых от «черных убийц». Полиция несколько дней ждала их приезда, но к ее большому разочарованию Дюку удалось привезти с собой лишь трех членов ККК. Зато журналисты снова широко разрекламировали эту акцию, и Дюк остался доволен. Поняв, что ее дурачат, полиция заслала своих агентов в его группу ККК, а за ним самим была установлена постоянная слежка. Одновременно распускались слухи с тем, чтобы подорвать его авторитет.

Дюку это мало вредило, и он часто выступал в колледжах, вовлекая студентов в ККК. Видя его безнаказанность, черные стали специально устраивать шум в аудиториях, чтобы срывать его вы-

ступления. Но на одной из таких встреч в январе 1975 г. профессора и студенты осудили их за нарушение свободы слова. Это дало Дюку новый повод заявить, что, проявляя «низменные инстинкты», черные доказывают, что они ниже белых.

Выступая 4 апреля 1975 г. в поселке Уолкер перед толпой, готовой поддержать белую расу против «тирании негров», «политически корректный» Дюк использовал такие допустимые термины как «черные» и «негры», но толпа требовала «правильного слова» и кричала: «Убивайте ниггеров». На это Дюк заметил: «Время еще не пришло, но держите ружья наготове». Это был один из тех немногих случаев, когда он открыто поддержал насилие. В целом же он делал вид, что готов убеждать словом, а не силой оружия. В своих интервью он неизменно подчеркивал, что не одобряет насилия. Действительно, сам он никогда не прибегал к силе, однако всегда пытался оправдывать тех членов ККК, кто привлекался к суду за насилие. Речь шла о людях, нападавших или замышлявших нападения на чернокожих и евреев. Одного из таких людей Дюк назвал «защитником Белой расы и нашей Христианской цивилизации». Мало того, во второй половине 1970-х гг. ККК Дюка устроил в Техасе лагерь для подготовки боевиков. Там их учили действовать в боевой обстановке.

В августе 1975 г. Дюк добился официальной регистрации своего ККК в Луизиане. Он объявил себя основателем группы, а жену – ее секретарем. Целью организации было объявлено «поддерживать мир, гармонию и процветание для США и их народа». Осенью 1975 г. Дюк впервые решил поучаствовать в большой политике и выставил свою кандидатуру на выборах в сенат штата Луизиана от Батон Руж. Он объявил себя борцом за права белых, против их дискриминации и выступил против совместных школ. Он подверг жесткой критике тех политиков и юристов, кто «прячет голову в песок, боясь обвинения в расизме, если они сделают что-либо в интересах белого большинства». Он представлял себя главным борцом с системой совместного обучения в США и подчеркивал, что получил 35 наград за патриотизм (в том числе от губернатора Уоллеса). Но, проводя избирательную кампанию, он ничем не обнаружил свою связь с ККК и скрыл прошлую неонацистскую деятельность. Выборы Дюк проиграл (33% голосов против 66% у его противника), но остался горд тем, что его идеи разделяли 11 тыс. человек.

В сентябре 1976 г. Дюк впервые оказался в разладе с законом. Во время Международной патриотической конференции он накин-

нулся на двух детективов, обвинив их в службе «коммунистам и евреям». Это взвинтило толпу, и детективам пришлось вызвать полицию. На следующий день Дюк был арестован за организацию беспорядков. Он был отпущен под залог, но в 1977-1979 гг. ему постоянно приходилось иметь дело с судом. Ему грозило тюремное заключение, и он опасался стать в тюрьме жертвой черных заключенных. Кроме того, все это могло подорвать его имидж сторонника ненасильственных действий. На его счастье, он, хотя и был признан виновным в организации беспорядков, отделался легким наказанием, заплатив штраф 500 долларов.

Хотя судебное преследование отняло у него массу сил и энергии, он старался продолжать свою публичную деятельность. Теперь его все больше тревожили демографические изменения. Его, во-первых, пугал быстрый рост численности черного населения, а во-вторых, заботила нескончаемая иммиграция с юга из Латинской Америки. Он предупреждал, что скоро в Калифорнии, Техасе и Нью-Мексико белые перестанут быть большинством, и пророчествовал о том, что США уготована участь страны третьего мира. Предложив усилить контроль над иммиграцией, он обещал послать 500-1000 членов ККК для патрулирования всей южной границы. Журналисты снова были заинтригованы, но это оказалось новым трюком. Для патрулирования Дюку удалось организовать лишь семь членов ККК на трех старых машинах. Тем не менее, после акции он заявил, что сотням его сторонников якобы удалось задержать тысячи нелегалов. Полиция этого не подтвердила.

В отличие от других лидеров ККК, Дюк мыслил широко и мечтал о создании международного белого фронта. ККК был для него средством, а не целью, и он был рад любым новым контактам с крайне правыми. В 1976 г. он участвовал в неонацистском митинге в Бельгии, устроенном «Фламандским воинствующим орденом», лидеры которого во время войны поддерживали Гитлера. Еще в марте 1971 г. Дюк познакомился с молодыми местными неонацистами, и эти связи ему впоследствиигодились. Он несколько раз бывал в Канаде для организации там ККК. В 1977 г. он появился в Торонто и выступил по местному радио и телевидению, заявив, что «Канада готова для ККК. Канада – последний бастион белой расы на планете, но мы проиграем, если ничего не делать». Действительно, в январе 1978 г. с его помощью там возникла первая организация ККК. Но в 1982 г. ее лидеры были арестованы и оказались в тюрьме за попытку организации вторжения в Доминиканскую Республику.

Несколько лет спустя о канадском ККК никто уже не вспоминал. Столь же неудачно закончилась попытка Дюка организовать ККК в Австралии.

Весной 1978 г., несмотря на запрет въезда членов ККК в Англию, Дюк побывал в этой стране, объявив множеству местных журналистов о своем намерении завербовать там большое число новых сторонников. Несмотря на все усилия местной полиции, он ухитрился провести в Англии четыре недели и свободно улететь оттуда, завязав связи с английскими крайне правыми (Национальным Фронтом и пр.).

Тем временем в конце 1970-х гг. в Клане возникли трения. Хотя, благодаря популярности Дюка, его численность росла, с ним порвали несколько близких Дюку лидеров, обвинивших его в эгоизме, корыстных интересах, саморекламе и чрезмерной заботе о собственной безопасности.

Кроме того, бывших соратников Дюка возмущали выпущенные им две книги. Одна вышла в 1973 г. под псевдонимом Мухаммед Х и являлась пособием для черных по уличным дракам в преддверии расовой войны. Описанная там техника убийства приписывалась нигерийскому племени. Дюк долго не признавался в авторстве, но говорил, что рассылка книги по почте должна была выявить черных радикалов. Вторая книга вышла в 1976 г. под именами Дороти Вандербилт и Джеймс Конрад и предлагалась женщинам, желавшим привлечь внимание мужчин. Она обучала тому, как достичь оргазма, и предлагала изощренные техники секса. Похоже, выпуском этой книги Дюк рассчитывал поправить финансовое положение Клана. Но затея провалилась, ибо правые книгу не покупали, а для других она была скучноватой.

Чрезмерное увлечение Дюка женским полом тоже пришлось не по нраву бывшим соратникам. Они уважали его жену Хлою за преданность делу ККК, но в 1979 г. отношения Дюка с женой вконец разладились, и в 1983 г. они развелись. Тем временем, в августе 1979 г. Дюк попытался баллотироваться в Сенат штата Луизиана. Его программа новизной не отличалась: он по-прежнему требовал устранить дискриминацию белых, сократить пособие по безработице, а деньги отдать получающим социальную помощь матерям, чтобы они меньше рожали. Был в ней и пункт, направленный против совместного обучения. На этот раз Дюк снова проиграл. Это стоило ему потери ряда близких соратников, обвинивших его в нарушении принципов ККК и растрате денег этой организации на свою предвыборную кампанию.

Создав свой Клан, Дюк мечтал придать ему респектабельность – превратить его из сборища по преследованию негров в организацию образованных людей, защищающую свою расу. Однако его расовые идеи не оказывали ожидаемого воздействия, и, ненавидя чернокожих, белые члены Клана отказывались верить в еврейский заговор. Расисты хотели реального дела, а не слов, и постепенно люди начали уходить от Дюка в другие структуры. Их, например, больше привлекал ушедший в середине 1970-х гг. от Дюка Б. Уилкинсон, организовавший реальные вооруженные нападения. Дюк же хотел распространять свои идеи, не прибегая к насилию. Вот почему он задумал уйти из ККК и основать «Национальную ассоциацию для прогресса Белых людей» (НАПБЛ).

Однако бросить ККК на произвол судьбы он не мог и решил заключить сделку с Уилкинсоном. Здесь его ждал очередной громкий скандал, ибо не доверявший ему Уилкинсон пригласил на их тайную встречу журналистов. И когда Дюк предложил передать ему своих людей за 35 тыс. долларов, необходимых для формирования новой организации, тот громко зачитал контракт так, чтобы это услышали притаившиеся за дверью журналисты. На утро материалы об этой встрече, сопровождавшиеся фотографиями, стали достоянием широкой общественности. Все это ускорило уход Дюка из Клана, скрывавшего его амбициозные планы по привлечению добропорядочных белых граждан к защите своих собственных прав.

В 1982 г. Дюк ушел из ККК и основал НАПБЛ. После его ухода Клан потрясали новые скандалы и судебные преследования, и к 1990 г. он превратился в небольшую группу маргиналов. Дюк же произвел себя в президенты НАПБЛ и создал совет директоров. По своим целям это был тот же Клан, но без клановой атрибутики. В 1985 г. Дюк заявил: «Основы моей идеологии те же, что касается расы и еврейского вопроса. Различия лишь в тактике и организации». Вместе с ним в новую организацию ушли его бывшие помощники по ККК, готовые по-прежнему бороться за чистоту белой расы.

Свою новую организацию Дюк противопоставил «Национальной ассоциации для прогресса цветных людей» (НАПЦЛ), которая, по его словам, прививала детям расовые ценности, сохраняла черную расу и боролась за права черных, но при этом ущемляла права белых и возбуждала к ним ненависть. Снимая с белых вину за рабство, газета НАПБЛ демагогически подчеркивала, что африканцы сами поддерживали в Африке рабовладельческие отношения в течение последних 10 тыс. лет. Зато «никто иной, как белые, внесли ко-

лоссальный вклад в развитие демократии, образования, искусств, медицины, науки и техники». Дюк усматривал двойную мораль в том, что никто не бросал упрек в расизме НАПЦЛ, которая боролась за интересы черных и поддерживала дискриминацию белых, но, если белые делали то же самое в интересах белых, то их тут же называли расистами. Из этого он делал вывод о том, что реальная ненависть исходила якобы от «расистского меньшинства».

Черных Дюк называл «ленивыми», «бесчестными» и «смутьянами». НАПБЛ замечала любые столкновения на расовой почве, учиненные черными, но полностью игнорировала нападения белых на черных. Дюку не нравилось наследие Мартина Лютера Кинга, и он называл того «коммунистом». Он организовывал кампании против тех известных американцев, кто вступал в межрасовые браки. Зато среди его героев числились те, кто убивал чернокожих, протестовал против вступления США в войну с нацистской Германией, проводил этнические чистки. Дюка по-прежнему заботила массовая иммиграция латиноамериканцев. В его газете была перепечатана статья из антисемитской газеты «Обновление», предлагавшая разделить разные расы территориально: белых и черных расселить по разным территориям США, район от Сан-Диего до Техаса оставить мексиканцам, а часть Нью-Мексико и Колорадо отдать коренным американцам, то есть индейцам. Лонг-Айленд и Манхеттен предлагалось отдать «Западному Израилю», поселив туда американских евреев. Для черных автор статьи намеревался создать Новую Африку от Луизианы до Флориды, другие меньшинства поселить под Нью-Йорком, у северной границы поселить франкоканадцев, на Гавайях создать Восточную Монголию для китайцев, японцев, филиппинцев. Газета писала, что если этого не сделать, то скоро большинству придется бороться за выживание.

Несмотря на все старания Дюка выглядеть правозащитником, пресса в эти годы от него отвернулась, и его популярность пошла на убыль. Мало того, в 1987 г. «Южный журнал» выставил его расистом. Как ни пытался Дюк разными уловками снова заинтересовать журналистов, они его теперь старательно обходили. Впрочем, вовсе не всю информацию о себе он хотел делать достоянием публики. Он, например, всячески скрывал свою причастность к нападению кукуклсклановцев на Доминиканскую республику в 1981 г. Между тем, именно он тогда помогал набирать рекрутов и проводить закрытые совещания, лишь чудом избежав ареста.

По признанию Дюка, к середине 1980-х гг. он прозрел. Дело оказалось не в еврейских СМИ, а в том, что мало кого из белых

интересовали его идеи. Он попытался выпускать и тиражировать видеофильмы, но и эта затея себя не оправдала. «Истина о расе» и «Правда о Холокосте» людей не привлекали. В начале 1983 г. Дюк попытался организовать семинар для тренировки «белых лидеров». Собрав сорок слушателей, он учил их преодолевать свою терпимость к небелым, ибо терпимость означала отступление и упадок нации. Однако желающие набирались туго, и курсы не окупались. Тогда, чтобы отвлечься от горестных мыслей, Дюк занялся игрой, тщательно скрывая это от окружающих. Он начал часто летать в Лас-Вегас и иной раз проигрывал там тысячи долларов, но иногда выигрывал до 10 тыс. долл. Чтобы казаться более привлекательным, он проделал пластическую операцию и начал красить волосы, но и об этом он умалчивал. Тем временем люди начали снова от него уходить, и к середине 1980-х гг. в его движении осталось всего 1000 человек. Тем самым исчезал и источник дохода. Ведь с 1974 г. Дюк жил только профессиональным расизмом, и до 1989 г. у него никогда не было постоянной работы.

Уход из Клана не улучшил его материального положения, и он постоянно жаловался на нехватку денег. Одним из важнейших источников его доходов служила продажа книг радикального содержания. Тайно владея книготорговым домом «Американа Букс», он распространял через него расистскую и антисемитскую литературу. Как удалось установить Т. Бриджу, список таких книг, состоявший из 65 наименований, был опубликован в «Бюллетене НАПБЛ» (1987, № 49). Помимо книг, продавались и видеокассеты с записями выступлений Рокуэлла и Дюка.

Еще Дюк владел консалтинговой фирмой, используя ее для ухода от налогов. Постоянно ссылаясь на свою бедность, он ухитрялся часто играть в рулетку в Лас-Вегасе. Для этого, разумеется, требовались большие деньги, и, как установил Бридж, в 1983-1988 гг. упомянутая фирма получила 141 тыс. долларов от НАПБЛ и от избирательной кампании Дюка.

Еще в годы своей деятельности в ККК Дюк зачитывался ревизионистской литературой и охотно публиковал в «Крестonosце» статьи Гримстеда. В одном из его последних номеров Дюк и сам выразил сомнение в Холокосте. Реальным Холокостом он признал истребление Сталиным миллионов христиан, не преминув отметить, что исполнителями этого были якобы евреи (он перечислял фамилии руководителей ГУЛАГа).

В 1986 г. Дюк побывал в концлагере Маутхаузен в Австрии. В отличие от Освенцима этот лагерь не был «фабрикой смерти», но там от нечеловеческих условий жизни и непосильной работы погибли 38120 евреев. Между тем, Дюк использовал это посещение для того, чтобы поставить Холокост под сомнение. Он назвал газовые печи «устройствами для истребления вшей», заявил, что никакого официального приказа убивать евреев не было, а люди умирали, так как шла война. Он усомнился в цифре погибших, ибо, на его взгляд, невозможно было убивать так много людей в день с помощью газа «Циклон-Б».

Своими знаниями о Холокосте Дюк был обязан основанному У.Карто «Институту исторических обзоров» (ИИО). Первая конференция ИИО, состоявшаяся в 1979 г., настолько поразила воображение Дюка, что в 1980 г. он посвятил ей целый специальный выпуск газеты «Крусейдер». В те годы установки ИИО нередко звучали в его риторике. Например, в интервью, данном Эвелине Рич в марте 1985 г., он настаивал на том, что Холокост придумали евреи, чтобы оправдать создание государства Израиль. Он предпочел сместить акцент на убийство десятков тысяч арабов, изгнание их с родины и «еврейский терроризм». В создании нацистами концлагерей он не видел ничего особенного и проводил параллель с депортацией японцев в США. Делая акцент на отсутствии официальных нацистских документов с приказами об истреблении евреев, он отменял показания свидетелей, особенно тех, кто чудом остался в живых. Он заявлял, что само их выживание якобы доказывало отсутствие преднамеренных убийств – «ведь немцы были очень пунктуальны и дисциплинированы». Вслед за ревизионистами, он сводил функцию газовых печей к простой дезинфекции, чему якобы и служил газ «Циклон-Б». Он доходил до утверждений того, что будто бы узникам неплохо жилось в Освенциме, где к их услугам были бассейн, футбольное поле и оркестр. По его словам, катастрофа произошла там лишь в последние полгода, когда из-за близившегося поражения Германии люди начали голодать.

В нацистской Германии Дюк видел свой идеал. Правда, он несколько журил ее за пренебрежение демократией, но ведь там была великолепная система образования, физической культуры, экологической безопасности! Он настаивал на том, что такие «замечательные люди» не могли устроить Холокост.

Нацистам он противопоставлял «злостных евреев», утверждая, что это по милости последних белые постепенно превраща-

лись в меньшинство. Подхватывая консервативные идеи, известные с XIX в., он сетовал на то, что «материализм» все активнее теснит «духовность». В этом, разумеется, тоже были повинны евреи, интересовавшиеся якобы только деньгами. Дюк твердил об их якобы огромном влиянии на президента Рейгана и их засилье в СМИ. Себя Дюк представлял великим гуманистом, борцом за справедливое общество. Но евреи со своим Талмудом ему постоянно мешали.

После Маутхаузена Дюк посетил Германию. В дороге он неизменно заводил с попутчиками разговор о Третьем Рейхе и позднее уверял, что те положительно отзывались о жизни до 1945 г. Еще будучи студентом университета, Дюк признавался своему профессору, что стал изучать историю Германии, чтобы лучше познакомиться с «величайшим гением» – Адольфом Гитлером. Правда, с тех пор он стал осторожнее и избегал публично об этом заявлять. Более свободно он чувствовал себя дома, где держал повязки со свастиками и футболки со знаками SS. Вплоть до конца 1980-х гг. он ежегодно 20 апреля собирал у себя в доме ближайших друзей и праздновал день рождения Гитлера.

Вслед за своим кумиром, Дюк верил, что «низшие расы» (чехи, поляки, евреи, негры) постоянно угрожали арийцам. Генетика стала для него фетишем, и в 1989 г. он говорил: «Я убежден, что национальность коренится в генах». Это ставило крест на идее успешной ассимиляции и заставляло видеть в иммигрантах (включая евреев и чернокожих) фермент, разлагавший американскую нацию. Дюк разделял три основных постулата расовой теории – что только люди североευропейского происхождения были наследниками великой прошлой культуры; что культурное превосходство – результат генов; что раса определяет историю. Поэтому его страшило то, что он называл «разрушением генетической основы», и он постоянно предупреждал о том, что белая раса находится под угрозой исчезновения.

Если белые являлись «высшей расой», почему же черные превосходили их в целом ряде видов спорта? Дюк и здесь находил объяснение: белые сильнее в тех видах спорта, которые требуют интеллекта, а черные там, где нужны лишь физические способности. Для него победа 16 чернокожих в беге на 100 м на Олимпийских играх 1988 г. была не более, чем «следствием генетики». Тем же он объяснял «склонность чернокожих к преступности». В статье «Почему я против расового смешения» (1986) он писал, что дети от межрасовых браков несут одну лишь деградацию.

В 1980-х гг. Дюк скорректировал свои расовые идеи и подхватил аргументы Новых правых, доказывая, что расы не превосходят одна другую, а просто они разные. В 1983 г. он говорил, что черные не приспособлены к западной технологии, но зато им свойственно антисоциальное поведение. В 1986 г. он предлагал выселить евреев из США туда, где «они не смогут эксплуатировать других». Он предлагал властям США разделить страну по расовому признаку, остановить иммиграцию и начать евгеническую программу, чтобы искусственно вывести расу господ. Повторяя нацистов образца 1933 г., его газета призывала принимать на государственном уровне программу по увеличению рождаемости в белых семьях и ее сокращению в семьях «неарийцев». Он доходил до того, что мечтал о добровольной стерилизации семей, получающих социальное пособие. Дюка тревожила высокая рождаемость в семьях меньшинств. Для исправления ситуации он предлагал запретить аборт, к которым часто прибегали белые женщины. Аборт он допускал только для тех случаев, когда речь шла о рождении «неполноценного ребенка». Утверждая, что важна не человеческая жизнь вообще, а продуктивная, красивая жизнь, он и здесь шел по стопам нацистов.

Вновь внимание журналистов к Дюку привлекли события в графстве Форсит, штат Джорджия, в январе 1987 г. В ответ на антирасистский марш черных свой марш там провели белые расисты, требовавшие отмены совместного обучения. По их приглашению Дюк возглавил колонну из 1000 демонстрантов и призвал во избежание роста преступности не пускать чернокожих в графство, известное своим белым статусом. Навстречу белой демонстрации вышли 20 тыс. правозащитников, и полиции пришлось принимать меры, чтобы предотвратить столкновение. Дюк снова ненадолго оказался под арестом, и СМИ вспомнили о нем, как о ведущем лидере антисемитов и расистов. Это его окрылило, и его газета объявила о «внушительной победе».

Однако на новом митинге, собравшемся в графстве Форсит, его пришли послушать лишь 125 человек, и вскоре движение заглохло. Тем временем Дюк занялся сбором средств на защиту в суде, и люди охотно посылали ему деньги, думая, что те предназначались для всех 62 арестованных. Когда же выяснилось, что он собирает только для себя, разразился скандал. На радость Дюка, он и в этом случае легко отделался: его приговорили к уплате штрафа в 55 долл. и 1 году тюрьмы условно.

Вскоре ему представился случай еще раз выступить с изложением своей программы. Это произошло 8 июня 1987 г. на митинге белых расистов в отеле Мариотт в Атланте. Там Дюк выступил против аффирмативных действий и потребовал снизить пособие по безработице, заставить людей, получавших социальную помощь, работать, законодательным путем понизить у них рождаемость, отменить Налоговую инспекцию, поддержать «белых братьев в ЮАР» и усилить антииммигрантское законодательство. Не забыл он и высказаться против «израильского лобби» и его влияния в Сенате США и СМИ.

На следующий день он публично объявил о своем вступлении в президентскую кампанию 1988 г. Председатель Демократического Национального Комитета Пол Кирк попросил местное отделение партии в Атланте всеми силами не допустить выдвижения Дюка, и когда тот явился в Вашингтон для разъяснений, охрана не пустила его в штаб-квартиру Демократической партии. К удовольствию Дюка, инцидент снова попал в газеты.

В своей избирательной кампании Дюк полагался на экстремистов, включая людей из «Лобби за Свободу», а своим доверенным лицом сделал Р.Форбса, бывшего активиста неонацистской партии Рокуэлла, затем одного из лидеров радикального «Движения идентичности» в штате Арканзас. Зато Демократическая партия его игнорировала, и доступа к СМИ он почти не имел. На кандидатские дебаты его не только не приглашали, но даже не пускали. В итоге в Луизиане победу среди демократов одержал Джесси Джексон, а Дюк получил лишь 3,8% голосов. Однако это не охладило его пыл, и он согласился продолжить кампанию как кандидат от праворадикальной «Популистской партии», образованной У. Карто в 1984 г. из неонацистов и бывших членов ККК. Он, правда, понимал, что в этом случае СМИ будут о нем молчать, но выбора у него не было. Как оказалось, выбора не было и у «Популистской партии». Поэтому Дюку простили то, что, проведя ночь с девицей, он опоздал на заседание этой партии в Цинциннати. После этого, объездив многие штаты, он повсюду выступал против аффирмативных акций, отрицал свой расизм и упрекал в нем Джесси Джексона. Получив 0,05% голосов избирателей, Дюк с треском проиграл президентскую кампанию. Но он и из этого извлек пользу – ведь кампания помогла ему стать политиком, известным не только в штате Луизиана, но и далеко за его пределами.

Это давало шанс избавиться, наконец, от своего образа маргинала. И Дюк не преминул этим воспользоваться, когда в октябре

1988 г. в Палате представителей штата Луизиана освободилось место для 81-го округа. Этот округ отличался своей консервативностью и на 99,6% состоял из белого населения. Кроме того, Дюк был там уже известной фигурой. Не найдя понимания у демократов, теперь он решил выступить кандидатом от Республиканской партии. В своей речи перед ее представителями он старательно избегал антисемитизма, но сохранил расовую составляющую. Он выступал против аффирмативных действий, за изменение системы выплаты пособий по безработице, за понижение рождаемости у их получателей, а также против понижения порога, с которого в Луизиане полагалось платить налог на собственность. Последнее позволяло рассчитывать на массовую поддержку избирателей. Кроме того, 81-й округ считался вотчиной республиканцев, а на их представителей речь Дюка произвела хорошее впечатление. Простым жителям Луизианы его аргументы тоже понравились, и рост черной преступности в Нью-Орлеане играл ему на руку. Людей сбивал с толку приятный на вид облик Дюка, вовсе не выглядевшего злобным нацистом.

Именно в ходе этой кампании Дюк показал все свое искусство вести диалог с журналистами, уходя от их каверзных вопросов. Помощники его соперника всеми силами разоблачали прошлую деятельность Дюка, но тот вел себя так осторожно, что народ им не верил. Поэтому, даже несмотря на то, что его соперник опирался на поддержку Рейгана и Буша, Дюк победил на выборах, набрав 50,7% голосов.

Войдя в Палату представителей штата Луизиана от республиканцев, Дюк попытался отмежеваться от расистской и антисемитской деятельности. Но лидеры «Популистской партии» заставили его приехать на их ежегодный съезд в Чикаго, говоря, что потратили тысячи долларов на его кампанию. После некоторых колебаний он там появился и в своем выступлении назвал себя «популистским республиканцем». С журналистами он был теперь предельно осторожен, и они не смогли его ни на чем поймать. Однако одному из них удалось сфотографировать его рукопожатие с одним из лидеров Американской нацистской партии Артом Джонсом. Этот снимок был немедленно опубликован «Ассошиэйтед Пресс». И, хотя, действительно, Дюк и Джонс никогда раньше не встречались, этот случай напомнил законодателям и публике о прошлой деятельности Дюка.

Первой победой Дюка в Палате представителей был провал губернаторского законопроекта об изменении налоговой системы.

Выступив против него с популистских позиций, Дюк снискал симпатии избирателей. Однако никакого опыта по выработке законов у него не было. Поэтому ни один из выдвинутых им девяти законопроектов против наркотиков и по сокращению аффирмативной политики не прошел.

В начале июня 1989 г. Дюк отправился на открытие выставки в Батон Руж, посвященной Холокосту. Там его увидела Энн Леви, чудом спасшаяся из Варшавского гетто. На ее вопрос о его отношении к Холокосту, он ответил, что все это преувеличивается. В ярости она потребовала, чтобы он покинул помещение, и ему пришлось удалиться. Разумеется, это происшествие быстро стало достоянием публики.

Не прошло и суток, как разразился новый скандал. Лэнсу Хиллу и Бэт Рики удалось обнаружить, что в своей штаб-квартире Дюк по-прежнему торговал расистской и нацистской литературой. Об этом было объявлено журналистам, но Дюк оправдывался тем, что речь шла о продаже последних оставшихся экземпляров.

Консервативная по своим убеждениям, Рики входила в правление местного отделения Республиканской партии и, зная о прошлой деятельности Дюка, призывала республиканцев Луизианы публично от него отмежеваться. Однако, не желая заниматься серьезной реконструкцией Юга, в 1970-1980-х гг. республиканцы предпочли разыгрывать антилиберальную карту и со временем стали эксплуатировать чувства избирателей, начавших ощущать некоторое неудобство от аффирмативных действий. Поэтому депутаты-республиканцы Луизианы видели в Дюке союзника, и один из их лидеров сказал, что его не интересует то, чем занимался Дюк как демократ до того, как вступил в Республиканскую партию.

Вскоре, встретив Рики на одном из заседаний законодателей, Дюк попытался изложить ей свои расовые взгляды, сказав: «Это – моя религия». Он ее преследовал и позднее, рассказывая об индийской кастовой системе, о своей любви к природе, о банке спермы «гениев» и о своем преклонении перед ученым, якобы доказавшем превосходство белой расы над черной. Однажды он начал перед ней прославлять Р.Гесса и д-ра Менгеле. Потом перешел к «несправедливому» отношению к Эйхману и начал доказывать, что в Освенциме не было газовых печей. Он пытался убедить ее в том, что евреи придумали «сказки» про Холокост и распространяют их через СМИ. Он настаивал на том, что Гитлер просто хотел изолировать евреев, так как они поддерживали коммунистов. После этого Рики с другим

законодателем попытались побудить республиканцев начать официальное расследование деятельности Дюка. Но руководители местных республиканцев провалили это предложение и решили просто игнорировать Дюка, не давая ему публичности.

Удачное проведение избирательной кампании 1989 г. воодушевило Дюка, и в декабре он решил попытать счастья на выборах в Сенат США. К этому времени он уже уверенно держался перед телеэкраном и научился отвечать на неудобные вопросы. Это нравилось зрителям, но в истеблишменте старались держаться от него подальше. И все же, как показал опрос экспертов, Дюк имел неплохие шансы на победу. Выяснилось, что эксперты были настроены против чернокожих и собирались голосовать за Дюка. Его прошлые связи с КKK их не волновали, зато они считали, что меньшинства получили свое сполна и настало время вводить полное равенство. Что касается нацизма, одна женщина сказала: «У Гитлера были и неплохие идеи».

Среди помощников Дюка были его друзья, расисты и антисемиты, но они старались держаться подальше от прессы. Другие были консерваторами. Но у него не было пресс-секретаря, не проводились опросы общественного мнения. Ведь за годы маргинальной жизни Дюк привык верить в судьбу. Кампания началась для него успешно. Похоже, средний класс устал от демократов, поддерживавших меньшинства, и на встречи с Дюком неизменно приходили сотни людей. Социологи обнаружили, что одна треть его избирателей ненавидели КKK, были против расовой сегрегации и не принимали идеи белого превосходства, однако были нечужды латентного расизма. Дюк демонстрировал правый популизм и делал акцент на расовых проблемах. Он выступал против дискриминации белых и за снижение числа «тех, кто жил на пособие по безработице». Термин «черные» он не использовал, но белые хорошо понимали, о ком идет речь.

Дюк опирался на белое население пригородов и глубинки, которое во всех трудностях винило черных и не хотело увеличения налогов, подозревая, что это пойдет на помощь черным. Кроме того, Дюк выступал против загрязнения окружающей среды, против ухода крупных компаний от налогов, против увеличения налогов, против вторжения японцев в экономику США, за переброску войск из Западной Европы на южную границу США, чтобы сдержать поток нелегальной иммиграции. Он также выступал противником порнографии и аборт. Внешне он ничем не обнаруживал свое прошлое,

но его взгляды не изменились, и они проступали в его призывах. Ведь общественное мнение связывало распространение порнографии и крупный бизнес с евреями. К абортам прибегали именно белые. Японцев следовало сдерживать, чтобы сохранить чистоту нации. Идея чистой природной среды также предполагала идею «чистого общества». На своих митингах Дюк доводил слушателей до иступления, и они иной раз набрасывались на журналистов, особенно евреев. Людям нравилось то, что он говорил. Кроме того, во время этих выступлений он получал много пожертвований. Такой кампании, какую он вел, Луизиана не видела много лет. Чтобы смыть пятно члена КKK и нациста, он стемился долго общаться с избирателями лично. По словам его шофера, «еврейский вопрос» продолжал его мучить, хотя в своих речах Дюк его старательно обходил.

В 1990 г. законодатели штата Луизиана снова отвергли все законопроекты Дюка. Обсуждение одного из них касалось отмены аффирмативных действий и вызвало ожесточенную дискуссию, приведя к расколу Палаты представителей. В конечном итоге Сенат отверг этот законопроект, но Дюк завоевал симпатии простых избирателей. Однако он понимал, что ему нужны и голоса образованных благополучных белых. За помощью он обратился к Кантелли, музыканту, имевшему много черных друзей, но ставшему к своим 50-ти годам консерватором. Кантелли удивляло то, что Дюка упрекали в членстве в КKK и нацизме, не пытаясь разобраться в его идеях. После их встречи в июне 1990 г. и долгого разговора, Дюк произвел на него благоприятное впечатление. В июле Канелли организовал для него телешоу, где тот убеждал зрителей голосовать за себя. Он говорил о счастливом времени, когда не было совместного обучения, людей брали на работу за их собственные заслуги, преступность была низкой, родители не боялись за детей и пр. В частности, он сказал, что в США слишком долго пытались принизить роль западной христианской культуры в американской жизни, боясь обвинения в расизме, но с этим надо кончать, установив реальное равенство. Эта речь произвела впечатление на консервативных зрителей. Своих почитателей Дюк просил прислать по 10 долларов и на следующий день имел 88 тыс. долларов.

Соперник Дюка, демократ Беннет Джонстон, выступал с иных позиций и призывал к единству черных и белых. Вначале он полностью игнорировал Дюка, но, поняв, что имеет дело с опасным противником, начал упоминать о его клановом прошлом и любви к

Гитлеру. Его помощники показали по телевидению фотографию, где Дюк приветствовал членов Клана поднятием левой руки (приветствие «Белой власти») перед зажжением креста. Но на избирателей это не произвело большого впечатления: вначале рейтинг Дюка снизился с 29 до 23%, но затем вырос до 27%.

Правозащитник Лэнс Хилл полагал, что, учитывая мнение американского избирателя, с точки зрения принадлежности к ККК, Дюк был неуязвим, но обнародование его неонацистского прошлого могло бы сильно ему повредить. В конце 1980-х гг. Луизиана испытывала рецессию, там росла безработица, а социальный хаос в черных районах способствовал росту белого расизма. Для противостояния угрозе со стороны крайне правых во второй половине 1989 г. в Нью-Орлеане была создана «Луизианская коалиция против расизма и нацизма» (ЛКПРН). Один из ее активистов, Хилл опасался, что кампания Дюка положит начало возрождению белого расистского движения. Он ненавидел Дюка и в то же время отдавал должное его искусству в проведении кампании. Ведь тот не скрывал своего кланового прошлого, утверждая в то же время, что давно с ним расстался. Он умело использовал анекдоты, насыщенные эвфемизмами, которые люди хорошо понимали.

Вначале ЛКПРН ставила задачу разоблачить взгляды Дюка, ибо Хилл верил, что одной лишь правдой можно будет его победить. Ее активисты устраивали пресс-конференции и сообщали журналистам сведения о нацистском прошлом Дюка. Но вскоре они начали замечать неоднозначную реакцию публики. Для избирателей признание Дюка расистом означало, что они и сами не лучше. Вскоре в офис ЛКПРН стали звонить, обвиняя коалицию в том, что она была орудием в руках евреев. Иногда звучали угрозы жизни активистов, которых звонившие называли «любителями ниггеров». ЛКПРН не имела поддержки со стороны влиятельных людей, и ее эффективность была низкой. Получая от нее информацию о Дюке, люди начинали скрывать свои взгляды, но не меняли их.

В итоге на выборах в октябре 1990 г. Дюк получил 59% белых голосов (рабочих и сельских жителей 25 округов Луизианы из 64), хотя, принимая участие в социологических опросах, избиратели не признавались в своих истинных симпатиях. Все же Дюк проиграл Джонстону (43,5% голосов против 54%). Для Дюка это была победа, ибо результаты были много лучше, чем ожидалось. Хилл определил выборы как «референдум о ненависти», где ненависть победила.

В 1991 г. Луизиане предстояли губернаторские выборы. Действующий губернатор Чарльз Рёмер не видел в Дюке достойного соперника и чувствовал себя в безопасности. Главным оппонентом он считал бывшего губернатора-популиста Эдвина Эдвардса, опиравшегося на бизнесменов и мечтавшего вернуться в кресло губернатора. Вначале оба они игнорировали Дюка, полагая, что человек, носивший нацистскую и клановую униформу, не заслуживал уважения. Дюк вступил в избирательную гонку в марте 1991 г., не изменив в своей программе ни пункта. Допустив ряд тактических промахов, Рёмер не пользовался большим авторитетом у республиканцев. Зато на своем съезде те устроили овацию Дюку. Эдвардс лидировал среди демократов.

11 сентября 1991 г. Дюк вновь после трехлетнего перерыва выступил перед студентами Университета Луизианы, и послушать его пришли сотни студентов. Черные студенты пришли на митинг с лозунгами против нацизма, но лозунгов в поддержку Дюка было много больше. Он выступил против аффирмативных действий и обещал, что Университет Луизианы сохранит свою «белизну». Вскоре Дюк выступил по телевидению за безопасность на улицах, здоровую экономику, улучшения в системе образования. Своих противников он обвинил в том, что они ненавидели его за прошлое, тем самым проявляя нетерпимость. Те, кто четыре года назад голосовали за Рёмера в надежде на реформы, теперь начали склоняться в сторону Дюка. Когда помощники Рёмера провели опрос общественного мнения, они обнаружили, что люди были склонны во всем оправдывать Дюка, объясняя его клановое прошлое грехами молодости: «Кто не делает глупостей в молодости?»

Рёмер был потрясен. С детства привыкший к расовой толерантности, он не мог поверить, что образованные и интеллектуальные люди могут пойти за расистом. Тем не менее, действительность говорила об обратном. На праймериз 19 октября Эдвардс набрал 33,8% голосов, Дюк – 31,7%, а Рёмер – 26,5%. Это сильно озаботило чернокожих, и они мобилизовали все свои силы. Такого наплыва избирателей Луизиана еще не видела. Все же Дюк верил, что белое большинство его поддержит. Но он ничего не понимал в тактике выборов, полагаясь лишь на свои идеи. В свою очередь, Эдвардс делал ставку на чернокожих, составлявших 27% электората. Он обещал продолжать реформы Рёмера, рассчитывая заполучить и его избирателей. Тем временем выяснилось, что избирателям было мало дела до прошлого Дюка.

Тогда кандидаты, не разделявшие расистских идей, объединились и призвали своих избирателей голосовать за Эдвардса. Против Дюка поднялись и бизнесмены, поняв, что им есть, что терять, ибо федеральное правительство отвернется от штата, которым руководит нацист, и тогда заглохнет туризм. В Дюке они увидели нового Гитлера. Против него поднялась и главная газета штата «Таймс-Пайкеюн». Там осознали, что впервые в американской истории на выборах губернатора мог победить нацист, и начали публиковать статьи о его экстремистской деятельности. Эта газета обладала в штате большим весом, и к ней прислушивались избиратели и тележурналисты.

И все же поддержка у Дюка росла. Он заявлял, что порвал с прошлым и видит себя новообращенным христианином. В консервативном штате, ожидавшем спасителя, многие ловились на эту удочку. Дюк стал называть себя христианином лишь в 1990 г. и во время губернаторских выборов все время подчеркивал свою приверженность христианской вере. Судьбу выборов решили теледебаты между Дюком и Эдвардсом, происходившие 6 ноября 1991 г. Передачу вел черный журналист Н. Робертсон, которому Дюк живо напомнил о детстве, когда он неоднократно испытывал унижения и ненависть со стороны белых. Напомнив Дюку его высказывания о евреях и черных, журналист спросил, как могут меньшинства поручить такому человеку свое будущее. Это заставило Дюка извиниться перед телеаудиторией за свои слова, сказанные в прошлом. На вопрос о том, отказывается ли он от ККК и неонацизма, Дюк сказал, что отрекается от ККК и любой другой расистской организации. Однако он не преминул заметить, что каждый день на улице происходят нападения на белых, «равно как и наоборот». «Как и на черных?» – спросил журналист. Дюк ответил: «Мне кажется, Вы ведете себя со мной несправедливо», на что журналист возразил: «А Вы не кажетесь честным».

Когда очередь дошла до Эдвардса, тот сказал: «Этот человек напал на нас двадцать лет. И вдруг он хочет с этим покончить. Когда он пугал людей и зажигал кресты, я строил больницы. Когда он появлялся в нацистской униформе, я спасал людей от ураганов. Когда он продавал нацистскую литературу, я заботился о школьных учебниках. В течение двадцати лет он возбуждал ненависть и не имеет право выставляться губернатором. Пусть сначала поработает внизу и делом покажет, насколько он изменился».

Эти дебаты поставили крест на шансах Дюка. За десять дней до выборов он уже не мог переломить ситуацию. Благодаря публика-

циям в СМИ и выступлениям на телеэкране, Дюк добился большой поддержки, и в то же время многих он очень пугал, особенно евреев. Люди считали, что вопрос стоит о жизни и смерти, и жертвовали огромные деньги на кампанию против Дюка. Демократическая партия Луизианы тоже публично высказалась против него. Однажды выступил генерал-майор, сказавший, что воевал против нацизма в 1944 г. и будет воевать против него на выборах. Даже президент Буш заклеил Дюка как расиста и антисемита. 10 ноября Эдвардс и Дюк последний раз появились на ТВ. Ведущий задал Дюку несколько конкретных вопросов об экономике штата, на которые Дюк не смог ничего ответить. На следующий день Боб Хокс, хорошо знавший Дюка, заявил, что тот никогда не отличался религиозностью и даже не читал Библию. Затем журналистка Рос Дэвидсон сообщила, что в интервью в 1990 г. он сравнил евреев с чумой для белой расы. А ведь он клялся, что уже тогда отказался от экстремизма. Чернокожие Луизианы вновь сплотились против Дюка. В результате Эдвардс выиграл выборы большинством голосов, хотя люди голосовали не столько за него, сколько против Дюка. И все же 55% белых, 56% республиканцев и 56% кэйджан* штата Луизиана проголосовали за Дюка.

Он увидел в этом хороший знак и 4 декабря заявил об участии в президентских выборах. При этом он сохранял имидж правого популиста и продолжал эксплуатировать расовую тему, называя демократов партией Джесси Джексона и Рона Брауна (оба были чернокожими политиками). Он сетовал на то, что сегодня подрываются устои христианского общества, выступал против нелегальной иммиграции и за протекционистскую торговлю с Мексикой и Японией, требовал запрета иностранцам иметь бизнес в США. При этом Дюк постоянно подчеркивал свое уважение к бывшему губернатору Алабамы Дж. Уоллесу, впервые начавшему высказываться против аффирмативных действий. Однако для Уоллеса расовый вопрос был вопросом тактики, и позднее он сдвинулся влево и уже охотился за голосами чернокожих. А Дюк искренне верил в евгенику и национал-социализм и считал, что только культура белых может сделать США великой страной.

В начале 1990-х гг. Дюк стал вести себя более осмотрительно. Теперь он избегал антисемитской риторики, равно как и темы Холо-

* Кэйджан – потомки французов, составляющие в Луизиане особую культурную группу, отличающуюся электоральным поведением.

коста. Устройство ежегодного празднования дня рождения Гитлера он, разумеется, отрицал. Он начал говорить эвфемизмами и перестал упоминать евреев. Мало того, он даже поддержал назначение чернокожего Кларенса Томаса в Верховный Суд США. Между тем, своим идеям он не изменил и продолжал верить, что нация идентична расе, и что, если допустить смешение рас, США обречены. Он выступал против «Нового Мирового Порядка» Дж. Буша и считал, что за «Войной в заливе» стоят еврейские интересы. Президентская кампания должна была укрепить популярность Дюка, получавшего тысячи писем от своих поклонников. Согласно опросу, его теперь знали 58% американцев, то есть больше, чем любого кандидата от демократов. Он искал любые способы остаться на виду у СМИ, чтобы распространять свои взгляды. Кроме того, избирательные кампании давали ему средства к существованию.

По оценке Т. Бриджа, популярность Дюка была связана с ростом «радикализма средних американцев», недовольных падением доходов и пенсий, а также тем, что пособия по безработице поглощали огромную часть денег налогоплательщиков. Поэтому выступления Дюка против этой системы были своевременны. Однако известность Дюка была скандальной, и ему не хватало поддержки выборщиков. Самым опасным его конкурентом оказался ультраконсервативный журналист Пэт Бьюкенен, бывший помощник Никсона и Рейгана. Он выставил свою кандидатуру в президенты для того, чтобы Дюк не был единственным соперником Буша справа. В своей программе он практически повторял все положения Дюка, и тот обвинил его в плагиате. Советники президента Буша сочли, что надо делать все, чтобы помешать Дюку, ибо он «олицетворял самое худшее, что есть в американской политике». Руководители Республиканской партии называли его шарлатаном, и против него была развязана беспрецедентная кампания в СМИ. Первым штатом, где Дюк должен был себя проявить, была Южная Каролина. Но там не любили популистов, и Дж. Уоллес проиграл там еще в 1968 г. Та же участь ожидала и Дюка. Многие прежние сторонники отказывались от него и переходили в лагерь Бьюкенена, ставшего оппозиционным кандидатом от республиканцев против Буша. Вскоре стало очевидно, что по своей популярности Дюку никогда не удастся сравняться с Бушем и Бьюкененом. Между тем, расистский имидж Дюка заставил Буша дистанцироваться от расовой проблематики, и в ноябре 1991 г. он все же подписал билль о гражданских правах, на который год назад сам наложил вето.

Неудача в президентской кампании поставила крест на политической карьере Дюка в США. Тогда он с сожалением говорил друзьям, что Америка еще не готова его принять. Даже белые расисты от него отвернулись. Он попытался заняться бизнесом, но неудачно. Зато его снова видели в казино. Чтобы подзаработать, он занялся распродажей атрибутики, накопившейся у него за годы избирательных кампаний. Вокруг него на некоторое время возникла пустота. В марте 1993 г. он произносил речь на церемонии, устроенной правыми радикалами у памятника Свободе в Нью-Орлеане. Дело кончилось столкновением с чернокожими, и он снова попал на страницы СМИ. В апреле его пригласили вести утреннее ток-шоу на радио в Ковингтоне, где он, наконец, получил трибуну для своих расистских взглядов. По иронии судьбы, его работодателем был человек еврейского происхождения, сказавший: «Мне это нелегко, но бизнес есть бизнес». Это лишь убедило Дюка в том, что евреи якобы на все готовы ради денег.

Однако, для большинства американцев имя Дюка стало символом расизма и антисемитизма. Поэтому, когда в 1996 г. он вновь пытался стать сенатором, это с самого начала была проигрышная кампания. Но он не терял надежды и полагал, что дела в стране зайдут так далеко, что люди еще попросят его заняться решением их проблем. Он предсказывал, что в 2000 г. попадет в Конгресс, а затем в Белый Дом. Дюк верил, что его судьба – стать спасителем белой расы, и в середине 1990-х гг. завел свою собственную страницу в Интернете для пропаганды радикальных взглядов. Между тем, иметь такого спасителя американцы не захотели, и в 1999 г. Дюк снова проиграл избирательную кампанию на этот раз в Конгресс США. Тогда в 2000 г. он создал «Национальную организацию за права евроамериканцев», вскоре переименованную в «Организацию Европейско-Американского Единства и Правозащиты».

Терпя поражения в общественной сфере, Дюк занялся написанием своей автобиографии, надеясь ее выгодно продать. В октябре 1998 г. он встретился с английским ревизионистом Дэвидом Ирвингом, посетившим во время своего лекционного турне г. Кеннер, штат Луизиана. Дюк предложил ему заняться редактированием своей рукописи, в которой Ирвинг без труда распознал, как он написал в своем дневнике, «квази Майн Кампф». Там говорилось об умственной «ущербности» чернокожих, о «расизме» евреев, отрицался Холокост и писалось об «арийской» Америке. Ирвингу рукопись понравилась, и он незамедлительно приступил к работе. Он провел

в Кеннере несколько месяцев, регулярно встречаясь с Дюком и другими известными борцами за господство белых, включая У.Карто. Постепенно рукопись Дюка приобрела товарный вид под названием «Мое пробуждение». Ирвинг постарался найти для нее издателя, но поначалу дело шло весьма туго.

Тем временем, в 2001 г. власти штата Луизиана начали расследование финансовых махинаций Дюка, и в 2003 г. он получил 15-месячный тюремный срок за то, что проиграл в рулетку деньги своих обожателей, и за другие финансовые нарушения. Его выход из тюрьмы летом 2004 г. был торжественно отпразднован единомышленниками в Нью-Орлеане, куда для этого съехались известные лидеры американских неонацистских и расистских организаций: У. Карто (от «Барнс ревью»), Сэм Диксон (от «Совета консервативных граждан»), бывший соратник Дюка по ККК Дон Блэк, Эд Филдз (от расистской газеты «Долгожданная Правда»), представители «Национального Альянса» Дэвид Прингл и Кэвин Штром, канадский расист Пол Фромм.

Соккрытие Дюком доходов и неуплата налогов мало вязались с его имиджем «патриота». Действительно, в течение последнего десятилетия многие объявлявшие себя ранее «благонамеренными американцами» белые расисты и неонацисты стали выступать не только против правительства США, но и против всей нынешней американской системы. Это не прошло мимо Дюка, и, отбросив свой прежний имидж сторонника ненасильственных действий, он заговорил о революции против системы, покровительствующей меньшинствам. Так, на встрече с Макашовым в редакции газеты «Завтра» в 1999 г. Дюк говорил, что «симпатия к меньшинствам порой доходит до безрассудства». Он возмущался «атакой СМИ на традиционную европейскую цивилизацию» и заявлял о враждебности «финансово-политического руководства США» Америке и миру. Отвергнутый американской элитой, теперь он любит говорить о «еврейско-нацистских предателях в Правительстве США, которые продали Америку Израилю», и использует понятие «иностранный власть», что является эвфемизмом «сионистского оккупационного правительства». Отбрасывая свою прежнюю риторику ненасилия, теперь он заявил, что «мы стоим перед необходимостью революции», а «революция должна опираться на силу». Разумеется, в риторике Дюка эта революция будет нацистской. Правда, теперь он любит говорить о «еврейском нацизме». Тем самым, круг замыкается, и, отметив свой полувековой юбилей,

Дюк снова возвращается к неонацистским привязанностям своей юности. Например, он утверждает, будто нападение 11 сентября 2001 г. инициировали евреи.

Все же Дюк стремится держаться в рамках аргументации, выработанной Новыми правыми, и «политкорректно» говорит о стремлении «защитить свою культуру, свое наследие, свою самобытность». Участвуя в форуме «Арктогеи» 16 марта 2001 г., он заявил, что им движет не ненависть к другим, а любовь к своей стране. Однако, когда он утверждает, что евреи будто бы всячески пытаются превратить белых в хорошо управляемое меньшинство, им движет вовсе не любовь, а ненависть, и его стремление отмежеваться от антисемитизма повисает в воздухе. Когда же он рисует гипотетическую картину захвата чеченцами власти в России и уничтожения ими русских культурных традиций и «христианской цивилизации», это выглядит не только как безответственное вмешательство в дела другой страны, но и как возбуждение межэтнической розни.

В 2001 г. книга Дюка, так и не нашедшая спроса на Западе, вышла впервые на русском языке. Автор был счастлив и заявил, что «судьба России будет определять судьбу Цивилизации». После этого книга с успехом продавалась в киоске Государственной Думы РФ, а Дюк совершил турне по российским городам, пропагандируя свое произведение. Тогда радикальная газета «Дуэль», выходящая на палестинские деньги, писала об «этичности и политкорректности» книги и даже рекомендовала ее в качестве пособия российским юристам. Между тем, книга была написана по шаблону, известному со времен «Еврейской Франции» Дрюмона или «Победы иудаизма над германством» Марра. В ней снова рисовалась апокалиптическая картина захвата евреями власти, на этот раз в США (но и об этом когда-то уже писал Г. Форд).

На первой же странице книги Дюк утверждает, что он не антисемит, но тут же дезавуирует это заявление, называя вслед за Г. Фордом и другими антисемитами «самой главной проблемой в мире» вопрос о евреях. По сути, книга основана на намеренно сфальсифицированных фактах или неточностях – здесь и малодостоверные донесения иностранных агентов из России времен гражданской войны (о якобы засилье евреев в советском руководстве), и недоговоренности (умолчание о еврейских погромах в последние десятилетия Российской империи), и искажения (будто Свердлов входил в ЧК), и намеренные преувеличения (о будто бы вековой конфронтации между русскими и евреями). Постоянно называя себя

христианином, Дюк, подобно остальным антисемитам, выискивает факты «преступных наклонностей евреев» в Ветхом Завете, не желая понимать, что эта книга является священной и для христиан, которые именно себя отождествляют с Израилем. Отрицая свой антисемитизм, он винит в антисемитизме самих евреев и приписывает им «коллективную ненависть к неевреям».

Говоря о государстве Израиль, Дюк проявляет полное невежество в отношении существующих там политической системы и этнических взаимоотношений, например, заявляя о том, что «принадлежность к расе является там намного более важной, чем религиозная вера». Точно так же он проявляет невежество в вопросах антропологии, считая, что «любой хороший физический антрополог может подобрать человеческий череп и, основываясь на его характеристиках, быстро идентифицировать расу индивидуума»^{*}. Он не знает того, что за весь период своего существования антропология так и не смогла выработать общепринятой расовой таксономии. Наконец, он просто лжет, навязывая антропологам мнение об «уникальной генетической однородности евреев», а также говоря о том, что будто бы растет «научное подтверждение существования различных рас». Дюк также подхватывает недоказуемую гипотезу, по которой восточноевропейские евреи якобы произошли от хазар.

Он искажает смысл Талмуда, пытаясь с помощью подтасовок выставить его «шовинистическим произведением». Он не хочет понимать, что Талмуд писался в те времена, когда евреи уже жили в диаспоре и часто испытывали к себе враждебность со стороны окружавшего их населения. Не желает он знать и о том, что предписания Талмуда даны для обсуждения, а не для слепого следования им. Мало того, и все другие «факты» Дюк (имеющий историческое университетское образование!) вырывает из исторического контекста и оценивает с точки зрения современных ценностей. То, что евреи когда-то говорили от отчаяния, отвечая на вызов враждебной к ним среды, он трактует как якобы прирожденные высокомерие и ненависть к другим народам. Так что, вопреки его утверждениям, речь должна идти не об «ответной реакции со стороны Христианского мира» на якобы вызывающее поведение евреев, а об ответной реакции евреев на дискриминацию и гонения. Дюк искажает и свою собственную биографию, объявляя себя прилежным христианином едва

^{*} О ненаучности такого подхода см.: Бунак В. В. Раса как историческое понятие // М. С. Плисецкий (ред.). Наука о расах и расизм. М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938. С. 38-40.

ли не с детства. Между тем, многочисленные свидетели это опровергают.

Почитатель Гитлера и «Майн Кампф» теперь заявляет по поводу Холокоста, что будто бы страдания евреев «порождают злость в каждом из нас на тех, кто ответственен за эту резню». Его собственное недавнее прошлое и то, что он далее пишет в книге о Холокосте, заставляют усомниться в его искренности, тем более, что он не устает цитировать антисемита У.Карто и ревизиониста Д.Ирвинга. Его мнение о Холокосте мало изменилось со времени его бесед с Рики, о которых говорилось выше. Он по-прежнему называет его «сказкой» и снова настаивает на том, что «распространенная версия истории Холокоста является сильно преувеличенной». Мало того, он берется защищать ревизионистов как якобы невинных жертв «еврейских сил», и в его книге отрицание Холокоста, по сути, оборачивается оправданием нацизма. И бремя ответственности за Вторую мировую войну он возлагает на «организованное еврейство»!

Не упоминая «Протоколов», Дюк, тем не менее, рисует апокалиптическую картину захвата евреями власти в США, которые, на его взгляд, превратились в придаток Израиля. В завершение книги Дюк развивает свою любимую идею о том, что евреи будто бы стремятся «подорвать Белое превосходство и характер Америки путем стимулирования массовой иммиграции неевропейцев» (как будто США изначально не являлись страной иммигрантов) и что «массовая цветная иммиграция является одним из наиболее эффективных орудий организованного еврейства в их культурной и этнической войне против американцев-европейцев». Он запугивает читателя тем, что на глазах ближайшего поколения «американцы-европейцы станут этническим меньшинством в США».

Ссылаясь на псевдонаучные публикации последних 20–25 лет, он пытается связать культуру с генетикой, создавая новые основания для расистских взглядов. Публично отмежевываясь от своих прежних взглядов и заявляя о том, что нет никакого еврейского заговора по захвату власти в мире, он в то же время искусно подводит читателя к выводу о том, что эта власть якобы уже находится в руках евреев, добившихся этого «на инстинктивном уровне»! В то же время, он не осознает, что, разделяя евреев на «хороших» и «плохих», сам подрывает основы своих «культурно-генетических», а на самом деле расистских, построений. Наконец, утверждение о том, что «наши египетские предки создали пирамиды», раскрывает истинные нацистские

Итак, мы познакомились с группой интеллектуалов, в течение 150 лет определявших траекторию развития антисемитизма. Одни из них знаменовали переход от религиозного антисемитизма к расовому, связанному с эмансипацией евреев в Европе. Другие наметили контуры конспирологического подхода; третьи, не оставляя идеи «еврейского заговора», столь же истово занялись отрицанием Холокоста. Вместе с тем, история антисемитизма показывает, что происходит не столько смена парадигм, сколько кумулятивный процесс, в ходе которого новые схемы становятся все более всеохватывающими и, наряду с новыми идеями, включают в себя весь старый багаж предрассудков и предубеждений. В этой области новое знание никогда не отменяет прежних «достижений», и в этом отношении антисемитизм как идеология ненависти кардинально расходится с наукой, занимающейся поиском истины и отбрасывающей устаревшие догмы. Антисемитские предубеждения имеют устойчивую тенденцию группироваться вокруг единого идейного стержня: согласие с одним антисемитским аргументом почти неизбежно ведет к согласию со всеми остальными. Поэтому-то ученые и говорят об инклюзивности и кумулятивности антисемитской идеологии.

Современная наука ставит крест на расовом подходе, давно утратившем свои рациональные основания. Во-первых, ни один серьезный специалист в настоящее время не станет отождествлять евреев с какой-либо особой расой. Отсутствие единого «семитского» расового типа стало особенно заметно после образования государства Израиль, когда туда съехались евреи из разных частей мира и с удивлением обнаружили значительные различия в своем физическом облике. Еще в конце 1940-х гг. об этом убедительно писал известный американский антрополог М. Херсковиц. И это не удивительно, ибо эмансипация евреев открыла путь к их активному смешению с окружающим населением, и межэтнические браки стали во многих странах едва ли не правилом. Результат этого очевиден для любого, кто посетит современный Израиль. В результате, как это еще более полувека назад было установлено учеными, представление о гомогенности евреев и наделение их стереотипными характе-

источники познаний Дюка в истории человечества, восходящие к концепции Чемберлена.

Книга заканчивается призывом: «Мы не должны отдавать наши свободы и само наше существование евреям или любой другой нации». Речь идет о «борьбе не на жизнь, а на смерть, борьбе, которая необходима нашему народу и всем народам и нациям на Земле». Разве это не звучит призывом к успешному завершению того дела, которое начал Гитлер?

А. Севастьянов сделал из книги Дюка вывод о «всемирной интифаде», правда, надо сказать, несколько преждевременно. Кроме того, он позволил себе пожурить Дюка за нежелание перенять у противника его «секретное оружие». Похоже, он всерьез вслед за Гитлером собирается воспользоваться фальшивыми «Протоколами сионских мудрецов», которые как «секретное оружие евреев» помогли тому во всеоружии подготовиться к «окончательному решению еврейского вопроса». Правда, «евреям» Севастьянов стыдливо собирается противопоставить «демократию, ограниченную по национальному признаку, национал-демократию», а не национал-социализм, однако различия между этими понятиями почему-то остаются им без объяснений! Остается заметить, что эти мысли, озвученные им на страницах «Национальной газеты» (2000, № 8), Севастьянов не осмелился включить в окончательный вариант своего послесловия к книге Дюка. Сегодня расисты и антисемиты стараются сохранять «политкорректность», как это делал Гитлер в 1924–1932 гг.

ристикой говорит не столько о евреях, сколько об особенностях мышления самих антисемитов и расистов. Во-вторых, с начала 1960-х гг. сама концепция биологической расы была поставлена работами генетиков под сомнение, и в настоящее время растет число специалистов, отрицающих деление человечества на какие-либо четко очерченные биологические расы. Наконец, в-третьих, выяснилось полное отсутствие серьезных оснований для предположения о связи физического (антропологического) типа с психологическими характеристиками человека.

Вместе с тем, последнее предположение остается аксиомой для современных расистов. Правда, современный расизм выступает в новом облике и в ответ на антирасистские настроения в обществе и антирасистские законодательства, принятые в ряде стран, проявляет большую рафинированность и выдвигает более изощренные аргументы. Этим он отличается от более грубого и прямолинейного расизма второй половины XIX – начала XX вв. В последние десятилетия особую популярность получил культурный (символический) расизм, настаивающий на необычайной устойчивости культурных ценностей и представлений, якобы в неизменном виде передающихся столетиями от поколения к поколению. Именно в этом контексте стали популярными выражение «генетическая память» и апелляция к «архетипам». Этот новый расовый подход изображает культуру едва ли не генетическим наследием, от которого человек не в состоянии избавиться. Действительно, культура содержит в себе как менее, так и более устойчивые элементы. Но в любом случае она находится в процессе постоянных изменений, адаптируясь к быстро меняющейся окружающей среде, как природной, так и социальной. Поэтому даже кажущиеся на первый взгляд чрезвычайно устойчивыми религиозные верования получают новую интерпретацию и обретают новый смысл. Например, даже отдельные положения богословских трактатов, сформировавшиеся в иную эпоху и звучащие иной раз вызовом для наших современников, если и сохраняются в этих книгах как священное наследие, то либо игнорируются в реальной жизни, либо переосмысливаются современными верующими. Ни о какой «генетике» в этом случае речи не идет. Тем не менее, культурный расизм заставляет своих носителей опасаться «дурного влияния» со стороны иных культур, якобы способного подорвать традиционные ценности и разрушить привычный культурный ландшафт. Впервые выдвинутое когда-то против евреев, это утверждение ныне обращает свое ядовитое жало против самых разных

иммигрантов. Главной идеологемой культурного расизма служит идея «несовместимости культур».

Другой вид современного расизма сохранил свои биологические аргументы, но сегодня говорит уже не о превосходстве белой («арийской») расы, а о защите ее от якобы неминуемого исчезновения. Этот «оборонительный расизм» вызван страхом перед массовой иммиграцией из стран Третьего мира. Однако и он не учитывает современных научных знаний как о культурной динамике, так и о физической эволюции человечества. Давно известно, что никаких «чистых рас» на Земле нет. Смешение происходило всегда и будет происходить, пока живо человечество. Подхваченное расистами и ставшее в их кругах популярным представлением Ж. А. де Гобино о «расовом упадке» в результате смешанных браков относится к донаучному периоду и не опирается на какие-либо научные данные. Расовые представления порождают неразрешимые противоречия, из которых не могут выпутаться их носители. Например, индийцы не относятся в США к «белой расе», хотя, будучи прямыми наследниками индоариев, именно индийцы по языку ближе всего стоят к тем древним «арийцам», которых неустанно прославляют белые расисты. То же самое касается цыган, в силу своих отдаленных связей с индийским миром стоящих ближе к «арийцам», чем белое население Европы и США. Между тем, и германские нацисты, и современные расисты неизменно относили и относят их к категории «неарийцев», обрекая на преследования и дискриминацию.

Опираясь на упрощенными представлениями о культурной действительности, расизм и антисемитизм заразительны и легко усваиваются общественностью. Для нас особую важность представляет германское наследие, ибо немецкая интеллектуальная традиция оказала огромное влияние на российскую. Германский интеллектуальный антисемитизм вырос из неприятия буржуазного общества, воспринимавшегося прямым следствием вторжения «иудейского духа». В XIX в. издержки модернизации в виде златолюбия и корысти, господства бездушного закона и исчезновения патриархальной душевной теплоты зачастую связывались с якобы разъедающим обществом «еврейским духом». Именно в этом смысле антисемиты писали о «еврейской Франции» или «победе иудаизма над германством» и требовали «избавиться от еврейского духа», «убить в себе еврейство». Это был период, когда социологическая наука еще только зарождалась, и у интеллектуалов отсутствовало понимание законов общественного развития. Поэтому все эпохальные тектонические

сдвиги, охватившие общество, они были склонны приписывать какой-то злой антропоморфной силе – будь то заговор масонов или иезуитов или зловредная деятельность евреев. Последнему способствовала эмансипация евреев, внезапно ставших весьма заметными в силу своей высокой социальной активности.

Огромную роль в преодолении сложившихся в XIX в. стереотипов сыграли две новые теории общественного развития. Одна из них была сформулирована К.Марксом, сумевшим с годами отказаться от отождествления модернизации с «еврейским духом» и показавшим, что движение человеческой истории подвержено определенным объективным законам, не связанным с волей отдельных людей или этноконфессиональных групп. По сути, «Капитал» Маркса стал мощным ударом по антисемитизму, разделявшемуся в те годы многими духовными лидерами социализма (Прудоном, Дюрингом, Бакуниным и пр.). Поэтому попытки некоторых современных российских коммунистических лидеров совместить марксизм с антисемитизмом означают интеллектуальную деградацию, определенный откат к домарксовому периоду и стремление создать фантастического гибрида. Между тем, именно немецкое революционное мировоззрение породило то уничижительное понимание термина «жид», которое можно обнаружить у Достоевского. В этом дискурсе термин «жидовство» как набор негативных стереотипов, связанных с бездушной коммерцией, вошел в риторику многих современных российских антисемитов. И именно это иной раз позволяет им отрицать свой антисемитизм, ссылаясь на то, что они якобы отличают «жидов» от «евреев».

Другую теорию предложил М.Вебер, попытавшийся продемонстрировать, что в основе буржуазного общества лежал не столько «еврейский», сколько «протестантский дух». Тем самым, с евреев было снято антисемитское заклятие, и протестанты ощутили самих себя, а не каких-то иноверцев, ответственными за свою собственную судьбу.

Тем временем, бывшие с эпохи средневековья урбанизированным населением, связанным с ремеслом и коммерцией и традиционно тянувшимся к книге и знаниям, европейские евреи действительно смогли успешнее многих других адаптироваться к условиям быстрой модернизации. В отличие от недавних люмпенизированных крестьян, они чувствовали себя вполне комфортно в суеете городской жизни и без большого труда находили себе место в финансовой сфере, прессе и свободных профессиях. Это и создавало у на-

ционалистов впечатление того, что именно евреи получали основные выгоды от модернизации, а, следовательно, более других были в ней заинтересованы. Действительно, в некоторых сферах занятости и бизнеса конкурировать с евреями было непросто.

Радикалы шли еще дальше, видя в модернизации «еврейский заговор» с целью захвата власти над миром. По этой логике, все активные участники модернизации неизменно оказывались «евреями» или «прислужниками евреев», проникнутыми «еврейским духом наживы». Вот где следует искать корни представлений об «ожидовлении» местного доминировавшего населения и призывов к тому, чтобы вытравить из себя «еврейский дух». Однако, когда самый трудный период модернизации был пройден и люди успешно адаптировались к новым условиям жизни, накал антисемитизма пошел на спад. И это лишний раз свидетельствует о том, что антисемитизм вовсе не является постоянной величиной, как его иной раз рисуют.

В русле антисемитского дискурса неизбежно вставал вопрос о том, что делать с самими евреями. Вначале многие антисемиты уповали на их обращение в христианство и ассимиляцию. Именно это они имели в виду, говоря о необходимости покончить с «еврейством». Однако вскоре выяснилось, что, во-первых, далеко не все евреи жаждали стать христианами, а, во-вторых, ассимиляция несколько не уменьшала конкурентоспособности людей еврейского происхождения. Тогда-то антисемиты и задумались о введении более жесткого иммигрантского законодательства с целью предотвращения наплыва новых еврейских масс, а также о депортации местных евреев. В таком контексте стремление «покончить с евреями» получило новое наполнение и уже грозило правовой дискриминацией. Однако, когда выяснилось, что и этим планам не суждено было сбыться, выражение «покончить с евреями» стало пониматься буквально, и едва ли не первым это начал озвучивать Эд. Дрюмон. Вначале речь шла о погромах, причем европейские антисемиты с воодушевлением воспринимали вести о еврейских погромах в царской России и призывали всемерно заимствовать этот опыт. Отсюда было уже полшага до «окончательного решения еврейского вопроса», которое попытались осуществить нацисты. Итак, обнаруживается прямая преемственность между лозунгами «вытравить из себя еврея» (середина XIX в.), «покончить с еврейством» (последняя четверть XIX в.) и «истребить евреев» (первая половина XX в.). При этом, если первоначально выражение «погубить еврея» имело метафорическое значение и означало «вытравить еврейский дух», то его

многократное воспроизведение в десятках и сотнях антисемитских публикациях сделало его тривиальным и ввело в широкий публичный дискурс. В результате его значение снизилось, метафорический план оказался отброшенным, и люди начали понимать его буквально, что и сделало их индифферентными к нацистской пропаганде и общественной практике с ее лозунгом «гибель Иуде».

Стремление «вытравить еврейский дух» нашло свое отражение в спорах о происхождении христианства и Иисуса Христа. Эту дискуссию открыл в начале XIX в. немецкий философ-националист Фихте, поставивший под сомнение связь Иисуса с евреями. С новой силой споры возобновились полвека спустя, когда сформулированная Р. Вагнером идея «арийского христианства» потребовала оторвать Иисуса от евреев. «Научные доказательства» в пользу этого начал усердно подбирать Х. Чемберлен. Такой поворот не обошелся без совсем уж экстравагантных построений. Например, в 1880-х гг. русский агент в Париже Н. Нотович опубликовал некие якобы привезенные из Индии манускрипты, где говорилось о том, что Иисус учился мудрости у гималайских монахов. Это, разумеется, должно было доказать огромную важность «арийского наследия» в сложении христианской доктрины. Позднее писали и о зороастрийских, то есть тех же «арийских», источниках христианства. С тех пор Германия десятилетиями жила призывами к очищению христианства от «иудейского влияния». Одним из тех, кто прилагал максимум усилий для этого, был все тот же Чемберлен. Особую важность такому «очищению» придавали нацисты, и в годы правления Гитлера в Германии даже возникло религиозное учение, получившее название «германского христианства». В свою очередь, в окружении Дрюмона некоторые верили в кельтское происхождение Христа. С тех пор любые попытки пересмотреть еврейское происхождение Иисуса Христа всегда прямо или косвенно носили душок антисемитизма.

Антисемитизм демонстрирует узость националистического или расового стиля мышления, стремящегося прикрывать реальные интересы демагогическими разглагольствованиями о расовых или религиозных ценностях. Вместе с тем, настаивая на необычайно устойчивых стереотипах, такая установка, как это ни парадоксально, легко позволяет переqualифицировать друзей во врагов и наоборот. Утверждавший расовое единство арийцев, предполагавшее и единство их устремлений, Чемберлен был шокирован вступлением Англии и США в Первую мировую войну как противников Германии. Чтобы выйти из этого щекотливого положения, подрывавшего его

концепцию, он заявил о том, что англо-американское общество проникнуто «еврейским духом», якобы вынуждавшим его выступить против «истинных арийцев». Достоевский был не в меньшей мере шокирован участием Англии и Франции на стороне Османской империи в Крымской войне против России. И он не нашел ничего лучшего, как объяснить это упадком там христианства, которое якобы лишь в России сохранилось в своей первоначальной чистоте. Напротив, преемники Дрюмона, легко отделавшись от его германофобии, подчеркивали франко-германское («арийское») единство и в начале 1940-х гг. гордились своим коллаборационизмом. Тем самым, подобного рода авторы видят лишь себя носителями истинных ценностей и не желают признавать, что реальная политика опирается вовсе не на ценности, а на прагматические интересы. Однако расовый подход с его весьма неопределенным представлением о расе легко позволяет такого рода кульбиты, за что этот подход и ценят его последователи.

Иной раз такие авторы пытаются выступать с позиций гуманизма, но он их моментально оставляет, когда речь заходит об империалистических захватах или борьбе с врагами нации. Ведь вовсе не случайно Вагнер призывал к бомбардировке Парижа, Достоевский – к захвату Константинополя, Чемберлен – к бомбардировкам Англии, а недавний миротворец Г. Форд во время Второй мировой войны выпускал военную технику, обслуживая при этом обе воюющие стороны. Тем самым, упрекая евреев в цинизме и двойных моральных стандартах, антисемиты пытаются приписать чужаку, или «расовому врагу», качества, присущие им самим. Это касается, в частности, и стремления к безграничной власти над обществом.

Глубокого понимания еврейской культуры и истории этим авторам не требуется. Мало кто из героев данной книги знал о жизни евреев по своему личному опыту. Достоевский и Чемберлен не поддерживали никаких контактов с евреями, а их мимолетные встречи с теми лишь подкрепляли сложившиеся у них априорные стереотипы. Проработав несколько лет в газете, принадлежавшей еврейскому семейству, Дрюмон затем чурался евреев, как огня. Вагнер держал при себе несколько помощников-евреев, но к ним в его доме относились как к людям второго сорта. Г. Форд ценил профессионалов из евреев, которые помогли ему наладить его предприятие. Поэтому, рискуя подвергнуться резкой критике со стороны более радикальных антисемитов, он был склонен разделять евреев на «хоро-

ших» и «плохих» (по наблюдениям специалистов, в таком случае «хорошими» обычно оказываются знакомые евреи, а «плохими» – все остальные). Что же касается Марра, то он близко знал евреев, и не случайно именно он под конец жизни полностью порвал с антисемитами и попросил у евреев прощения.

Впрочем, наивно полагать, что само по себе более тесное общение с евреями и более глубокие знания об их культуре способны автоматически разрушить антисемитские стереотипы. Специальные исследования показывают, что образы мира, сложившиеся в детстве, отличаются большой устойчивостью, и для людей, зараженных предрассудками, более тесное общение с евреями означает лишь подкрепление уже сформировавшихся стереотипов. Это происходит потому, что из полученной извне информации человек склонен усваивать, прежде всего, ту, которая лучше соответствует его собственной картине мира. В зрелом возрасте эту картину мира оказывается очень нелегко изменить. Как считал Т. Адорно, невозможно скорректировать стереотип, полагаясь на один лишь жизненный опыт.

Любопытно, что эти антисемиты знали плохо не только евреев, но и свой собственный народ. Будучи националистами, все они судили о народе либо по книгам и фольклору (Вагнер, Чемберлен), либо основывались на общении с преступным миром (каторжные впечатления Достоевского, а много позднее – и Гумилева). Народ представлялся им в романтическом образе; они его идеализировали. Это и заставляло их искать источники народных бедствий вовне и истово заниматься поисками врага, которого они склонны были, напротив, демонизировать.

Некоторые из них выросли в неблагополучных семьях или испытывали в детстве нехватку родительской заботы. Это соответствует образу «авторитарной личности», сочетающей в себе готовность подчиняться и преклоняться перед авторитетом с наклонностью к агрессивному и разрушительному поведению. Иными словами, социальная пассивность и чувство беспомощности порождают безответственность, догматическое усвоение моральных и религиозных ценностей, нетерпимость к чужому мнению и склонность к фантазиям и псевдонауке. Такие люди легко поддаются политической пропаганде. Привычка быть исполнителем чужой воли, в свою очередь, вырабатывает привычку во всем полагаться на внешнюю силу, а, следовательно, перекладывать на нее ответственность за все неурядицы и несчастья. Отсюда увлечение поисками внешнего вра-

га. Однако чувство своей собственной слабости заставляет соблюдать определенную осторожность и находить такого врага отнюдь не среди носителей реальной власти, а среди меньшинств, на которые можно безболезненно взвалить вину за свои собственные промахи. Вот почему, как доказывают специалисты, антисемитизм тесно связан с антидемократическими настроениями. Они-то и были в высшей степени характерны для героев данной книги.

В частности, ревизионисты, отрицающие Холокост, сознательно опираются на псевдонаучную аргументацию, и в их работах априорные идеологические штампы доминируют над научной скрупулезностью. Они всецело охвачены идеей «мирового еврейского (жидомасонского) заговора», определяющей их отношение к историческим фактам и их интерпретации. По сути, речь идет о социальной паранойе, характерной для определенных кругов современной интеллектуальной элиты.

В ряде случаев у этих людей отмечались сложности с национальной идентичностью, что ярче всего демонстрирует жизнь Чемберлена. В других случаях речь шла о конкуренции с евреями-профессионалами (Вагнер, Форд) или о метафизических страхах, вызываемых предчувствием такой конкуренции (Достоевский). Любопытно, что, если среди антисемитов XIX в. встречались идейные враги евреев, предпринимавшие титанические усилия для построения своей, пусть и превратной, картины мира и искренне ей верившие, то в XX в. таковых становилось все меньше; среди антисемитов начали преобладать циники и «пожиратели падали», как их называл тот же Адорно, имея в виду использование ими безнадежно устаревшего и давно отброшенного обществом интеллектуального багажа прошлых времен. Он также говорил о снижении их интеллектуального уровня, неумении и нежелании создавать свои оригинальные концепции, что и побуждало их бесконечно воспроизводить отжившие свои идеи и стереотипы.

Между тем, происходящий за последние 15-20 лет рост культурного фундаментализма ведет к возвращению к жизни давно забытых идей и вновь придает им актуальность. Определенное место среди этих идей занимают расизм и антисемитизм, бросающие вызов современному обществу. И обществу ничего не остается, как дать им достойный ответ.

Краткая библиография

М. М. Альтман. Отрицание Холокоста: История и современные тенденции. М.: Фонд «Холокост», 2001.

Ю. Аранович. Любите ли Вы музыку Вагнера? // *Время и мы*, 1986, № 92. С. 137-144.

Х. Бен-Итто. Ложь, которая не хочет умирать. «Протоколы сионских мудрецов»: столетняя история. М.: Рудомино, 2001.

В. Л. Бурцев. В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» – доказанный подлог. М.: Слово, 1991.

Л. Гроссман. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов // *Литературное наследство*, 1934. Т. 15. С. 83-162.

Ч. Дж. Де Микелис. «Протоколы сионских мудрецов». Несуществующий манускрипт, или подлог века. М.: Ковчег, 2006.

Н. Кон. Благословение на геноцид. М.: Прогресс, 1990.

С. Г. Сватиков. Создание «Сионских протоколов» по данным официального следствия // *Евреи и русская революция. Материалы и исследования*. Под ред. О. В. Будницкого. М.: Гешарим, 1999.

В. Стасов. Жидовство в Европе (по Рихарду Вагнеру) // *С.-Петербургские Ведомости*, 2 июля 1869. С. 1-2.

П.-А. Тагиефф. Цвет и кровь. Французские теории расизма. М.: Ладомир, 2009.

М. Шнейдер. Юрий Аранович против Рихарда Вагнера // *Время и мы*, 1986, № 92. С. 145-165.

В. А. Шнирельман. «Цепной пес расы»: диванная расология как защитница «белого человека» // *Верховский А. М. (ред.). Верхи и низы русского национализма*, с. 188-208. М.: Центр-Сова, 2007 (полный вариант – <http://xeno-sova-center.ru/29481C8/9EB7A7E>)

Б. М. Шпотов. «Автомобильный король» и «еврейский вопрос»: антисемитизм Г. Форда // *Вестник Еврейского университета в Москве*, 1997, № 2. С. 46-75.

А. З. Штейнберг. Достоевский и еврейство // *Версты*, Париж, 1928, № 3. С. 94-108.

А. Штильман. Злой волшебник Рихард // *Еврейское слово*, 2009, 27 октября – 2 октября. С. 8-9.

Theodor W. Adorno et al. *The authoritarian personality*. New York: Harper & Brothers, 1950.

Neil Baldwin. *Henry Ford and the Jews. The Mass Production of Hate*. N. Y.: Public Affairs, 2001.

Zygmunt Bauman. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2000.

Taylor Bridges. *The rise of David Duke*. Jackson: University Press of Mississippi, 1994.

Frederick Busi. *The pope of antisemitism. The career and legacy of Edouard-Adolphe Drumont*. Lanham: University press of America, 1986.

Geoffrey G. Field. *Evangelist of race: the Germanic vision of Houston Stewart Chamberlain*. N. Y.: Columbia University Press, 1981.

David J. Goldstein. *Dostoevski et les juifs*. Paris: Gallimard, 1976.

Nicholas Goodrick-Clarke. *Black Sun. Aryan cults, esoteric Nazism and the politics of identity*. New York: New York University Press, 2002.

Jacob Katz. *The darker side of genius. Richard Wagner's anti-Semitism*. Hanover: University Press of New England, 1986.

Deborah E. Lipstadt. *Denying the Holocaust. The growing assault on truth and memory*. New York: The Free Press, 1993.

Dina Porat. *The Protocols of the Elders of Zion: new uses of an old myth* // Robert Wistrich (ed.) *Demonizing the Other: Antisemitism, Racism and Xenophobia*, p. 322-335. Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1999.

Leo P. Ribuffo. *Henri Ford and The International Jew* // Jeffrey S. Gurock (ed.) *Anti-Semitism in America. Part I*, pp. 413-453. New York: Routledge, 1998.

Paul L. Rose. *Wagner: race and revolution*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Douglas D. Ross (ed.). *The Emergence of David Duke and the Politics of Race*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1992.

Gill Seidel. *The Holocaust denial. Antisemitism, racism and the New Right*. Nottingham: The Russel Press, 1986.

Kenneth S. Stern. *Holocaust denial*. New York: The American Jewish Committee, 1993.

Robert S. Wistrich. *Antisemitism. The longest hatred*. London: Thames Methuen, 1991.

Mosche Zimmermann. *Wilhelm Marr: the patriarch of Antisemitism*. N. Y.: Oxford University Press, 1986.

Московское Бюро по правам человека

Московское Бюро по правам человека (МБПЧ) – некоммерческое партнерство, зарегистрированное Московской регистрационной палатой 27 февраля 2002 года.

Бюро по правам человека поддерживает тесные контакты с ведущими неправительственными организациями РФ, аппаратом Уполномоченного по правам человека РФ, Советом по правам человека при Президенте РФ, Государственной Думой РФ, Общественной палатой РФ, Российской академией наук, творческими союзами России, рядом национальных и религиозных организаций.

Бюро по правам человека проводит ежедневный мониторинг по нарушению прав человека в РФ и специализированный мониторинг «Ксенофобия, расовая дискриминация, антисемитизм и религиозные преследования в регионах РФ». Ежедневно Бюро получает десятки сообщений, фотографий, материалов из газет от своих региональных представителей.

Получаемая в ходе мониторинга информация размещается на популярных Интернет-сайтах, в российских и зарубежных СМИ (2000 адресов электронной рассылки). При Бюро работает группа ведущих российских и зарубежных экспертов, журналистов, которые регулярно готовят статьи, рецензии, обзоры для СМИ и правозащитных организаций РФ.

По итогам года выпускается сборник материалов мониторинга. Он направляется в Администрацию Президента РФ, руководителям субъектов Федерации, в Генеральную прокуратуру РФ и Министерство юстиции РФ для анализа ситуации и принятия мер.

Юридическая группа ведет прием граждан, их интересы представляются в судах, оказывается правовое консультирование. Работает «Горячая линия».

Бюро осуществляет культурно-просветительскую деятельность, издательскую программу, регулярно проводятся пресс-конференции, семинары и круглые столы по воспитанию толерантности. Проводятся семинары по совершенствованию работы правоохранительных органов РФ. МБПЧ учредило Всероссийскую Ассамблею общественных сил по противодействию расизму, ксенофобии, экстремизму и терроризму и правозащитный фестиваль «Ради жизни».

Реализуются проекты по правовой защите бизнеса, прав потребителей, развитию гражданского общества в РФ, осуществляется

контроль за соблюдением прав человека на выборах в Российской Федерации.

Бюро выиграло грант Европейской Комиссии на проведение 3-летнего проекта «Организация общественной кампании по противодействию расовой дискриминации, ксенофобии, антисемитизму в Российской Федерации». Исследования МБПЧ регулярно представляются Совету Европы, ПАСЕ, ОБСЕ, ООН, ЮНЕСКО.

Директор МБПЧ, член Общественной палаты РФ, член экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ **Александр БРОД**.

В составе общественного совета Бюро:

Гасан Мирзоев, президент Гильдии российских адвокатов

Алла Гербер, писатель, президент фонда «Холокост», член Общественной палаты РФ

Владимир Илюшенко, политолог, председатель клуба «Московская трибуна»

Евгений Прошечкин, председатель Московского антифашистского центра

Валентин Оскоцкий, секретарь Союза писателей Москвы, главный редактор газеты «Литературные вести»

Леонид Жуховицкий, писатель и публицист

Александр Рекемчук, директор издательства «Пик», профессор Литературного института

Марк Розовский, народный артист России, режиссер

Антон Цветков, председатель попечительского совета Ассоциации «Контркриминал»

Григорий Крошнер, генерал-майор юстиции

Алексей Сурков, генеральный директор клуба «Народный депутат»

Елена Бурлина, доктор философских наук, профессор и другие авторитетные общественные деятели.

Адрес:

115455, Москва, а/я 6, Московское бюро по правам человека

Тел.: 670-69-75, 506-02-24

E-mail: humanrights@list.ru